S Riel
curil

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 9-10

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

Издание газеты „ПРАВДА"

МОСКВА 1931

Цена отд. (двойного) номера—3 руб.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1932 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

10-й ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал выходит под редакцией Покровского М. Н., Адоратского В. В., Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» будет вести неуклонную борьбу на два фронта с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой тт. Деборина, Карева, Стэна и др.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» является действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии общественных и естественных наук, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» об'единяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов диалектиков, систематически выращивая большевистские выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, истории материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономии, статьи по теории советского хозяйства, история социализма, вопросы литературы и искусства в материалистическом освещении, психологии и марксизма, диалектика и естествознание, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

Подписная цена:

На 1 мес.—1 р. 25 к., на 3 мес.—3 р. 75 к., на 6 мес.—7 р. 50 к., на 12 мес.—15 р.

Цена отдельного номера — 1 р. 50 к.

Подписка принимается на почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати при ячейках ВКП(б).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ **№ 9—10** 1931

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо тов. Сталина, решения XVII всесоюзной конференции и философский фронт.

I.

Письмо т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» «О некоторых вопросах истории большевизма» представляет собой документ огромного исторического значения. Это письмо сыграло и в дальнейшем еще сыграет исключительную роль в теоретическом развитии нашей партии и всего Коминтерна. Поднимая на большую принципиальную высоту вопросы истории нашей партии, вопросы международного характера и значения теории и практики большевизма, вопросы истории мирового большевизма, оно имеет огромное значение в партийно-политическом воспитании миллионных кадров коммунизма. Особенно велико значение этого письма т. Сталина в идейно-политическом воспитании н о в ы х п о п о л н е н и й к о м м у н и з м а. В обстановке бушующего мирового экономического кризиса, в связи с обо-

стрением экономического и политического положения в целом ряде стран капитализма мы имеем значительный рост братских коммунистических партий. Наиболее характерно положение в этом смысле в Германии, где коммунистическая партия выросла за последний период на многие десятки тысяч рабочих.

В связи с исключительными успехами социализма у нас, в связи с победоносным завершением фундамента социалистической экономики, в связи с великим планом построения социализма в нашей стране (тезисы о второй пятилетке) мы имеем все усиливающуюся тягу сознательных рабочих и трудящихся в нашу партию. Мы имеем огромный рост комсомола.

Дело партийно-политического воспитания новых пополнений коммунизма как на Западе, так и у нас имеет решающее значение. Письмо т. Сталина является в этом отношении знаменем марксистско-ленинского воспитания в духе революционного марксизма, в духе непримиримости большевизма, в духе великих традиций Маркса, Энгельса, Ленина.

Поскольку история большевизма концентрирует в себе всемирно-исторический опыт, революционную практику и революционную теорию рабочего класса в эпоху империализма и пролетарской революции, постольку это письмо приобретает громадное значение для всего фронта большевистской теории.

Руководящая роль ВКП(б) в деле социалистического строительства в СССР и в мировом революционном движении неразрывно связана со всей историей ленинской партии и ленинизма. Без огромного теоретического и практического революционного опыта большевизма, без последовательной борьбы Ленина и большевистской партии против всех и всяческих извращений марксистской теории и практики невозможна была бы Октябрьская революция, ее победа, установление, укрепление и развитие диктатуры пролетариата в СССР, нынешние огромные успехи социалистического строительства, организация Коминтерна и успехи мирового революционного движения. Ленинизм вырос, окреп, закалился и стал признанной руководящей силой мировой пролетарской революции в неуклонной и всесторонней борьбе как против международного меньшевизма, против каутскианства, против Троцкого, против Парвуса, Люксембург и т. д., так и в борьбе против правого и «левого» оппортунизма в рядах партии. Наиболее подлым и опасным в международном революционном движении был центризм. Линия каутскианства, троцкизма неизбежно вела к полной капитуляции перед открытым и прямым оппортунизмом, перед социал-фашизмом, перед буржуазией. Письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», с исключительной четкостью вскрывшее непримиримую противоположность исторического пути развития революционного большевизма оппортунизму II интернационала, троцкизму, особенно актуально на данном этапе.

Скрытые троцкистские и полутроцкистские элементы, использующие беспечность и гнилой либерализм, «имеющий теперь среди одной части большевиков некоторое распространение», пытаются протаскивать явно троцкист-

ские идеи, пытаются развратить троцкизмом партийные и комсомольские кадры и разоружить их в борьбе за окончательную победу социализма. В своем письме т. Сталин на примере Слуцких и Волосевичей с большевистской беспощадностью разоблачил новые, замаскированные формы борьбы контрреволюционного троцкизма против партии, против Коминтерна. Политическое значение письма т. Сталина заключается в том, что оно мобилизовало внимание всей партии, в частности, работников теоретического фронта, на борьбу с троцкистской контрабандой. В своем письме т. Сталин резко поставил вопрос о повышении большевистской бдительности и партийной воинственности в борьбе с контрреволюционным троцкизмом и оппортунистическими извращениями линии партии, в борьбе с примиренчеством и гнилым либерализмом как в теории, так и в практике.

Слуцкие, Волосевичи и др., отрицающие, что Ленин и партия еще в 1905 г. ставили вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, приписывающие Ленину и партии недооценку опасности центризма, каутскианства до войны, приписывающие Ленину и партии непоследовательность в борьбе с центризмом, клеветнически изображающие февральско-мартовский период революции 1917 г. и т. д., протаскивают идею Троцкого о якобы состоявшемся «перевооружении» Ленина и партии в 1917 г. на основе троцкистской теории «перманентной революции». Троцкистские извращения истории большевизма, на которых контрабандисты и фальсификаторы пытаются поставить воспитание новых кадров партии и шестимиллионного комсомола, могут принести и приносят огромный вред нашей партии, делу социалистического строительства СССР, делу большевизации братских компартий. Решительная и беспощадная борьба против троцкистской и всякой другой оппортунистической обработки истории партии есть борьба за ленинское воспитание кадров, борьба за последовательное проведение генеральной линии нашей партии. Вот почему т. Сталин правильно выдвигает как важнейшую задачу «поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски».

Тов. Каганович на заседании, посвященном 10-летию ИКП, следующим образом ярко характеризовал причины особого внимания троцкистских контрабандистов к истории нашей партии:

«Троцкий находится вне нашей страны. Здесь у нас, в Советской стране, испоганенное, загрязненное, разорванное в клочья рабочим классом нашей страны, опозоренное знамя Троцкого не может никого на свою сторону привлечь и завоевать. Надо подойти к массам с другой стороны, потихонечку, «легальными» методами, иными путями. Надо подойти с фронта истории партии, истории рабочего движения, используя флаг люксембургианства и любую другую маску».

Используя гнилой либерализм некоторых большевиков, троцкистские контрабандисты (Кин, Эльвов и др.) поработали основательно над извраще-

нием истории нашей партии в известном четырехтомнике под редакцией т. Ярославского. Используя ошибки т. Ярославского и прикрываясь его именем, эта «школка троцкистских контрабандистов» извращала в угоду троцкизму ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, клеветнически изображала роль нашей партии в период между Февральской и Октябрьской революциями в 1917 г.

Особенно ярко полное непонимание партийности науки вообще и в особенности истории нашей партии выразил в своем выступлении на фракции историков-марксистов Минц, один из соавторов этого четырехтомника, в своем известном противопоставлении об'ективности политической целесообразности, давая тем самым теоретическое оружие в руки наших врагов. Сущность ленинского понимания партийности науки состоит в том, что подлинный научный об'ективизм органически связан с подлинной революционностью, с решительной борьбой за генеральную линию партии. В своей статье «Против бойкота» Ленин писал: «Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе об'ективного положения вещей и об'ективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами».

В этом отношении письмо т. Сталина в «Пролетарскую революцию» дает нам исключительный образец именно такого подхода к вопросам истории большевизма. Оно соединяет в себе полную научную трезвость в анализе об'ективного хода истории большевизма, его международного значения с революционными задачами эпохи. Противопоставление научной об'ективности политической революционной целесообразности ничего общего не имеет с ленинизмом, идет по линии меньшевистского понимания «об'ективности» науки. Это противопоставление является по своему существу перепевом троцкистского положения о том, что, исходя из политических целей, наша партия якобы извращает действительную историю, которая и есть якобы не что иное, как история «перевооружения» большевизма.

Оценка современного троцкизма, данная т. Сталиным в его письме, «как передового отряда контрреволюционной буржуазии, ведущего борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР»,—целиком и полностью связана с той подлой контрреволюционной ролью, которую играет в настоящий период троцкизм. Еще на XVI с'езде партии т. Сталин говорил, что: «теперь троцкистская группа представляет антипролетарскую и антисоветскую, контрреволюционную группу, старательно осведомляющую буржуазию о делах нашей партии».

По своей злобной ненависти к диктатуре пролетариата, по своим методам борьбы с коммунизмом, по своей социал-фашистской сущности троцкизм в подлинном смысле слова — передовой отряд контрреволюционной буржуазии. Самую гнусную клевету на нашу партию и на ее ленинский Центральный комитет, самую разнузданную и бесшабашную травлю совет-

ской республики поставляет Троцкий для всей буржуазной печати. «Кто дал, — пишет т. Сталин в письме, — контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т. п.? Это оружие дал ей троцкизм...

Кто дал контрреволюционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 г. Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов...

Кто дал контрреволюционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу».

Прямой агентурой классового врага в рядах нашей партии являются все и всяческие уклоны от генеральной ленинской линии партии. Партия добилась величайших успехов в деле социалистического строительства, упорно борясь на два фронта—с правым оппортунизмом как главной опасностью на данном этапе, с «левацкими» загибами, с примиренчеством к ним, разоблачая все формы и виды оппортунизма—от прямого буржуазного перерождения до двурушничества и чисто формального признания генеральной линии партии.

II.

Письмо тов. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» переводит всю работу философского участка на новую, более высокую ступень.

В свете статьи тов. Сталина еще яснее стали итоги философской дискуссии, ее классовый смысл и ее теоретические источники. Неизмеримо глубже, чем это было в дискуссии, поставлены такие вопросы, как коренная противоположность мировоззрения большевизма и II интернационала в самых истоках их развития, философский путь развития Ленина, вся совокупность вопросов ленинского этапа в развитии диалектического материализма как единственного, до конца последовательно-революционного мировоззрения международного пролетариата.

Проведенная под руководством ЦК на философском фронте борьба с механицизмом и меньшевиствующим идеализмом со всей остротой поставила в качестве важнейшей задачи освоение и разработку вопросов ленинского этапа в развитии диалектического материализма. Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. о журнале «ПЗМ» говорит о том, что деборинская редакция журнала «ПЗМ» исходила «из совершенно ошибочной установки, вытекающей из непонимания ленинского этапа как новой ступени в развитии философии марксизма».

Письмо тов. Сталина в журнал «Пролетарская революция» вновь со всей остротой выдвинуло перед философским участком задачу разоблачения

философских путей всего II интернационала, в том числе Плеханова и левых социал-демократов—Меринга, Розы Люксембург, Паннекука, Лабриола и др., и показа международного значения борьбы Ленина за философские основы марксизма на протяжении всей истории большевизма.

В своей брошюре «Об основах ленинизма» т. Сталин следующим образом характеризует работу II интернационала: «Формально во главе II интернационала стояли «правоверные» марксисты, «ортодоксы»—Каутский и др. На деле, однако, основная работа II интернационала велась по линии оппортунизма. Оппортунисты приспособлялись к буржуазии в силу своей приспособленческой, мелкобуржуазной природы,—«ортодоксы» же в свою очередь приспособлялись к оппортунистам в целях «сохранения единства» с оппортунистами, в интересах «мира в партии». В результате получалось господство оппортунизма, ибо цепь между политикой буржуазии и политикой «ортодоксов» оказывалась замкнутой».

У II интернационала, говорит т. Сталин, были «вместо цельной революционной теории — противоречивые теоретические положения и обрывки теорий, оторванные от живой революционной борьбы масс и превратившиеся в обветшалые догмы», вместо революционной политики — «дряблое филистерство, трезвенное политиканство, парламентская дипломатия и парламентские комбинации».

Тов. Сталин вскрывает обстановку, условия, характерные для эпохи II интернационала как периода сравнительно мирного (после Парижской коммуны) развития капитализма, когда противоречия империализма не успели еще вскрыться во всей глубине, когда борьба классов не ставила в порядок дня непосредственно пролетарскую революцию. Коренным образом дело изменилось к концу XIX и в первой четверти XX столетия.

В условиях империализма большевикам «надо было пересмотреть всю работу II интернационала» (Сталин), восстановить подлинно марксистское единство теории и практики, «в огне революционной борьбы масс» надо было очистить марксистское учение во всех его областях от оппортунистического шлака, накопившегося в период сравнительно мирного развития, надо было развить его применительно к новым условиям и задачам мировой истории.

«Честь генеральной проверки и генеральной чистки авгиевых конюшен II интернационала выпала на долю ленинизма» (Сталин), которая и была проведена им по отношению ко всем сторонам марксистского учения. В своих подготовительных материалах к «Государству и революции» Ленин говорит, что «большевики не «казус», они выросли из борьбы с оппортунизмом 1894—1914 гг.». Эта проверка потребовала не только восстановления, очищения, но и дальнейшего развития философии марксизма, его острейшего теоретического оружия — материалистической диалектики.

Для философских позиций II интернационала характерны следующие основные черты: а) отрыв экономической стороны марксизма от политической и обеих этих сторон марксизма от его философской основы, провозглашение и проповедывание в связи с этим лозунгов «долой материализм» и «назад к Канту», соединение марксизма с кантианством, с махизмом, прово-

ведь этического идеализма и т. д., б) отказ от диалектики, якобы являющейся «ловушкой» на пути к истинному познанию, непреодоленным пережитком гегельянщины у Маркса и Энгельса. Отсюда знаменитый лозунг Бернштейна—«долой диалектику». Отсюда преклонение вождей II интернационала перед вульгарным позитивизмом, перед разного рода вульгарно-материалистическими, механистическими теориями. Мировоззрение виднейших «теоретиков» и столпов II интернационала обнаруживало свой насквозь буржуазный от начала и до конца характер. В основе этих извращений философии марксизма лежит разрыв между теорией и практикой, между словом и делом, характерный для II интернационала. „

С наибольшей полнотой и отчетливостью все эти позиции выражены у оппортунистов открытых (например, у Бернштейна). Оппортунисты прикрытые, так называемые «ортодоксы», центристы (Каутский, Троцкий) и в этих вопросах приспособляются к открытым оппортунистам, по существу сдают им все позиции.

Надо отметить, что и левые социал-демократы — Роза Люксембург, Ф. Меринг, Паннекук—в своих философских взглядах не подымаются над общим уровнем II интернационала. Для Розы Люксембург характерны механицизм и идеализм в ее мировоззрении. Ее теория автоматического краха капитализма —яркий образец механистической концепции в области политической экономии. Меринг, дающий в своих исторических, литературных работах отдельные образцы материалистической диалектики, стоит в основном на позициях механического. естественно-научного материализма. Паннекук проповедует «дицгенизм», махистски извращая диалектический материализм.

Борясь со всеми и всяческими формами философского ревизионизма, Ленин одновременно боролся и против грубейших извращений диалектического материализма со стороны Плеханова, которого он в философском отношении выделял среди других представителей II интернационала. Основной порок Плеханова в области понимания им философии марксизма—это отрыв теории познания от диалектики, являющийся следствием разрыва теории и практики, стоящий во внутренней связи с его меньшевизмом в пилитике.

Ошибки Плеханова в области философии не были отдельными, частными ошибками, а относились к основному, главному, к существу диалектического материализма. Не поняв, что материалистическая диалектика и есть теория познания марксизма, Плеханов неизбежно должен был делать грубейшие ошибки и в теории познания, и в логике, и в «об'ективной диалектике», т.-е. в диалектическом учении о развитии природы и общества. И действительно, Плеханов в теории познания становился на фейербаховскую точку зрения и вместе с тем делал уступки кантианству, впадал в агностицизм, борясь против марксистско-ленинской теории отражения, протаскивал иероглифизм. С другой стороны, не поняв того, что законы материалистической диалектики имеют всеобщее значение, являются законами и об'ективного мира и познания, Плеханов наряду с диалектической логикой оставлял логику метафизическую, формальную, как некую самостоятельную область, науку и законы диалектики излагал не как всеобщие законы об'ективного мира и познания, а как «сумму примеров» (особенно это относится к основному

закону диалектики—закону раздвоения единого и борьбе его противоречивых частей). Отсюда — его отрыв логики от эмпирического познания и отрыв познания в целом от практической деятельности, непонимание классового и партийного характера философии.

Вот почему Ленин, выделяя Плеханова из среды других философов, ценил его исторические заслуги в деле пропаганды марксизма, борьбы с идеализмом народников, с откровенным философским ревизионизмом (представители которого вплоть до настоящего времени выступают против целого ряда философских положений Плеханова), вместе с тем всегда критиковал ошибочные философские взгляды Плеханова, отмечая и клеймя все немарксистское и антимарксистское как в его философском мировоззрении, так и в его исторической теории, в его политических установках, последовательно борясь с его меньшевизмом, с его оппортунизмом, с его отрицанием партийности науки, с его меньшевистским отрывом теории от массовой революционной практики, от конкретного знания.

III.

В работе нашего журнала за прошедший период времени допущен ряд ошибок. Письмо т. Сталина, со всей остротой поставившее задачу поднятия на всех участках нашей работы воинствующей партийности, задачу развернутой и углубленной самокритики, задачу пересмотра нашей теоретической продукции под углом зрения выкорчевывания всяких антимарксистских, антиленинских установок, «теориек», ошибок, является знаменем всей нашей работы на теоретическом фронте. Крупнейшей политической ошибкой редакции является помещение на страницах «ПЗМ» статьи Альтера «Борьба за наследство», являющейся явным протаскиванием троцкистской контрабанды. Вот как характеризовал Альтера и его «труды» (работы о Каутском, о Розе Люксембург и т. д.) т. Каганович в своей речи, посвященной 10-летнему юбилею ИКП: «Другой «историк» Альтер, исключенный из партии троцкист, получает возможность выступать в Комакадемии и, подумайте, где... на фракции Общества историков-марксистов при обсуждении статьи т. Сталина. А ему вежливо, либеральничая, отвечают: «Тов. Альтер, видите ли, неправ, он, видите ли, защищает троцкистскую контрабанду, он немножечко ошибается, извращая факты». Но достаточно просмотреть историю этого человека, чтобы знать, что он не контрабандист, а по существу он—самый настоящий контрабандный троцкистский товар.

Исключенный из партии троцкист, получивший трибуну на комфракции, выступает в защиту люксембургианства и заявляет: «люксембургианство слилось с большевизмом». А еще раньше, в 1927 г. он писал, что в 1918 году «люксембургианство превратилось в большевизм». Альтер подхватывает знамя люксембургианства. Оно ему, троцкисту, сейчас нужно, чтоб прикрыться им, как маской».

В статье, которая была помещена в нашем журнале, Альтер писал: «Роза Люксембург никогда не отступала от учения Маркса о крушении ка-

питализма, хотя и об'ясняла его теоретически неверно! (Как можно теоретически неверно об'яснять крушение капитализма и вместе с тем не отступать от учения Маркса, одному аллаху известно. — *Ред.).* Она понимала, что это крушение заложено в самом капиталистическом строе» и т. д.

Вряд ли требуются какие-либо комментарии к этому месту. Альтер явно прикрывается здесь знаменем люксембургианства. В других местах статьи он писал:

«С большевистской непримиримостью и последовательностью боролась она (Роза Л. — *Ред.)* с польским оппортунизмом».

«В чем же великое международное значение Р. Люксембург, ее работ, ее деятельности, в чем то б о л ь ш е в и с т с к о е наследство, которое она нам оставила?» и т. д.

Редакция допустила также ошибку, поместив статью Танхилевич «Об историческом и логическом», в которой в крайне завуалированной форме протаскивается ряд установок меньшевиствующего идеализма без немедленного ответа редакции, разоблачающего эти установки, поместив либеральную об'ективистскую статью Чернышева о Джентиле и эклектическую статью т. Маньковского. Эти ошибки должны послужить уроком для всей дальнейшей работы журнала перед которым стоят столь ответственные задачи в связи с решением ЦК о журнале. Ведя последовательную и решительную борьбу за генеральную линию партии, ведя непримиримую борьбу на два фронта и со всякого рода примиренчеством в области философии, редакция журнала допустила отдельные ошибочные, нечеткие политические и теоретические формулировки как в передовых журнала, так и в статьях, идущих в редакционном порядке.

Только при условии непримиримой борьбы со всякого рода проявлением гнилого либерализма, только при условии беспощадной борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории, только при условии развернутой самокритики, только при условии действительного проведения в жизнь пункта из решения ЦК о журнале, о систематическом выращивании партийно выдержанных кадров вокруг журнала, только при условии широко развернутой коллективной работы мы создадим большевистский теоретический журнал, достойный нашей великой эпохи, мы будем повседневно выполнять и претворять в жизнь завещание Владимира Ильича журналу, данное в его статье «О значении воинствующего материализма», а также указания, данные т. Сталиным в его беседе с бюро ячейки ИКП Ф. и Е., и решение ЦК и «ПЗМ».

IV.

На фоне наших успехов, на фоне проведенной партией борьбы с контрреволюционным троцкизмом, с правым уклоном, с «левацкими» загибами, на фоне развернутого наступления социализма по всему фронту, в том числе и на идеологическом участке, в свете наших решающих побед все более ясными становятся историческая роль и значение вождя нашей партии, вождя мирового пролетариата, теоретика большевизма т. Сталина, развивающего

марксистско-ленинское учение в период развернутого наступления социализма по всему фронту. Тов. Сталин, руководя партией и Коминтерном, во всех своих работах, в том числе в письме «О некоторых вопросах истории большевизма», дает нам, как лучший ленинец, образцы действенного, творческого марксизма. Красной нитью по всем его работам проходит именно такое понимание марксизма, в отличие от оппортунистов разного рода, умерщвляющих марксизм, вынимающих из него его «душу живу», его революционную сущность, сводящих марксизм к догме. Еще на VI с'езде партии т. Сталин, возражая Преображенскому против его высказываний о невозможности победы социализма в нашей стране, говорил: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего» (разрядка наша.—*Ред.).*

Нельзя с большей ясностью выразить существо действенного, творческого марксизма, чем оно выражено здесь т. Сталиным, в применении к вопросам нашей революции, в применении к важнейшему вопросу — к вопросу о возможности победы социализма в нашей стране. Проведение принципиальной грани между догматическим «марксизмом» и марксизмом подлинным является лейтмотивом целого ряда дальнейших выступлений т. Сталина, в которых он касается этих проблем. Особенно надо обратить внимание на статью т. Сталина, посвященную 50-летию со дня рождения Ленина, напечатанную в «Правде» в апреле 1920 г. Там т. Сталин писал:

«Существуют две группы марксистов. Обе они работают под флагом марксизма и считают себя «подлинно» марксистскими. И все-таки они далеко не тождественны. Более того, между ними целая пропасть, ибо методы их работы диаметрально противоположны.

Первая группа обычно ограничивается внешним признанием марксизма, его торжественным провозглашением. Не умея или не желая вникнуть в существо марксизма, не умея или не желая претворить его в жизнь, она живые и революционные положения марксизма превращает в мертвые, ничего не говорящие формулы. Свою деятельность она основывает не на опыте, не на учете практической работы, а на цитатах из Маркса. Указания и директивы черпает она не из анализа живой действительности, а из аналогий и исторических параллелей. Расхождение слова с делом — такова основная болезнь этой группы...

Вторая группа, наоборот, переносит центр тяжести вопроса от внешнего признания марксизма на его проведение, на его претворение в жизнь. Намечение путей и средств осуществления марксизма, соответствующих обстановке, изменение этих путей и средств, когда обстановка меняется,— вот на что главным образом обращает свое внимание эта группа... К этой группе вполне подходят слова Маркса, в силу кото-

рых марксисты не могут останавливаться на том, чтоб об'яснять мир, а должны итти дальше с тем, чтоб изменить его. Имя этой группы — большевизм, коммунизм».

Нужна ли более четкая, более ясная характеристика для работ самого т. Сталина? Взять ли его выступление на конференции аграрников-марксистов, где была поставлена задача ликвидации кулачества как класса, взять ли речь на совещании хозяйственников — 6 исторических условий, и т. д.,—все это образцы «претворения в жизнь» учения марксизма-ленинизма, все это образцы «намечения путей и средств осуществления марксизма, соответствующих обстановке, изменение этих путей и средств, когда обстановка меняется».

Много раз возвращается т. Сталин к вопросу о действенном характере марксистско-ленинского учения — в борьбе с троцкизмом, с «цитатным марксизмом» зиновьевско-каменевской оппозиции, с бухаринской схоластикой и т. д. Приведем здесь еще только одно место.

«Что такое марксизм? Марксизм есть наука. Может ли сохраниться и развиваться марксизм как наука, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет переваривать этот опыт с точки зрения марксизма, под углом зрения марксистского метода? Ясно, что не может.

Не ясно ли после этого, что марксизм требует улучшения и обогащения старых формул на основе учета нового опыта при сохранении точки зрения марксизма, при сохранении его метода, а Зиновьев поступает наоборот, сохраняя букву и подменяя буквой отдельных положений марксизма точку зрения марксизма, его метод.

Что может быть общего между действительным марксизмом и между подменой основной линии марксизма буквой отдельных формул и цитатами из отдельных положений марксизма?» («Об оппозиции», стр. 50).

Только понимая всю действенность марксистско-ленинского учения, только исходя из его непримиримой борьбы с догматическим «марксизмом», с «цитатным марксизмом» можно понять все значение письма т. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма».

V.

Решения XVII всесоюзной партийной конференции войдут в историю нашей партии, в историю мировой борьбы пролетариата против капитализма как крупнейшая историческая веха. План построения социалистического общества, конкретный план «окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще», конкретный план «полного уничтожения причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, и преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращения всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества»,—этот план представляет собой

документ исключительного значения. То, что было провозглашено впервые на почве научного коммунизма вождями рабочего класса Марксом, Энгельсом в «Коммунистическом манифесте» в 1847 г., то, за что боролись и гибли целые поколения революционных борцов пролетариата в течение десятилетий, то, что являлось знаменем нашей партии, знаменем Ленина в великие октябрьские дни,—теперь под руководством т. Сталина непосредственно, конкретно осуществляется. Решения XVII конференции вызывают новую волну трудового энтузиазма и под'ема в широчайших массах рабочих и колхозников нашего Союза, в угнетенных капитализмом трудящихся на Западе и Востоке, новую волну революционной энергии в борьбе с капитализмом. Решения конференции означают наше вступление в новый этап периода развернутого социалистического наступления, в новую полосу нашего развития.

Генеральная линия нашей партии, получившая свое выражение в решениях конференции, означает вместе с тем исключительное торжество, триумф марксистско-ленинского учения, его прогнозов, его правильности, его всесилия.

Решения XVII всесоюзной конференции поднимают ряд существеннейших вопросов, связанных практически с окончательным уничтожением классов. Как пойдет дальше процесс ликвидации классов? В каких формах будет продолжаться классовая борьба во второй пятилетке? Не несет ли вторая пятилетка ослабления борьбы с оппортунизмом и уклонами в партии? Эти вопросы имеют огромное политическое и принципиальное значение, ибо уже сейчас кое-кто пытается протащить правооппортунистическую теорию потухания классовой борьбы и мирного врастания кулака в социализм в завуалированной форме, форме тезиса о том, что после 1932 г. наступит плавный ход развития. С другой стороны, «левый» оппортунизм, проявляющийся сейчас в антисередняцких перегибах, в пренебрежительном отношении к задаче организационно-хозяйственного укрепления колхозов, в защите уравниловки и обезлички, потребует решительной борьбы со стороны партии против «левацких» заскоков и во второй пятилетке.

На все эти вопросы решения конференции дают исчерпывающий принципиальный ответ. В решениях конференции сказано:

«Это означает, что и в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы в отдельные моменты и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки, что вместе с тем подчеркивает неизбежность сохранения, а в некоторых случаях и усиления буржуазных влияний на отдельные слои и группы трудящихся, неизбежность еще в течение длительного времени проникновения чуждых пролетариату классовых влияний в среду рабочих и даже в партию. Ввиду этого перед партией стоит задача укрепления пролетарской диктатуры и дальнейшего развертывания борьбы с оппортунизмом и особенно с правым уклоном как с главной опасностью на данном этапе».

Для всякого, мало-мальски знакомого с учением марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата, известно, что уничтожение классов не может происходить иначе, как в форме самой ожесточенной классовой борьбы, что формы классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата меняются, но что

никакого движения к бесклассовому обществу без и вне классовой борьбы быть не может. Поэтому вплоть до полного уничтожения классов вообще в нашей стране будет происходить в разных формах ожесточенная классовая борьба. Это надо иметь особенно в виду, поскольку вместе с тем мы находимся в окружении капитализма, поскольку ленинский вопрос «кто—кого» перенесен на международную арену. Классовая борьба не может прекратиться или потухнуть вплоть до окончательного уничтожения всякого классового господства. «Уничтожение классов в процессе ожесточенной классовой борьбы» — это противоречиво, но это отражает действительную диалектику общественных отношений, об'ективную диалектику борьбы за социализм.

Тов. Сталин на XVI с'езде в своем докладе превосходно выясняет эту диалектику движения к бесклассовому обществу, разбирая вопрос о государстве. Так, он писал: «Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это «противоречиво». Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненное и оно целиком отражает марксову диалектику».

Особое значение во вторую пятилетку приобретают вопросы борьбы с капиталистическими пережитками, вопросы коммунистического воспитания, внедрения новой трудовой дисциплины, превращения всех трудящихся в сознательных строителей социалистического общества. В своем конспекте брошюры «О диктатуре пролетариата» Ленин в главе «Диктатура пролетариата как новые формы классовой борьбы пролетариата» намечает пять форм классовой борьбы. Восьмой пункт этой главы гласит: «Воспитание новой дисциплины.

а) Диктатура пролетариата и профессиональные союзы.

б) «Коммунистические субботники».

в) Очистка партии и ее роль.

г) Премии и сдельная оплата».

Этот пункт, посвященный вопросу о воспитании новой дисциплины как определенной формы классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата, имеет исключительное значение как раз для понимания наших задач в процессе реализации второй пятилетки. Роль и значение профессиональных союзов как школы коммунизма на данном этапе, роль социалистического соревнования и ударничества как социалистических форм труда, борьба за хозрасчет, борьба с уравниловкой, за премиально-сдельную оплату труда и, наконец, против уклонов—выражены в этом ленинском конспекте, относящемся к 1919/1920 г., с полнейшей ясностью.

В других своих работах Ленин неустанно подчеркивал роль и значение новых форм труда как важнейшего признака новой общественной формации, а также и то, что эти формы труда, новая дисциплина достигаются лишь в результате упорной классовой борьбы. «Коммунизм,—писал он в «Великом

почине», — есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, об'единенных, использующих передовую технику рабочих.

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, об'единенных сначала в одно социалистическое государство, а потом в Союз советских республик».

Письмо т. Сталина и решения XVII всесоюзной конференции органически связаны друг с другом. Эти решения, т.-е. конкретный план великой работы построения социалистического общества, представляют собой лучший итог, замечательное резюме для настоящего периода всей истории нашей партии, всей истории большевизма. Только благодаря непримиримой, последовательной до конца борьбы с оппортунизмом на протяжении всей истории большевизма, только благодаря этому наша партия смогла одержать такие гигантские победы, какие она одержала, только благодаря этому она смогла подойти к постановке тех задач, которые даны в решениях конференции. Письмо т. Сталина, приковавшее внимание всего международного пролетариата к истории большевизма, к истории его борьбы с оппортунизмом, социал-оборончеством, социал-фашизмом и к истории борьбы на два фронта с оппортунизмом внутри партии, именно в свете решений XVII всесоюзной конференции приобретает особый смысл. Как письмо т. Сталина, так и решения XVII конференции ВКП(б) будут поднимать все новые и новые силы международного пролетариата за полную победу над капитализмом, за торжество мировой пролетарской революции.

Решения XVII всесоюзной конференции ставят перед работниками философского участка теоретического фронта ряд важнейших задач. Эти решения, дающие образец творческого единства теории и практики, образец ленинского применения материалистической диалектики к современной обстановке, поднимают важнейшие теоретические и практические проблемы ликвидации классов вообще, ликвидации капиталистических элементов и пережитков в сознании, вопросы идеологии и т. д. На эти вопросы должны быть направлены все наши силы, вся наша теоретическая работа.

Ленин и философская дискуссия 1908—1910 гг.

П. Юдин.

(Предисловие к протоколу совещания расширенной редакции „Пролетария“ от 23/VI 1909 г.)*

Одним из коренных положений марксизма является учение о единстве теории и практики. Это единство состоит в том, что практика является исходным и решающим моментом в определении содержания всякой теории. Маркс в тезисах о Фейербахе писал, что вопрос о действительности нашего познания—не теоретический, а практический вопрос. Там же он писал, что философы до сих пор так или иначе об'ясняли мир, но дело состоит в том, чтобы его изменить. Эту точку зрения Маркс, Энгельс и Ленин проводят решительно во всех вопросах, во всей своей теоретической деятельности. «Капитал» Маркса был ответом на насущные запросы революционного движения пролетариата. Маркс, открыв в «Капитале» законы капиталистического общества, указал реальный путь борьбы пролетариата, путь, по которому надо итти, чтобы свергнуть капиталистический строй и построить социализм. «Анти-Дюринг» также является ответом на практические запросы революционного движения пролетариата второй половины XIX века. Среди немецких социал-демократов в это время сильно было влияние вульгарного материализма, позитивизма, проповедуемого Дюрингом. Дюринг, выступив против учения марксизма, старался заменить его буржуазным позитивизмом. Энгельс, выступив против Дюринга, разоблачив ненаучное и враждебное пролетариату содержание его учения, вместе с тем дал обоснование коренных вопросов философии марксизма. Подобно Марксу и Энгельсу, Ленин всю свою теоретическую деятельность теснейшим образом увязывал с насущными, коренными задачами пролетарского революционного движения. Каждое его теоретическое произведение есть вместе с тем ответ на очередные задачи, выдвигаемые ходом революционной борьбы пролетариата. Так например, «Что такое друзья народа» было ответом народникам, пытавшимся обосновать с точки зрения мелкобуржуазных суб'ективистско-идеалистических позиций свои взгляды на «судьбы России».

«Развитие капитализма в России» Ленина является обоснованием марксистско-ленинской точки зрения на пути развития капитализма в России. В этой замечательной работе Ленин дал исчерпывающий анализ развития экономики и классовых отношений в России второй половины XIX в. Исходя из этого анализа, большевики строили свою политику и тактику в

*) Статья т. Юдина, протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария» и комментарии к ним К. Остроуховой, публикующиеся одновременно в журнале «Литературное наследство» № 1 за 1932 г., представлены нам редакцией указанного журнала. Протоколы печатаются с разрешения ИМЭЛ.—Ред.

революцию 1905 г. Величайшее философское произведение Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», которое может быть поставлено в один ряд с такими творениями основоположников марксизма, как «Нищета философии», «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах» и др., имея большое международное значение, вместе с тем является ответом на коренные требования революционного движения в России после революции 1905 г.

Маркс, Энгельс и Ленин к вопросам философии всегда подходили с пролетарской точки зрения. Партийность теории, партийность философии диалектического материализма—всегда было их руководящим принципом. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин писал, что новейшая философия так же партийна, как две тысячи лет тому назад. Еще раньше, в период борьбы со струвизмом, Ленин говорил, что марксист не ограничивается об'ективистским констатированием фактов, а открыто и прямо становится на точку зрения пролетариата и его партии. Марксизм,—писал Ленин,—включает в себя принцип партийности.

В печатаемых здесь впервые материалах совещания расширенной редакции «Пролетария» со всей ясностью вскрывается этот принцип партийности теории.

После разгрома революции 1905 г., в эпоху жесточайшей царской реакции, когда основные организации пролетариата—партия, профсоюзы—были загнаны в подполье, лучшие представители рабочего класса ссылались на каторгу, сажались в тюрьмы, отправлялись на виселицу, в среде социал-демократии, в менее устойчивой ее части, начинается политический и идейный разброд. В статье «Наши упразднители» Ленин писал: «время общественной и политической реакции, время «переваривания» богатых уроков революции, является не случайно тем временем, когда основные теоретические, в том числе и философские, вопросы для всякого живого направления выдвигаются на одно из первых мест». Там же он писал: «спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, всегда связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением»—иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением. Отрицать «реальность» этой связи могут только ограниченные «реальные политики» реформизма или анархизма» (т. XV, изд. 2-е, стр. 88).

Разгоревшаяся в 1908—1910 гг. философская борьба между Лениным, с одной стороны, и махистами — Богдановым, Базаровым, Луначарским и др.—с другой, была одной из форм проявления классовой борьбы. Богданов на протяжении ряда лет в своих философских работах проводил ревизию философии марксизма с позиций махизма. Богданов ревизовал философию марксизма во всех ее основных вопросах. Он отрицал реальность внешнего мира в противоположность положению марксизма, что внешний материальный мир существует об'ективно и независимо от нашего сознания, утверждал, вслед за Махом, что вне человеческого опыта внешний мир не существует. Философию суб'ективного идеализма Маха Богданов старался облечь в марксистскую фразеологию. Так, например, он говорил, что внешний мир существует в коллективном опыте. Ленин, разоблачая Богданова, говорил, что словечком «коллективный» Богданов пытается подменить марксизм махизмом. Далее Богданов отрицал диалектику марксизма, пытаясь заменить ее своей «организационной наукой», от начала и до конца суб'ективно-идеалистической теорией.

Если раньше до поры до времени Богданов свои философские взгляды не связывал с вопрсcами политики, то теперь он с помощью своей философии начинает обосновывать свои отличные от большевизма политические взгляды Сторонники Богданова—Луначарский, Базаров и др.—более после-

довательно и открыто стали увязывать философию махизма со своими политическими взглядами. Луначарский выступил с рядом статей и книг, в которых пытался по всем линиям теории и политики заменить марксизм махизмом. Суб'ективно-идеалистическая позиция Луначарского в вопросах философии прямо привела его к религиозному мистицизму. Научный социализм и марксизм, марксистскую философию Луначарский подменил религией. Так называемое богостроительство расцветает пышным букетом. Во втором сборнике «Литературный Распад» Луначарский поместил статью, которая была предметом специального обсуждения расширенной редакции «Пролетария». В этой статье Луначарский писал: «Кто есть бог, творящий чудеса? Отец ли наш или сын дух нашего?—говорит старик в «Исповеди» Горького». Луначарский отвечает: «Бог—человечество, цельное социалистическое человечество. Это единственное божество, что нам доступно. Этот бог не родился еще—строится только. А кто богостроители? Конечно, сам пролетариат в первую голову, в тот исторический момент, который мы переживаем... Бог — есть человечество грядущего, строй его вместе с человечеством настоящего, примыкая к передовым его элементам» (стр. 92—93, изд. 1909 г.). В том же году в № 10 журнала «Образование», в статье «Будущее религии» Луначарский писал: «Религия есть чувство связи индивида с высшим началом. Только в чрезвычайной мере оно выявляется в новой религии. С этой точки зрения научный социализм—самое религиозное из всех религий, и истинный демократ—самый глубоко религиозный человек».

Против философии махизма и ее реакционных религиозных выводов, против всей этой мистики, которую стали разводить махисты, Ленин выступил со всей решительностью. Свою критику махизма Ленин увязывает с анализом классовых корней тех реакционных течений и с борьбой против тех политических течений, которые теснейшим и неразрывным образом увязывались с философией махизма. Против махизма выступил и Плеханов. Но характерно, что Плеханов критикует махизм больше и по преимуществу с чисто логической стороны, не доводя эту критику до классовых корней, не вскрывая буржуазной партийности этой философии. Полемика Плеханова против Богданова (см. его письма Богданову) блещет всеми прелестями и остротой плехановского остроумия. Плеханов больше издевается и высмеивает Богданова, чем разоблачает его, не показывая всей реакционности, всей враждебности этой философии пролетариату, не увязывая эту критику с теми основными задачами, которые стояли перед рабочим классом в эпоху жестокой реакции. Оно и понятно,—этого Плеханов сделать не мог, так как сам он не стоял на последовательно пролетарской позиции, хотя в борьбе с ликвидаторством он иногда и приближался к Ленину. Критика Плеханова носит по преимуществу струвистско-об'ективистский характер.

Махисты свои философские взгляды пытались обосновать ссылками на новейшие достижения естествознания. И действительно, тот кризис, в который вступило естествознание в конце XIX и в начале XX вв., те реакционные идеалистические идеи, которые проповедывали буржуазные естествоиспытатели, явились питательной почвой махизма.

Ленин дал всесторонний и глубокий анализ кризиса в естествознании, сделав из этого все необходимые выводы.

Плеханов же совершенно прошел мимо этого кризиса и критику махизма не увязывал с теми течениями в области естествознания, к которым примыкал махизм. По этому поводу Ленин писал: «...нельзя взять в руки литературы махизма или о махизме, чтобы не встретить претенциозных ссылок на новую физику, которая-де опровергла материализм и т. д. и т. п. Основательны ли эти ссылки, вопрос другой, но связь новой физики или,

вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению. Разбирать махизм, игнорируя эту связь,—как это делает Плеханов, — значит издеваться над духом диалектического материализма, т.-е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса» (Ленин, т. XIII, стр. 206).

Меньшевики пытались пришить махизм большевикам, отождествляя махизм с философией большевизма. Так, например, в «Neue Zeit» от 14 февраля 1908 г. в предисловии к статье Богданова «Э. Мах и революция» указывалось, что разногласие между Плехановым и Богдановым становится разногласием меньшевиков и большевиков. Но уже 20 марта 1908 г. в той же «Neue Zeit» была помещена заметка, указывающая, что представители махизма имеются среди меньшевиков и большевиков. В апреле 1908 г. в «Голосе Социал-Демократа» А. Деборин написал специальную статью «Философия Маха и русская революция», в которой доказывал, что большевики—это представители мелкой буржуазии, а философия махизма является теоретическим обоснованием политических взглядов большевиков. Деборин писал:

«Печать суб'ективизма и «волюнтаризма» лежит на всей тактике т. н. большевизма, философским выражением которого является махизм. Махизм — это мировоззрение без мира — в качестве философии суб'ективизма и индивидуализма образует в сочетании с ницшевским иморализмом, дающим оправдание «зла», эксплоатации и проч., идеологический туман, открывающий практические стремления буржуазии. Большевистские философы в «идеологии» своей не переходят за пределы мелкобуржуазного кругозора. Большевистские же стратеги, тактики с их романтическим революционизмом и мелкобуржуазным радикализмом, прилагают на практике теоретические принципы философского нигилизма, в основе которого лежит отрицание об'ективной истины и признание права за каждой личностью определять характер дозволенного и недозволенного, истинного и ложного, доброго и злого, справедливого и несправедливого. Наши махообразные марксисты — сознательные большевики, «осмысливающие» практику и тактику последних. Большевистские же тактики и практики — бессознательные махисты и идеалисты. Об'ективно махизм представляет т. о. на русской почве идеологию революционного радикального слоя буржуазии и в этих пределах знаменует собою прогрессивное явление. По отношению же к марксизму — мировоззрению пролетариата — махизм играет реакционную роль... Бессилие и политическая отсталость мелкой буржуазии заставляют ее искать временных союзников среди других классов населения. Самым же надежным и революционно-последовательным союзником является пролетариат. Но чтобы «расположить» к себе последний в целях хотя бы «диктатуры пролетариата и крестьянства», приходится прибегать к марксистской фразеологии, дающей возможность прикрывать мелкобуржуазную «сущность». Ведь наши эсэры «тоже марксисты», и разве наши махообразные «тоже марксисты» не «тоже суб'ективисты»? Общественное положение мелкой буржуазии характеризуется, как известно, помимо всего прочего, вечной раздвоенностью, которая необходимо отражается в ее идеологии. Поэтому не всегда бывает легко отделить мелкобуржуазную «сущность» от прикрывающего ее тумана марксистской фразеологии («Голос Социал-Демократа» № 4—5, 1908 г.).

Деборин, клевеща на большевиков, по существу сам оправдывает махизм. Он пишет, что махизм на русской почве есть прогрессивное явление, поскольку он отражает идеологию радикальной буржуазии. А так как

Деборин вместе со всеми меньшевиками считал буржуазию, как класс прогрессивной, революционной движущей силой в русской революции, то, следовательно, является прогрессивной и революционной и ее философия.

В отличие от меньшевиков (например, Деборина) Ленин утверждал, что махизм от начала и до конца—реакционное учение, что это—поповщина худшего толка. В 1908 г. в статье «Марксизм и ревизионизм» Ленин со всей определенностью заявляет, что взгляды махистов ни в какой мере не являются взглядами большевиков. В примечании к своей статье Ленин писал: «см. книгу «Очерки философии марксизма» Богданова, Базарова и др. Здесь не место разбирать эту книгу, и я должен ограничиться пока заявлениями, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или в особой брошюре, что все сказанное в тексте про неокантианских ревизионистов относится по существу дела и к тем «новым неоюмистам и необерклианским ревизионистам».

По предложению Ленина в номере «Пролетария» от 26 февраля 1909 г. была помещена заметка, где со всей решительностью указывалось, что махизм—ни в какой мере не является философией большевиков и что махисты имеются и среди меньшевиков (Юшкевич, Валентинов и др.).

Разгоревшаяся драка показала, что только Ленин действительно до конца и последовательно дал всестороннюю критику махизма в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм». Не говоря уже о других меньшевиках, даже Плеханов не проделал и десятой доли всей необходимой работы по разоблачению махизма. В переписке Ленина с Горьким Ленин из года в год неустанно разоблачал махизм. В одном из писем к Горькому Ленин писал:

«За сочинениями Богданова по философии я следил с его энергетической книги об «Историческом взгляде на природу», каковую книгу штудировал в бытность мою в Сибири. Для Богданова эта позиция была лишь переходом к другим философским взглядам. Лично познакомился я с ним в 1904 году, при чем мы сразу презентовали друг другу: я — «Шаги», он — одну свою т о г д а ш н ю ю философскую работу. И я тотчас же (весной или в начале лета 1904 года) писал ему из Женевы в Париж, что он своим писанием сугубо разубеждает в правильности своих взглядов и сугубо убеждает в правильности взглядов Плеханова. С Плехановым, когда мы работали вместе, мы не раз беседовали о Богданове. Плеханов пояснял мне ошибочность взглядов Богданова, но считал это уклонение отнюдь не отчаянно большим... Плеханов смотрел тогда на Богданова, как на союзника в борьбе с ревизионизмом, но союзника, ошибающегося постольку, поскольку он идет за Оствальдом и далее за Махом». И еще: «Вы должны понять и поймете, конечно, что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и вреде известной проповеди, то он обязан выступить против нее. Я бы не поднял шуму, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточником мудрости Базарова, Богданова и К°), что книга их—нелепая, вредная, филистерская, поповская вся от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса. Плеханов в с е ц е л о прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это к о н к р е т н о, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими текстами. И я во что бы то ни стало скажу это п о-с в о е м у».

Л. Троцкий и по настоящее время клевещет на Ленина, утверждая, что Ленин в 1904 году считал взгляды Богданова в области философии правильными и что Ленин не соглашался с оценкой Плехановым Богданова как представителя одной из разновидностей философского идеализма и что только в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин пришел к той же оценке

Богданова, что и Плеханов (см. Троцкий «Моя жизнь», т. I). И в этом вопросе Троцкий целиком стоит на позициях социал-фашизма. Нет особой нужды опровергать подобную меньшевистскую клевету Троцкого на Ленина.

После Маркса и Энгельса только Ленин защищал и дальше разрабатывал подлинные ортодоксальные взгляды марксизма. Каутский, Плеханов и др., выступавшие против того или иного вида ревизионизма, никогда не были до конца последовательными марксистами в области философии. Известно, что Каутский, выступив в 900-х годах против Бернштейна, проявил большое колебание и непоследовательность в этой борьбе. Точно так же Каутский занял неправильную позицию в борьбе с махизмом. В статье «Наши упразднители», когда Потресов пытался ссылкой на Каутского подтвердить, что махизм не враждебен марксизму (Каутский считал, что махизм — частное дело), Ленин писал: «Каутский ошибается в последнем пункте и особенно насчет русского махизма. Это несомненно». А в письме к Горькому от 13 февраля 1908 г. Ленин писал: «Материализм, как философия, везде у них в загоне. «Neue Zeit», самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков».

* * *

В печатаемых ниже материалах совещания «Пролетария» со всей очевидностью вскрывается реакционная сущность философских взглядов Богданова, Луначарского и др., связь этой реакционной философии с антибольшевистскими, антиленинскими взглядами в вопросах политики (отзовизм, ультиматизм) и непримиримая позиция Ленина по отношению к этой реакционной философии. Недаром Ленин придавал большое значение протоколам совещания расширенной редакции «Пролетария» и хотел их опубликовать тогда же. В извещении об этом совещании, напечатанном в приложении к № 46 газеты «Пролетарий» 1909 г., Ленин писал: «Редакция «Пролетария» приложит все усилия, чтобы изготовить и издать возможно более полные протоколы Совещания».

Расхождение Богданова, Луначарского и др. с Лениным как по вопросам политическим, так и теоретическим было настолько значительно, что они создали свой политический центр, каковым явилась организованная ими школа на Капри. Наличие этого раскола с особенной резкостью было выявлено Лениным на заседании расширенной редакции «Пролетария». Ленин говорил:

«Ясно, ведь, что единство во фракции нет, а раскол полный» (см. материалы).

В резолюции расширенной редакции «Пролетария», принятой специально о школе на Капри, указывалось: «Сделанные до сих пор группой инициаторов шаги уже с полной ясностью обнаруживают, что под видом этой школы создается новый центр откалывающейся от большевиков фракции. Расширенная редакция «Пролетария» констатирует, что в связи с разногласиями, обнаружившимися в нашей фракции по вопросам об отзовизме, ультиматизме, отношении к проповеди богостроительства и вообще о внутрипартийных задачах большевиков, в связи с тем, что инициаторами, организаторами школы в NN [на Капри] являются исключительно представители отзовизма, ультиматизма и богостроительства,—идейно-политическая физиономия этого нового центра определяется с полной ясностью. В виду всего этого, расширенная редакция «Пролетария» заявляет, что большевистская фракция никакой ответственности за эту школу нести не может» (т. XIV, стр. 102).

Ленин в письме ученикам Каприйской школы от 30 августа 1909 г. писал: «Во всякой школе самое важное—идейно-политическое направление, лекций. Чем определяется это направление? Всецело и исключительно составом лекторов. Вы прекрасно понимаете, товарищи, что всякий «контроль», всякое «руководство», всякие «программы», «уставы» и проч., все это — звук пустой по отношению к составу лекторов. Никакой контроль, никакие программы и т. д. абсолютно не в состоянии изменить того направления занятий, которое определяется составом лекторов. И никогда и нигде в мире ни единая уважающая себя организация, фракция или группа не возьмется разделить ответственность за школу, направление которой уже предопределено составом лекторов, если это направление враждебное... Посмотрите, далее, на тех лекторов, которых Вы видите сейчас перед собой на Капри. Большевиков среди них нет. Зато все сторонники новой фракции (фракции защитников отзовизма и богостроительства) представлены почти полностью. Я едва ли во многом ошибусь, если скажу, что Вы видите среди каприйских лекторов тт. Максимова (Богданова.—*П. Ю.*), Луначарского, Лядова, Алексинского... Отрицать, что вся эта группа товарищей ведет агитацию против «Пролетария», поддерживая и защищая отзовистов, значило бы насмехаться над известными всем в партии фактами. Отрицать, что остров Капри получил уже известность даже в общей русской литературе, как литераторский центр богостроительства, значило бы издеваться над фактами. Вся русская печать давно уже указала на то, что Луначарский с острова Капри повел проповедь богостроительства; ему помогал в России Базаров. Однородные философские взгляды защищал в десятке русских легальных книг и статей, в десятке заграничных рефератов Богданов» (т. XIV, стр. 118—119).

В прениях на заседании редакции «Пролетария» и в резолюции, принятой о статье Луначарского (напечатанной во втором сборнике «Литературный Распад»), взгляды Луначарского, Богданова, Базарова и др. характеризуются как антимарксистские, порывающие с основами марксизма и по существу реакционные. Далее, течение, представляемое Луначарским, Богдановым, Базаровым и др., характеризуется как форма проявления мелкобуржуазных тенденций в рядах пролетариата.

Защитники Луначарского пытались все дело свести к терминологии. Они говорили, что Луначарский употребляет всего лишь не совсем удачную и не совсем правильную терминологию, от которой его можно заставить отказаться. Но совершенно ясно, что дело было не в терминологии, а в антимарксистской сущности взглядов Луначарского, Богданова и К°.

На заседании расширенной редакции «Пролетария» только Ленин проводил до конца последовательную линию борьбы с махизмом, богостроительством и богоискательством. Характерно, что Томский в этом вопросе проявил прямое примиренчество по отношению к Луначарскому. По одному из важнейших пунктов резолюции, пункту 4-му с поправкой Виктора (Таратуты), что совещание считает правильным напечатание в № 42 «Пролетария» статьи «Не по дороге», воздержались—Градский (Каменев), Власов (Рыков) и Максимов (Богданов).

Проявленное примиренчество со стороны Томского по отношению к Луначарскому, Богданову и др. при решении редакцией «Пролетария» важнейших теоретических вопросов марксизма, имеющих прямое отношение к политическим взглядам отзовизма и ультиматизма, было, конечно, не случайно, как не случайна и неясность в позиции по некоторым пунктам резолюции, проявленная Рыковым. Опубликованные в XVIII Ленинском сборнике материалы (ленинская переписка) показывают, что Рыков, Каменев и др. занимали в ту пору примиренческую позицию в борьбе Ленина на два

фронта—против ликвидаторов и отзовистов. Они в этом вопросе, что особенно ярко проявилось на январском пленуме ЦК в 1910 г., поддержали Троцкого и провели ряд решений в примиренческом духе. Самый факт участия Каменева в сборниках «Литературный Распад», в которых печатались все махисты, также является характерным. «Литературный Распад» об'единял вокруг себя по преимуществу махистов, богостроителей (Базаров, Юшкевич, Луначарский и др.), которые свои реакционные идеалистические взгляды выдавали за ортодоксальный марксизм. Так, например, в предисловии к первому сборнику «Литературного Распада» написано: «Участники предлагаемого вниманию читателей сборника стоят на почве пролетарского мировоззрения в его единственно научной форме—марксизме».

Богданов на совещании редакции «Пролетария» говорил, что «будущее покажет, кто был прав в этом вопросе—Ленин или мы?» И действительно, будущее показало, что Ленин был от начала до конца прав решительно во всех вопросах как теоретических, так и политических. Богданов же со своей реакционной философией все дальше и дальше отходил от революционного движения пролетариата, скатившись окончательно в лагерь врагов пролетариата.

В настоящее время махистские взгляды стали наряду с неокантианством официальной философией социал-фашистов. Такие патентованные «марксисты» II интернационала, как Макс Адлер, не перестают доказывать, что махизм преодолевает «односторонность» марксизма.

Ленинизм во всех вопросах марксизма вносит новое, поднимает марксизм на новую, высшую ступень. Ленин, изучив и обобщив новые закономерности как в области общественных отношений—империализм, эпоха пролетарской революции,—так и в области развития естествознания, переработав весь этот огромный материал с точки зрения материалистической диалектики, тем самым развил и углубил материалистическую диалектику. Законы материалистической диалектики есть не что иное, как отражение законов самого внешнего материального мира, существующего об'ективно и независимо от нашего сознания и отражающегося в нашем мышлении.

После Ленина дело дальнейшей разработки вопросов марксизма-ленинизма вообще и материалистической диалектики в частности находит свое блестящее выражение в работах тов. Сталина. Сталин, во всех своих работах последовательно проводя точку зрения Маркса, Энгельса и Ленина, с исключительной проницательностью и ясностью вскрывает то новое, что дают эпоха социалистического строительства и международная борьба пролетариата. Основные законы материалистической логики, как-то: закон единства и борьбы противоположностей, в работах Сталина получают дальнейшую разработку. Точно так же и другие категории материалистической логики—сущность и явление, возможность и действительность, диалектика всеобщего и особенного—разрабатываются Сталиным в духе ленинских традиций на основе изучения и вскрытия закономерности в самой об'ективной действительности. Письмо тов. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» со всей решительностью ставит вопрос о борьбе за ленинский этап в марксизме, за большевистскую партийность теории и за непримиримую борьбу со всякого рода гнилым либерализмом.

Борьба за ленинский этап на всех участках идеологического фронта является важнейшей задачей. Эта задача точно так же со всей остротой стоит и перед пролетарским литературным движением. Необходимо вплотную приступить к разработке ленинского этапа в области литературоведения. Одним из условий этой работы является непримиримая борьба со всякого рода фальсификацией марксизма-ленинизма и прямой меньшевистско-троцкистской контрабандой. Примером такой контрабанды может служить статья

Добрынина, напечатанная в № 3 журнала «РАПП» «За ленинскую переоценку наследства Плеханова». Добрынин в этой статье пишет, что у большевиков и Ленина не было ясной позиции по отношению к махизму,—«неясность того положения, должны ли все социал-демократы держаться и в области философии взглядов Маркса и Энгельса». Далее Добрынин клеветнически утверждает, что, борясь вместе с Плехановым против махизма, Ленин якобы из «тактических соображений» проводил «отрыв философии от политики, от фракционной борьбы». Это им самим выдуманное обстоятельство Добрынин «об'ясняет» тем, что в этот период якобы еще не было выработано твердое партийное мнение в вопросах философии. Это есть не что иное, как перепев взглядов меньшевиков, проповедывавших в годы реакции то же самое и об'явивших в 1908—1910 гг. Ленина и большевиков махистами!

Напечатание статьи Добрынина явилось грубой политической ошибкой журнала «РАПП», что и было признано самой редакцией со значительным запозданием, после того, как эта статья подверглась критике в партийной печати (см. заявление редколлегии «РАПП» в № 348 «Правды»).

Печатаемый ниже «философский» протокол расширенного совещания редакции «Пролетария» наряду с другими ленинскими высказываниями имеет исключительное значение и для фронта пролетарской литературы. Эти материалы должны служить для наших литературоведов примером того, как по-ленински бороться за чистоту марксизма, за большевистскую партийность в науке, за ленинскую непримиримость ко всем и всяческим отклонениям от мировоззрения марксизма-ленинизма. Проблема ленинского этапа в области литературоведения до настоящего времени не разработана. К этой задаче по существу еще так, как этого требует сам вопрос, не приступлено.

Острота этой задачи об'ясняется еще и тем, что среди работников рапповского движения долгое время было некритическое отношение к плехановским литературоведческим взглядам. Ведь имел же широкое хождение лозунг «за плехановскую ортодоксию».

Развертывающаяся на основе указаний ЦК ВКП(б) перестройка работы РАПП одним из коренных моментов своего содержания должна поставить задачу всестороннего изучения ленинского теоретического наследства и полного преодоления плехановского и деборинского влияния. О необходимости большой критической работы свидетельствуют особо ярко работы т. Либединского (включая и его последние высказывания в печати, см. журнал «РАПП» № 1).

Подлинная большевистская перестройка рядов пролетарского литературного движения возможна только на основе последовательного проведения ленинского принципа партийности науки. Материалы, печатаемые здесь, бесспорно окажут большую помощь всему пролетарскому литературному фронту в том, как надо понимать и как надо проводить этот принцип конкретно, в своей области.

Из неизданных протоколов совещания расширенной редакции „Пролетария".

[23 июня 1909 г.][1]

Собрание переходит к пункту «о богостроительстве».

Градский [Л. Б. Каменев] (докладчик)[2]. Предлагаемая резолюция написана по поводу того, что вопрос о богостроит[ельстве] становится общественным явлением. Эпоха контр-революции всколыхнула тенденции, оживляющие религиозные настроения. Это видно и из рефератов в Петерб[урге], это замечается и в литературе и в писаниях Луначарского[3]. Повышенный интерес к вопросам религии является отражением подавленности духа после подавления революции, подавленности духа, не имеющего сил построить свою линию на почве анализа революционных перспектив. В этой атмосфере ясно выступает подмен большевизма богостр[оительством]. Теперь они уже приравнены друг другу, — говорят уже не о Луначарском], Базарове[4], Горьком, а о большевизме. Мы не должны допустить и тени возможности сравнения «богостр[оительства]» с больш[евизм]ом. Этот вывод сделали уже наши враги. Заслуга ред[акции] «Прол[етария]» заключается в том, что она пошла вразрез с этими настроениями. Задача этого собрания в том, чтобы высказаться вполне определенно по этому поводу. Сваливать в одну реакционную кучу Луначарского] и Мережк[овского][5], Франка[6] и др. невозможно; это большая ошибка, мы должны констатировать, что те — реакционеры, а Луначарский] — только плохой революционер. Для меня важно то, что богостроительство есть скрытая форма борьбы с марксизмом, и Луначарский] дойдет до крайних пределов критики марксизма и тем самым исключит сам себя из партии. Исключить его из партии мы, к сожалению, не можем, но можем исключить из того идейного единства, в котором мы находимся. В своей резолюции мы должны указать на миросозерцание, которое явно противоречит марксизму. И даже если бы Луначарский] взял бы свою терминологию обратно, то это был бы только удачный ход, но не изменение сущности дела. Сущность же эта явно реакционна. Меня удивляет заявление Луна[чарского][7], который не видит никаких целей, кроме корыстных, в помещении статьи «Не по дороге» в № 42 и обвиняет ред[акцию] «Пролетария» в том, что она хватается за всякие разногласия. Ведь это относится не только к нам, но и к Марату [В. Л. Шанцеру][8]. Если я и Марат сошлись на том, что такая статья необходима, то слова о выискивании и раздувании разногласий со стороны Лун[ачарского] неуместны. Заявление его указывает на то, что это пишет человек, посторонний фракции. В 1905 году мы не выступали против религиозных тенденций, мы не могли разбивать настроения; во имя вооруженного восстания, мы должны были это терпеть. И когда в Москве в 1905 г. один рабочий с помощью цитаты из евангелия разбивал противников вооруженной борьбы, мы не возражали. То, что прощать теперь было бы грехом, тогда было необходимостью. Теперь мы должны бороться против

этого. Перенося свою проповедь на политич[ескую] почву, теперь Луначарский] подменяет идеи научного социализма, идею гегемонии пролетариата в демократической революции и присоединения к нему крестьянства — идеей полного слияния социалистического пролетариата и крестьянства. Думаю, что заявление Луначарского] следует напечатать. Читает резолюцию о «б[огостроительств]е»:

I. О богостроительских тенденциях в социал-демократической среде.[9]

«Принимая во внимание, что в настоящее время, когда—в атмосфере упадка обществ[енного] движения рост религиозных настроений в контрреволюционной буржуазной интеллигенции придал этого рода вопросам важное общественное значение и что в связи с этим ростом религ[иозных] настроений делаются ныне и отдельными социал-демократами попытки связать с с.-д-тией проповедь веры и богостроительства и даже придать научному социализму характер религиозного верования,

р[асширенная] ред[акция] «Пролетария» считает нужным заявить: это течение, особенно ярко пропагандируемое в статьях т. Луначарского, как течение, порывающее с основами марксизма и приносящее по самому существу своей проповеди, а отнюдь не одной терминологией *, вред революционной социал-демократической работе по просвещению рабочих масс и что ничего общего с подобным извращением научного социализма большевистская фракция не имеет.

Далее, — констатируя, что это течение является формой борьбы мелкобуржуазных тенденций с пролетарским социализмом-марксизмом и, поскольку оно переходит к обсуждению политических вопросов (как, напр., в статье Луначарского в «Лит[ературном] Рас[паде]», подменяет последний первыми, — расширенная редакция «Пролетария» считает правильным напечатанье в № 42 «Пролетария» ст[атьи] «Не по дороге» ** и предлагает редакции, как и в прежнем, вести решительную борьбу с подобными тенденциями, разоблачая их антимарксистский характер.

II. По поводу протеста т. Максимова [А. А. Богданова][10] в связи со статьей „Не по дороге" в № 42 „Пр[олетария]".[11]

По поводу поданного тов. Максимовым в р[асширенную] ред[акцию] «Пр[олетария]» протеста против помещения ред[акц]ией «Пр[олетария]» статьи «Не по дороге»—протеста, заключающего в себе угрозу расколом—р[асширенная] ред[акция] «Пролетария» считает нужным заявить:

1) что ссылки тов. Максимова на нарушение решения редакции не помещать философских статей на страницах нелегального органа совершенно неосновательны, ибо борьба со всевоз[можными] формами рел[игиозного] сознания и религиозными настроениями, откуда бы они ни исходили ***, является необходимой и одной из очередных задач руководящего органа фракции и стр[аницы] «Пролетария» ни под каким видом не могли быть закрыты для подобной борьбы;

---

*) Приводится окончательный текст с поправкой, внесенной Таратутой (см. конец протокола); первоначальный текст: ...«течение, порывающее с основами марксизма и способное в случае своего распространения принести вред»...

**) Слова: «считает правильным напечатанье в № 42 «Пролетария» ст[атьи] «Не по дороге» — внесены согласно поправке Таратуты (см. конец протокола).

***) Приводится окончательный текст резолюции; слова: «откуда бы они ни исходили» — были вставлены в текст согласно принятой Совещанием поправке А. И. Рыкова (см. конец протокола).—Ред.

2) что подобный протест должен быть рассматриваем как попытка прикрыть богостроительскую пропаганду в с.-д. среде и помешать «Пр[олетарию]» выполнять одну из его задач.

Максимов [А. А. Богданов]. Напоминаю рез[олюцию] редакции «Прол[етария]» по вопросу о нейтральности, вынесенную по поводу запроса Женевской группы [12]. Когда Луначарский] попросил места для об'яснения, ему отказали, основываясь на нейтральности. А потом сочли нужным все-таки напечатать ст[атью] «Не по дороге»; я нахожу, что она тоже относится к области философии. («Настаиваю на включении в протокол сопоставления Луначарского с Фейербахом [13] в докладе Максимова. Ленин»). У Лунач[арского] есть, конечно, злоупотребление религиозной терминологией, хотя он и готов отказаться от нее теперь. Большевистское течение должно, разумеется, отбрасывать те или другие ереси. И если бы у нас была б[ольшевистск]ая конференция, я предложил бы приблизительно след[ующую] резолюцию: Ввиду того, 1) что мы сошли с позиции нейтральности, 2) что нужно выяснить пределы блужданий, 3) что революционная пропаганда нарушается религиозной терминологией, 4) что партия уже пережила борьбу с идеализмом (проповедь абсолютов пережита уже в борьбе с Бердяевым) [14], — необходимо обратить внимание т[оварища] Луначарского] на тот вред, который приносит пропаганда «богостр[оительст]ва» и абсолютов, что то, что он стремится проповедывать, является предметом веры и вместе с тем я высказался бы за предоставление страниц «Пролет[ария]» т[оварищу] Луначарскому] по остальным вопросам.

Теперь отмечу некоторые неточности в словах Каменева, также ведь признающего метафизикой различные абсолюты. Я назвал бы эти неточности тенденциозной амнезией. Базаров никогда не проповедывал «богостр[оительства]», он признавал лишь его прогрессивным в противоположность реакционному богоискательству. Горький также не проповедывал богостр[оительства]. Наоборот, он противопоставил крестьянину-богостроителю рабочего-атеиста. Что касается меня, то меня всегда приводили в негодование всякие религиозные оболочки и выходки Луначарского, но чисто эстетически. Луначарский] хочет великое пролетарское движение втянуть в авторитарные рамки; я против этого всегда протестовал.

Марат [В. Л. Шанцер]. Когда я прочел ст[атью] Луначарского] во 2-м томе «Литерат[урного] Распада», первым движением моим было написать статью против него не для того, чтобы выбросить его за борт партии, а для того, чтобы доказать ему, что ему нужно повернуть от религии к науке, что его проповедь воспитывает пролетариат не в социалистическом духе. Я считаю нужным бороться против этого, потому что тут не только религиозная терминология, а и извращение большевистской идеи диктатуры пролетариата и крестьянства. Мы говорим, что крестьянство должно подчиниться волей-неволей гегемонии пролетариата; а у Луначарск[ого] выходит, что все продукты распада мещанства могут понять истины социализма. Это меня и вызвало на отпор, ибо я в статье видел не научный социализм, а формы мелко-мещанского, утопического, средневекового социализма. Обязанность всякого с.-д. бороться с этим. История моей статьи такова. На собрании ред[акции] было решено печатать эту статью; я не считал возможным скрыть это от т. Максим[ова]; он внес протест, находя печатание этой статьи нарушением нейтральности. Тогда я предложил сообщить всем чл[енам] Б[ольшевистского] Ц[ентра] текст этой статьи, и мое мнение, что здесь нарушения нейтральности нет, а также спросить и их мнение. Сперва это было постановлено, но потом постановление отменено. Тогда я отказался печатать свою статью. Мне кажется, что вопрос об абсолютах не входит в компетенцию этого собрания. Что же касается религиозной терминологии, то я не нахожу, что бороться с ней мы обязаны всегда и всюду. Поэтому, я

считаю нужным внести резолюцию, говорящую не о Лун[ачарском], а о богостроительстве.

Григорий [Г. Е. Зиновьев]. Максимов считает здесь этот вопрос пустяковым. Между тем я должен указать на ту роль, которую играл этот вопрос во фракции и в ред[акции]. Тогда тов[арищ] Максим[ов] грозил нам расколом по поводу этой статьи (читает документ, подписанный Григо[рием], Кам[еневым] и Мар[атом] и протокол собрания ред[акции]). Тогда я остановился перед этой угрозой и думал, что нужно отложить статью. Я признаюсь теперь, что это была ошибка. Тов. Макс[имов]у от этого факта не отказаться. Фактически этот раскол начался тогда, когда вы увидели, что мы дальше терпеть таких шагов не станем. Тогда т. Марат говорил, что мы в плену у богостроителей: говорил, но печатно не выступал. Теперь т. Марат оказался сам пленником богостроителей. Он обрекает себя на то, что и дальше останется пленником. Присоединяюсь к рез[олюции] т. Градского и считаю необходимым опубликовать как заявл[ение] Луначарского], так и заявл[ение] т. Максим[ова] по поводу статьи Луначарского] и разоблачить прикрывателей богостроительства. Заявляю также, что нейтральность была принята не в смысле равнодушия к философским вопросам; это было просто административное постановление редакции не печатать в нелегальной газете философских статей.

Иннок. [И. Ф. Дубровский] [15]. Речь Марата мне очень понравилась, когда он говорил, что в богостр[оительст]ве не может быть нейтральности. Но Максимов не дал ему сделать это. Из слов Марата вытекало бы, что ред[акц]ии «Прол[етария]» нужно вынести одобрение за борьбу против богостр[оительст]ва. Но у Марата вышло иначе. Теперь вы должны высказаться о бого[строительст]ве, но вы должны также обсудить в расш[иренной] ред[акции] «Прол[етария]» и поведение т. Максимова. Максимов говорит, что он наш, а сам мешает нам бороться с бого[строи]телями. Нужно урегулировать дела фракции. Нужно или связать руки Максимову или развязать нас от Максимова (Максимов просит занести в протокол). Иначе работать нельзя.

Щур [Н. А. Скрыпник] [16]. Вопрос о напечатании заявлений Лунач[арского] и Максим[ова] предлагаю перенести в пункт о партийной прессе [17].

По существу присоединяюсь к рез[олюции] Градского. В своих статьях Лунач[арский] обстреливает научный социализм (цитата из «Религия и социализм») [18]. Против этого бороться необходимо. Мы, оставаясь революционными с[оциал] д[емократ]ами, должны сказать, что с таким истолкованием социализма ничего общего не имеем. Рез[олюция] Градского бьет не только по Лун[ачарскому], но и по всем прикрывающим богостроит[ельст]во. В настоящее время мы имеем только издевательское обещание предложить в будущем резолюцию о богостроительстве. Позиция со стороны Макс[имова] осталась та же, с обещаниями считаться мы не можем. Скажите, что вы такое, какой политической позиции вы хотите; куда вы предлагаете нам итти — теперь, а не в будущем.

Томский [19]. Вполне подписываюсь под речью Марата. Жаль только, что он взял свою статью обратно. Остановлюсь на том, что предлагает Инок — на одобрении ред[акции] «Прол[етария]». За что ее благодарить? Ведь это ее обязанность — бороться с бого[строительств]ом. «История религии» Лун[ачарского] писалась в 1908 году, и там сказано между прочим, что «социализму должно быть отведено место в ряду других религиозных систем». Где была тогда ред[акция] «Прол[етария]»? Не одобрение, а порицание за молчание нужно ей вынести. Молчать о Лунач[арском] нельзя, но я не согласен с формой рез[олюции] о Луначарском.

Марат думает, что в рез[олюции] можно указать на пример Лун[ачарск]ого, но прежде всего нужно указать общие основы бого[строительст]ва.

Власов [А. И. Рыков]. В рез[олюции] бого[строительст]во осуждено, как политическое течение, там указаны общие причины, о Лун[ачарском] сказано лишь в скобках. В свое время ред[акция] дала Луначарскому] право ответить. Предлагаю теперь отменить это постановление и никому из бого[строите]лей места в «Прол[етарии]» не давать. Это относится также и к Лун[ачарском]у. Думаю, что наша рез[олюция] удовлетворяет и Мар[ата], и Томского, и Ленина. И надеюсь, что она единогласно будет принята.

Максимов. Существо дела в том, что требуется почва и повод для агитации — и вот вы ее теперь нашли. Будущее покажет, кто во всей этой истории лучше выражает марксизм. Лун[ачарски]й делал глупости (Григ[орий] просит занести в протокол); и впредь может быть будет их делать. Но раскалываться из-за этого не стоит. Дело тут не в негодовании против богостр[оительст]ва и абсолютов, а в теме для агитации. Я надеюсь, что Лун[ачарский] при первой возможности откажется от своей терминологии. Читает заявление:

«Принимая во внимание, что предлагаемая резолюция против богостроительства и пр. исходит не из чистой вражды к религиозным тенденциям, каковые мне антипатичны не в меньшей степени, а может быть и в большей, чем товарищам, внесшим резолюцию, а из стремления обострить организационные конфликты внутри большевизма, с целью закрепить об'явленный теми же товарищами раскол в большевистском течении, — я вынужден воздержаться при голосовании этой резолюции, оставляя за собою право дать затем более подробную мотивировку своего отношения к вопросу». Максимов.

Григорий. Прошу занести в протокол признание Максимовым того, что на него падает вина за то, что Луначарский не воспользовался предоставленным ред[акцией] «Прол[етария]» правом ответить на ст[атью] в № 42, т.-е. что Максимов его убедил не отвечать в «Прол[етарии]».

Каменев*). Максимов запутывал вопрос; вышло так, как будто он ничего не говорил по поводу ст[атьи] Марата. В действительности же он говорил о расколе. Моя резолюция действительно раскольная для тех, кто с нами не согласен по вопросу о бого[строительст]ве. Авторитарное мышление, о к[о]т[о]р[ом] говорил Максим[ов], никакого касательства к делу не имеет. Макс[имов] не имеет права заподазривать Ленина, будто он придирался к Лун[ачарскому]. Сам же Макс[имов] все время молчал и даже запрещал Марату выступать. У вас групповые интересы преобладают над идейными. Вы прикрываете групповые интересы мерами нейтральности и пр. Характер бого[строительст]ва, как течения, противоречит марксизму, А для тех, кто, говоря, что с нами согласен, вместе с тем отказывается от борьбы против бог[остроительст]ва, для тех у нас места нет!

Что касается прикрывательства бого[строительст]ва со стороны Макс[имова], то насчет этого у меня есть документ. Этот документ рассказывает о том, какой характер носила статья Лун[ачарского] в своем первоначальном виде. Вот цитаты из одного частного письма ко мне: «Вышло это по поводу статьи Лун[ачарского] в «Распаде». Он написал «религ[иозную]» статью с массой выходок против «окаменелой догмы», «букварей», «тупой ортодоксии», «программы» и т. п., с проповедью «бого[строительст]ва», «узкого и широкого (!) марксизма» и т. д... Я заявил, что статья не может быть принята, тогда Баз[аров] заговорил о стеснении «свободы мнений» и заявил, что в таком случае он уходит и «Распад» не выйдет. Пришлось пойти на компромисс. Я во всяком случае заявил, что никаких выходок против «ортодокс[ов]», «программы», «букварей» и «немецких брошюрок» не допущу, равно как проповеди «богостроит[ельст]ва», «широкого марксиз-

*) Сверху надпись «Градский». — К. О.

ма» и полемики с Плехан[овым] по поводу «религии». После бесполезных споров и ссор, неоднократной переделки и сокращения статьи удалось сговориться. Я насколько мог постарался вытравить из статьи все пошлости; кое-что осталось, но самое ужасное, кажется, устранено. Посылая свою статью, Лун[ачарский] счел уместным написать мне, что ее читал и одобрил Богданов (!!?) и требовал, чтобы я непременно сообщил об этом Баз[арову]!». Так вот, если нам подают глупость, мы должны выступать резко и открыто. А борьба Макс[имо]ва — это не борьба, а прикрытие. Что же касается терминологии, то вот мнение К. Маркса, писавшего в 1874 г. об этом [цитирует].

Максимов. По поводу статьи Луначарского здесь была прочитана из частного письма ссылка на другое письмо, в котором, будто бы, утверждается, что я одобрил ст[атью] Луначарского в подлиннике, я заявляю, что статью Лунач[арского] я читал и именно тех ее особенностей, о которых идет речь, не одобрил, что высказал Лунач[арско]му прямо, а об означенных письмах понятия не имею.

Власов. По поводу просьбы т. Лунач[арско]го дать ему возможность ответить на страницах «Прол[етария]» на статью «Не по дороге» — расши[ренная] ред[акция] «Прол[етария]» постановляет: состоявшееся раньше постановление узкой редакции о предоставлении ему этой возможности отменить и в просьбе т. Луначарскому отказать. Власов, Григорий. *

Ленин присоединяется к предлож[ению] Вл[асова]. Ясно, ведь, что единства во фракции нет, а раскол полный. (Максимов [просит внести] в протокол: «из речи т. Ленина: «ясно, что единства во фракции нет, а раскол полный». Максим[ов]).

Марат. Откола никакого не произошло. В своем заявлении я только сказал, что уходить с постов не буду. Несмотря на это заявление, я говорил, что работать в партии буду.

Голосуется резолюция Градского о бого[строительст]ве. За основу — за одиннадцать, Максим[ов] воздерживается.

По пунктам:

п[ункт] 1—принимается;

п[ункт] 2—с поправкой Виктора [Таратуты] «не только по терминологии, но и по существу своему» — принимается.

п[ункт] 3—принимается. Иннок[ентий] предлагает вставить одобрение ред[акции] «Прол[етария]» за помещение ст[атьи] в № 42 «Прол[етария]». Отклоняется.

п[ункт] 4 **) с поправкой Виктора: «считает правильным напечатание в 43 «Прол[етария]» — ст[атьи] «Не по дороге» (при этом Градский, Власов и Максим[ов] воздержив[аются]) — принимается.

Резолюция в целом принимается при возд[ержавшемся] Максим[ове].

Вторая рез[олюция] о Лунач[арском]. Принимается поправка Власова после слова «настроения[ми]» вставить: «откуда бы они ни вытекали». Власов.

*) К тексту этого предложения имеются следующие приписки:
«По существу присоединяюсь, внести предлагают по пункту порядка для «Пресса». Георгий Щур.
Предлагают внести сейчас. Донат. Меш[ковский]».—К. О.

**) В тексте резолюции этот пункт как отдельный не выделен, содержание его входит в пункт третий.—К. О.

Поправка Щура («эмпириомонизма, эмпириокритицизма и т. п.») отклоняется *). Григорий при голосовании этой поправки возд[ерживается] с мотивировкой:

«Я воздерживался по поправке Щура («эмпириомонизм» и пр.) отнюдь не потому, что считаю, что из эмпириомонизма не вытекает богостроительство».

Поправка Марата: «выбросить часть абзаца о прикрытии Максимовым богостроительства Луначарского» — отклоняется.

Марат вносит заявление: «Мне приходится голосовать против резолюции ввиду несогласия с последним ее абзацем и отвергнут[ием] моей поправки». Марат.

Томский — заявление: «Принимая первую часть резолюции и будучи не согласен со второй — воздерживаюсь от голосования резолюции в целом. Мих[аил] Томский.

Рез[олюция] в целом принимается 9 голосами против Марата, при возд[ержавшихся] Томском и Максимове.

Предложение Градского: «Б. Ц. постановляет заявление т. Луначарского напечатать с ответом редакции». Каменев. Отклоняется 6 голосами против 3 при возд[ержании] Томского. Предлож[ение] Власова принимается 9 гол[осами] **.

Примечания.

[1] Печатаемый документ является частью протокола третьего заседания Совещания расширенной редакции «Пролетария» (большевистского органа, выходившего с сентября 1906 по декабрь 1909 г. как орган Московского и Петербургского комитетов, Московского окружного комитета, Пермского, Курского и Казанского комитетов, — сначала в Выборге, затем в Женеве и Париже), происходившего с 21 по 30 июня 1909 г. в Париже.

На совещании присутствовали девять членов Большевистского центра: В. И. Ленин, А. А. Богданов (Максимов), В. Л. Шанцер (Марат), Таратута (Виктор), Г. Е. Зиновьев (Григорий), Л. Б. Каменев (Градский), И. Ф. Дубровинский (Иннокентий), А. И. Рыков (Власов), Гольденберг-Мешковский (Вишневский) и три представителя от областей: от Московской области — В. М. Шулятиков (Донат), от Питера — М. П. Томский, от Урала — Н. А. Скрыпник (Щур). Кроме того на совещании присутствовали А. Голубков (Давыдов) — секретарь русского бюро ЦК, а также Н. К. Крупская и А. И. Любимов (Марк), которые вели протоколы совещания.

Вопросы, обсуждавшиеся на Совещании: 1) конституирование собрания; 2) большевистский с'езд или большевистская конференция; 3) отзовизм и ультиматизм; 4) богостроительство; 5) задачи большевиков в партии; 6) задачи большевиков по отношению к думской деятельности; 7) заграничная школа; 8) отчеты цекистов; 9) вопрос о единстве фракции и пр.

[2] Л. Б. Каменев на Совещании расширенной редакции «Пролетария» выступал докладчиком по вопросу о богостроительстве; автор статьи «Не по дороге», помещенной в № 42 «Пролетария» и направленной против богостроительства А. Луначарскго (Подробно биографические сведения о Л. Б. Каменеве см. сочинения Ленина, т. XXVII, стр. 571—572).

[3] В литературе проповедником идей богостроительства в тот период являлся М. Горький. Разбору его повести «Исповедь» и посвящена отчасти упоминаемая в протоколах Совещания статья Л. Б. Каменева «Не по дороге», помещенная в № 42 «Пролетария». Критику богостроительских идей Горького см. в письмах Ленина за ноябрь—декабрь 1913 г. (Ленинский сборник I, стр. 145—151).

Что касается Луначарского, то он проводил богостроительские идеи в ряде статей, помещенных в различных сборниках, — в статье «Двадцать третий сборник,

*) Эта поправка, повидимому, вносилась к последнему абразцу второй резолюции (см. стр. 4) после слов: «как попытка прикрыть богостроительскую пропаганду»... В оригинале поправки рукой Скрыпника (Щура) приписано: «Поправка к поправке Каменева». — К. О.

**) См. выше (стр. 10) предложение А. И. Рыкова «По поводу просьбы т. Луначарского] дать ему возможность ответить на страницах «Пролетария» на статью «Не по дороге».

«Знания» (в сборнике «Литературный Распад», книга II, 1908 г.), в статье «Атеизм» (в сборнике «Очерки по философии марксизма»), в книге «Религия и социализм» и пр. Статья Каменева «Не по дороге» была написана по поводу вышеупомянутой статьи Луначарского во II книге «Литературного Распада».

В этой статье Луначарский считает возможным «облечь научный социализм в религиозную форму», как более «высокую» и вместе с тем более «доступную для понимания полупролетарских масс». «Ищешь бога?—писал он,—бог есть человечество грядущего, строй его вместе с человечеством настоящего, примыкая к передовым элементам» Редакция «Пролетария», помещая статью Каменева «Не по дороге», осудила статью Луначарского как вредную, ничего общего с марксизмом не имеющую. Самое название статьи подчеркивало, что большевикам с проповедью такого социализма «не по дороге». «Вместо того, — писал Каменев,— чтобы осуществлять критическую задачу социализма — разрушать... ту психику, те методы мышления, которые выражаются в поисках бога, Луначарский пытается облечь социализм в такие формы, которые бы этот метод мышления удовлетворили». «Социализм, приспособленный к религиозной психике полукрестьян и этим думающий облегчить «революционное сотрудничество», по-нашему заслуживает того же, что социалистическая политика, приспособленная к тому, чтобы «не запугать либеральную буржуазию».

Решительное осуждение Большевистским центром богостроительства Луначарского побудило последнего сделать попытку оправдаться и «рассеять накопившиеся недоразумения». В особом листке «Ко всем товарищам», изданном им и А. Богдановым в конце 1909 или начале 1910 г., в статье «Несколько слов о моем богостроительстве», он, протестуя против «клички богостроителя», вместе с тем заявляет об отказе от своей «терминологии», как затрудняющей «истинное понимание его идей».

[4] В. Базаров (В. А. Руднев) после раскола на 2-м с'езде РСДРП примкнул к большевикам. В годы реакции отошел от большевиков. Во время войны был интернационалистом, сотрудничал в «Современнике», «Летописи». в 1917 г. — в «Новой жизни». В 1919 г. участвовал в меньшевистском журнале «Мысль», издававшемся в Харькове. В области философии — махист. Важнейшие философские статьи: «Авторитарная метафизика и автономная личность» (в сб. «Очерки реалистического мировоззрения», 1904 г.), «Мистицизм и реализм нашего времени» (в сб. «Очерки по философии марксизма», 1908 г.).

В 1930 г. привлечен по делу контрреволюционной организации меньшевиков-интервенционистов. (См. сочинения Ленина, т. XIII, стр. 355—356).

[5] Д. С. Мережковский—поэт, беллетрист-символист. Автор исторических произведений, из которых наибольшей известностью пользовалась трилогия «Павел I», «Александр I» и «Николай I». После Октябрьской революции — выразитель религиозно-мистических настроений белой эмиграции.

[6] С. Л. Франк — русский философ, проделавший эволюцию от материализма к идеализму. В годы реакции принимал участие в кадетском сборнике «Вехи», в котором была напечатана его статья «Этика нигилизма». В 1922 г. эмигрировал за границу. (См. сочинения Ленина, т. XV, стр. 720).

[7] В этом заявлении, представленном во время первого заседания Совещания, А. Луначарский выставил ряд пунктов с обвинениями редакции «Пролетария» в излишней по отношению к нему придирчивости и поспешности выводов относительно его выступлений, обвинял редакцию «Пролетария» в связи с помещением в № 42 статьи Каменева «Не по дороге» в нарушении прежнего постановления о «философском нейтралитете» и пр. В заключение просил предоставить ему возможность ответить в «Пролетарии» на «практические» придирки редакции, а также «обстоятельно ответить по существу философских вопросов, поднятых в статье в легальной партийной печати».

[8] Марат — В. Л. Шанцер (1867—1911) — большевик, революционер-профессионал. На V с'езде РСДРП был избран в ЦК от большевиков, входил в расширенную редакцию «Пролетария» Написав в начале 1909 г. статью для «Пролетария» «Есть же пределы», направленную против богостроительства Луначарского (опубликована в № 6 «Пролетарской революции» за 1924 г.), он после протеста Богданова, обвинявшего редакцию в нарушении ранее принятого постановления о «нейтральности» по отношению к философским вопросам, взял статью обратно.

На Совещании расширенной редакции «Пролетария» занимал примиренческую позицию по отношению к отзовистам-ультиматистам и богостроителям. Подписал протест против постановления Совещания об исключении А. Богданова из состава редакции «Пролетария»; позднее принял участие в организации отзовистско-ультиматистской группы «Вперед». (См. сочинения Ленина, т. XIV, стр. 613).

[9] Резолюции Совещания: «О богостроительских тенденциях в социал-демократической среде» и «По поводу протеста т. Максимова в связи со статьей «Не

по дороге» (№ 42 «Пролетария») — напечатаны в XIV т. сочинений Ленина, страницы 451—452.

[10] А. А. Богданов (литературный псевдоним А. А. Малиновского) (1873—1928). В 1907 г. выступил с защитой бойкота III Государственной Думы. В декабре 1908 г. был докладчиком от отзовистов на всероссийской конференции (в Париже). В дальнейшем отстаивал ультиматизм и прикрывал отзовизм и богостроительство. Совещание расширенной редакции «Пролетария» отмежевалось от Богданова, сняв с себя ответственность за его политическую деятельность. (См. резолюции Совещания, соч. Ленина, т. XIV, стр. 103).

Под руководством А. Богданова была организована отзовистско-ультиматистская школа на Капри (в Италии), признанная «Совещанием» «центром откалывающейся от большевиков фракции». В декабре 1909 г. Богданов стал во главе ультиматистско-отзовистской группы «Вперед».

Пытался создать собственную философскую систему «эмпириомонизм», встретившую резкую критику со стороны В. И. Ленина в книге «Материализм и эмпириокритицизм». (См. т. XIII сочинений Ленина, стр. 7—295).

С 1913 г. начинает сотрудничать в «Правде», но после отказа поместить его махистскую статью («Идеология») окончательно порывает с большевизмом. (Подробно его биографию см. сочинения Ленина, т. XVII, стр. 755—756).

[11] Приводим отрывок из этого протеста А. Богданова:

«Уважаемые товарищи! Тов. Марат сообщил мне, что редакция «Пролетария» переменила свое решение по вопросу о напечатании статьи против Луначарского в «Пролетарии». Ознакомившись с наличными статьями на эту тему, констатирую, что новое постановление грубо нарушает решения, принятые всей русской частью Б. Ц. зимой прошлого года и всей заграничной его частью в августе. Этими последними постановлениями запрещается всякая полемика по философским вопросам в нелегальных органах фракции и допускается при условии формального равенства сторон в изданиях легальных, напр. сборника типа «Литературного Распада». Попытка обойти решение ссылкою на то, что философская нейтральность не нарушается борьбой против религии, есть явная увертка, потому что в нашей фракции не найдется, я думаю, человека настолько наивного, чтобы смешать философское употребление Дицгеном, Луначарским и некоторыми другими терминов религиозного происхождения с религией в историческом и политическом значении этого слова»... (Листок «Ко всем товарищам», статья А. Богданова «Благочестивая редакция»).

[12] Речь идет об обращении Женевской группы к редакции «Пролетария» о помещении «об'яснительного письма» А. Луначарского в связи с его рефератом, а затем дискуссией в 1908 г. в Женеве на тему «Религия и социализм» (См. листовку-письмо «Ко всем товарищам», статью А. Луначарского «Несколько слов о моем богостроительстве»).

[13] Людвиг Фейербах (1804—1872)—виднейший немецкий философ-материалист (Подробно см. сочинения Ленина, т. XIII, стр. 381—382).

[14] Н. А. Бердяев — философствующий публицист, проделавший эволюцию от марксизма к идеализму, затем к мистицизму. После революции пятого года — один из участников кадетского сборника «Вехи». С 1922 г. — эмигрант. (См. сочинения Ленина, т. XVII, стр. 754).

[15] И. Ф. Дубровинский (Иннокентий) (1877—1913)—в годы реакции работал в редакции «Пролетария» и был участником Совещания расширенной редакции «Пролетария». Участвовал на январском пленуме ЦК 1910 г.; занимал примиренческую позицию, на которой он оставался и в период работы в составе русской коллегии ЦК вместе с А. И. Рыковым, Гольденбергом-Мешковским, Ногиным и Линдовым. (Подробно см. соч. Ленина, т. XV, стр. 687).

[16] «Шур»—Н. А. Скрыпник—в 1905 г. работал в Петербурге как секретарь П. К. и руководитель боевой организации. В 1908—1909 г. работал в Москве и на Урале, откуда и являлся делегатом на Совещание расширенной редакции «Пролетария». С 1909 по 1913 гг. находился в ссылке в Вилюйском округе. (См. о нем соч. Ленина, т. XXIII, стр. 626—627).

[17] Просьба А. Луначарского о напечатании его заявления была отклонена на данном заседании (см. резолюцию А. И. Рыкова, принятую в конце заседания). В пункте «о прессе» разбирался вопрос об отношении Ц. О. («Социал-Демократа») к философским вопросам: была принята резолюция, что представители расширенной редакции «Пролетария» в том случае, если в ЦО станут философские вопросы, «должны занять определенную позицию диалектического материализма Маркса—Энгельса».

[18] Возможно, что Н. А. Скрыпник приводил следующую цитату из книги А. Луначарского «Религия и социализм»: «С новым пониманием подходя к философии Маркса, взвешивая эмоциональный смысл ее, связь ее с мировоззрениями и оценками прошлого, я, в отличие от других товарищей, работающих над дальнейшим

развитием первооснов философии Маркса, осмеливаюсь сказать, что философия эта есть философия религиозная, что она вытекает из религиозных исканий прошлого, оплодотворенных фактом экономического роста человечества, что она дает самое светлое, самое реальное, самое активное разрешение тем «проклятым вопросам» человеческого самосознания, которые иллюзорно разрешались старыми религиозными системами». («Религия и социализм», т. II, стр. 326).

[19] М. П. Томский — участник Совещания расширенной редакции «Пролетария», на котором занимал примиренческую позицию по отношению к А. Богданову. При голосовании резолюции по поводу протеста Максимова (Богданова) в связи со статьей «Не по дороге» Томский воздержался от голосования резолюции, заявив о несогласии со второй ее частью, т.-е. с обвинением Богданова редакцией «Пролетария» в прикрытии богостроительской пропаганды. (Подробно о нем см. соч. Ленина, т. XXVI, стр. 719).

[20] А. И. Рыков (Власов) в годы реакции (в 1910 г.) входил в состав русской коллегии ЦК, при чем в период организационной работы по созыву пленума ЦК (1911 г.) проявил себя примиренцем по отношению к ликвидаторам, пытаясь наладить с ними совместную работу. Переписка В. И. Ленина с А. И. Рыковым, опубликованная в XVIII Ленинском сборнике (стр. 7—35), со всей полнотой вскрывает колебания, которые обнаружил А. И. Рыков в своей практической работе за этот период. (Подробно см. Соч. Ленина, т. XXVII, стр. 588).

Л. Фейербах в освещении меньшевиствующего идеализма и механицизма.

П. Вышинский.

> «Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поблажки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших» направлениях... Поэтому Фейербаха упрекали они за то, что он не провел материализма до конца,—за то, что он отрекался от материализма из-за ошибок отдельных материалистов,—за то, что он воевал с религией в целях подновления или сочинения новой религии,—за то что он не умел в социологии отделаться от идеалистической фразы и стать материалистом».
>
> Ленин (Материализм и эмпириокритицизм, стр. 277).

Основным пороком меньшевиствующего идеализма деборинской группы является отсутствие большевистской партийности, с чем неразрывно связана недооценка Ленина как теоретика и непонимание ленинизма как новой и высшей ступени в развитии теории и практики марксизма. Но при «разворошении» деборинской литературы все более выясняется, что в писаниях этой группы философов имеется недооценка не только ленинизма, но и марксизма. Иначе, конечно, и быть не могло. Недооценка Ленина и ленинизма не может не вести к недооценке Маркса и марксизма, ибо ленинизм есть **марксизм** эпохи империализма и пролетарской революции.

Но что означает «недооценка» ленинизма или марксизма?

Она означает не что иное как **ревизию** революционного марксизма.

Эта меньшевистская ревизия, как мы покажем ниже, идет у нас через слабые стороны Плеханова, Л. И. Аксельрод и других меньшевиков и приводит к механицизму (Тимирязев, Варьяш, Сарабьянов), с одной стороны, и к меньшевиствующему идеализму Деборина и его группы, с другой. Она идет по линии выхолащивания из марксизма-ленинизма его революционно-критического духа и превращения Маркса и Энгельса в либералов, в «легальных марксистов», об'ективистов. Она идет по линии выхолащивания марксистской диалектики и подмены ее «академическим», «беспристрастным» подходом и «очищения» нашего мировоззрения от революционности, классовости и партийности.

Меньшевиствующий идеализм в целом ряде пунктов об'ективно смыкается (и тем самым обнаруживает и лишний раз подтверждает свою сущность) с прямыми проявлениями контрреволюционной меньшевистской идеологии внутри Советского союза и с социал-фашистскими «теориями» II интернационала.

Здесь мы хотим заняться критическим пересмотром вышедшей у нас за последнее десятилетие литературы о Фейербахе поскольку в ней,—укажем на это с самого начала,—проводится принижение марксизма до фейербахизма, т.-е., по существу, ревизия марксизма в форме недооценки вели-

кого дела основоположников марксизма. Надо сказать, что аналогичную недооценку мы имеем не только в области философии. Можно сослаться, во-первых, на меньшевика-вредителя И. Рубина, который причесывал Маркса под Родбертуса и роднил его учение с современной буржуазной вульгарной экономией «социальников» Аммона, Штольцмана, Петри (см. Рубин, Учение Маркса о производстве и потреблении, Архив М. и Энг., кн. V и др. работы). Во-вторых, можно указать на теоретика социал-фашизма, вдохновителя интервенции К. Каутского, также принижающего марксизм до фейербахизма (в одних вопросах), дарвинизма (в других), дюрингианства (в третьих) и т. д.

М. Н. Покровский удачно заметил, что история является «об'яснительной главой к политике». Всякий ревизионизм включает обычно в «программу» также и свою оценку исторического прошлого. Но ревизионистам приходится «творить» историю, извращать и апологетически коверкать факты прошлого для того, чтобы таким образом фальсифицированной «историей» как-нибудь об'яснить и оправдать свою политику. Так обстоит дело и у деборинской группы. Деборинцы недооценивали Ленина как мыслителя и ленинизма как нового этапа в развитии философии марксизма; они не по-марксистски, а идеалистически представляли себе практику и ее роль в теории познания; они снижали критически-революционный дух марксистской диалектики и выхолащивали из марксизма идею большевистской партийности и классовости. Под этим углом зрения они предприняли, для подкрепления принципов своей философской линии, пересмотр истории философии. Они стали ревизовать и фальсифицировать уже сравнительно далекое прошлое—историю возникновения марксизма и диалектико-материалистической философии.

В генезисе марксизма Фейербах сыграл особенную роль, явившись связующим звеном между философией Гегеля и марксизмом. Это обстоятельство обязывает нас не только отдавать Фейербаху должное (некоторые думают, что «отдавать должное»—это значит без меры прикрашивать и хвалить), но и совершенно четко, с особой внимательностью и критически подходя, не замазывая, установить как переход от фейербахианства к марксизму, так и отличие марксизма как особой и несравненно более высокой формы материалистического мировоззрения в сравнении с предыдущими достижениями теоретической мысли.

1. Искажения вопроса о возникновении марксизма в литературе о Фейербахе.

Маркс и Энгельс, а затем Ленин, подчеркивали, что марксизм сложился на основе достижений во всех областях науки и опыта общественных движений (в особенности пролетариата) к середине XIX в. в трех тогда передовых странах — Англии, Германии и Франции. Казалось бы, такое высказывание основоположников марксизма должно кое к чему обязывать наших литераторов, пишущих по истории марксизма. На самом же деле у значительной части из них мы встречаем вульгарное представление о развитии марксизма. Представляют себе дело так, что марксизм воспринял достижения только одной линии (и в одной лишь области—философии)—линии материалистической, а не материалистически переработал всю совокупность человеческих знаний. Плеханов на этом основании назвал марксизм «родом спинозизма». Плеханов считал, что марксизм имеет такую родословную: Демокрит—Спиноза—французские материалисты—Фейербах—Маркс. «Материалистическая философия Фейербаха была, как и философия Дидро, лишь родом спинозизма» (Соч., т. XVIII, стр. 189).

Такой подход к истории марксизма абсолютно неправилен. Это

фейербаховский метод огульного отрицания того положительного, что добыто идеалистической стороной в развитии мысли.

Маркс в «Святом семействе» писал: «Материализм, пополненный теперь тем, что было добыто самой спекуляцией и совпадающий с гуманизмом, навсегда покончит с метафизикой».

Если согласиться с изображением истории по Плеханову, то выходит так: существуют идеализм и материализм, развивающиеся параллельно и независимо друг от друга, и марксизм восприял достижения лишь материалистической струи в развитии философии.

Иначе думал Энгельс. Он считал, что научный социализм ведет свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но и от Канта, Фихте и Гегеля. В связи с этим Энгельс неоднократно указывал, что с возникновением и развитием диалектико-материалистического мировоззрения становятся излишними всякие философские конструкции и системы. Ибо научная философия диалектического материализма восприняла в себя все положительные достижения, сделанные всей предшествующей наукой в целом. Современная идеалистическая философия уже неспособна дать науке какие-нибудь приобретения. Отживает свой век буржуазия, отживает и ее философия. Диалектический материализм как мировоззрение пролетариата, восприняв положительные результаты буржуазной философии (достигшей высшего выражения у Гегеля), ускорил ее конец.

Однако, если Энгельс говорит, что марксизм ведет свое происхождение также и от Канта, Фихте и Гегеля, то «деборинцы» превращают и Канта, и Фихте, и Гегеля в прямых родоначальников марксизма, в последовательных революционеров, диалектиков и почти в материалистов! Их воззрения объявляются составной частью марксизма наряду с спинозизмом или фейербахианством!

«Учение Маркса всесильно, — писал Ленин, — потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX в. в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма». (Ленин, Три источника, разрядка моя — *П. В.*).

Вопреки этому, некоторые «марксисты» мудрствуют насчет всяких иных «синтезов». Диалектический материализм рассматривается (и это тоже идет в основном от Плеханова), как синтез диалектики Гегеля и материализма Фейербаха, а не как критическая переработка того и другого, с самого начала становясь на ложный антимарксистский путь, выделяя из марксизма диалектический материализм как философию, и отбрасывая, забывая остальные «части» марксизма — учение о классовой борьбе и марксистскую политическую экономию, без которых невозможна философия марксизма. Забывают, что «Капитал» Маркса—при нашем понимании философии—есть не только экономическое, но и философское произведение (недаром Ленин говорил о «логике «Капитала»!). Деборинцы находятся в плену предрассудков буржуазных «историков философии», будто, напр., «Тезисы о Фейербахе»—философский фрагмент Маркса, а «Введение в критику политической экономии»—экономический и т. д. В замаскированной форме тут сквозит «вопрос», когда-то задававшийся «легальными марксистами» и нео-народниками, против Михайловского: а что по философии написано Марксом?

Деборин считает, что диалектический материализм (или марксизм) есть синтез материализма и диалектики (гегелевской диалектики). При этом, конечно, упоминается: «поставленной Марксом с головы на ноги». Но это лишь упоминается без всякого выяснения и показа, так что по сути дела выходит, что диалектика попрежнему остается на голове.

До nec plus ultra грубо это же положение выразила Л. И. Аксельрод.

В кн. «Маркс как философ» (Харьков, 1924), составленной из статей, написанных в разное время, но вновь пересмотренных в 1923 г., причем она «к своему удовольствию ничего не нашла в них, что бы требовало изменения по существу» (Предисловие), Л. И. Аксельрод пишет:

«В учении Фейербаха правильно, критическим путем обоснован философский материализм, а в системе Гегеля всесторонне разработана идея развития. Карл Маркс создал высший синтез, выразившийся в сочетании диалектичекого метода Гегеля с материалистической основой познания Фейербаха» (25).

Итак, слагаемые даны: марксизм — их сумма. Как известно, в сумме не может быть того, чего нет в слагаемых.

«С первого взгляда может казаться, — пишет Л. И. Аксельрод в другом месте той же брошюры, — что создание такого синтеза не требовало особых усилий и гениальной мысли (действительно! — *П. В.*), так как оба элемента — материализм и диалектика — находились в готовом виде и были налицо, стоило только их сложить, как слагается арифметическая сумма из данных чисел»... (стр. 10—11, разрядка моя.—*П. В.*). Далее она доказывает то, что перед этим опровергла: что для «сложения» материализма и диалектики нужен был гениальный ум и пр.

Точно так же говорит и С. Семковский: «В известном смысле можно сказать, что... Марксов диалектический материализм явился высшим синтезом философии Фейербаха с диалектическим методом, взятым у Гегеля» (сб. «Памяти Фейербаха», 1922 г., стр. 37—38).

Тов. Семковский, как и многие другие, неясность представлений в этом вопросе прикрывает фразой — «в известном смысле», в то время, как никому неизвестно, в каком именно смысле.

Деборин и его последователи не только не дали отпора Л. И. Аксельрод и другим механистам в вопросе о возникновении марксизма, но и сами занялись тем же искажением истории. Меньшевиствующий идеализм и механицизм соперничали между собой, друг другу наперерыв стараясь доказать, что Маркс только соединил готовые части, чтобы получить философию диалектического материализма. Почти в тех же выражениях, что и Аксельрод, пишет Деборин: «Диалектический материализм представляет собою синтез диалектического метода Гегеля с материалистическим пониманием природы и истории» (Архив Маркса и Энгельса, кн. 1-я, стр. 14). Под последним Деборин имеет в виду Л. Фейербаха.

Выше мы упомянули о том, что принижение марксизма до фейербахизма пошло от Плеханова. Плеханов, испытавший влияние великого русского фейербахианца Н. Г. Чернышевского, имел в своем мировоззрении очень много таких пороков, которыми страдала философия самого Фейербаха. Здесь мы отметим три момента.

Плеханов, как и Фейербах, недопонимал всего огромного значения и места диалектики в теории и практике марксизма. Теперь это не подлежит уже никакому сомнению. Плеханов, как и Фейербах, проглядел в философии Гегеля самое главное. В XII сборнике у Ленина мы читаем: «Разработать: Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц... Из них о большой логике, по поводу нее, ее мысли (т.-е. собственно диалектика как философская наука) ничего!!» (Лен. сб. XII, стр. 223—224, разрядка Ленина).

Плеханов, как и Фейербах, не видел разницы между философским, т.-е. диалектическим, и естественно-научным материализмом. Плеханов по существу отождествлял тот и другой. Отсюда некритическое, примиренческое отношение Плеханова к Сеченову, Мечникову, Менделееву. Плеханов не сумел указать естественно-научному, стихийному материализму путей

развития и под'ема к подлинно-научному, диалектическому материализму. Ниже мы увидим, что Фейербах в свое время также не справился с аналогичной задачей.

Плеханов, наконец, не понимал роли практики и ее существа, определенного Марксом, как «революционная, практическо-критическая деятельность». Плеханов и здесь взял сторону Фейербаха. Он считал даже, что Маркс был неправ, когда упрекнул Фейербаха в том, что тот не понимал «практически-критической деятельности».

Имея столько недостатков, характерных для философии Фейербаха, т.-е. страдая «фейербахизмом», мог ли Плеханов дать верную установку в оценке исторической роли Фейербаха как предшественника марксизма? Конечно, нет! Поэтому мы и видим у Плеханова двойственные и весьма противоречивые заявления по вопросу о соотношении фейербахизма и марксизма.

«Маркс и Энгельс, — писал Плеханов, — н а в с е г д а о с т а л и с ь, вообще говоря, единомышленниками Фейербаха в вопросах философии собственно так называемой» (Соч., т. XVIII, стр. 179).

«Гносеология Маркса, — пишет Плеханов, — и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки» (П л е х а н о в, Соч., т. XVIII, стр. 190—191). Итак, все было готово, все сделано: одна только п о п р а в к а, и получился марксизм! Иногда Плеханов отзывается о марксизме, как о сумме практических следствий из учения Фейербаха, французских материалистов и Спинозы (см. П л е х а н о в, Соч., т. V, стр. 204). В других местах он говорит лишь о марксистских (или марксовых) «п о п р а в к а х» к Фейербаху (см. Соч., т. VI, стр. 341). Фейербаху приписывается то, чего он не сделал. Фейербах,—говорит Плеханов,—«дошел до исторического взгляда на п р и р о д у» (Соч., т. VI, стр. 347, разрядка Плеханова). Таким образом обойден вопрос об абстрактном понимании природы Фейербахом. Точно так же не понимает Плеханов и абстрактность «антропологического принципа» Фейербаха. «В своей «антропологии»,—пишет Плеханов,—Фейербах стоял на чисто материалистической точке зрения» (Соч., т. V, стр. 194).

Однако наряду с этим мы находим у Плеханова по этому же вопросу целый ряд противоположных утверждений, свидетельствующих об его эклектизме в данном вопросе и о борьбе в нем диалектико-материалистического, марксистского мировоззрения с фейербахианским. Так, из XVIII тома, стр. 177, мы узнаем, что Фейербах всего-навсего только «испытывал потребность в п о с л е д о в а т е л ь н о м (разрядка Плеханова) материалистическом миросозерцании». В V томе мы читаем опровержение собственного утверждения П л е х а н о в а, будто Фейербах владел методом историзма.

«Его (Фейербаха) философские взгляды приходится считать только первым шагом современного материализма. Он дал только некоторые посылки; другими же необходимыми посылками, равно как и целым рядом самых блестящих выводов из них, мы обязаны Марксу и Энгельсу. В миросозерцании Фейербаха е щ е н е б ы л а р а з в и т а т а и с т о р и ч е с к а я с т о р о н а, которая составляет силу и славу современного материализма» (П л е х а н о в, Соч., т. V, стр. 38, разрядка моя.—*П. В.*).

В другом месте он пишет:

«Философия Маркса и Энгельса представляла собой, несомненно, большой шаг вперед сравнительно с системой Фейербаха» (П л е х а н о в, Соч., т. V, стр. 248), «Маркс и Энгельс подвергли философию Фейербаха коренной переработке» (там же, стр. 260).

Но в ответственнейшем своем произведении «Основные проблемы марксизма» Плеханов берет назад это свое утверждение.

«Тезисы Маркса о Фейербахе, — пишет он, — вовсе не устраняют основных положений философии Фейербаха; они только исправляют эти положения и, главное, требуют более последовательного, чем у Фейербаха приложения их к об'яснению окружающей человека действительности, в особенности же его собственной деятельности» (т. XVIII, стр. 197, разрядка моя.—*П. В.*).

Но еще хуже обстоит у эпигонов Плеханова, касающихся этого вопроса. Более или менее правильные высказывания Плеханова обычно отбрасываются, забываются эпигонами, а неправильные ухудшаются. Если Плеханов высказывался с оговорками, то эпигоны безоговорочно принижают марксизм до фейербахизма, продолжая худшие стороны Плеханова.

Проследим, как некоторые философы «поправляли» Плеханова.

Напр., меньшевиствующий идеалист Г. Тымянский пишет: Фейербах «воспользовался гегелевским диалектическим методом для построения материалистической философской системы». Маркс и Энгельс «довершили его (Фейербаха) дело до конца» (ПЗМ, № 10—11, 1924 г., стр. 236), т.-е. Маркс и Энгельс лишь завершители фейербаховской философии, и не они воспользовались гегелевским диалектическим методом для создания диалектического материализма, так как уже до них это сделал Фейербах.

С. Семковский пишет:

Маркс и Энгельс «подвергли критике фейербаховский материализм с точки зрения своего, более об'емлющего диалектического материализма. Но этот последний в материалистической основе своей был тот же фейербаховский материализм, лишь обогащенный и поднятый на новую ступень» (Семковский, сб. «Памяти Фейербаха», 1922 г., стр. 37).

Вопреки манере т. Семковского писать «в известном смысле», смысл его выражения не известен и не ясен. Если т. Семковский хочет сказать, что как философия Маркса, так и философия Фейербаха есть материализм, то это верно и понятно. Но если здесь сказано, что в основе диалектического материализма лежит фейербаховский, т.-е. абстрактный материализм, то это неверно. Во всяком случае у т. Семковского здесь нет четкости.

С. Семковский считает, что новым открытием Маркса и Энгельса (в сравнении с Фейербахом) был (только) исторический материализм. Материализм Маркса, по Семковскому, лишь «сложнее», «тоньше» материализма Фейербаха (сб. «Памяти Фейербаха», стр. 36).

Нет достаточной четкости и в брошюре Л. Ческиса, не критикующей, но лишь излагающей Фейербаха.

«Его (Фейербаха) антропология, — пишет т. Ческис, — должна быть поэтому дополнена социологией (термин, который Маркс и Энгельс не употребляли), или, лучше и правильней, его гуманизм должен был быть пополнен социализмом» (Л. Ческис — «Л. Фейербах — философ воинствующего материализма», «Красная новь», 1923 г., разрядка моя.—*П. В.*).

Здесь тоже речь идет о марксизме как дополнении к Фейербаху, как о надстройке к фейербаховской основе. Последняя часть фразы т. Ческиса не «лучше» и не «правильней» первой. Вначале марксизм отождествляется с социологией, которой Маркс и Энгельс, по Ческису, будто бы дополнили фейербаховский материализм, во второй же половине фразы Ческис не идет за Марксом и Энгельсом дальше «Святого семейства».

Г. Рохкин пишет, почти дословно повторяя Плеханова:

«Знаменитые тезисы Маркса о Фейербахе, написанные им в 1845 г., являются в общем и целом дальнейшим развитием взглядов Фейербаха, но не отрицанием этих взглядов» (сб. «Памяти Фейербаха», 1922 г., стр. 71).

Здесь словами «в общем и целом» обойден конкретный разбор тезисов Маркса по существу. Далее Рохкин пишет, или вернее списывает у Плеханова:

«Но если в области социологии и политической экономии Маркс и Энгельс являются самостоятельными пролагателями новых путей, то в области чисто философской они до конца своей жизни оставались последователями Фейербаха» (сб. «Памяти Фейербаха», стр. 71).

Таким образом признается, что в философии (в «области чисто (!) философской») Маркс и Энгельс не были самостоятельны и не проложили новых путей. За них и до них это сделал Фейербах, последователями которого они и оставались «до конца дней своих».

Рохкин, слово за словом повторяющий Плеханова (вот, где действительно нет самостоятельности. До конца своей жизни Рохкин, повидимому, останется «последователем» Плеханова!), утверждает тут же нечто прямо противоположное:

«В «Святом семействе», — пишет он, — написанном совместно Марксом и Энгельсом в конце 1844 г., они выступают в последний раз как восторженные последователи Фейербаха» (там же, стр. 67, разрядка моя.— *П. В.*).

Чья же здесь непоследовательность, Плеханова—Рохкина, или Маркса и Энгельса, в 1844 г. «в последний раз» выступивших как последователи Фейербаха и затем, несмотря на это, оставшихся верными Фейербаху «до конца своей жизни»?!

По Г. Левиту самое важное отличие марксизма от фейербахизма заключается в созданном марксизмом учении о производительных силах и производственных отношениях (сб. «Памяти Фейербаха», 1923 г., стр. 284).

По его мнению: «Необходимо подойти к вопросу о борьбе за материализм не с исторической точки зрения, а со стороны сопоставления и противопоставления идей Фейербаха и идей Маркса» (сб. «Памяти Фейербаха», 1923 г., стр. 275).

Итак, Левит открыто провозглашает неисторический подход, чего не осмелился высказать «модернизирующий» Деборин.

Но что следует из такого неисторического подхода?

Следует из него вот что:

«Я хочу исправить историческую несправедливость (вот где исторический подход!—*П. В.*), в которой повинны Маркс и Энгельс по отношению к Фейербаху» (сб. «Памяти Фейербаха», 1923 г., стр. 284. Г. Левит—Л. Фейербах и коммунизм). Отмежевывание Маркса и Энгельса от пороков фейербаховской философии Левит об'ясняет «психологической необходимостью», с чем, по мнению Левита, связан упрек по адресу Фейербаха в непонимании последним деятельности, практики (там же, стр. 285).

Но никто не превзошел В. Рожицына. Он пошел всех дальше. От Рожицына мы узнаем, что действительную критику религии дали не Маркс и Энгельс, но Фейербах. От него же мы узнаем, что Фейербах требовал изучать человека «в его общественных отношениях» (сб. «Памяти Фейербаха», 1922 г., стр. 94, 132). В главе «Энгельс против Фейербаха» В. Рожицын нападает на будто бы пристрастную критику Фейербаха Энгельсом и Прудона Марксом. «Что бы ни говорил Фейербах, всего было недостаточно для Энгельса» (там же, стр. 140), — жалуется Рожицын, менее требовательный, чем Энгельс. Он неприхотлив и удовлетворяется Фейербахом, о чем бы тот ни говорил. Существует,—говорит Рожицын,—«недоговоренность, двойственность и неопределенность отношения Энгельса к Фейербаху» (там же, стр. 143).

Зато Рожицын договаривает все до конца. «Известно (?!), — пишет он, — что отношение Энгельса к Фейербаху всегда страдало некоторой не-

договоренностью и неясностью. Энгельс не был самостоятельным философским умом» (Там же, разрядка моя.—*П. В.).*

Но в предельно пасквильном тоне заявил Д. Третьяков:

«Я боюсь, что не только позитивизм (?!), но в известной степени интеллигентская отрыжка звучит в отзывах Энгельса о Фейербахе» (сб. «Памяти Фейербаха», 1923 г., ст. «Современное естествознание и материализм Л. Фейербаха, стр. 297)... Трудно состряпать об Энгельсе что-нибудь более ложное, идиотское, клеветническое.

Третьяков и Рожицын проявляют огромную «самостоятельность и глубину философствования». Оказывается, что существуют новые виды материализма. Это, во-первых, «магический материализм» (103). Затем «психологический материализм»... Фрейда (!) (105) и, наконец,—«социологический материализм» Фейербаха (89). Кроме того Фейербах, по свидетельству В. Рожицына, «был своеобразным материалистом, отрицающим (?!) материю!» (там же, стр. 140)

Вот те и на! Мы предложили бы еще один вид материализма — «идеалистический материализм» — тогда это будет «материализм» самого Рожицына, — этого самостоятельного философского ума...

В другом месте В. Рожицын пишет:

«Маркс оказался более последовательным гегельянцем, ибо принял установленное Гегелем определение общества как системы потребностей и средств их удовлетворения, а не как связи личностей» (сб. «Памяти Фейербаха», 1923 г., стр. 232). Прежде всего для всякого, хоть краем уха слыхавшего о марксистской политэкономии, ясно, что Маркс никогда не определял общество как «систему потребностей». Здесь В. Рожицын подменяет Марксову политэкономию политэкономией австрийской школы. В. Рожицын пишет, что антропологический принцип Фейербаха оказался неприемлемым для Маркса. Но он не делает отсюда единственно правильного вывода, что Маркс создал свое, новое учение об обществе.

На манер мольеровского Журдена, заучившего, что «все, что не проза, то стихи, а что не стихи, то проза», Рожицын восклицает: раз учение об обществе Маркс не мог взять у Фейербаха, значит он его взял у Гегеля! Взял и таким образом явился более последовательным (чем Фейербах) гегельянцем!..

«Фейербах, — пишет Рожицын, — был диалектиком и материалистом, но он не был диалектическим материалистом» (233—4). Это такая же чепуха, как и «материализм без материи». Это в то же время принижение марксизма, которому, дескать, оставалось лишь увязать, потеснее сочетать и пригладить уже имевшиеся в наличности элементы. Рожицын поясняет: «Маркс и Энгельс соединили диалектику и материализм» (там же, стр. 234). Получился диалектический материализм. Иные думают, что в этом «синтезе» материализм — от Фейербаха, а диалектика — от Гегеля. По Рожицыну, уже у Фейербаха были «и материализм и диалектика» и даже «диалектический материализм (который) находит свое полное завершение в историческом материализме Маркса» (там же, стр. 237).

И так далее в том же духе:

«Фейербаховская теория... составная часть исторического материализма» (239).

«Материализму Фейербаха еще принадлежит большое будущее» (241).

«Победа идей Фейербаха—это победа марксизма и победа коммунистической партии» (249).

Затем идет сумасшедшая чепуха о религиозном нигилизме Маркса и Энгельса (262), о том, что цель в общественной жизни есть реакционность и христианство (255), о том, что у нас «сейчас» (1922 г.)—не революция, не контрреволюция, не реакция, но «синтез» революции и реакции (267), о том,

что победа коммунизма возможна лишь при опоре на философию Фейербаха (269) и в то же время отрицание всякой философии (253), «защита» и «оправдание» «религиозной стороны» в учении Фейербаха (266—269).

2. Деборинский и энгельсовский „Л. Фейербах".

Казалось бы, что «философское руководство» с Дебориным во главе, претендующее на ортодоксальность, должно было дать жестокий отпор всей этой свистопляске вокруг проблемы Фейербах — Маркс — Энгельс. Однако этого не случилось, так как у самого Деборина было «рыльце в пушку». Приведенное нами выше—это лишь мелкие наскоки, хотя и носящие ярко выраженный ревизионистский характер. Настоящую развернутую ревизию марксизма представляет книга Деборина «Л. Фейербах» (2 издание, 1923 и 1928 гг.[1]). Это—тонкая ревизия, ведущаяся под прикрытием цитат из Маркса и Энгельса. Открыто Деборин возражает (он не скажет прямо того, что скажет Рожицын и Третьяков!) лишь против чрезмерной «строгости», будто бы проявляемой Энгельсом в отношении Фейербаха. Есть сходство в приемах Деборина и Каутского. Например, в томе 1-м «Мат. оним. истории» Каутский производит ревизию всех тех положений, которые выставлены Энгельсом в «Анти-Дюринге». Она ведется под сурдинку словесного согласия с Энгельсом, но в дело пускаются оговорочки, поправочки, ограничения, упреки в излишней строгости по отношению к Дюрингу и т. д.—глядишь, и весь «Анти-Дюринг» насквозь пересмотрен и ему противопоставлена другая, каутскианская философия. Впрочем, сплошь и рядом Каутский переходит к прямой критике Энгельса. «Die materialistische Geschichtsauffassung», особенно первый том, можно было назвать «Анти-Анти-Дюрингом».

То же самое следует сказать о «Л. Фейербахе» Деборина. Эта книжка объективно направлена против одноименной книжки Энгельса, это—«Анти-Л. Фейербах!».

Можно было бы даже, если бы еще сохранилась такая традиция, написать статью в форме диалога, где на каждое положение Энгельса Деборин выставляет противоположение. Вышел бы замечательный в своем роде диалог.

Несколько слов о самом характере деборинской работы.

Маркс и Энгельс умели быть партийными в философии от начала до конца. Они умели проводить идею партийности в философии. Маркс и Энгельс требовали критического партийно-пролетарского отношения ко всем слабостям и шатаниям даже в собственной среде революционеров. Свою диалектику Маркс называет критической и революционной. Эта большевистская партийность совершенно не отделима от марксистской теории.

Иначе понимают дело ревизионисты. Так, например, Гильфердинг в предисловии к «Финансовому капиталу» разделяет марксизм и социализм. Марксизм,—говорит он,—это теория, учение; социализм же—особь статья, социализм—движение, практика. Гильфердинг требует «не смешивать того и другого: можно быть марксистом, не будучи социалистом, и наоборот.

Принцип марксистско-ленинской партийности философии оставлен Дебориным совершенно в стороне. Это произведение мог бы создать ревизионист, мелкобуржуазный либерал. Ибо в ней нет революционного марксизма, но есть выхолощенный, либеральный «марксизм».

Заключая свою работу «Л. Фейербах», т. Деборин пишет: «мы изло-

[1]) Отметим здесь, что Ин-т Маркса и Энгельса, руководимый Рязановым, два раза издавал как «Л. Фейербаха» Энгельса, так и «Л. Фейербаха» Деборина. Причем всегда вслед за выходом энгельсовской работы как бы вдогонку выпускалась книга Деборина.

жили учение Фейербаха почти его собственными словами. Мы это сделали в целях беспристрастия» (стр. 348[1])

Когда современный советский читатель встречает заявления о «беспристрастии», когда речь идет о философских вопросах и об оценке философского течения, предшествовавшего марксизму и имеющего к нему непосредственное отношение,—он справедливо настораживается. В таких случаях уверение в «беспристрастии» не только никого не успокаивает, но, наоборот, вызывает подозрение и сомнение в характере этого «беспристрастия», которое хочется взять в иронические кавычки.

Ленин говорил, что «беспристрастной» социальной науки не может быть там, где имеются классовая борьба и различие классовых интересов. Критикуя Канта, Ленин различает «критику справа» и «критику слева», т.-е. противоположную классовую критику, но не критику «пристрастную» и «беспристрастную». Диалектический подход,—говорил Ленин,—обязывает в разрешении любого вопроса становиться на точку зрения определенного класса. Когда же нам говорят о «беспристрастии», мы вправе видеть в нем беззубо-профессорский, «академический», «беспартийный» (а «беспартийность» — буржуазная идея!), а не классовый, диалектико-материалистический подход. Ревизионисты типа Каутского откровенно ратуют за «об'ективный», «сверхклассовый», «беспристрастный» подход. Так, например, Каутский считает пороком Марксова «Капитала» то обстоятельство, что Маркс был идеологом и вождем определенного класса—пролетариата, а «Капитал» написан с партийно-классовой точки зрения. Надклассовый подход есть таким образом ревизионистский, меньшевистский подход. Наша теория, теория марксизма неразрывно соединена с революционно-пролетарским движением и политикой нашей партии.

«Без соединения революционной теории с революционной политикой — марксизм становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом. Доктрина Маркса связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы» (Ленин—Маркс—Энгельс, марксизм, стр. 64).

Но может быть т. Деборин думает, что времена классовости и партийности уже позади? Кроме того не надо забывать, что дело идет о событиях прошлого столетия, а не о грядущей половине XX века!

«Для того, — поясняет Деборин, — чтобы понять общественное и историческое значение того или иного учения — в частности учения Фейербаха, — мы должны обратиться к соответствующей эпохе и выяснить, как это учение воспринималось современниками» (стр. 279, разрядка моя.—*П. В.*). Но нет ничего ошибочнее такого подхода. Судить о том или ином учении на основании того, как оно воспринималось современниками, это значит судить об эпохе по ее сознанию — прием, осмеянный Марксом. Только в ходе общественно-исторического развития и классовой борьбы выясняется «значение» того или иного учения!

К чему, однако, понадобилось т. Деборину «беспристрастное изложение Фейербаха»? Или кто-нибудь из марксистов относился к Фейербаху с «пристрастием»? Или «Л. Фейербах» Энгельса недостаточен в освещении вопроса о значении Фейербаха для марксизма?

Raison d'être книги Деборина в том, что, как несколько раз повторяет ее автор, «Энгельс обнаруживает в отношении Фейербаха, вообще говоря, большую строгость» (360).

Нет речи о том, прав или не прав Энгельс в своем отношении к Фейербаху (А. М. Деборин умнее В. Рожицына). Вместо этого подсунут мягко-

[1]) Указание страниц в скобках, без дальнейших ссылок будет означать страницы книги А. М. Деборина «Л. Фейербах», изд. Ин-та Маркса и Энгельса, кн-во «Материалист», 1923 г.

академический, двусмысленный термин «строгость». Но из-под этого покрывала «беспристрастия» торчат ревизионистские уши. Книжка Деборина всеми своими 360-ю страницами говорит: Энгельс не прав в своей оценке Фейербаха! Впрочем вот и полупризнание: «Нам могут сделать упрек в том, что мы модернизируем Фейербаха. Но этот упрек будет неосновательен. Верно то, что мы некоторые мысли Фейербаха находим нужным заострить, чтобы показать, что пред'являемые Фейербаху обвинения основаны просто на недоразумении, на некоторых неудачных словесных выражениях» (193, разрядка моя.—*П. В.).* Известно, какие «обвинения», пред'являемые Фейербаху, имеет в виду Деборин! Марксистская критика недостатков фейербаховского материализма об'является «основанной просто на недоразумениях».

Деборин считает, что Энгельс в своей критике Фейербаха заходит очень далеко... (280). Деборин, однако, идет еще дальше, правда—не вперед, а назад.

С.-д. депутат рейхстага А. Меммингер в речи, полной сентиментальной морали и слезливости, говорил над могилой Фейербаха о «неблагодарном поколении», мало чтившем Фейербаха. И вот т. Деборин в 1923 г. пишет: «Исторически и логически учение Фейербаха связано теснейшим образом с марксизмом. Однако (!) «неблагодарное поколение», о котором говорил Меммингер в своей надгробной речи, продолжает еще здравствовать (!?). Мировой пролетариат чужд Фейербаху» (!) (стр. 84).

На основании чего судит т. Деборин о поведении «мирового пролетариата», этого «продолжающего еще здравствовать» «неблагодарного поколения»?

«Идеализм, — продолжает Деборин (и в частности кантианство),— против которого Фейербах вел в течение всей своей жизни неустанную борьбу, стал официальной философией пролетарских партий» (85). Странно... В 1923 г. т. Деборин считал, что партии, официальной философией которых является идеализм, кантианство, есть пролетарские партии!!! А где, спрашивается, партия большевиков и ее оценка Фейербаха? Где ленинская оценка Фейербаха? Где революционный марксизм—ленинизм? Ничего этого для Деборина не существует. Ничего этого он не видит. Поэтому он таинственно возвещает: «Время Фейербаха еще придет...» (85) Что значит этот лозунг? Это плохо замаскированная формулировка ревизионистского лозунга «назад к Фейербаху»!

Во втором издании своей книжки (1929 г.) Деборин не исправил этих мест. Он просто «аутотомировал» хвостик первой главы, из которой мы (по первому изданию) цитируем.

Деборин говорит, что он только излагает Фейербаха. Однако это не помешало ему целиком и полностью солидаризироваться в этой книге с плехановской оценкой Фейербаха и дополнить Плеханова своими, ухудшающими его, замечаниями. Очевидно, здесь еще раз оправдалось то положение, что изложить, значит так или иначе об'яснить, а об'яснить, значит оценить.

3. Абстрактный натурализм философии Фейербаха.

Коренным недостатком философии Фейербаха является натурализм в особой форме — антропологизма. Формы сознания, идеологию, религию и философию Фейербах выводит из потребностей абстрактного «человека». Основной вопрос всякой философии, вопрос об отношении мышления к бытию, ставится Фейербахом в плоскость отношения двух людей — я и ты. Правда, это не помешало Фейербаху притти к правильному, материалистическому положению, что суб'ект есть одновременно и об'ект и что бытие

определяет сознание. Эти положения разделяются всеми материалистами и были формулированы материалистической философией еще до Фейербаха. Фейербах подтвердил их и формулировал на новой основе—на основе критики идеалистической философии, в лице Гегеля достигшей своего высшего развития и расцвета. Но этого разумеется недостаточно, чтобы получить диалектический материализм. Проблема суб'екта — об'екта была поставлена и разрешена Фейербахом вне общественно-исторической практики, абстрактно-натуралистически, т.-е. как проблема единства человеческого организма со средой через потребности. Суб'ект и об'ект берутся в их естественном, т.-е. натуральном, биологическом единстве—антропологизм Фейербаха лишен историзма. Однако, «ничтоже сумняшеся» Деборин утверждает, что «принцип Фейербаха насквозь диалектичен» (!). Недостаточно подчеркивал абстрактный натурализм Фейербаха и Плеханов. Это об'ясняется тем, что сам Плеханов (и Чернышевский) единство бытия и мышления в значительной мере понимал как единство человеческого организма (см. Плеханов, Соч., т. V, стр. 196) и как единство психического и физического в организме. «Маркс и Энгельс, — писал Плеханов, — подвергли материализм Фейербаха существенной переработке, правда, удержав его теорию познания, например, учение об отношении суб'екта к об'екту» (Плеханов, Соч., т. VI, стр. 305. Разрядка моя.—*П. В.*). Правильна вполне только первая часть этого утверждения. Ленин говорил, что диалектика есть теория познания. Теория познания Фейербаха, наоборот, страдала как раз абстрактным натурализмом, антиисторизмом, метафизичностью.

Неудовлетворительность плехановской формулировки проистекает из того, что он сам не освободился от фейербахизма. Плехановский материализм страдает созерцательностью, что коренится в фейербаховском учении о чувственном созерцании. Фейербах отождествлял чувственность с истиной. «Чувственность или действительность,—говорил он,—тождественна с истиной», «только чувственное знание достоверное, несомненное знание. Чувство не нуждается ни в каком доказательстве, оно само есть доказательство» (Фейербах).

Как известно, «поправки» Маркса к Фейербаху имели характер не простых дополнений или исправлений, Фейербах был преодолен в своей односторонности философией Маркса и Энгельса. Маркс и Энгельс решительно отказались от метафизики антропологизма, которым было проникнуто все учение Фейербаха. Точно так же положение «бытие определяет сознание» было исправлено Марксом: общественное бытие определяет общественное сознание.

Философия Фейербаха, по словам самого Деборина, одинаково приемлема как для представителей буржуазного радикализма (А. Руге), так и представителей «истинного социализма» и основоположников марксизма. Деборин также сообщает нам, что «Маркс... остается в общем верен фейербаховскому материализму, в который вносит лишь известные поправки» (стр. 60, разрядка моя.—*П. В.*). Итак, «истинные социалисты», буржуазные радикалы и марксисты,—все принимают Фейербаха. Последние—с поправками. Философия Фейербаха является для Маркса «логической основой коммунизма» (там же, стр. 60). Следовательно, все эти партии в своей философской основе различаются лишь оттенками и поправками. В основе же это одно и то же!..

Из дальнейшего изложения Деборина видно, что марксизм как род фейербахизма отличается от вульгарного материализма Молешотта, Фогта и Бюхнера, «непосредственно примыкающих к учению Фейербаха, которого они считали своим учителем», лишь «известными поправками». Так эклектический подход приводит к тому, что все мажется одной краской, в один

серый цвет. Все принципиальные различия направлений стираются и пропадают.

Основоположники марксизма, равно как и Ленин, проводили всегда совершенно четкие грани не только между материализмом и идеализмом, но были также очень внимательны и бдительны в различении разновидностей и направлений, оттенков, уклонов и проч. в самом материализме. Ибо всякие поблажки, терпимость и проч. являются лазейкой для тех, кто хоть на йоту уклоняется от ортодоксального диалектического материализма, открывают щель для противоположных классовых влияний. Эта большевистская идейная непримиримость всегда отличала революционный марксизм-ленинизм от теоретической нечистоплотности ревизионистов. Как известно, Маркс и Энгельс всю жизнь не переставали подчеркивать отличие своей философии от всех прочих, в том числе и от фейербаховского абстрактного натурализма.

И с этой стороны книга Деборина является ревизионистской, так как она стирает, замазывает все грани и все «разницы» [1]).

Но когда стирают четкую грань между различными видами в самом материализме, то тем самым одновременно уничтожают грань, различие между материализмом и идеализмом. Это имеет место и у Деборина, и не только в вопросе о Фейербахе, но (особенно) в вопросе о Гегеле и диалектическом материализме (см. ст. «Маркс и Энгельс» в кн. «Философия и марксизм»).

Не только человека, но и природу Фейербах понимал абстрактно. Отсюда у него получалась тавтология, сводившаяся, по словам Ленина к тому, что «выходит, что природа — все, кроме сверхприродного. Фейербах,—продолжает Ленин,—ярок, но не глубок. Энгельс глубже определяет отличие материализма от идеализма» (XII Лен. сб., стр. 95, разрядка моя.— *П. В.*).

Упоминая об «антропологическом принципе» Фейербаха и Чернышевского, Ленин замечает, что этот термин «узок».

«И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные, слабые описания м а т е р и а л и з м а», — пишет Ленин (XII Лен. сб., стр. 121).

В тесной связи с абстрактным натурализмом и антропологизмом философии Фейербаха находится его антиисторизм. Антиисторизм в сущности есть лишь оборотная сторона натурализма. Диалектический материализм характеризуется историзмом, которым проникнут как самый диалектический метод, так и результаты, приобретенные с помощью этого метода. Иное дело у Фейербаха.

«Поскольку Фейербах является материалистом, он не имеет дела с историей, поскольку же он занимается историей, он вовсе не материалист. Материализм и история идут у него совершенно различными путями» (Маркс и Энгельс о Фейербахе, Архив, т. I, стр. 219).

И в этом вопросе Деборин причесывает Фейербаха под Маркса, или, вернее, Маркса под Фейербаха.

«Фейербаху, — пишет Деборин, — приходилось отмежевываться от этого («естественно-научного».—*П. В.)* материализма, так как для него помимо е с т е с т в е н н о й и с т о р и и существовала еще и с т о р и я ч е л о в е ч е с т в а» (стр. 69, разрядка автора).

Какие же доказательства приводит тов. Деборин в подтверждение своего положения? Ни слова из самого Фейербаха! Деборин пишет: «Фейер-

---

[1]) Это же делает и Плеханов. Он говорит о сходстве взглядов Гексли и Геккеля с философией Фейербаха и о «поразительном сходстве — а отчасти и тождестве — взглядов Фореля с взглядами Фейербаха — Маркса — Энгельса» (Основные вопросы марксизма).

бах хорошо понимал, что «нас окружает не одна природа, но и человеческое общество, которое подобно природе имеет свою историю развития и свою науку» (Энгельс, «Л. Фейербах», стр. 69).

При чтении подобным образом скроенной цитаты получается впечатление, будто сам Энгельс говорит, что Фейербах хорошо понимал, что как природа, так и общество имеют свою историю и свою науку. На самом деле Деборин здесь не критически, просто пересказывает Плеханова (Фейербах «дошел до исторического взгляда на природу» — Плеханов, Соч., т. VI, стр. 347), в то время как Энгельс писал:

«Для него (Фейербаха) остался недоступным новейший исторический взгляд на природу, устраняющий все односторонности французского материализма».

«Во-вторых, Фейербах был совершенно прав, когда говорил, что материализм, опирающийся исключительно на естествознание, «составляет основу человеческого знания, но еще не самое знание». Нас окружает не одна природа, но и человеческое общество, которое, подобно природе, имеет свою историю развития и свою науку. Задача состояла в том, чтобы согласовать с метафизической основой и заново построить на ней здание общественной науки, т.-е. всю совокупность так называемых исторических и философских знаний. Но Фейербаху не суждено было сделать это. В этом отношении он, несмотря на материалистическую основу, еще не освободился от старых идеалистических пут, что он сам признавал, говоря: «Идя от этой точки зрения—я соглашаюсь с материалистами, идя вперед,—я расхожусь с ними» (Энгельс, «Л. Фейербах», 1918 г., стр. 45, разрядка моя.—*П. В.*).

Совершенно ясно, что слова Энгельса «Нас окружает не одна природа» и т. д., цитируемые Дебориным, вовсе не относятся к Фейербаху, но к следующему предложению: «Задача состояла в том» и т. д. Далее, мы находим тут же совершенно недвусмысленные заявления Энгельса, что для Фейербаха «остался недоступным новейший исторический взгляд на природу» (даже на природу, тов. Деборин, а не то, что на общество!—*П. В.*), и что Фейербах не смог согласовать общественной науки с материалистической основой.

«Наука об обществе» была для Фейербаха «terra incognita». «Историческая область для него вообще неудобна и неуютна» (Энгельс, «Л. Фейербах», стр. 52).

Значит, скроенные Дебориным «из Энгельса» цитаты о «естественной истории» и «истории человечества» у Фейербаха,—просто вымысел, который противоположен взглядам Энгельса.

Деборин в приведенном отрывке об'ясняет отмежевывание Фейербаха от естественно-научного материализма тем, что Фейербах будто бы усвоил историческую точку зрения (на природу и общество), которой не было у представителей вульгарного материализма. Это опять-таки передвижка. Энгельс, как мы видели, об'ясняет это совсем другим, а именно тем, что Фейербах сам «не освободился от старых идеалистических пут». Следовательно, идеализм мешал ему заключить союз с естественно-научным материализмом и материализмом как школой и направлением вообще. Идеализм помешал Фейербаху «заметить» высший материализм, чем вульгарный. Он не нашел пути к диалектическому материализму. Фейербах не сумел до конца преодолеть черты вульгарного материализма в своей собственной философии и в философии своих учеников (Молешотт, Бюхнер) и пойти вперед дальше и выше. Вместо этого он отталкивался от естественно-научного материализма назад к идеализму.

В таком же смысле, прямо противоположном деборинскому, высказывается Энгельс и в другом месте.

«Как бы то ни было,— пишет он,— Фейербах восстает против названия материализм. И не без основания, ибо он не может освободиться окончательно от идеализма. В области природы он материалист. Но в области человеческой...» (Архив М. и Эн., т. XI, стр. 381).

Итак мы видим, что Энгельс, как и Маркс, настойчиво отмечают моменты идеализма в философии Фейербаха. Деборин же делает из него безоговорочно «чистого» материалиста, и не только в области теории познания. «Человек есть общественный продукт», — пишет т. Деборин. Надо сказать, что и с точки зрения Фейербаха человек является продуктом истории. У Фейербаха, п о с л о в а м П л е х а н о в а, мы находим уже зачатки материалистического понимания истории. Э т о н е с о м н е н н о в е р н о (354, разрядка моя.—*П. В.*). Здесь нет и тени критического отношения. Деборин прячется за слова Плеханова. Между тем Плеханов нигде не заявлял в такой категорической форме, что по Фейербаху человек—продукт (общественной) истории. Что же касается «зачатков материалистического понимания истории», то Плеханов видел их в натуралистическом учении Фейербаха о роли естественной среды. Плеханов здесь, опираясь на Монтескье, Бокля, Мечникова и др., использовал также и Фейербаха и создал свое учение о зависимости развития общественных производительных сил от свойств географической среды. Деборин должен был бы критически отнестись не только к Фейербаху, но и к Плеханову, «географизм» которого не может быть признан последовательным диалектико-материалистическим пониманием истории. Вместо этого Деборин «штемпелюет» Плеханова и, что бы Плеханов ни сказал, Деборин подписывает: «несомненно верно!» После того, как Деборин пытался принизить Ленина до Плеханова, теперь он пытается вместе с Плехановым принизить основоположников научного социализма до Фейербаха.

4. Практика и „революционная, практически-критическая деятельность“.

В своей теории познания Фейербах исходил из материалистического принципа единства суб'екта и об'екта, мышления и бытия. Но он метафизически различал их как активное и пассивное начала и активность приписал с о з е р ц а н и ю (Anschaung). Не доработавшись до понятия п р а к т и к и, Фейербах оставляет взаимодействие суб'екта и об'екта на основе чувств, созерцания, мышления, т. е. останавливается на признании теоретической деятельности за истинно-человеческую деятельность. Практическую же деятельность он отождествил с Gescheftsmacherei. Следовательно, он впал здесь в идеализм, сделал шаг назад от «коммунистического материализма». Поэтому вместо п е р е д е л к и мира Фейербах, по замечанию Маркса, уходит в область абстрактной морали и морального созерцания.

Непонимание практики как чувственной материальной деятельности людей, созерцательность были органически связаны с натуралистической теорией познания Фейербаха.

Плеханов считал н е з а с л у ж е н н ы м упрек Маркса Фейербаху в непонимании последним «революционной, практическо-критической деятельности».

Цитируя тезис Маркса о Фейербахе (кстати, неверно самим Плехановым переведенный), Плеханов заключает: «эту же мысль мы находим у Фейербаха».—«Маркс был не прав, когда упрекнул Фейербаха в том, что тот не понимал практически-критической деятельности. Она была понятна Фейербаху» (П л е х а н о в, Соч., т. XVIII, стр. 176).

Этот тезис Плеханова поддержал, конечно, Деборин [1]).

Вся разница между Фейербахом и Марксом заключается, по Деборину, в том, что при общей философии первый стоял на «потребительской», а второй—«на производственной» точке зрения.

Верно, конечно, что Фейербах изучал человека как он «есть», а Маркс — как он «производит», но это еще далеко не все. Существенные различия между Фейербахом и Марксом есть в понимании самого «человека».

Маркс писал: «Человек вовсе не есть абстрактное, вне мира прозябающее существо. Человек, это—человеческий мир, это государство-общество».

«Индивид есть общественное существо. Поэтому его проявление жизни... есть проявление и выражение общественной жизни» (Архив М. и Эн., кн. III, стр. 254, разр. Маркса).

Еще большую ошибку допускает Деборин, когда считает, что потребительское отношение фейербаховского «человека» к природе и есть практическое отношение.

«Недовольный абстрактным мышлением, — писал Маркс, — Фейербах выдвигает созерцание, но он рассматривает чувственность не как практическую человечески-чувственную деятельность» (5-й тезис Маркса о Фейербахе). Созерцательность Фейербаха неразрывно связана и непосредственно вытекает из его абстрактно-натуралистической теории познания. Фейербах выдвигает чувственные об'екты, действительно отличные от об'ектов, существующих лишь в наших мыслях, но он не постигает самую человеческую деятельность, как предметную деятельность... Он не понимает поэтому и значения «революционной практически-критической деятельности» (первый тезис Маркса о Фейербахе).

«Он (Фейербах) не замечает того, — поясняет Маркс, — что окружающий его чувственный мир не есть вовсе какая-то непосредственная, от века данная, всегда самой себе равная вещь, а продукт промышленности и общественного состояния, продукт в том смысле, что он является в каждую историческую эпоху результатом деятельности целого ряда поколений, из которых каждое стоит на плечах предшествующего ему поколения, развивая его промышленность и его способ сношений и видоизменяя в зависимости от изменившихся потребностей его социальный строй» (М. и Эн. о Фейербахе, Архив, т. I, стр. 217).

Из приведенных отрывков совершенно ясно, что Маркс основательно был знаком с теорией познания Фейербаха и столь же основателен был его упрек в созерцательности и непонимании практически-критической деятельности. Пересмотр этого совершенно недвусмысленного положения Маркса является поэтому прямой ревизией. Он обоснован, пожалуй, только непониманием Плеханова, Деборина и др., что такое практика в диалектико-материалистическом марксистском понимании. Деборин считает, что раз Фейербах говорит о природе, о чувственных вещах, об удовлетворении потребностей, то этого уже достаточно.

В книге V «Архива Маркса и Энгельса» мы можем прочесть критические замечания Маркса на книгу Ад. Вагнера.

[1]) В рецензии на книгу Деборина «Л. Фейербах» («Печать и революция», 1925 г., кн. 3-я) И. Гросман-Рощин писал:

«Книга Деборина правильно и четко выявляет связь учения Фейербаха с революционными запросами эпохи» (240). «Упрекать Деборина не в чем» (241).

Замечания Маркса о Фейербахе,—продолжает Гросман-Рощин,—«нуждаются в пояснении» (какая скромность!). Но вот и пояснение: «никогда революционер Фейербах не мыслил человека изолированным, пассивным, созерцательным» (241). Таким образом Гросман-Рощин своим «пояснением» начисто отметает марксову критику фейербаховского абстрактно-созерцательного материализма.

Вагнер—представитель вульгарной буржуазной экономии, профессор казенной науки, поставившей себе задачу сокрушить Маркса. Вагнер, как и вся вульгарная политэкономия, исходит из пресловутых естественных принципов, из «понятия» блага, из «природы» человека, из его «потребностей» и т. д.

«Естественное стремление человека,—пишет Вагнер,—заключается в том, чтобы довести до ясного сознания и понимания то отношение, в котором внутренние и внешние блага стоят к его потребностям» (Архив, V, стр. 387).

«У профессора-доктринера,—замечает по этому поводу Маркс,—отношения человека к природе с самого начала выступают не как практические отношения, т.-е. основанные на действии, а как теоретические...». Маркс считает, что положение Вагнера можно формулировать, не извращая его смысла, так: «человек находится в отношении к предметам внешнего мира как к средствам удовлетворения его потребностей» (т. V, стр. 387, разр. всюду Маркса). Мы видим, что в основе вагнеровских положений лежит фейербаховский принцип: отношение человека к внешнему миру как к средству удовлетворения его потребностей. Это отношение Маркс квалифицирует как теоретическое (в дурном, разумеется, смысле), а не практическое отношение. И это совершенно ясно, ибо в ином случае мы не только человеку, но и животным и растениям, всему органическому миру, питающемуся из окружающей среды, должны приписать практическое отношение.

«Но,—продолжает там же Маркс,—люди никоим образом не начинают с того, что «стоят в теоретическом отношении к предметам внешнего мира». Как и другие животные, они начинают с того, что едят, пьют и т. д., т.-е. не «стоят» в каком-нибудь отношении, а активно действуют, при помощи действия овладевают известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворяют свои потребности (они, следовательно, начинают с производства). Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов «удовлетворять потребность» людей запечатлевается в их мозгу, люди и звери научаются и «теоретически» отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов» (Архив, V, стр. 387—8).

Маркс различает активное, практическое отношение к природе животных и человека. Это различие состоит в том, что человек воздействует на природу только через посредство и в форме определенной, исторически складывающейся системы общественных отношений, соответствующих определенному уровню в развитии производительных сил.

Эту сторону вопроса Фейербах точно также упустил из виду. Его человек—абстрактная личность вне времени и пространства, вне определенного способа производства, который определяет и самые потребности людей.

Маркс писал:

«Человек»? Если здесь понимается категория «человек вообще», то он вообще не имеет «никаких «потребностей», если обособленный человек противостоит природе, то его следует рассматривать как любое не стадное животное; если же это человек, живущий в обществе какой бы то ни было формы,—и именно это предполагает г. Вагнер, т. к. его «человек», хотя и не обладает университетским образованием, владеет, по крайней мере, речью,—то в качестве исходного пункта следует принять определенный характер общественного человека, т.-е. определенный характер общества, в котором он живет, так как здесь производство, т.-е. его процесс добывания жизненных средств, уже имеет какой-нибудь общественный характер» (Архив, V, стр. 387, разр. всюду Маркса).

«Человек» Фейербаха как раз и есть человек, взятый вне всякой определенной системы добывания жизненных средств. Из такого же «человека» исходит и Вагнер. Апология Дебориным Фейербаха звучит так же, как если бы кто-нибудь сказал, что Вагнер с «известными поправками» это и есть Маркс.

Вопрос о практике и ее роли в философии и для философии впервые был поднят не марксизмом. О практике мы встречаем важнейшие, вошедшие интегральными моментами в философию марксизма, замечания у Бэкона и Гоббса. Затем у Гете, у Фихте (в идеалистическом понимании), наконец у Гегеля (особенно в «Феноменологии духа») и Фейербаха. Но все дело в том содержании, которое вкладывалось в это понятие. Практику различные философы понимали: 1) как волю, 2) как чувственное созерцание, 3) как опыт, 4) как эксперимент, 5) как личный эгоизм и нормы морали, 6) как спекуляцию, т.-е. как практику мышления,—умозрения и т. д. Но дело в том, что диалектический материализм создал свое, более высокое понятие практики как «революционной практически-критической деятельности» (Маркс). Под этим Маркс понимал теоретически осмысленное (критическое) преодоление старого, его переделку, перестройку, изменение. Следовательно, в противоположность созерцательности, Маркс подчеркивает активное, действенное отношение суб'екта к об'екту. Теория, по Марксу, не только возникает из практики, но и обязательно должна вести к практике, к перестройке, к революционизированию действительности, к борьбе. Теория должна превращаться в практику в смысле практической деятельности.

«Критика гегелевской теории права и государства,—пишет Маркс,—должна быть поэтому развита, как критика определенной политики с точки зрения интересов определенной политической партии, а стало-быть мы должны связать и отожествлять нашу критику с действительной борьбой» (разрядка моя.—*П. В.)*.

«Для практического материалиста, т.-е. для коммуниста, дело идет о том, чтобы практически обратиться против вещей, как он застает их, и изменить их. Если у Фейербаха встречаются иногда подобные взгляды, то они все же остаются всегда на стадии каких-то разрозненных догадок, имея на общее его мировоззрение столь ничтожное влияние, что здесь их можно рассматривать только в качестве способных к развитию зачатков». (М. и Эн. о Фейербахе, Архив, т. I, стр. 217, разр. моя.—*П. В.)*.

Но вот некоторые, с позволения сказать, «марксисты» хотят видеть в марксистском понимании практики лишь некую количественную разницу с предыдущим пониманием практики. Они отрицают за марксизмом-ленинизмом принципиально иное, диалектико-материалистическое понимание практики как «революционной практическо-критической деятельности».

Фейербах практику понимал как чувственное созерцание, его материализм был не действенный, не критический, но абстрактно созерцательный.

В «Критике гегелевской философии» (1843) Фейербах писал:

«Беспредметное сделать предметным, непознаваемое—познаваемым, т.-е. возвысить нечто из об'екта жизненного пользования в вещь мысли, в предмет знания—это и есть абсолютный философский акт, тот самый акт, которому и философия и знание вообще обязаны своим происхождением». Здесь практика понимается Фейербахом как познание.

В одном из его писем (к Риделю, 1839) мы также читаем:

«На самых крупных вершинах философии, как в самых отдаленных долинах истории, я никогда не упускал из вида отношения к жизни, практической тенденции».

Если не гипнотизироваться словом «практика» и не приходить в восторг, как только мы его встречаем, то это положение Фейербаха означает

требование связывать общие понятия с чувственным созерцанием, опытом. У Фейербаха речь идет о том, что познание должно иметь *практическую тенденцию*, познание должно связываться с действительностью и не улетать в заумные высоты абстракции. Здесь Фейербах хотя и не дошел в понимании практики до марксизма, все же делает громадный шаг вперед в сравнении с идеалистическим, спекулятивным пониманием практики.

«Отношение—для *философов идея*,—писал Маркс.—Они знают лишь отношение «человека» к самому себе, и поэтому все реальные отношения становятся для них идеями» (Архив, I, 252). Отношение к самому себе (как отношение между мыслями, идеями) и превращение реальных отношений в идеи для спекулятивного философа и есть практика. Фейербах в этом отношении имел более высокое понятие о практике как об отношении между «Я» и «Ты». Кроме того, Фейербах борется с формалистическим рационализмом, против отрыва от жизни и бесплодной схоластики.

Цитированные выше положения Фейербаха есть его лучшие высказывания или догадки о практике. В других случаях Фейербах высказывается о практике как об осознании своих потребностей или определяет ее как волю, личный эгоизм и стремление к счастью, как гармонию между головой и сердцем, как божественное, любовное отношение между «Я» и «Ты» и т. д. Все это Деборин, как мы увидим, сервирует под марксизм.

Первым основным принципом фейербаховской философии, пишет Деборин, является положение о единстве и различии суб'екта и об'екта. «В тесной и неразрывной связи с указанным принципом находится *принцип потребностей*. Само познание определяется потребностями. Мы познаем *в процессе потребления* (!) внешних вещей. Поэтому теория потребностей утверждает *практический* характер всего философствования Фейербаха» (349, разр. Деборина).

Хотя в этом отрывке говорится о Фейербахе, но извращается в нем марксизм.

Если *потребительская* точка зрения и есть *практическое* отношение к миру, то почему Маркс и Энгельс так критиковали потребительскую точку зрения Фейербаха и других? Чем тогда марксизм отличается от Фейербаха? Принцип потребностей, говорит т. Деборин, находится в неразрывной связи с учением о единстве суб'екта и об'екта. Итак выходит, что, отбрасывая потребительский принцип, Маркс должен был также отказаться и от принципа единства суб'екта и об'екта, неразрывно с ним связанного. *Либо Маркс поступил непоследовательно*, отбросив один принцип и сохранив другой, «неразрывно» с первым связанный, *либо Маркс стоит на потребительской точке зрения!*

Так замазывает Деборин вопрос о том, что практика, понимаемая как удовлетворение потребностей, есть *созерцательное* отношение к действительности, т.-е. не является практикой в марксистском, диалектико-материалистическом понимании.

Если бы Деборин хотел (и мог) подойти к Фейербаху по-марксистски—он должен был бы сказать: заслугой Фейербаха является открытие, провозглашение принципа единства и различия суб'екта и об'екта. Но последовательным материалистическим выводом из этого принципа является «производственная» точка зрения вместо фейербаховской «потребительской». Фейербах в силу таких-то и таких общественно-исторических условий не сумел сделать этого вывода: он остался материалистом снизу, идеалистом сверху. За потребительским отношением он не видел деятельного, практического отношения общественного человека и человеческого общества к природе, его материализм был созерцательным. Этот недостаток был преодолен Марксом и Энгельсом на критике Фейербаха. Именно замеченные и устраненные не-

достатки философии Фейербаха дали Марксу и Энгельсу, выраставшим на критике всей предшествующей философии, в том числе и фейербаховской, «возможность сделать целый переворот в общественной науке и особенно в социализме» (Плеханов, т. VI, стр. 305).

Так должен был сказать Деборин, если бы он был свободен от либерально-академического, «беспартийного» отношения к философским учениям. Иначе у него, как мы видели, получается искажение и Фейербаха и марксизма. Деборин поставил себе задачу поднять Фейербаха до Маркса. Задача ложная, противоречивая с самого начала; такую задачу можно поставить себе, лишь отказавшись от историзма, от марксизма. Результатом работы Деборина является принижение марксизма до фейербахианства.

«Маркс, в своих знаменитых тезисах о Фейербахе,—пишет т. Деборин,—не отвергает основных принципов его учения, а дополняет, углубляет и, тем самым, видоизменяет их. Маркс сразу нащупал слабое место в философии Фейербаха; тем не менее (!) «материалистические взгляды Маркса и Энгельса,—говорит вполне правильно Плеханов,—развивались в том самом направлении, которое указывалось внутренней логикой философии Фейербаха»...

Мы вполне согласны с Плехановым в том, что «Маркс и Энгельс вовсе не перестали разделять весьма значительной части его, Фейербаха, собственно философских взглядов. И это лучше всего доказывается теми тезисами, в которых Маркс критиковал Фейербаха. Тезисы эти вовсе не устраняют основных положений философии Фейербаха; они только исправляют эти положения— и главное—требуют более последовательного, чем у Фейербаха, приложения их к об'яснению окружающей человека действительности, в особенности его собственной деятельности (Плеханов. Осн. вопросы марксизма)». (Деборин, там же, 352. Разрядка моя.—*П. В.*).

Как известно, Деборин и его ученики пытались Плеханова представить как теоретика, а Ленина—как практика, последовательно прилагавшего философию Плеханова к об'яснению действительности.

Теперь Деборин пытается Маркса и Энгельса представить нам лишь как практиков, последовательно проводящих в жизнь философию Фейербаха!.. Налицо ревизионистская «недооценка» не только Ленина, но и Маркса!

5. Воля и этика.

«Все отношения между людьми,—писал Энгельс о Фейербахе,—имеют в его глазах только одну сторону: нравственность. И здесь нас опять поражает удивительная бедность Фейербаха в сравнении с Гегелем. У Гегеля этика, или учение о нравственности, есть философия права и обнимает: 1) отвлеченное право, 2) мораль, 3) бытовые нравственные отношения, к которым относятся: семья, гражданское общество, государство. Насколько идеалистична здесь форма, настолько же реально содержание. Вместе с моралью оно заключает в себе всю область права, экономии и политики. У Фейербаха — как раз наоборот. По форме он реалист; за точку отправления он берет человека. Но он ни единым словом не упоминает об окружающем человека мире, и потому его человек остается тем же отвлеченным человеком, который фигурирует в религии» (Энгельс, «Л. Фейербах», стр. 51).

Вопрос о практике в философии всегда справедливо связывался с общественной жизнью. Но идеалисты и находящиеся на пути к ним эту связь понимали в кантианском смысле: теоретический разум в сфере практического превращается в проблему этики, нравственной воли. У них не было и речи об общественной практике, как поведении, борьбе и деятельности классов, партий, государства, как работе промышленности (Энгельс) и проч.

У Деборина, отчасти и у Плеханова, мы видим именно такое кантианское понимание практики. Чернышевского интересовали в философии, говорит Плеханов, те вопросы, «которые имеют непосредственное отношение к задачам практической жизни. Таков, наприм., вопрос о философской основе нравственности, а прежде всего о воле» (Плеханов, Соч., т. V, стр. 202).

В этой формулировке «практической жизни» даже и не пахнет практически-критической революционной деятельностью. В понимании практики Плеханов сам (как и Чернышевский) не пошел дальше Фейербаха. В другом месте Плеханов становится на почву ограниченного, узко-гносеологического, фейербахианского определения практики.

«Отсюда неизбежно следует,—комментирует Плеханов Фейербаха,—если мы хотим проверить истинность наших представлений о предметах, то мы должны апеллировать к чувственному опыту, т.-е. к практике» (Плеханов, т. VI, стр. 349).

Чувственный опыт Плеханов отожествляет с практикой, тем самым принижает, сужает ее значение и роль, не доводит ее до деятельности.

Итак, Плеханов сам не понял, что такое «революционная практически-критическая деятельность», а поэтому считает упрек Маркса в отношении Фейербаха несправедливым.

Не ушел в отношении практики дальше Плеханова и Деборин. Наоборот, он ухудшил Плеханова. Деборин практику свел к вопросу о воле и нравственности. Но нравственность, мораль и так называемые общественные нормы отнюдь не покрывают собой общественной практики в марксистском понимании.

«В области этики (и политики) Фейербах также стоял в общем на материалистической точке зрения» (358). Это направлено против Энгельса, который писал:

«Действительный идеализм Фейербаха выступает наружу тотчас же, как мы подходим к его этике и философии религии» (Энгельс, «Л. Фейербах», стр. 48, разрядка в обоих случаях моя.—*П. В.*).

Основной мотив философии Фейербаха, продолжает Деборин, «дает себя чувствовать и в его этике, где он ведет отчаянную борьбу с идеализмом». «Фейербах и в области этики стоял на твердой почве материализма... Фейербах дает блестящий анализ психологии человеческой воли» (336).

«Элементы морали, таким образом, коренятся в самой жизни, т.-е. в физических (разрядка моя.—*П. В.*), естественных отношениях людей. ... Тут мы имеем перед собой непроизвольное, так сказать, начало источника морали» (337).

И это выдается за «твердую почву материализма»! Этика и мораль коренятся не в общественных отношениях людей и общественном способе производства, но в физической организации человека!

«Как пороки, так и добродетели, — комментирует т. Деборин Фейербаха,—покоятся на телесных и чувственных основаниях. Материализм (предыдущую фразу Деборин принимает за материализм!—*П. В.*) — единственное точное основание морали» (330).

Совершенно ясно, что мораль, вытекающая из воли (из практического разума), и пороки и добродетели, основанные на телесных и чувственных данных,—это не материалистическая мораль, а взгляды Деборина в этом вопросе не марксистские, а бентамовские.

Деборин думает, что воля—это и есть практика... Такое представление о практике есть поворот от марксизма к самому худшему идеализму и фидеизму фихтеанско-шопенгауэровского типа. Чего, например, стоят такие перлы в книге Деборина: «только воля дает мне уверенность в существовании

внешнего мира» (326). «Без воли нет сознания о внешнем мире» (347). Как согласовать это с марксизмом?

Фейербаховский морализм, который был присущ утопическим социалистам, но никак не научному социализму Маркса-Энгельса, т. Деборин выдает за источник материализма и атеизма.

«Я бы хотел лучше быть дьяволом в союзе с истиной, чем ангелом в союзе с ложью», говорил Фейербах. Тов. Деборин «комментирует» это место: «Истина и справедливость составляли основные черты его кристально-чистой личности. Они же составляют источник его материализма и атеизма» (стр. 49). Ни тени классового анализа, ни намека на раз'яснение, каким образом атеизм и материализм можно вывести из «справедливости» и «истины».

Фейербах, по словам Деборина, развивал взгляды о том, что «природа—коммунистка». «Естествознание неизбежно должно внушить коммунистические взгляды». «Правильное понимание природы возвышает человека над узкими границами мучительного права; она делает человека коммунистом». «Природа внушает нам коммунистические, антигосударственные и антиправовые убеждения» (338). Так комментирует Деборин Фейербаха без единого намека на критику. И, как нам кажется,—это не случайно. Сам комментатор принимает или полупринимает такие взгляды Фейербаха. В своей ст. в «ПЗМ» № 5 1930 г. Деборин проблему соотношения теории и практики и «проблему» социализации (!) чувств (!) ставит не в плоскости революции общественных отношений, но в плоскости отношения человека к чувственному познанию, к вещам, к природе (см. «ПЗМ» № 5, стр. 16—23).

Природу Фейербах понимал, как данное, т.-е. абстрактно, природу человека—в биологическом, узко-физиологическом смысле. «Элементы морали (по Фейербаху.—*П. В.*)... коренятся... в физических, естественных отношениях людей», «бессознательное физическое начало есть источник морали» — так излагает Фейербаха Деборин (336, 337), даже и не пытаясь критиковать. Наоборот, он пишет, что «Фейербах и в области этики стоит на твердой почве материализма» (336).

«С моралью Фейербаха, — писал Энгельс, — случилось то же, что и со всеми ее предшественницами. Она выкроена для всех времен, для всех народов, для всех состояний, и именно потому она неприложима нигде и никогда. По отношению к действительному миру она так же бессильна, как категорический императив Канта» (Энгельс, «Л. Ф.», стр. 55). Но что Деборину Энгельс!

6. Существовал ли марксизм до Маркса?

Деборин превращает Фейербаха не только в доподлинного, чистого материалиста, но и в диалектика. Здесь, правда, он не может опереться на Плеханова, который писал:

«Недостаток Фейербаха заключается в том, что он, борясь со спекулятивной философией Гегеля, не обратил должного внимания на ее сильную сторону, состоявшую в том, что она рассматривала явления с диалектической точки зрения».

«В фейербаховском материализме почти совсем не было отведено места диалектике, вследствие чего он оказывался слабым всюду, где ему приходилось сталкиваться с процессами развития» (Плеханов, Соч., VI, стр. 305—306). (Заметим, что Плеханов в то же время непоследовательно считал, что Фейербах «дошел до исторического взгляда на природу», там же, т. VI, стр. 347).

Плеханов прав, что Фейербах не был диалектиком. Фейербах, правда, пользовался диалектическими приемами Гегеля, но это нашло отражение лишь в стиле его писаний. В своих взглядах он оставался абстрактно-метафи-

зическим философом-созерцателем, т.-е. страдал всеми недостатками французского материализма XVIII века.

Фейербах огульно отрицал Гегеля, в том числе и его диалектику. В 1868 г. Маркс писал: «В Германии... думают, что диалектика Гегеля—это «дохлая собака». В этом отношении многое лежит на совести Фейербаха» («Письма», стр. 207).

В том же духе высказывался и Энгельс: «Он не победил Гегеля оружием критики, а просто отбросил его в сторону, как нечто негодное к употреблению, и ничего не противопоставил энциклопедическому богатству гегелевской системы, кроме напыщенной религии любви и тощей, бессильной морали» (Энгельс, «Л. Ф.», стр. 56).

Деборин думает оправдать ругань Фейербаха по отношению к диалектике тем, что Фейербах имел в виду идеалистическую диалектику. Но, как известно, во времена левого гегельянства материалистической диалектики вообще не было. Ее надо было создать. Вместо прямого и ясного ответа, что Фейербах недооценил, не понял значения диалектики и не заметил того рационального зерна, которое скрывала в себе под мистической оболочкой диалектика Гегеля, вместо этого т. Деборин находит всякие оговорочки и оправдания и хочет превратить Фейербаха в диалектика.

Преодолеть идеализм окончательно и навсегда мог только диалектический материализм. Выше мы видели, что, по свидетельству Маркса-Энгельса, Фейербах не только не сумел решительно преодолеть идеализма, но и сам, в собственной философии, в некоторых вопросах оставался идеалистом. Так считают основоположники марксизма.

Иначе думают ревизионисты.

Фейербах, пишет В. Рожицын, «был последовательным диалектиком» воспользовался диалектическим оружием, помощью которого разрушил идеалистические построения» («Маркс как философ», стр. 24).

Таким образом, Марксу оставалось только «всецело разделять фейербаховскую критику идеализма» (там же, стр. 25).

Фейербах,—пишет В. Рожицын,—«был последовательным диалектиком» (сб. «Памяти Фейербаха», 135). «Фейербах усвоил от гегельянства только его основное революционное ядро, его диалектику» (там же, стр. 230).

Фейербах «воспользовался гегелевским диалектическим методом для построения материалистической философской системы»,—пишет Тымянский.

В том же духе пишет Деборин:

«Его (Фейербаха) критику идеализма следует признать самой сокрушительной и, с нашей точки зрения, окончательной» (88).

А мы-то думали, что окончательным преодолением идеализма является только диалектический материализм! По мнению Энгельса — «Гегелевская школа разложилась, но критика еще не справилась с гегелевской философией... Фейербах только порвал и отбросил в сторону систему. Но об'явить данную философию ошибочной еще не значит справиться с нею. И нельзя было посредством простого игнорирования устранить такое могучее произведение, как гегелевская философия, имевшая огромное влияние на духовное развитие нации» (Энгельс, «Л. Фейербах», 37).

Совершенно ясно, что книга Деборина во всех пунктах идет против Энгельса.

Но Фейербах, по Деборину, не только диалектик: он также и марксист! «Мы не погрешим против истины, если скажем, что Фейербах в 1870 г. стал «марксистом», что если в сороковых годах Маркс пришел к материализму и коммунизму через Фейербаха, то в конце 60-х годов бывший «учитель» стал в известном смысле «учеником» своего «ученика», приняв революционную программу и тактику марксизма. Так жизнь снова свела обоих мыслителей» (81—82). В одной фразе Деборин наставил столько кавычек, что трудно

понять тот «известный смысл», о котором он говорит. Вследствие этих кавычек:

... «Эти речи—

способны и утешить и мучить:

Двусмысленны, как их ни поверни...» (Шекспир).

Основанием для сказанного Деборину послужил факт вступления Фейербаха в с.-д. партию.

В действительности же вступление в партию не сделало Фейербаха марксистом.

«Политика была для Фейербаха недостижимой областью», — пишет Энгельс («Л. Ф.», стр. 52).

«Неосновательно утверждение об аполитичности Фейербаха», — парирует Деборин (25).

Не только коммунизм, но и «социализм» Фейербаха берется Лениным в кавычки (Лен. сб. XII, стр. 113). Там же Ленин замечает, что «Фейербах не понял революции 48 г.» (Лен. сб. XII, стр. 87). В книге Деборина находим стремление представить дело наоборот (см. стр. 64—67).

7. Итоги.

Из всего предыдущего ясно, что в важнейшем вопросе о генезисе марксизма и о логической и исторической связи Фейербаха с марксизмом мы имеем широкую ревизию марксизма, его принижение и искажение, а также фальсификацию марксистской истории философии.

Плеханов хотел умерить воинственность марксистской диалектики неверным переводом 2-го тезиса Маркса о Фейербахе и целым рядом своих комментариев. Деборин продолжает ту же линию иным средством — «беспристрастного изложения». Эпигоны и ученики более мелкого калибра делают то же дело на другие лады. Все это об'ективно означает подлинную ревизию марксизма и превращение его, равно как и фейербахизма, в ряд логических, пустых и выхолощенных формалистических положений, стоящих вне связи с общественно-исторической классовой практикой и задачами революции и искажающих историческую перспективу на возникновение и развитие марксизма.

По Плеханову, Фейербах создал материалистическую философию; «главное» же для Маркса—это «более последовательное приложение идей Фейербаха «к об'яснению окружающей действительности».

Энгельс, по Плеханову, лишь «способствовал дальнейшему систематическому развитию взглядов Фейербаха» (Плеханов, Соч., т. V, стр. 30).

Эту мелодию подхватывает В. Рожицын: «Энгельс не был самостоятельным философским умом» (сб. «Памяти Фейербаха», стр. 134).

В книге Деборина мы имеем повторение всего этого на расширенной основе и попытку по всем пунктам противопоставить Энгельсу свои контрположения.

Какой же должна быть подлинная, а не искаженная перспектива на историческую роль философии Фейербаха?

«Я считал, — писал Энгельс в своем «Л. Фейербахе», — что за нами остается долг чести: полное признание того влияния, которое имел на нас, больше чем какой-нибудь другой философ послегегелевской эпохи, Фейербах в период бурных стремлений»!

Нам кажется важным обратить внимание на подчеркнутые слова. Энгельс говорит не «вопче» и не в пресловутом «известном смысле», а об определенном периоде в развитии диалектического материализма.

В другом месте Энгельс выражается не менее ясно: «все мы стали на время последователями Фейербаха» (Энгельс, «Л. Фейербах»).

Это время, как мы теперь знаем, было очень коротким. Уже в «Святом семействе» (1844) Маркс и Энгельс не остаются просто учениками Фейербаха, но делают дальнейшие шаги в разработке своего мировоззрения, отличного от фейербаховского. А уже в «Немецкой идеологии», относящейся к 1845—46 гг., Маркс и Энгельс подвергают слабые пункты фейербахизма уничтожающей критике (см. Архив М. и Эн., кн. 1, «Маркс и Энгельс о Фейербахе»). В письме же от 1867 г. Маркс пишет, что перечитывал «Святое семейство» и остался доволен, найдя, что «нечего стыдиться этой работы, хотя культ Фейербаха может показаться теперь смешным».

В своих заметках при конспектировании двух наиболее значительных произведений Фейербаха — «Сущность христианства» и о Лейбнице Ленин отмечает именно эту сторону вопроса — прослеживает, как Маркс и Энгельс «вырастали из Фейербаха».

«Маркс в 1844—47 гг. ушел от Гегеля к Фейербаху и дальше Фейербаха к историческому (и диалектическому) материализму» (Лен. сб. XII, стр. 297, разрядка Ленина).

Сравнивая Маркса с Лассалем, Ленин пишет: Маркса интересует «движение вперед от Гегеля и от Фейербаха дальше, от идеалистической диалектики к материалистической» (там же, разрядка Ленина).

Итак, Маркс развивался не к Фейербаху и не с Фейербахом, но через и от Фейербаха (и Гегеля).

К «Сущности религии» Ленин замечает: «Как сильно уже в это время (1848—51) отстал Фейербах от Маркса и Энгельса» (там же, стр. 115, разрядка Ленина).

Как далеки от этого единственно верного понимания вопроса все утверждения Плеханова («Энгельс способствовал развитию взглядов Фейербаха». «Маркс и Энгельс на всю жизнь остались последователями Фейербаха» etc.), Аксельрод, Деборина, Рожицына, Семковского и др.

Фейербах в общем является представителем буржуазного материализма, и его философии были свойственны все те недостатки, какие были присущи до-марксовскому материализму в целом, т.-е.: 1) механистичность в широком смысле этого слова (хотя фейербаховский материализм «по типу» выше, чем философия вульгарных «разносчиков материализма» — Бюхнера и других), 2) антиисторизм — метафизичность, абстрактность метода, недиалектичность, 3) созерцательность, непонимание практики и значения революционной практически-критической деятельности.

«Вся философия Фейербаха, — писал Маркс в 70-х годах, — вытекает из: 1) натурфилософии — пассивного благоговения, восторженных коленопреклонений перед блеском и всемогуществом природы, 2) антропологии а), из физиологии, в которой ничего нового, кроме того, что сказано материалистами о единстве тела и души, не говорится, только не столь механически, но зато несколько чрезмерно распространенно, б) из психологии, которая сводится к возносящим ее до небес дифирамбам любви, подобно культу природы, больше ничего нового, и 3) из морали, требования соответствовать понятию человека, — бессилия, взятого в действии».

Значение Фейербаха Маркс, по словам Ленина, видел «в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма». Но заслуга разработки диалектического материализма всецело принадлежит Марксу и Энгельсу. Поэтому лишены исторической правды утверждения Плеханова, Деборина и др., что «марксизм и является продолжением и дальнейшим углублением и развитием фейербахианизма» (Деборин, «Л. Ф.», стр. 49, разрядка моя.—*П. В.*), или что «философия Фейер-

баха является для Маркса «логической основой» коммунизма» (там же, стр. 60).

Материализм в лице основоположников марксизма принял новый вид. Маркс открыл законы классовой борьбы, законы развития капиталистического способа производства, законы общественного движения (исторический материализм) и т. д. Материализм в соединении с материалистической диалектикой Маркса принял совершенно новый вид, принципиально отличный от фейербаховского.

Фейербах с созданием марксизма сделался пройденной и изжитой ступенью материализма, и не только ступенью пройденной, но и во всех отношениях преодоленной, превзойденной.

О фашисте Джентиле.

*(Ответ на ст. Чернышева *)*

Б. Быховский.

I.

Эпоха империализма, когда реакционность буржуазии достигает крайней степени, сопровождается в области философии решительным поворотом буржуазных идеологов к законченно-метафизическим и мистическим системам. Половинчатые, компромиссные учения не удовлетворяют идеологов империалистической реакции. Буржуазная философия возрождает наиболее махровые формы мракобесия, воскрешает все, что было наиболее реакционного в истории идеализма. Циглер выражает общее настроение философии загнивающего капитализма, говоря: «Не следует и не должно подавлять в нас самих мистические и мифические силы первобытных времен» [1]).

В последние годы, в годы всестороннего обострения и углубления всеобщего экономического кризиса капиталистического общества и нарастания элементов революционного кризиса, буржуазная философия особенно усиленно обращается к философии Гегеля. Оклеветанный и забытый буржуазией Гегель стал снова модным философом. Неогегельянство заняло выдающееся положение в современной буржуазной философии. Кантианцы, «философы жизни», гуссерльянцы все более тяготеют к неогегельянству, становящемуся фокусом реакционных устремлений современной буржуазной философии.

Ошибкой было бы думать, что неогегельянство представляет собой полное и прямое воспроизведение философского учения исторического Гегеля. Отнюдь нет. Неогегельянство «перерабатывает», приспособляет к себе Гегеля. Ему чужды и враждебны революционные тенденции гегелевской диалектики, оно отбрасывает рациональное ядро его учения, те подлинно ценные элементы, которые содержатся в мистифицированной форме в гегелевской идеалистической диалектике. Неогегельянство цепляется лишь за то, что есть мертвого, реакционного, мистического у Гегеля, за шелуху, сор его идеалистической системы, за абсолютную идею, боженьку. Современную буржуазию прельщает абсолютный идеализм. Неогегельянство утрирует реакционные элементы учения Гегеля, раздувает их, доводит до предела поповщину. «То, что в Гегеле бессмертного,—декларирует Шольц,— всецело заключается в той великой работе, которую он выполнил, как философ духа...» [2]). «Идея различает себя в себе самой, чтобы свое другое положить,

*) От редакции. Данная в настоящей статье критика ст. Чернышева выражает мнение редакции.

[1]) L. Ziegler, Der europäische Geist.

[2]) H. Scholz, Die Bedeutung der Hegelschen Philosophie für das philosophische Denken der Gegenwart (1921), S. 55.

как природу, в ней же притти к себе самой, обернуть его и стать духом для себя. Недопустимо называть себя гегельянцем, если эту формулу не постигнуть и не признать ядром гегельянства»,— вторит голландский неогегельянец ван-Люнтерен [1]).

Весьма характерны в этом отношении воззрения вождя неогегельянства, председателя международного гегельянского союза Р. Кронера. Кронер всячески доказывает иррационалистический характер гегельянства. В диалектике Гегеля он находит наивысшую форму иррационализма. «До Гегеля, — пишет он, — никогда еще не было иррационалиста, который был бы им столь философским, столь мыслящим, столь научным образом, как он... Гегель, без сомнения, величайший иррационалист, какого знает история философии. Ни один мыслитель до него не сумел настолько иррационализировать понятие, настолько просветить иррациональнейшее сквозь понятие, как он...» [2]). «Гегель—иррационалист, ибо он диалектик, ибо диалектика — превращенный в метод, сделанный рациональным иррационализм,—ибо диалектическое мышление есть рационально-иррациональное мышление. Гегелевскую философию называли «рациональной мистикой», что в самом деле отмечает ее двойственный характер» [3]). Мистицизм, иррационализм — вот что пленяет неогегельянцев.

Вполне понятно, что марксизм не может пройти мимо этого поворота реакции к Гегелю. Неогегельянство выступает как злейший реакционный антипод революционной материалистической диалектики. Мы обязаны вскрыть истинное лицо неогегельянской философии, разоблачить ее классовую природу, ее архиреакционную поповскую сущность, содрать фразеологическое покрывало с идеологии врага. Мы обязаны разоблачить роль и значение неогегельянства в современной борьбе классов, его враждебность интересам пролетариата. Тем более мы должны это сделать, что главная опора буржуазии — социал-фашисты — не отстают от своих хозяев и поспешают перестроить свои философские лиры на неогегельянский лад. З. Марк, Г. Маркузе, К. Корш и прочие Адлеры стараются не отставать от философской эволюции буржуазии. Они стараются распространить в рядах рабочего класса миазматические философские «идеи» неогегельянства.

Не случайно современная буржуазия в поисках для своей философии законченно-идеалистического прообраза обратилась к диалектическому идеализму. Ее влечет к Гегелю предпочтительно перед другими идеалистами его идеалистическая диалектика, которую современные реакционеры используют в качестве идеологического оружия буржуазии против революционной материалистической диалектики Маркса — Ленина.

Причина увлечения идеологов современной буржуазии идеалистической диалектикой коренится в характере переживаемого современным капитализмом этапа. Жесточайший кризис, глубочайшие классовые противоречия, крайняя неустойчивость капитализма, развал всей буржуазной культуры, кризис буржуазной науки. «Бесконечная ткань глубочайших непреодолимых парадоксов» (А. Либерт); «болезненнейшие диссонансы и почти неразрешимые антиномии, разрывающие действительность» (Т. Лит),—вот, что образует корень обращения к Гегелю. «Поглядим ли мы, — жалуется гегельянствующий гуссерльянец Т. Лит,—на внешние условия, которыми ограничено бытие нашего народа на непредвидимое время, или мы обратимся к внутреннему расчленению племен, сословий, классов, спросим ли мы о политических, нравственных, религиозных убеждениях, таящихся в его нед-

[1]) Van-Lunteren. Рец. на книги Larenz'a и Lewy. («Logos», XIX, S. 295).
[2]) R. Kroner, Von Kant bis Hegel, B. II, S. 271.
[3]) Там же, стр. 272.

рах, — всюду тяжелая борьба, напряженность стеснения. всюду смешение и брожение непримиримых элементов, всюду столкновения, — в более и грубых формах простой борьбы за существование, или в возвышенных, но благодаря этому не более мягких формах конфликтов мировоззрений, — коротко, — на первый взгляд сумятица многотысячегранного движения, в котором все кажутся стоящими против всех... Для веры в гармонию идеи гуманности в этом жестоком мире нет места» [1]). На этой почве загнивающего капитализма, жесточайшего кризиса капиталистической системы, отражающегося в развале буржуазной культуры, вырастает мистическая диалектика неогегельянства. Потерявшая устойчивость в безысходном кризисе и «трагических и гигантских противоречиях» (А. Либерт) буржуазная философия пытается достигнуть самосознания в идеалистических, мистических учениях о движении и противоречиях логических категорий, духовных сущностей.

При этом мы наблюдаем две важнейшие разновидности неогегельянства, которые являются идеалистическими отображениями двух различных сторон одного и того же процесса гниения и кризиса капитализма: философию бесперспективного отчаяния и философию оголтелой фашистской «действенности». Первое из названных течений представляет собой не что иное, как вариации на тему, наиболее ярко выраженную у Шпенглера, певца заката капиталистической Европы и гибели буржуазной культуры: «Мы стоим теперь на верхушке, там, где начинается пятый акт. Одно решающее событие сменяется другим, и трагедия заканчивается. Только мечтатели верят в исход; оптимизм — это трусость. Мы рождены в этой эпохе и должны храбро пройти до конца назначенный нам путь. Нет другого пути; наш долг — держаться на постоянном посту без надежды, без видов на спасение, держаться, как тот римский солдат, которого нашли у ворот Помпеи и который погиб, так как его забыли сменить перед извержением Везувия. Этот честный конец является единственным, которого нельзя отнять у человека» [2]).

Выражаемое Шпенглером настроение широко распространено в среде современной буржуазной интеллигенции. Безнадежность, пессимизм — одна из характерных черт новейшей буржуазной философии. Вот как характеризует эту тенденцию видный немецкий идеалист неофихтианец Хеймзет: «И особенно теперь, на основании опыта духовно-исторической действительности, во всеобщей реакции против... оптимизма прогресса — развитие и жизнь понимаются как прогресс не более, чем как упадок, восход — чем закат, осмысленность,—чем уродство и бессмысленность. Также и здесь, именно здесь, заброшено телеологическое предопределение. Актуализм и гераклитизм новой метафизики жизни желает основательно и более глубоко признать и вскрыть иррациональность действительности (в природе и в истории)... И в преданной жертвенности, неисчерпываемой полноте и демонически играющей силе, бесконечной и не знающей покоя продуктивности «жизни» должно быть получено не ослабленное никакими синтетическими примирительными конструкциями трагическое сознание гибели иллюзий и вечной борьбы жизненных сил» [3]).

Весьма ярко выражена связь безнадежности современной буржуазии с поворотом к гегельянству в идеалистической «трагической диалектике» А. Либерта. Он, как и И. Кон, понимает диалектические противоречия как антиномии, т.-е. как неразрешимые противоречия, абсолютные, вечные, непреодолимые противоположности и разрывы. Здесь «диалектика» недвусмысленно выражает чувство безысходности из хаоса, беспросветности

---

[1]) Th. Litt, Die Philosophie der Gegenwart (II Aufl. 1927), S. 74—5.
[2]) O. Spengler, Der Mensch und die Technik.
[3]) H. Heimsoeth, Die Metaphysik der Neuzeit (Bäumler u. Schröter. Handbuch der Philosophie, Lf. 24), S. 210.

Небезынтересны в этой связи «категориальные основные законы» неогегельянца Н. Гартманна. Всеобщим законом, господствующим в «мире категорий», является, согласно Гартманну, «закон силы», который заключается в том, что высшие, более совершенные формы «бытия» всегда являются более слабыми по сравнению с низшими. Сила и высота, совершенство всегда находятся в обратном отношении друг к другу. Но Гартманн устанавливает и другой закон — «закон свободы». Согласно «закону свободы» высшие слои бытия вопреки своей относительной слабости все же являются свободными, независимыми по отношению к низшим. В этих «законах» в царство категорий переносится, с одной стороны, страх буржуа перед усиливающимися «низшими слоями», с другой — самомнение и непримиримость господствующего класса.

Как бы ни было симптоматично охарактеризованное течение, оно тем не менее не является господствующим в неогегельянстве. В то время, как «трагическая диалектика» в современном неогегельянстве отражает в себе преимущественно момент гниения, распада капитализма, господствующая форма неогегельянства, к которой мы сейчас перейдем, на первое место выдвигает наступательные тенденции теряющей почву буржуазии. Это — воинствующее неогегельянство фашистских головорезов, философия ожесточеннейшей борьбы реакционной буржуазии за подавление революционного пролетариата, за сохранение своего господства какой угодно ценой и любыми средствами, философия смертельной схватки с врагом. Фашистское неогегельянство—философия последней ставки буржуазии.

«... Процесс наступления буржуазно-империалистической реакции приобретает при особых исторических условиях форму фашизма. Такими условиями являются: неустойчивость капиталистических отношений, наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец, постоянная угроза массовых выступлений пролетариата... Главной задачей фашизма является разгром революционного рабочего авангарда, т.-е. коммунистических слоев пролетариата и их кадрового состава. Комбинация социальной демагогии, коррупции и активного белого террора наряду с крайней империалистической агрессивностью в сфере внешней политики является характерной чертой фашизма. Используя в особо критические для буржуазии периоды антикапиталистическую фразеологию, фашизм, у п р о ч и в ш и с ь у р у л я г о с у д а р с т в е н н о й в л а с т и, в с е б о л е е о б н а р у ж и в а е т с е б я к а к т е р р о р и с т и ч е с к а я д и к т а т у р а к р у п н о г о к а п и т а л а, теряя по дороге свои антикапиталистические побрякушки... Метод фашизма и метод коалиции с социал-демократией, будучи методами необычными для «нормального» капитализма, являясь признаками о б щ е г о к а п и т а л и с т и ч е с к о г о к р и з и с а, используются буржуазией для з а м е д л е н и я н а с т у п а т е л ь н о г о х о д а р е в о л ю ц и и» [1]).

Фашистская форма диктатуры буржуазии представляет собою государственную форму, которая принципиально и по своей сущности не противоположна буржуазной демократии. Фашизм и буржуазная демократия суть лишь две различные формы все той же диктатуры буржуазии. «Мирное» перерастание одной в другую — фашизирующейся буржуазной демократии в открытую фашистскую диктатуру — мы с чрезвычайной отчетливостью наблюдаем в настоящее время в Германии (правительство Брюнинга — Брауна).

Сущность фашизации буржуазной демократии составляет «процесс перехода буржуазной диктатуры к о т к р ы т ы м ф о р м а м п о д а в л е н и я

[1]) Программа Коминтерна. Разрядка моя.

трудящихся». «Главное в фашизме — это его открытое наступление на рабочий класс всеми методами принуждения и насилия, это — гражданская война против трудящихся»[1]).

Для правильного понимания сущности фашизма необходимо уяснить взаимопроникновение в нем двух сторон. Во-первых, следует понять фашизм (и соответственно его идеологию) как порождение гниющего, безвыходно-кризисного империализма. «Появление фашистского движения в нынешних исторических условиях свидетельствует о том, что капитализм изжил себя, вызрели все предпосылки для социального преобразования общества». Фашизм—«один из симптомов дезориентации правящих классов и их стремления на путях подавления рабочего класса найти выход из положения»[2]). «На уродливость его идеологических форм (неогегельянство! — Б. Б.) влияет то, что он является политической надстройкой загнивающего капитализма»[3]).

Тот, кто не понимает этой стороны фашизма, — того, что он возникает на зыбкой почве загнивающего капитализма, кто рассматривает фашизм как обычное наступление буржуазии, кто видит в нем признаки силы капитализма,— тот неизбежно скатывается на правооппортунистическую позицию, впадает в пессимизм, неверие в силы рабочего класса и близость победы социалистической революции.

Но столь же неверно видеть в фашизме только одну охарактеризованную сторону — гниение, упадок, вырождение. Это привело бы к «левой» ошибке (по форме противоположной, а по существу тождественной первой) — к вере в автоматическое падение капитализма, в его самораспад, саморазложение, к оппортунистической недооценке значения активной революционной борьбы как необходимого условия гибели капитализма. «Фашизм не есть только выражение кризиса капитализма и начавшегося разложения правящих классов. Сказать только это, значит еще не сказать всего. Фашизм это есть одна из форм наступления капитала, содержащая в себе элементы преодоления этого кризиса методами выхода из него на капиталистических путях. Фашизм есть и офензива и оборона капитала... Фашистское движение на деле есть одна из форм наступления капитала в обстановке общего кризиса капитализма и начинающегося разложения правящих классов. А это и делает из фашизма особую необычайную форму наступления капитала»[4]).

Таким образом, для правильного понимания фашизма необходимо уяснить выражаемое в нем двуединство наступательной активности реакционного крупного капитала и судорожности, беспочвенности этой акти-

---

[1]) Мануильский. Доклад на XI пленуме ИККИ. Разрядка моя.

В своей статье «Как нам быть с гегелевским наследством», помещенной в газете «За коммунистическое просвещение», П. Шабалкин совершенно извращает действительное положение вещей, когда пишет: «Марксизму-ленинизму буржуазия противопоставляет реакционную школу, церковь, государственный аппарат власти. Но этого теперь уже мало. Она обращается за помощью к «духу» своих предков—к Канту, Фихте, Шеллингу и Гегелю». (Разрядка моя). По Шабалкину, выходит, что «государственный аппарат власти «теперь» недостаточен, приходится прибегнуть к идеологии. На деле все обстоит наоборот,— идеологии, сеяние иллюзий, убеждение оказываются недостаточными, буржуазия вынуждена открыто противопоставить пролетариату «государственный аппарат власти», положиться только на прямое и открытое насилие и подавление.

[2]) Мануильский. Заключительное слово на XI пленуме ИККИ. Разрядка моя.

[3]) Мануильский. Доклад на XI пленуме ИККИ. Разрядка моя.

[4]) Мануильский. Заключительное слово на XI пленуме ИККИ. Разрядка моя.

ности. Наступление здесь есть выражение отчаянной борьбы за самосохранение капитализма, «превентивная контрреволюция». «Фашизм отражает диалектическое противоречие общественного развития. В нем заложены оба момента — и наступление правящих классов и их разложение» [1]).

Типичнейшим образцом фашистской философии является «учение» лжефилософа Муссолини, его «духовного маэстро» и бывшего министра просвещения Дж. Джентиле.

Философия Джентиле — этого, по выражению «представителя теистической метафизики духа» П. Вуста, «духовного предка фашизма» [2]) — является ярким выражением «уродливости идеологических форм» фашизма. Это — ясная и недвусмысленная философия «упрочившегося у руля государственной власти» и полностью «обнаружившего себя, как террористическая диктатура крупного капитала» фашизма. Неогегельянство Джентиле представляет собою четкое философское отражение указанного выше реакционного наступления капитала в условиях глубочайшего всеобщего смертельного кризиса капитализма.

Отправным пунктом философии Джентиле является поповский суб'ективный идеализм Беркли, который Джентиле хочет освободить от непоследовательности и противоречий и довести до логического конца. Джентиле не скрывает, что его «актуализм» — доведенный до крайности идеализм — представляет собой род мистицизма и поповщины. Он лишь старается расхвалить достоинство этой формы мистики. «Я мог бы сказать,— пишет он о своей философии,— что идеализм имеет достоинства мистицизма без его недостатков. Идеализм снова обрел бога и обращается к нему, но при этом не должен отбрасывать конечные вещи, так как без них он утерял бы бога... ибо конечная вещь есть всегда сама реальность бога...» [3]). Основным принципом философии Джентиле является безудержное проведение до конца идеализма, отрицания независимой от сознания об'ективной реальности. «Раз мир есть мир нашего опыта, раз мир опыта есть произведение Я, и, следовательно, выражение как творческой энергии, так и познавательных способностей того же Я..., — то необходимо отшвырнуть от себя всякую идею, всякую веру, всякий образ мыслей, дающие повод искать действительность вне Я... Необходимо со всей решительностью, поспешно, мужественно и со страстью сознающего свою ответственность человека утверждать эту истину, содержащую все остальные: что истинный мир есть мы; бытие есть познание, познание, которое есть бытие» [4]). Действительность для суб'ективного идеалиста Джентиле представляет собой вечную, первичную, чистую суб'ективность. Об'ект растворяется в суб'екте. Ничто не существует вне духа. Мышление абсолютно и независимо. Оно не нуждается ни в каком носителе, ни в каком мыслящем существе. Не только вещи, но и люди не существуют вне мышления. «Поскольку мы познали другого... наш ближайший перестает существовать вне нас». Это мыслящее без реального мыслящего существа, не нуждающееся в мозге и поглощающее всего ближнего «мы», по уверению Джентиле, «не находится в пространстве и во времени, напротив, пространство и время, все, что располагается пространственно и постепенно следует во времени, находится в нас» [5]).

Но и это не удовлетворяет Джентиле, не является для него достаточным. Чтобы быть вполне последовательным, идеализм должен сделать еще шаг вперед. И этот шаг Джентиле считает важнейшей особенностью своего «учения», тем «новым», что он внес. Это «новое» заключается в том, что не

[1]) Там же.
[2]) P. Wust, Die Dialektik des Geistes (1928), S. IX.
[3]) G. Gentile, L'esprit—acte pur, p. 249.
[4]) G. Gentile, Sistema di Logica, v. II, p. 144.
[5]) G. Gentile, L'esprit — acte pur, p. 114.

только материальные вещи, но и мысли растворяются в мышлении. Мысли, мыслимое, как слишком «предметное», «об'ективное», должны уступить первенство мышлению, как «чистому акту», «чистой суб'ективности». Джентиле различает мыслящее мышление и мыслимое мышление и только первому приписывает подлинную действительность и первичность. «Актуальный акт», «самопостроение мыслящего мышления», «чистое творчество», не нуждающееся ни в творящем, ни в творимом,—таково последнее слово буржуазной философии. «Акт» вытягивания духом самого себя за духовные волосы из духовной пропасти об'является сущностью мира. «Акт — по выражению Сгакцини, — есть сфинкс Ма, который, однако, откусывает не только свой хвост, но и свою собственную пасть» [1]). Этот «акт» является основой «диалектики» в философии Джентиле.

Диалектика, согласно Джентиле, присуща только духу. Природа же, вещи — недиалектичны, они — мертвые, косные продукты диалектики духа, результат прекращения процесса. Идеалистическая диалектика Гегеля является для Джентиле несовершенной потому, что она есть диалектика мыслимого, а не мыслящего актуального духа, она слишком «об'ективна», «предметна», «субстанциональна». Для фашистского философа диалектичность есть чистая суб'ективность; действительность есть никогда не осуществляющееся осуществление Я; диалектика есть свобода Я.

Здесь мы подошли к принципу, составляющему ядро философии чернорубашечников, к принципу «свободы». Как бы дико и нелепо ни было это словосочетание (свобода и фашизм!), принцип «свободы духа» является излюбленным философским коньком идеологов фашистских палачей и тюремщиков. Но о какой «свободе» идет речь? Ясно, что не о свободе от классового гнета, от эксплоатации, от паразитизма меньшинства и полуголодного существования большинства; на подавление и разгром революционного освободительного движения пролетариата против капиталистического рабства направлены все силы фашистских головорезов. Речь идет даже не о куцой буржуазной «свободе» — формальной демократической «свободе» слова, печати, собраний, которой так хвасталась буржуазия; с призрачными остатками такой свободы сейчас зверски расправляются фашисты. Фашистская «философия свободы» представляет собой философию остервенелого противодействия исторической необходимости, отчаянную судорожную попытку потерявшей почву под ногами буржуазии во что бы то ни стало задержать колесо истории, удержаться, устоять перед роковой для нее исторической неизбежностью. Фашистский актуализм есть философия реакционной активности, наступления теряющего почву под ногами обреченного класса.

Передовой общественный класс, пролетариат, понимает свободу как революционное преобразование общества на основе познания исторических законов необходимой гибели капитализма и перехода к новому, бесклассовому социалистическому обществу. Осужденный же историей на гибель реакционный класс, буржуазия, не может опираться на об'ективную необходимость. Эта необходимость несовместима с ее «свободой», т. е. ее классовыми интересами, противоречит им, исключает их. Если бы даже современная буржуазия способна была познать об'ективную необходимость, то и в этом случае это познание могло посеять в ней лишь пессимизм, отчаяние, апатию. Вот почему философия современной буржуазии об'являет об'ективную необходимость призраком, от которого буржуазия хочет (но не может) освободиться. И так как этот призрак дает весьма реально знать о себе, то буржуазной философии не остается ничего иного, как об'явить

[1]) C. Sgakzini, G. Gentile's aktualistischer Idealismus («Logos», Bd. XIV), S. 235.

священный крестовый поход всех сил черной реакции против исторической необходимости. Она создает «учения», пришпоривающие буржуазию к борьбе, к активности, к тому, чтобы применить все средства, все силы, чтобы продержаться, устоять вопреки и против исторической необходимости. Таков актуализм Джентиле. Этот актуализм чистой суб'ективности есть философия воинствующего фашизма, философия последней бешеной схватки обреченной буржуазии за сохранение и удержание своего господства.

«Актуализм» есть философское обоснование фашистской «действенности»: экономического удушения рабочего класса, фашизации государственного аппарата буржуазии, усиления репрессий и свирепого белого террора, массовых арестов рабочих, закрытия революционных организаций, расстрелов рабочих демонстраций стачечников, убийства революционеров по суду и без суда и многолетних каторжных приговоров (см. резолюцию X пленума ИККИ).

По своей логической форме философия Джентиле всего ближе к суб'ективно-идеалистической диалектике Фихте, но своей реакционностью она отличается от буржуазно-революционной по своей тенденции философии Фихте. В обоих случаях имеет место позиция действенности, активности на идеалистической основе. Но идеалистическое учение о действенности было у Фихте выражением революционных антифеодальных устремлений молодой немецкой буржуазии и в то же время ее слабости, ограниченности, отсталости. Поэтому революционная активность переносится в сферу чистого духа в интеллигибельный мир, становится бесплотной мечтой о действенности. У Джентиле же «актуализм» выражает реакционное наступление на пролетариат, притом наступление капитализма, теряющего почву под ногами, стремления которого все более лишаются основания в диалектике развития об'ективной исторической реальности.

Теория Джентиле стремится «освободить дух от всякой границы пространства и времени, так же, как и от всяких внешних условий...» [1]). «Наша единственная опора — созидательная, творческая деятельность самого духа, волнующегося в нас...». «На этой скале человек может действительно жить, с душою, свободной от сомнений и страха...» [2]). «Всякое пессимистическое понимание жизни является, очевидно, абстракцией, ибо оно ограничивается рассмотрением реальности такою, какова она есть и не может не быть, будучи оторванной от духовной активности, которая, однако, необходимо делает ее рациональной, какою она должна быть. И, кроме того, очевидно, что всякое мышление, придерживающееся натуралистического понимания жизни, взятой сама по себе, независимо от наших усилий изменить ее, должно логически привести к пессимизму. Словом, всякий пессимизм имеет своей основой натуралистическое представление реального, как нет и натурализма, чистого и последовательного, который не порождал бы пессимизма» [3]). Необходимостью провозглашается свобода духа, т.-е. фашистская воля, долженствующая творить чудеса и воскресить загнивший капитализм. «Эта необходимость (речь идет об об'ективной необходимости. — *Б. Б.)* — необходимость естественного факта, судьбы, смерти, рассматриваемой натуралистическим способом, исключающим чудо воскресения, которое является единственно делом, которое дух может выполнить лишь тогда, когда природа будет послушна ему...» [4]). История провозглашается продуктом

[1]) G. Gentile, цит. соч., стр. 217.
[2]) G. Gentile, Sistema di logica, v. II, p. 188.
[3]) G. Gentile, Fragment d'une gnoséologie de l'amour (цит. по «L'esprit etc.», p. 10).
[4]) G. Gentile, L'esprit — acte pur, p. 176.

свободного творчества чудотворного духа. Таков смысл «актуального идеализма» — философии остервенелой крупной буржуазии эпохи издыхающего империализма и побеждающей социалистической революции, таков смысл фашистской «диалектики».

Джентиле не скрывает связи своей философии с политикой. «Конкретно философствовать — значит включить свою актуальную личность в систему политики своей страны». Он воспевает культ фашистского государства, воплощающего, по его мнению, «абсолютную и конкретную всеобщность», отдаться которой, отождествиться с которой должна каждая личность. Этот культ фашистского государства, «целостности» (О. Шпанн), якобы «стирающей» противоречия классов, проходят через все писания фашистских «теоретиков», рекомендующих «конкретное сотрудничество граждан» вместо «абстрактной борьбы классов», призывающих к жертвенности на алтарь абсолютной ценности — государства оголтелой буржуазной диктатуры.

«Человек, — пишет Джентиле, — испытывающий физический голод и стремящийся к насыщению, находится в тождественном динамическом положении с человеком, испытывающим божественный голод и ищущий бога, как то, что единственно может дать ему жизнь...» [1]). Здесь выражен не только беспримерный цинизм буржуа, предлагающего голодающему безработному поповскую проповедь вместо хлеба, но и неспособность буржуазии найти выход из кризиса, дать с е б е жизнь.

Таково нутро «актуализма» Джентиле, философии кровавой фашистской реакции, оправдывающей во имя абсолютного духа костры средневековой инквизиции и пытки фашистских застенков.

II.

В своей статье «Современный идеолог фашизма (Джиованни Джентиле)», помещенной в № 4—5 нашего журнала, Б. Чернышев делает попытку вскрыть на примере Джентиле идеологию современного фашизма и обещает разоблачить его теоретические основы. Но статья Чернышева не только не справляется с поставленной в ней задачей, но и представляет собою яркий образец того, как н е следует вести «борьбу» против фашистской философии, как либеральничают с нашим злейшим классовым врагом, как под видом «разоблачения» Джентиле ревизуют линию Коминтерна по отношению к фашизму.

Статья Чернышева чужда большевистской партийности в философии, она представляет собой объективистское повествование о работах Джентиле. В наше время, когда даже геометрические теоремы и археологические данные вовлечены в сферу жестокой классовой борьбы и стали предметом борьбы партий, Чернышев о нашем живом, злейшем, активнейшем враге — об идеологе фашизма повествует эпически, «добру и злу внимая равнодушно», словно речь идет о каком-нибудь средневековом арабском философе, Авицене или Аверроэсе, а не о министре Муссолини! Чернышев ведет с чернорубашечником Джентиле салонную полемику, оставаясь в пределах «имманентно-логических» аргументов, словно это происходит в каком-нибудь голландском «Обществе чистого разума». Чернышев не разоблачает реакционную классовую сущность «актуализма», не обнажает его, как оружие наступающего врага, не выясняет место и значение этой философии в современной борьбе классов. Для него Джентиле представляет интерес в другом отношении. «На Джентиле,— видите ли,— можно показать, что диалектика Протагора... по существу равняется нигилизму Горгия» (стр. 148).

[1]) G. Gentile, Sistema di logica, II, 224

Напрасно мы стали бы искать у Чернышева выяснения того, как отражается в фашистской философии разложение буржуазии, как проявляется в ней наступление буржуазии, как связаны друг с другом обе эти стороны. Чернышев «не нуждается» в анализах, данных Коминтерном. Оценки Чернышевым фашизма и его идеолога Джентиле получились «весьма далекими» от марксизма-ленинизма, хотя статья написана после XI пленума ИККИ. У Чернышева обнаружилась «своя линия» по отношению к фашизму.

Не коммунистическая партия, а философ итальянского буржуазного либерализма Б. Кроче определяет позицию Чернышева. «Мы можем вполне подписаться,— подводит он итог своей статье,— под характеристикой, данной Кроче Джентиле, своему бывшему другу и теперешнему врагу. «Актуальный идеализм, — пишет Кроче, — есть комплекс двусмысленных общих мест и является путанным практическим советником» (стр. 155, разрядка моя.—*Б. Б.).* Не выражение озверелого наступления загнивающего капитализма на рабочий класс, не апология режима Муссолини, а «комплекс двусмысленных общих мест» и «путаный практический советник»! Не собирается ли Чернышев усовершенствовать «актуализм», сделать его более «четким практическим советником» и для кого?

Социальный смысл философии Джентиле совершенно не понят Чернышевым, ибо он находит «странным родство между фашизмом и философией Джентиле» (стр. 151). (А с кем это родство не было бы странным?). При чем это родство он усматривает только в том, что «его (Джентиле) мистика, как и бронированный кулак фашизма, не могут уложиться в ясные и четкие формулы» (там же). Для всякого мало-мальски сознательного итальянского рабочего вполне ясны «формулы» фашизма, так как бронированный кулак фашизма (апологией которого является философия Джентиле) весьма «убедительно» «укладывается» на их спины. Но для Чернышева, взявшегося поучать советского читателя о Джентиле, все в нем «странно», «неясно» и «туманно». Джентиле для него только философ, делающий «ошибки», и его «основная ошибка в том, что он отправляется от субъекта и т. д.» (стр. 143). Критика Джентиле Маркса для Чернышева «кажется тем более странной»... (стр. 140). Социализм фашистскому философу «очень не нравится» (стр. 151), и Чернышев не находит ничего более умного, чем обвинять фашиста Джентиле в том, что у него «не указано нигде выхода к обществу бесклассовому, где антагонизмы уже прекращены...» (стр. 141). Для чернорубашечника, идеолога белого террора Чернышев не находит других упреков, кроме упрека в несоциалистичности! Злейшего врага и душителя социализма Чернышев запугивает тем, что он... не дойдет до бесклассового общества. Видно ли что-либо более глупое, нелепое! А ведь Чернышев вероятно считает себя грамотным в политических вопросах и воображает себя марксистом.

Если Чернышев совершенно не понимает связи философии Джентиле с фашизмом, совершенно не понимает того, как эта философия отражает и выражает фашистскую форму диктатуры буржуазии, то в вопросе о сущности самого фашизма он проводит линию, расходящуюся с коммунистической линией. Джентиле — идеолог фашизма. Казалось бы, это утверждение означает, что Джентиле—идеолог «террористической диктатуры крупной буржуазии». Но что для Чернышева решения Коминтерна! В философии Джентиле (идеолога фашизма!), по мнению Чернышева, «преломляются и потенцируются в прихотливой форме зигзаги развития определенной общественной группы, отражаются ее интересы. Какого же именно класса? Нам хотелось бы ответить — мелкой буржуазии, вернее мелкобуржуазной интеллигенции, втянутой в орбиту фашизма» (стр. 149, раз-

рядка моя). И это говорится при характеристике Джентиле после захвата власти фашизмом. Так с чем же не согласен Чернышев: с тем, что фашизм есть диктатура крупной буржуазии, или с тем, что Джентиле — «духовный маэстро» фашизма, как его назвал сам Муссолини? Кого хочет обелить Чернышев: фашизм ли от оценки его Коминтерном или Джентиле от оценки его Муссолини? «Нам хотелось бы ответить» — в рассуждениях Чернышева «преломляются и потенцируются в прихотливой форме зигзаги», проделываемые человеком, ничего общего не имеющим с линией последовательно диалектического материализма, т.-е. с марксизмом-ленинизмом.

Согласно Чернышеву, «эклектичен», «двусмыслен» не только Джентиле, но и фашизм вообще. Фашизм, согласно Чернышеву, не есть движение с весьма определенной, однозначной программой, с совершенно недвусмысленными задачами, с вполне ясными целями и назначениями. Чернышев принимает за чистую монету слова Муссолини о беспрограммности фашизма, об отсутствии у него определенных политических принципов и т. п., вместо того, чтобы разоблачить эти слова и показать, какова истинная программа и подлинные принципы, руководящие делами Муссолини и его сподвижников, Чернышев верит Муссолини, он считает, что Муссолини «недурно выясняет», что фашисты — противники классовой борьбы, он полагает, что «никакими заклинаниями фашизму не удастся устранить классовую борьбу. Она — реальность, против которой не помогут благие намерения» (стр. 153). «Благие намерения» фашизма «устранить классовую борьбу»! Фашизм, который есть не что иное, как ожесточеннейшая классовая борьба, который выражает высшую остроту и напряженность классовой борьбы, изображается Чернышевым как ангел классового мира! Кому нужно такое «понимание» фашизма, как не врагам рабочего класса?

Неудивительно, что Джентиле изображается нашим либералом не как активный, агрессивный враг, а как безобидный маниак-мечтатель. «Джентиле похож на человека, об'ятого манией величия. Он протягивает руку, чтобы зажать в кулаке вселенную. Вселенная остается, однако, на месте, рука бессильно виснет в воздухе, а в кулаке пустота. Лишь в грезах завоевываются сокровища мира...» (стр. 149). Любовно живописует Чернышев Джентиле, подыскивает для его характеристики красивые образы и безобидные, поэтизирующие его слова. Не философия воинствующей реакции, а лирическое мечтание! «В грезах» завоевывает диктатуру фашизм, а не в расправе с революционными массами; «пустота» оказывается в кулаке фашистов, а не кровавые следы от фашистских пыток и расстреливаемых коммунистических борцов!

Мы уже видели, что Чернышев не верит решениям Коминтерна, но верит словам Муссолини. Он верит и словам Джентиле. Он не сомневается в том, что «в пункте утверждения примата мысли мыслящей над мыслью мыслимой, акта над фактом — лежит несомненная оригинальность философии Джентиле» (стр. 137). Это не что иное, как вымысел Джентиле и восторгающихся им буржуазных историков философии, пропагандируемый Чернышевым. Никакой оригинальности этот центральный принцип актуализма не представляет. Это — старая-престарая реакционная «идея», идущая от епископа Беркли. Если бы Чернышев сводил концы с концами, он не забыл бы, что сам он пишет на стр. 142 о берклиантстве этой «оригинальной идеи» и не может не писать этого, ибо сам Джентиле говорит об этом на первой же странице своей основной работы. Если бы Чернышев без розовых очков посмотрел на философию Джентиле, он увидел бы, что ее «оригинальная идея» есть не что иное, как реакционное издание фихтеанства. И вся «оригинальность» Джентиле здесь состоит в том, что он реакционно обернул основоположения учения Фихте, вложил в них реакционный смысл. Но об этом не говорит Джентиле, а следовательно, не говорит и Чернышев.

Впрочем, ничего иного нельзя ожидать от человека, не усвоившего даже азбуки марксизма, не усвоившего основоположного марксистского деления философских учений на два лагеря, сообразно тому, как они разрешают «старую и все же вечно волнующую (!) философскую проблему отношения бытия к мышлению» (стр. 141). Чем иным является заявление Чернышева о том, что «в разных странах и по-разному торжествует реакция идеализма против материализма и позитивизма...» (стр. 135, разрядка моя), как не ревизией азбучного марксистского положения о том, что материализм противостоит всякому идеализму (в том числе и позитивизму, который есть не что иное, как разновидность суб'ективного идеализма). Чернышев берет за одни скобки материализм и позитивизм и противопоставляет позитивизм идеализму на равных правах с материализмом. Это есть не что иное, как отрицание выводов Ленина о существе позитивизма, махизма. Это — неприкрытая ревизия марксистско-ленинского отношения к прикрытым формам суб'ективного идеализма. Ибо, как неопровержимо доказал Ленин, современный позитивизм есть не что иное, как протаскивание идеализма и направлен против материализма, «одним словом, сплошной буржуазный шарлатанизм» [1]). Идеализм торжествует против позитивизма,—провозглашает Чернышев. «Столыпин опроверг существование черных кабинетов!». Фашизм торжествует против диктатуры буржуазии! Чернышев ничего не понял в борьбе философских направлений и извратил самую суть дела, а «суть дела состоит в коренном расхождении материализма со всем широким течением позитивизма, внутри которого находятся и О. Кант, и Г. Спенсер, и Михайловский, и ряд неокантианцев, и Мах с Авенариусом» [2]).

Это — не случайная фраза у Чернышева. В другом месте он снова возвращается к этой мысли и старается уверить читателей в том, что суб'ективный идеализм — нечто среднее между идеализмом и материализмом. Как странно (!) звучит следующее истолкование Маркса у Джентиле: «Мысль реальна, полагая и поскольку полагает об'ект...». В таком утверждении, конечно, нет и тени марксизма (совсем как в статье Чернышева.—*Б. Б.*). Впрочем, сам Джентиле здесь вынужден оговориться. Маркс-де понимает под мыслью «производную и акцидентальную форму чувственной деятельности»; мысль является «обычной сознательной формой первичной бессознательной энергии». Хотя формулировка эта и менее идеалистична, ей далеко еще до подлинного материализма. Маркс никогда не стал бы утверждать», и т. д. (стр. 139). Много ли Чернышеву надо? Подменят об'ективно-идеалистическую фальсификацию Маркса недвусмысленной суб'ективно-идеалистической, махистской фальсификацией, и для него уже появляется «тень марксизма». Суб'ективный идеализм для него «менее идеалистичен», чем об'ективный, «ближе к подлинному материализму». Словом, Чернышев придерживается по отношению к махизму социал-фашистского принципа «меньшего зла». Но что общего это имеет с марксизмом? По Чернышеву, очевидно, различие между философскими учениями чисто количественное, они расположены на одной плоскости, одни немного ближе, другие дальше: от махизма «далеко еще» до марксизма, а «между позицией марксизма и философией Джентиле расстояние огромное» (стр. 137). Только-то! Не диаметральная противоположность, взаимное исключение, полная непримиримость и несовместимость, острейшая борьба не на жизнь, а на смерть, а немного ближе, немного дальше. Где уж тут говорить о «партиях в философии» (Ленин).

---

[1]) Ленин, соч., т. XIII, стр. 180.
[2]) Там же, стр. 168.

Мы полагаем, что сказанного достаточно для доказательства немарксистского, антипартийного характера статьи Чернышева. Но он не ограничивается нагромождением вороха вредной лжи о фашизме и его философе, он осмеливается в той же статье клеветать на Ленина, фальсифицировать Ленина.

«Особенный интерес для нас, однако, представляет тот факт, что Джентиле, как и его сподвижник Кроче, не только отрицательно, но и положительно относились к марксизму. Про раннюю работу Джентиле «La filosofia di Marx» Ленин пишет, что она «достойна внимания»: «автор отмечает некоторые важные стороны материалистической диалектики Маркса, обычно ускользающие от внимания кантианцев, позитивистов и т. д.» (стр. 138). Это — явная клевета на Ленина, замечание которого ничего общего не имеет с утверждением, будто Кроче и Джентиле «положительно относились к марксизму», это — грубая фальсификация цитаты из Ленина. В приведенном предложении Чернышев опустил имеющиеся у Ленина слова «идеалиста-гегельянца». Эти решающие слова Чернышев исключил из своей цитаты, что дало ему возможность совершенно извратить замечание Ленина, предостерегающего от идеалистически-гегельянского характера написанной Джентиле в 1899 году работы.

Совершив эту наглую фальсификацию, Чернышев солидаризируется с «превосходной полемикой» Джентиле против Кроче и Сореля (стр. 139) и даже с его критикой Гегеля. «Критика Гегеля со стороны итальянского философа справедлива лишь в одном пункте. Действительно не существует никакого саморазвивающегося понятия — категорий, как бы дремлющих на лоне абсолюта, чтобы затем обнаружить себя в жизни природы и духа» (стр. 137). С чем солидаризируется Чернышев? Смысл критики Джентиле состоит в отрицании философии природы как самостоятельного звена по отношению к логике. Джентиле критикует Гегеля за чрезмерный натурализм во имя суб'ективного идеализма, в котором природа без остатка растворяется в духе, поглощается им. Это — реакционная критика Гегеля. А Чернышев в этом «одном пункте» считает «справедливой» критику Джентиле. Ему невдомек, что справедливым является не отрицание того минимума относительной самостоятельности, который Гегель предоставляет природе, а как раз наоборот, признание первичности и независимости природы по отношению к духу. Джентиле не исправляет, а усугубляет ложность концепции Гегеля, за что и удостаивается похвалы Чернышева.

Статья Чернышева является еще одним доказательством своевременности и важности задач, поставленных тов. Сталиным в его замечательном письме в редакцию журнала «Пролетарская революция». Статья Чернышева является еще одним свидетельством всей необходимости поставить дело изучения философии «на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов..., систематически срывая с них маски», необходимости усилить партийную бдительность философов-ленинцев.

Теоретики социал-фашизма о переходном периоде.

(Окончание).

Е. Ниринская.

1. „Социалистические" откровения социал-фашизма в период частичной стабилизации капитализма.

Лозунг «социализирования» сыграл, как мы видели, немалую роль в борьбе социал-демократии против пролетарской революции в период «Sturm und Drang». Выполнив свои обязательства перед буржуазией, мобилизовав все силы и средства на борьбу с социалистическими устремлениями масс, на подавление революции, социал-демократия переключилась на выполнение новых задач, поставленных периодом частичной стабилизации капитализма.

Этот период «постепенно складывающейся частичной стабилизации капиталистической системы, восстановительного процесса капиталистической экономики, период наступления капитала и оборонительных боев пролетариата» (VI конгресс Коминтерна) создал широкое поле деятельности для социал-демократии. Этот период потребовал от нее более прямого и неприкрытого осуществления социального заказа буржуазии: обслуживания наступления капитала на пролетариат и ликвидации всего, что хоть отчасти напоминало революцию. Для этого понадобилось, естественно, и теоретические доспехи привести в соответствие с новыми условиями. Программу бешеного наступления на пролетариат, программу капиталистической рационализации, несущей неисчислимые бедствия рабочим массам, программу расправы с революционными рабочими нужно было «теоретически обосновать», приправив ее соответствующими «социалистическими» откровениями, новооткрытиями о «путях к социализму». Таковы условия, вызвавшие «философию этой эпохи», запечатленную в теориях «организованного капитализма» и «хозяйственной демократии».

Какова же «формула перехода» от лозунга «социализирования» к новым лозунгам?

Как общее правило, лозунг «социализирования» снимается с порядка дня. Однако разные представители социал-демократии совершают это по-разному. С одной стороны, намечается откровенная ликвидация этого лозунга. С другой стороны, о нем «забывают», замалчивают его и в лучшем случае отодвигают на задний план как туманную перспективу грядущих времен. Выполнив свою служебную роль, лозунг «социализации» оказался уже ненужным. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти. В свете новой обстановки, в свете хлопот по хозяйственному возрождению капитализма,

после подавления революции, этот наряд оказался уже ненужным в качестве приманки для масс. Нужно было изменить декорацию, перекраситься на новый манер, чтобы вовлечь массы в дело поднятия капитализма из трясины.

Тогдашние установки по вопросам социализирования отразил на своих страницах журнал «Der Kampf», правда, с «некоторым» опозданием, в... 1929 г. Мы имеем в виду «дискуссию» между австрийским социал-демократом О. Лейхтером и германским профбюрократом Петером Зиммером.

О. Лейхтер пытается похоронить лозунг «социализирования» путем полного отождествления его с «хозяйственной демократией». «Левый» Лейхтер, таким образом, непрочь и «невинность соблюсти и капитал приобрести». В ответной статье германского профбюрократа Петера Зиммера положение Лейхтера оспаривается. Зиммер утверждает, что «хозяйственная демократия» является самостоятельной социологической категорией, имеющей свои самостоятельные задачи, свою роль: «Борьба за хозяйственную демократию, — пишет он, — не означает для нас, немецких профессионалистов, лишь видоизменение борьбы за социализирование, но безусловно особую форму классовой борьбы на определенной ступени развития» [1]). Социализирование же, по мнению Зиммера, является не социологической категорией, а только «формальным актом» (gezetzpolitische Formalität).

В заключение Зиммер подчеркивает, что «изменившиеся» условия в Германии ставят «хозяйственную демократию» на первое место, «социализирование» — на второе. Откровенный цинизм германского профбюрократа, конечно, не отличается по существу от «социализирования» в духе Лейхтера. Но сказано это, по крайней мере, членораздельно и должно означать: пора прекратить болтовню о социализировании. Эта грубая откровенность, пожалуй, выигрывает по сравнению с филистерскими причитаниями Каутского о том, что социализирование, видите ли, провалилось вследствие «раскола в рабочем движении», и заумными «откровениями» Реннера, об'ясняющего крах социализирования тем, что за основу не было взято обращение (?!).

Впрочем, нужно ли дальше останавливаться на этом? Вопрос ясен. В период частичной стабилизации капитализма лозунг социализирования был спрятан в архив и уступил свое место более «трезвой» программе, более «деловым» лозунгам...

* * *

«Никто не может оспаривать,—говорил Отто Бауэр на брюссельском конгрессе II интернационала, — что капитализм справился с колоссальными потрясениями, вызванными мировой войной, что он еще сильнее, чем до войны, подчинил себе мир».

«Золотой» век капитализма, грандиозные перспективы его дальнейшего развития на основе происходящих в нем «структурных изменений» — таков лейт-мотив всех высказываний социал-демократии в рассматриваемый период. Подобно Отто Бауэру, в не менее радужных тонах расписывали судьбы капитализма Каутский и Реннер, Нафтали и Тарнов, Лейпарт и Гильфердинг.

О прославленных социал-демократией «структурных изменениях» капитализма, о «золотом веке» «организованного капитализма» нам уже пришлось говорить в первой части нашей статьи. Здесь нас интересует вопрос о связи этой теории с «хозяйственной демократией», выяснение того, как у социал-демократии из крепнущего капитализма вырастает «социализм» и какую теоретическую «алхимию» в данном случае применяют социал-демократы.

---

[1]) Der Kampf, 1929 г., S. 425.

Оказывается, что «мы живем уже не в условиях чистого капитализма, но в условиях перехода к социализму в хозяйственном, политическом, социальном отношениях» [1]).

Еще более отчетливо эту мысль формулирует Нафтали: «В этих превращениях капитализма, — говорит он, — уже виднеется новое хозяйственное устройство — социалистическое хозяйство» [2]).

Однако пальма первенства остается за отцом теории «организованного капитализма» Рудольфом Гильфердингом, положившим начало ее еще в «Финансовом капитале».

Прежде всего нужно отметить ту роль, какую отводит Гильфердинг буржуазному государству. «Считать, — говорит он, — руководство производством и хозяйством общественным делом является именно социалистическим принципом, а общество не имеет кроме государства другого органа, через которое оно могло бы сознательно действовать» [3]). Буржуазное государство, таким образом, оказывается существенным фактором осуществления социализма.

Вторым важнейшим проводником «социалистических» принципов являются, по Гильфердингу, профсоюзы: «В эпоху организованного капитализма, — говорит он, — из самого развития профсоюзов выросла социалистическая цель: уничтожить привилегии собственности. Профсоюзы должны поставить себе социалистические задачи» [4]).

Империалистическое государство и желтые профсоюзы — вот два кита, на которых держится теория перехода к социализму на рельсах... «организованного капитализма». Путем взаимодействия государства и профсоюзов и достигается та пресловутая «демократизация» хозяйства, которая представляет собой постепенное накопление «социалистических» элементов в самом капитализме, постепенный переход хозяйства «в руки пролетариата». Так родился лозунг «хозяйственной демократии», который в разных вариантах фигурирует у соц.-демократии вплоть до настоящего периода.

Уходя глубоко своими корнями в теорию «организованного капитализма», базирующуюся на «благодетельных структурных изменениях в капитализме», «хозяйственная демократия» об'является столбовой дорогой к социализму. Таков тот новый идеологический товар, который пускается в оборот, таково «свежее» блюдо, изготовленное на социал-демократической кухне по заказу свыше в период частичной стабилизации капитализма.

Что же представляет собой эта пресловутая «хозяйственная демократия» и каким образом она ведет в меньшевистский «социалистический рай»?

Любопытно остановиться на истории вопроса, показывающей, как родилась эта «теория» новых «путей к социализму». Речь шла, во-первых, о том, осуществима или неосуществима «хозяйственная демократия» при капитализме, и, во-вторых, является или не является она путем к социализму. Первые установки по этому поводу дал с'езд профсоюзов в Бреславле в 1925 г. Докладчик по этому вопросу, проф. Хембергер, выдвинул положение, что «хозяйственная демократия» неосуществима при капитализме. «Для нас всех ясно, — заявил он, — что это является пока неосуществимым идеалом, который не может быть достигнут в рамках нашего общественного устройства, но предполагает коренное изменение строя. Требования со стороны проф-

---

[1]) Из речи Диттмана на магдебургском с'езде в 1929 г.
[2]) Dritter Kongress der Sozialistische Arbeiter Internationale, S. VI, 31.
[3]) Гильфердинг, Капитализм, социализм и социал-демократия, стр. 132.
[4]) Там же, стр. 135.

союзов участия в хозяйственном руководстве само собой сводятся к требованию коренного изменения строя» [1]).

Конечно, Хембергер далек от мысли о классовых противоречиях капитализма, как причине, препятствующей действительной «демократизации» хозяйства. Препятствие он усматривает в отсутствии единого хозяйственного руководства при капитализме. Но так или иначе Хембергер перенес «хозяйственную демократию» на отдалечные времена.

Против Хембергера ополчился в первую очередь его содокладчик Экель, заявивший, что задача «хозяйственной демократии» лежит уже в недрах самого капитализма: «Ближайшей целью,—указал Экель,—является определенная демократизация хозяйства в рамках капитализма и при той общественной организации, в которой мы живем» (там же, стр. 254). Он заявил далее, что «демократизация» хозяйства есть «фаза капиталистического хозяйства, являющаяся периодом перехода к более высоким формам хозяйственного устройства». К каким формам? Над этим, говорит Экель, не стоит «ломать голову».

Как мы видим, брюссельский с'езд не внес особенной ясности в вопрос, чем, собственно, является «хозяйственная демократия». Оно и понятно. «Вначале было дело». Сначала нужно было поддержать капитализм во всех его мероприятиях по восстановлению и по наступлению на пролетариат. Потом в порядке обобщения стали подыскивать и соответствующую «теорийку». Эти «теоретические обобщения» дались после ряда лет служения капиталу на базе частичной стабилизации капитализма.

В 1928 г. выступил с раз'яснениями по поводу существа «хозяйственной демократии» сам Лейпарт. В своем докладе «Auf dem Wege zur Wirtschaftsdemokratie» Лейпарт, критикуя Хембергера, раз'ясняет, что «хозяйственная демократия» — не дело будущего, а конкретная задача профсоюзов при капитализме и что она является промежуточной стадией, ведущей к социализму, при котором в ней уже нужды не будет.

Для уяснения того, чем же в конце концов является «хозяйственная демократия», германская профбюрократия создает специальную комиссию под руководством ловкого поставщика «самоновейших теорий» Нафтали. В результате работ комиссии был опубликован «труд», заключающий в себе все премудрости социал-демократии, все ее новейшие теоретические обобщения. Среди прочих «откровений» мы здесь находим: «цель социализма в современном рабочем движении не изменилась, но с ростом рабочего движения и эволюции капитализма *изменились представления, ведущие к этой цели»* [2]) (разрядка моя.—*Е. Н.*). Отсюда лозунг, выдвигаемый в этом сборнике: «Через демократизацию хозяйства—к социализму». Так закончились «искания» новых «социалистических» путей. Правда, «открытие» это далось не сразу. Но такова уж судьба всех великих открытий...

Перейдем теперь к более подробному рассмотрению того, что, собственно, понимают социал-демократы под «хозяйственной демократией», к выяснению ее форм, ее действительного классового смысла. Обратимся для этого в первую очередь к сборнику «Wirtschaftsdemokratie», являющемуся «венцом творения» Нафтали и его друзей. В сборнике указываются сначала два рода явлений, породивших «хозяйственную демократию». Она, во-первых, является результатом «изменения в сущности и структуре капитализма», результатом перехода «от индивидуалистического капитализма свободной конкуренции к организованному капитализму» (там же, стр. 11). Другим направлением развития, приведшим к «хозяйственной демократии», является

[1]) Protocol der Verhandlungen des Zwölften Kongresses der Gewerkschaften Deutschlands, 1925, S. 199.

[2]) Wirtschaftsdemokratie, ihre Wesen und Voraussetzungen, S. 10.

«усиливающееся развитие общественного хозяйства», под которым понимаются государственные, коммунальные и аналогичные им предприятия. В свете этих исходных позиций и намечаются здесь два пути «демократизации» хозяйства: во-первых, участие рабочих в организациях хозяйственного руководства, во-вторых, все растущее подчинение организованных хозяйственных сил влиянию государства. «Борьба за демократизацию хозяйства,— говорится в сборнике,—пойдет не только путем государственного контроля, но одновременно должна будет вестись борьба за участие рабочих в хозяйственных организациях и в руководстве крупными капиталистическими монопольными организациями» (там же).

Наметив два пути «демократизации хозяйства», авторы сборника переходят к самому важному пункту своего «исследования». Нужно эти пути конкретизировать и показать, как на деле должна осуществляться эта панацея от всех зол — пресловутая «демократизация» хозяйства.

Как образец конкретных путей «демократизации» производства берется в первую очередь угольная промышленность. Она характеризуется как «самоуправляющаяся» организация (Selbstverwaltungskörper). Наличие в составе имеющегося здесь верховного органа (Reichskohlenrat) некоторого количества «представителей» рабочих и служащих и то регулирование цен на уголь, которое осуществляется государством, дает «основание» социал-демократии считать эту чисто капиталистическую организацию угольных собственников, этого ублюдка, к которому свелось «социализирование» в Германии, промежуточной формой между частнокапиталистическим предприятием и общественным.

В качестве следующей формы осуществления «демократизации» производства указаны так называемые «общественные предприятия». К ним отнесены: 1) собственно общественные предприятия, 2) товарищества, 3) предприятия профсоюзов.

К первому типу относятся государственные и коммунальные предприятия. Еще более высокой и полной формой «хозяйственной демократии» признаются товарищества, в первую очередь потребительские. Последние характеризуются как часть «хозяйственной демократии» будущего, которая стала силой уже при капитализме. Они противостоят монопольным об'единениям как «организованная сила потребителей». Но поскольку, рассуждают авторы сборника, потребительские общества пока не могут проникнуть в область тяжелой индустрии, кооперативное движение имеет свои границы, и эта форма «хозяйственной демократии» должна быть дополнена другими.

Из профсоюзных предприятий особенное значение придается рабочему банку. Общеизвестно, что представляют собой эти, созданные по американскому образцу, «рабочие» банки, вокруг которых социал-демократы подняли такую шумиху. Да и сами профбюрократы цинично замечали, что рабочий банк должен «во... многих отношениях итти такими же путями, как крупные частные денежные организации» (там же). Наконец, в последнее время стал особенно популярным так называемый «общественный контроль» над монополистическими об'единениями, как одна из существеннейших форм «хозяйственной демократии». Это сейчас излюбленный конек социал-демократии, спасительный путь «демократизации» хозяйства.

Такова расшифровка первого из путей осуществления «хозяйственной демократии».

Что касается второго пути, то он, по мнению авторов сборника, идет, главным образом, по линии участия профсоюзов в хозяйственной политике государства. Здесь имеются в виду вопросы правового порядка (влияние на законы социального обеспечения, защита труда и т. д.) и представительства в руководящих хозяйственных организациях.

Все формы «хозяйственной демократии» характеризуют, по мнению составителей сборника, следующие тенденции развития: 1) тенденцию к росту значения общественного интереса по сравнению с частным; 2) тенденцию к тому, чтобы лишить предпринимателя обладания средствами производства; 3) тенденцию к организации нового способа распределения. Все это в свою очередь представляет «новооткрытый» путь к социализму.

Так «хозяйственная демократия» выступает в качестве «новых» путей осуществления социализма.

Небезынтересно привести здесь также высказывания Реннера на эту же тему. Его аргументация отличается известным своеобразием, не нарушая, конечно, единства принципиальных позиций германской социал-демократии и австромарксизма. Хозяйственная демократия выступает у него как звено всей его концепции «социализирования», о которой речь шла выше (см. 1-ю часть статьи, «ПЗМ» № 7—8). Новейшие откровения Реннера заключаются в том, что социализм вовсе... не социализм. В этом, видите ли, его убеждает послевоенный опыт, «надежды и разочарования» первых послевоенных лет. «Все те, — пишет Реннер, — которым социализм рисуется в виде не имеющего аналогии в истории идеала будущего, в виде прежнего представления о рае...— будут сильно разочарованы годами штурма» [1]). Социализм, по Реннеру, уже не дело будущего. «Куски социализма» уже имеются в нынешней капиталистической действительности. В этом аспекте выступает его теория «хозяйственной демократии».

Одной из важнейших форм «хозяйственной демократии» Реннер считает потребительские товарищества. Он подчеркивает, что в данном случае происходит социализирование капитала, а также прибавочной стоимости. Согласно характеристике Реннера потребительские товарищества демократически организованы от одной ячейки до национального масштаба и представляют в совокупности «машину идущего вперед социализирования», постоянно растущей «хозяйственной демократии». Развитие это вызывает особенное умиление Реннера тем, что оно осуществляется мирным путем, «на почве самого капиталистического мира, совсем без классовой борьбы, просто средствами самого буржуазного хозяйства» [2]). Все это приводит его к выводу, что потребительские товарищества уже на настоящей ступени являются социалистической формой («Кусок социализма в настоящем»).

Осуществление «хозяйственной демократии» через профсоюзы Реннер выводит из того, что, по его мнению, со времени Маркса изменились отношения между рабочим и капиталистом. Он усматривает это в наличии тарифных договоров, профсоюзных судов, тарифных судов. Отсюда Реннер заключает, что «хозяйственная демократия» перенимает функции, бывшие прежде у государства, что это «без сомнения социализирование». Профсоюзы, по характеристике Реннера, из инструмента классовой борьбы стали «средствами обобществления, инструментом социализирования» [3]).

Далее, «куском хозяйственной демократии и громаднейшим к тому же» (там же, стр. 84) Реннер считает государственное страхование. Наконец, формой «хозяйственной демократии», по Реннеру, являются производственные советы (Betriebsräte). Их значение он определяет так: «Производственный совет является демократической противоположностью автократии капитала в предприятии, в самом сердце производственного процесса» (там же, стр. 89).

Что по существу представляют собой все эти «куски социализма»? Что в них «нового»? И в чем своеобразное значение данного лозунга для рассматриваемого периода?

Посмотрим сначала, что представляют собой такие хваленые формы

---

1) K. Renner, Wege der Verwircklichung, S. 14.
2) Der Kampf, Dezember, 1929, S. 534.
3) Der Kampf, Februar, 1927, S. 83

«хозяйственной демократии», как «самоуправляющиеся» и особенно «общественные» предприятия. По существу мы имеем здесь расширение экономических функций буржуазного государства, процесс роста государственно-капиталистических тенденций, столь характерный для периода войны и послевоенного капитализма. Знаменитая «демократия» государственного угольного совета и представляет именно пример этого возросшего влияния государства на экономику. Роль государства здесь — воздействии на снижение себестоимости производства путем жесткой рационализации (в целях лучшей конкурентной способности на внешнем рынке). Достигается это при прямой помощи профсоюзов, которые ставятся на службу капиталистической рационализации и мобилизуются для участия в борьбе против требований рабочих.

«Общественные» предприятия также являются частью всей экономической системы империализма. И если в послевоенный период наблюдается быстрый рост капиталистических монополий, то «одновременно наблюдается также рост государственно-капиталистических тенденций как в формах государственного капитализма в собственном смысле слова (государственные электростанции, муниципальные, промышленные и транспортные предприятия), так и в формах все большего сращивания предпринимательских организаций с органами государственной власти» (VI конгресс Коминтерна).

Эти государственно-капиталистические тенденции являются не чем иным, как «предпосылкой военно-хозяйственной мобилизации для грядущих столкновений» (VI конгресс Коминтерна). И вот это орудие империалистических государств для подавления революций социал-демократия считает «путем к социализму»!

С другой стороны, что означает по существу «демократизация органов государственной хозяйственной политики»? Гильфердинг характеризует ее как «государственное регулирование судеб пролетариата». Социал-демократия пытается убедить рабочих в возможности изменения капиталистических законов в интересах пролетариата и т. п. Действительный же смысл «хозяйственной демократии» в данном случае заключается в своеобразии условий классовой борьбы. Пролетариат сталкивается с трестированными капиталистическими организациями, сросшимися с империалистическим государством. Это диктует буржуазии необходимость использования профсоюзов в борьбе против пролетариата, что приводит к «сращиванию реформистских профсоюзов и реформистских партий с предпринимательскими организациями и буржуазным государством..» (VI конгресс Коминтерна), к превращению социал-фашизма в «простое подсобное орудие капиталистического хозяйства» (X пленум ИККИ).

Далее. Что представляют собой столь прославляемые социал-демократами «чистые» формы хозяйственной демократии — потребительские общества и профсоюзные предприятия (рабочие банки и др.)? Практика всех этих «социалистических» ростков показала, что они, действуя на капиталистической основе, врастают в общую капиталистическую систему и таким образом стараются заинтересовать рабочих в капиталистическом хозяйстве. Что же касается требования так называемого «общественного контроля» над монопольными об'единениями, то оно представляет собой не что иное, как все большее выражение сращивания профсоюзной бюрократии с магнатами финансового капитала.

Все эти формы «хозяйственной демократии», вместе взятые, наглядно показывают, как этот лозунг «воплощает в себе совместный нажим реформистов и капиталистов на рабочий класс» (X пленум ИККИ, разрядка моя.—*Е. Н.*).

Таков действительный смысл «хозяйственной демократии», таково содержание этого лозунга, его значение.

Спасение капиталистического способа производства, подавление революции и кровавая расправа с пролетариатом, поддержка и укрепление буржуазного государства—такова была деятельность социал-демократии в первый период послевоенной эпохи. В этом свете ясен и смысл лозунга «социализирования».

Тот же социальный заказ буржуазии социал-демократия выполняет в изменившихся условиях. Поддержка капиталистической рационализации и участие в снижении жизненного уровня пролетариата, подавление его революционных выступлений, сращивание с капиталистическими об'единениями и буржуазным государством — такова пресловутая «хозяйственная демократия». Если здесь нет изменения позиции социал-демократии по существу, то налицо изменение тактики, отказ от многих радикальных фраз, которые вынуждены были пускать в ход социал-демократы в период «Sturm und Drang», отказ от лозунга «социализирования», замена его идеями «промышленного мира» и «хозяйственной демократии».

Социал-демократия все больше развивается как партия «загнивающего» капитализма, партия социал-фашизма.

2. Мировой кризис и крах социал-фашистских теорий.

Теория «организованного капитализма» и «хозяйственной демократии» в наиболее законченном своем виде сложилась к концу второго и к началу третьего периода послевоенной эпохи. Расценивая «частичную стабилизацию капитализма» как его «расцвет» и «оздоровление», социал-демократия в самых радужных красках рисовала, как из этого «цветущего капитализма» на почве «хозяйственной демократии» самым «мирным путем» расцветет социализм.

Но действительность, конечно, жестоко посмеялась над «пророчествами» буржуазных апологетов. Полностью оправдал себя прогноз, который был дан т. Сталиным на XV партс'езде: «из частичной стабилизации капитализма вырастает усиление кризиса капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию, — такова диалектика развития капитализма в настоящий момент».

Этот анализ нашел блестящее подтверждение в величайших обострениях, которые принес с собой третий период. Сюда относится прежде всего обострение внутренних противоречий в капиталистических странах, обострение классовой борьбы, развязывание колониальных движений и т. д. Наконец, наиболее концентрированное подтверждение этот анализ получил в мировом кризисе, потрясающем капиталистическую систему с 1929 г.,—в кризисе, происходящем на фоне всеобщего кризиса капитализма и приобретающем вследствие этого такую остроту и глубину, что он не имеет равного в истории капитализма. В свете этого кризиса, как карточные домики, разлетелись теории «организованного капитализма» и «хозяйственной демократии». Обнажилось с полной ясностью, что они построены на зыбком песке. В свете этого кризиса в полной мере выступило банкротство социал-демократических построений, крах теорий социал-демократии.

Как же стала маневрировать социал-демократия перед лицом явного краха своих теорий, своих «пророчеств» о судьбах капитализма?

В первый период социал-демократы просто-напросто закрывали глаза на происходящее кругом. Они «не замечали» кризиса. Более того, в течение всего 1929 г. на страницах соц.-демократической печати продолжались хвалебные гимны в честь «организованного капитализма». О проявлениях кризиса говорилось как о временных, «преходящих» изменениях кон'юнктуры.

Однако дальше отмалчиваться стало уже невозможно. Тот размах, который принял кризис, те классовые обострения, которые он принес, колоссальный рост безработицы,—все это заставило соц.-демократию «при-

знать кризис и определить свое отношение к нему. Пришлось тряхнуть своим скудным идейным багажом, чтобы осмыслить происходящие явления. В новых условиях нужно было по-новому маневрировать, приспособить тактику и лозунги для выполнения своей роли главной социальной опоры капитала.

Социал-демократия начинает заниматься «исследованиями» о характере современного кризиса. Неутомимый Нафтали снова на сцене. Он «вскрывает» особенности кризиса, и у него уже готов «рецепт», как с ним покончить. Исходит Нафтали из того, что этот кризис является типичным «нормальным» кризисом, как фаза цикла в капиталистическом хозяйстве. «Но,— рассуждает Нафтали, — поскольку кризис развивается в обстановке монополистического капитализма, он отличается особенностями, заключающимися в том, что монополистический капитализм, если ему дать свободно, т.-е. частнохозяйственно, развиваться, ни в каком случае не является элементом смягчения кризиса, а напротив, элементом его обострения» [1]).

Нафтали ничуть не смущает, что еще не высохли чернила на предыдущих его писаниях о том, что монополии смягчают кризис. Раз этого требуют обстоятельства, Нафтали готов на любую теоретическую клоунаду. Такова уже природа этого биржевого дельца.

Как же Нафтали предлагает устранить обострения, вызываемые монополиями? Рецепт, оказывается, довольно простой и достаточно нам знакомый: «требование контроля общественности и демократии над могущественными монополиями и их политикой цен» (там же, стр. 2). Ту же мысль развивает Нафтали в своей статье, относящейся к началу 1931 г., на фоне еще большего обострения всех противоречий, вызванного кризисом. Обосновывая внесенный социал-демократической фракцией проект закона о монополиях, он также отмечает обострение кризиса, вызываемое монополиями, и выдвигает то же спасительное средство—контроль общественности над трестами. «Если удастся путем его (законопроекта. — *Е. Н.)* принятия оформить контроль над монополиями, то этим хозяйство и рабочий класс получат непосредственную пользу, этим будет сделан шаг вперед в направлении демократизации хозяйства, шаг вперед в борьбе с капиталистическим своеволием и против эксплоатации широких масс рабочих и потребителей современными могущественными монополиями» [2]).

Итак, все дело сводится к небезызвестному «контролю над монополиями», т.-е. снова делается упор на еще большее сращивание профбюрократии с капиталистической верхушкой, на об'единение сил против революционного под'ема масс.

Изощряются всячески в «теоретических трюках» и известные мастера «левой» фразеологии, «австромарксисты». Им-то особенно нужно в обстановке кризиса принарядиться на соответствующий манер радикальной фразеологией. Как они сводят концы с концами?

«Не анархия производства,— пишет журнал «Der Kampf»,— причина растущей безработицы, и не от ее устранения можно ждать облегчения. Организованность капиталистического хозяйства происходит в интересах обладающих экономической властью, а не пролетариата». Таким образом, корни безработицы—не в анархии производства, а в «капиталистической эксплоатации». Монополистическая стадия рассматривается здесь как плановое хозяйство. Но «устранение конкуренции не поднимет потребления масс». Как видим, австромарксисты пытаются спасти этаким манером теорию «организованного» капитализма. Подперченная левыми фразами об «эксплоатации», она продолжает оставаться их «идейным» оружием. Фразы об «эксплоатации» должны замаскировать выполнение социального заказа буржуазии в обстановке кризиса.

[1]) F. Naphtali, Wirtschaftsdemokratie und Arbeiterlosigkeit, S. 20.
[2]) Die Gesellschaft, № 1, 1931, S. 2.

Более «левую», радикальную, а следовательно, более демагогическую и завуалированную позицию занимают германские «левые». Они призваны ловить на удочку «левейшей» фразеологии революционизирующиеся массы. Для этого они бросили перчатку официальной линии партии, для этого они об'явили нынешний кризис «кризисом капиталистической системы». «Капитализм уже не находится в состоянии под'ема, а в состоянии упадка, разложения, загнивания», — заявляет Векерле, участник сборника, выпущенного под многообещающим названием «Die Krise des Kapitalismus und die Aufgabe der Arbeiterklasse». «Хозяйственная демократия и бескризисный «организованный капитализм» рассматриваются в указанном сборнике как «иллюзии», как «фальшивые пророчества».

Против этих «левых» установок ополчились ортодоксальные социал-фашисты. Журнал «Die Gesellschaft» вступился за честь капиталистической системы. Капитализм, утверждают твердолобые официальные политики, преодолеет кризис, и поэтому «противопоставление—кризис капиталистический или кризис капитализма—не имеет смысла и во всяком случае не имеет решающего значения» [1]).

Нужно ли распространяться о действительных корнях этого спора среди друзей? Это—обычный маневр социал-демократии, это одна из многих иллюстраций существующего в ее среде «разделения труда». «Левейшие» социал-демократы так же ревностно, как и правые, служат капитализму в настоящий период обострения всех его противоречий, но, облачаясь в тогу «левой» фразеологии, они, конечно, являются наиболее опасными врагами пролетариата.

Так маневрирует социал-демократия, пытаясь спасти и сохранить свои целиком обанкротившиеся «идейки» «организованного» капитализма и «хозяйственной демократии», подправив и «поднарядив» их в соответствии с трудной задачей — отстоять буржуазию в период жесточайшего кризиса капиталистической системы. «Она (соц.-демократия. — *Е. Н.*) прилагает сейчас, в момент тягчайшего кризиса, все усилия, чтобы спасти капиталистическую систему эксплоатации и рабства от надвигающейся гибели» (XI пленум ИККИ).

* * *

Итоги прошедшего в 1931 г. с'езда германской социал-демократии и венского конгресса II интернационала с еще большей яркостью и убедительностью показали полное банкротство попыток спасти теоретическое лицо социал-фашизма. С еще большей очевидностью обнаружился здесь крах социал-фашистских теорий. Вот почему на с'ездах раздавались разговоры против теории вообще! Уж больно отталкивающим стал смрад гниения социал-фашистской мысли.

Мы не предполагаем дать здесь детального обзора всего происходившего на этих с'ездах. Мы лишь в общих чертах коснемся следующих вопросов: 1) оценки современного кризиса и судеб капитализма, 2) социал-фашистских «путей к социализму» на современном этапе и 3) отношения к СССР.

Первым из этих вопросов лейпцигский с'езд занимался специально по докладу Тарнова «Капиталистическая анархия производства и рабочий класс».

Основные установки Тарнова сводились к следующему. Прежде всего он касается «организованного капитализма» и того анализа, который дал по этому вопросу Гильфердинг на кильском с'езде. Признает ли Тарнов, что

---

[1]) Die Gesellschaft, № 4, 1931, S. 322.

действительность хоть в какой-либо степени не оправдала этого анализа? Извлекает ли он хоть какие-нибудь уроки из того факта, что Гильфердинг характеризовал эпоху, как «организованный капитализм», а он, Тарнов, вынужден «говорить в настоящее время об анархии»? Ничуть не бывало. Тарнов не подвергает сомнению гильфердинговскую теорию. Он только «комментирует» ее в соответствии с новыми условиями.

«Повернулось ли развитие вспять,—говорит Тарнов,—или Гильфердинг давал тогда неправильный анализ, или я неправ сегодня, говоря об анархии? Ничего подобного» [1]).

Как же пытается здесь Тарнов увязать концы с концами? Он отвечает на поставленные вопросы следующим образом: «Монополистический капитализм, правда, организует, но организует отдельные хозяйственные единицы, а не народное хозяйство, он не устраняет анархии во всем хозяйстве, но проявляет ее в других масштабах. Организованный капитализм превратил экономическую гражданскую войну отдельных лиц в экономическую борьбу монополистических банд (Bandekrieg)» (там же).

Тарнов делает хорошую мину при плохой игре. Он клянется в верности Гильфердингу, но... куда девались песнопения Гильфердинга «о принципиальной замене свободной конкуренции»? Куда девались его «открытия» о «новой» эре капитализма? Тарнов маневрирует. Тарнов делает вид, будто теория «организованного капитализма» не провалилась самым позорным образом. Тарнов старается преподнести ее под новейшим соусом. Ибо иначе говорить об «организованном капитализме» сейчас, в обстановке потрясения самых основ капиталистического общества, означает публично высечь себя.

Тарнов, конечно, никаких печальных для капитализма выводов из своих «признаний» не делает. Наоборот, он ничего исключительного в современном кризисе не видит, об'являя его естественным проявлением капиталистической системы, «нормальным» кризисом, к которому капитализму не привыкать стать.

Тот более острый и глубокий характер, который имеет этот кризис, об'ясняется, утверждает Тарнов, последствиями войны, репарациями и проч. и не дает никаких оснований рассматривать его как кризис капиталистической системы. «Я полагаю, — говорит Тарнов, — что мы должны быть очень осторожны с такими предсказаниями, так как вероятнее всего, что раньше или позже факты покажут обратное» (там же, стр. 45). Больше того. Тарнов уже видит «подготовляющийся под'ем» капиталистического хозяйства. При этом задачей соц.-демократии, полагает Тарнов, является помочь капитализму крепко стать на ноги, залечить его раны.

Так с неприкрытым цинизмом сформулировал официальный докладчик соц.-фашистского руководства получившую печальную известность программу «лечения» капитализма.

Что же касается прений, то в общем и целом они повторяли на разные лады основные установки доклада. Так, например, Нельтинг, модный теоретик социал-фашизма, подвизающийся на фронте политической экономии, «с ученым видом знатока» заявил, что он «еще определеннее, чем Тарнов, знает, что это далеко не последний кризис капитализма» (там же, стр. 70).

Но если «твердолобые» соц.-демократы подчас, подобно Нельтингу, «комментировали» Тарнова справа, то «левые» инсценировали свое несогласие с Тарновым. С одной стороны, «левый» Граф говорил «страшные слова» о том, что капитализм сейчас переживает не обычный кризис, а «структурный кризис мирового хозяйства». С другой стороны, тот же Граф кланяется Тарнову в пояс, заявляя: «Тарнов, конечно, прав, что вслед за этим периодом кризиса

[1]) Sozialdemokratischer Parteitag in Leipzig, 1931. Protokolle. S. 39.

может опять наступить период высокой или лучшей кон'юнктуры» (там же, стр. 55. Из выступления Графа). Такой же тактики придерживались и остальные «левые». Петрих, например, тоже размахивал картонным мечом по адресу Тарнова, упрекая его в том, что тот изображает «организованный капитализм» совсем по-иному, чем в период высокой кон'юнктуры. «Мне хочется подчеркнуть, — заявил Петрих, — что Тарнов дал такое представление о развитии капитализма, которого мы от него не слыхали ранее. Я имею в виду его высказывания об «организованном капитализме» в связи с вопросом о «хозяйственной демократии». В период высокой кон'юнктуры мы об этом слыхали иное» (там же, стр. 60). Это, однако, не мешает Петриху заявить, что и он «не собирается полемизировать с Тарновым».

Словопрения среди друзей, таким образом, были направлены к выполнению основной задачи социал-демократии—спасения капитализма. «Левые» также соглашались с основными установками Тарнова. Не было расхождений и в вопросе о перспективах капиталистической системы. Горячая вера в грядущий под'ем капитализма окрыляла одинаково твердолобого Диттмана и «левого» Графа и их друзей. Задача «лечения» капитализма была воспринята с полным единодушием. Так же единодушно прикрывался полный крах теории «организованного капитализма» и «хозяйственной демократии».

Как, однако, ни старались социал-демократические дельцы скрыть свое полное теоретическое банкротство, оно сквозит во всех абсолютно материалах с'езда. Виляние, безысходный идейный тупик, крайнее убожество теоретических «построений»,—все это является ярким выражением полного банкротства социал-фашистских теорий перед лицом современного кризиса. Оценка, какая была дана на лейпцигском с'езде кризису и путям выхода из него, была продиктована германским и мировым фашизмом.

Под эту же диктовку давал оценку современному кризису и судьбам капитализма также и венский конгресс II интернационала. Передовая Arbeiterzeitung, посвященная конгрессу, определяет его задачи как: 1) спасение «демократии», 2) спасение «мира» во всем мире (положение в Германии), 3) о военной опасности. Переводя на язык фактов, это следует понимать так: 1) спасение капитализма, 2) удержание капитализма в одном из наиболее слабых звеньев империализма — в Германии, 3) подготовка империалистической войны.

Это как нельзя лучше показывает тот, с позволения сказать, «анализ» современного кризиса, какой был дан конгрессом. Приходится констатировать, что этот конгресс всячески старался избежать неприятных разговоров о крахе теорий, возвещенных брюссельским конгрессом, на котором, как известно, распевались восторженные рулады в честь «организованного капитализма», врастающего в социализм. Конгресс предпочел умолчать о позорнейшем крахе «самоновейшего» анализа капитализма, данного брюссельским конгрессом. Куда девалось царство «организованного капитализма», в котором видны «контуры социализма»? Куда девалась «хозяйственная демократия» и «социальная заработная плата» Гильфердинга? Куда девалась тарновская теория гармонии между трудом и капиталом в проведении капиталистической рационализации на основе идей «фордизма»? Мировой кризис снял маски. «Король оказался голым».

Сделав вид, что ничего не произошло, венский конгресс оказался вынужденным, перед лицом растущего кризиса капитализма и кризиса самой социал-демократии, прибегнуть к радикальной фразеологии и изобразить себя как с'езд «борьбы за социализм». В этом духе и давали оценку современному кризису Отто Бауэр, Роберт Гримм и другие.

Отто Бауэр, например, заявил, что «краткий период стабилизации капитализма послевоенного периода миновал» (Arbeiterzeitung, 31/VII 1931 г.), умолчав, конечно, о том, что эта оценка находится в вопиющем противоре-

чии с его же собственными пророчествами на брюссельском конгрессе. Аналогичную мысль высказал и Р. Гримм: «Невозможно устранение кризиса надолго без устранения капитализма. Невозможно упорядочение общественной жизни без социалистического «планового хозяйства» (Arbeiterzeitung, 2/VIII 1931 г.). Наконец, характерным является следующее место в резолюции конгресса по докладу Гримма: «Анархия, существующая внутри капиталистического хозяйства, не может быть устранена без устранения самой капиталистической системы» (там же).

Что же означают все эти высказывания? Во-первых, они являются молчаливым признанием краха теории «организованного капитализма». В завуалированной форме штаб мирового социал-фашизма сам расписался в своем теоретическом банкротстве. Во-вторых, эти высказывания свидетельствуют о страхе социал-демократии перед массами, об отсутствии хоть какого-нибудь вразумительного ответа с ее стороны на требования масс в связи с колоссальной безработицей, резким снижением зарплаты и т. д. Тем больше «социалистической» трескотни, тем больше «угроз» капитализму развили они на конгрессе, являвшемся по существу не чем иным, как филиалом разбойничьей Лиги наций. Во всем этом замечательно то, что буржуазия сама благословляет социал-демократию на сей подвиг ратный, вполне одобряя этот маневр, необходимый для одурманивания масс в тяжелую для капитализма пору.

Социальное служение социал-фашизма капиталу еще ярче вскрывается конкретной программой «выхода» из кризиса, которую сформулировали соц.-демократы на лейпцигском с'езде и венском конгрессе. Это—программа поддержки и укрепления капитализма, деловая платформа «лечения» его, это — программа наступления на рабочий класс и «всесторонней поддержки политики банков, трестов и картелей» (XI пленум ИККИ).

Как выглядят социал-фашистские «пути к социализму» на настоящем этапе? На лейпцигском с'езде «деловая» платформа спасения капитализма выступила более откровенно, чем на венском конгрессе. Над вопросами «путей к социализму» не стали особенно ломать голову. Заботы по спасению капитала в столь трудный час концентрировали усилия социал-империалистов вокруг путей «выхода из кризиса». Характерно в этой связи замечание одного делегата, напомнившего Тарнову, что следовало бы также «потолковать о социализме, а не только о мероприятиях по смягчению кризиса, так как рабочие хотят знать, как выглядит социализм». «Раз'яснения» по этому вопросу давал Диттман: «Социал-демократическая партия всегда отклоняла, — заявил он, — изображение фантастических картин» [1]). Он одобрил Тарнова за то, что тот не сеял «иллюзий».

Что касается венского конгресса, то на нем, как было уже сказано, говорилось немало «левых» фраз. Особенно усердствовало «левое» крыло конгресса в лице английских «независимых». Они сочинили громоподобную декларацию, в которой было особенно много «социалистической» трескотни. Они даже позволили себе такую «крамолу и ересь», как критику II интернационала за то, что он не использовал обстановки для социализма в период войны и затем по ее окончании. Истерическая демагогия «левых» была, конечно, отклонена конгрессом, при чем «вразумлял» их и сам Бауэр. Даже в самых решениях конгресса есть немало фраз о том, что «капитализм показал себя неспособным», что необходимо его устранение и прочее в таком роде. Однако после этих деклараций следует вывод: «борьба за... создание социалистического хозяйства должна быть связана с борьбой за смяг-

---

[1]) Sozialdemokratischer Parteitag, Leipzig, 1931, Protokolle, S. 66.

чение кризиса» (из резолюции по докладу Гримма. Разрядка моя.— *Е. Н.*). Страшен чорт, да милостив бог. Венский конгресс в более завуалированной форме перепевает лейпцигский с'езд.

К чему же сводятся спасительные «пути выхода» из кризиса, которые должны явиться «предпосылкой» социализма? Лейпцигский с'езд предлагает: «Усиленный контроль над монополистическим капитализмом, снижение пошлин, систематическую кон'юнктурную политику... усиление общественного влияния на банки и кредитные учреждения» и т. д. и т. п. На венском конгрессе те же рецепты даются в более завуалированной форме, приправленные лишь больше «социалистической» трескотней. «Конгресс настойчиво требует общественного демократического контроля над хозяйствами, в частности над монополистическими об'единениями всех видов. Предпосылкой его полного успеха является изменение собственности на средства производства, как и методов хозяйства» (из резолюции конгресса по докладу Гримма). В качестве переходной меры к социалистическому плановому хозяйству конгресс рекомендует «социализирование основных отраслей производства, учреждение государственных или кооперативных торговых монополий, которые должны управляться в общественных интересах, и огосударствление банковских и кредитных учреждений». Все эти мероприятия рекомендуются в качестве условий для «осуществления интернационального общественного контроля над хозяйством и подготовки почвы для осуществления социализма» (там же).

Посмотрим, что скрывается под этой «социалистической» болтовней.

В самом деле, что представляет собой пресловутый контроль над хозяйством во всех его вариациях? Это, как указывалось выше, есть не что иное, как выражение все усиливающегося сращивания желтых профсоюзов с монополистическими магнатами, стремление к еще большему об'единению реакционных сил и мобилизации их в обстановке кризиса против нарастающей революционной волны. Той же цели служит, понятно, и «общественное влияние на банки». В этой программе находит свое выражение процесс сращивания с финансовой олигархией, процесс вхождения социал-демократии во все поры капиталистических организаций, усиливающийся на фоне углубляющегося кризиса. С другой стороны, решения с'ездов, направленные к усилению роли государства в руководстве хозяйством, обнажают все большее сращивание соц.-демократии с империалистическим государством. Все эти «рецепты» являются программой бешеного наступления на пролетариат, программой «выхода» из кризиса на путях неслыханного экономического и политического закабаления масс.

Перед лицом краха своих теорий соц.-демократия отказывается от теории вообще. Вандервельде на венском конгрессе открыто громил теорию и призывал к конкретной «деловой» работе: «Этот конгресс,—заявил он,— не может быть посвящен теоретическим дискуссиям, подобно другим конгрессам. Этот конгресс должен поставить на второй план теоретические вопросы. Мы находимся здесь не для того, чтобы учиться, но чтобы действовать». Венский конгресс и последовал советам своего вождя.

Дальнейшее обострение кризиса, характеризующее дальнейший период после венского конгресса, новые сокрушительные удары, нанесенные капиталистической системе этим обострением (кредитный кризис, новое резкое падение производства, рост безработицы), дальнейшее развертывание и небывалое углубление всех противоречий капитализма,—все это вынудило социал-фашизм на некоторые новые маневры.

В числе этих маневров не последнюю роль играет лозунг «госкапитализма». Механика новых ухищрений, нового обмана масс представляется в следующем виде. Прежде всего капитализм об'является уже «разрушенным». «Капитализм,—заявил Леон Блюм на последнем парижском пленуме испол

кома II интернационала,—уже разрушен, поскольку он не способен разрешить свои собственные проблемы и привести себя в состояние равновесия» (Arbeiterzeitung от 4/XI 1931 г.). Смысл этого заявления совершенно ясен. Социал-фашизм пытается отвлечь внимание масс от задачи разрушения капиталистической системы: зачем ее разрушать, если она предусмотрительно саморазрушилась...

Изображая таким образом современный этап как «переходный к социализму», социал-фашисты так представляют механику этого перехода:

«Период финансового капитала сменяется периодом государственного капитализма. Господство банков над индустрией сменяется господством государства над банками..., но когда государство овладевает банками и через них индустрией, то государственный капитализм превращается в социализм» (Arbeiterzeitung от 7/XI 1931 г.).

Так в новейших теоретических откровениях социал-фашизма выступают в ином облачении старые идеи «организованного капитализма» и «хозяйственной демократии». Так изображаются «новые пути к социализму».

Другой стороной того же вопроса о судьбах капитализма и «путях перехода» к социализму является отношение к СССР. Иначе и быть не может. С'езды, представляющие мобилизацию сил социал-фашизма для удержания мирового капитала, естественно, являлись одновременно мобилизацией сил против оплота мировой революции, против ударной бригады мирового пролетариата — СССР, ибо «русская революция была (и остается) узловым пунктом мировой революции», ибо она «является делом рабочего класса всего мира, делом мировой пролетарской революции» (Сталин).

Капитализм или социализм — так поставила вопрос история. «Противоречия между капиталистической и социалистической системой никогда не развивались с такой силой, и преимущества социалистической системы перед системой капиталистической никогда еще не вскрывались так наглядно, как теперь» (XI пленум ИККИ). На этот вопрос, поставленный историей, соц.-фашизм давно дал свой ответ: за капитализм, против социализма, против СССР. С'езды же повторили этот ответ с особой настойчивостью, понятно, применительно к новой обстановке.

Наиболее откровенно изложил позиции соц.-фашизма в этом вопросе Вельс во вступительной программной речи на лейпцигском с'езде. Достойный преемник кровавого Носке рубил, так сказать, с плеча. Он с трибуны с'езда призывал к разгрому социализма в СССР. Чего тут только не было! «Рабочее государство в России—сказка для доверчивых детей», советская власть есть «диктатура над рабочими и крестьянами», надоевшие басни о «незрелости России для социализма» и т. д. и т. п. Вельс далее сделал новое открытие, заявив что... вообще-то в Советской стране пролетариат не настоящий: «Это лишь крестьянин в синей блузе».

Вельсу вторил Тарнов: «русский народ уже 14 лет находится в аде нищеты (!), которая хуже, чем нищета в капиталистическом обществе»[1]. Мораль сей басни не оставляет сомнений: громи социализм, громи СССР, укрепляй диктатуру буржуазии, насаждай «социализм» путем священной «демократии» вкупе и влюбе с Брюнингом и Гитлером.

Что касается «левых», то, как всегда, они по существу были вполне солидарны с Вельсами и Тарновыми, но опять-таки, как всегда, щеголяли левой фразой. «Левый» Граф «защищал» СССР весьма оригинально. Он, видите ли, согласен с тем, что массы в Советском союзе нищенствуют и бедствуют. Уверяя таким образом рабочих, что социализм в СССР неизбежно связан с обнищанием масс, Граф проделывает левый фокус-покус и заявляет, что бедствия Советской страны зависят от того, что она поднимает хозяй-

[1] Parteitag, Leipzig, S. 46.

ство собственными силами. В этом же духе выступал и «левый» Билик. Он вынужден признать, что не только в Германии, но и в других странах с надеждой взирают на СССР. Предлагая учиться у Бауэра отношению к СССР, он тут же продолжает измышления о «жестоком терроре», о «нужде» и проч. Единство в рядах соц.-демократии по вопросу о СССР подчеркнуто Биликом в полной мере. «Мы все единодушны в том, что против этого террора мы должны протестовать решительным образом» (там же, стр. 62). Под «левым» туманом скрывалась та же интервенционистская программа, лишь в более опасной форме, рассчитанной на сохранение революционизирующихся масс, которые не поверят неприкрытым контрреволюционным сказкам о СССР.

В обстановке жесточайшего кризиса изворачивается, лавирует и приспособляется опытный жонглер «левой» фразы Бауэр. Теперь не проведешь рабочих на социал-фашистском старом хламе о «хаосе» в СССР. Соврешь, не поверят! Извольте в таком случае «новейшую теорию о СССР». Вопреки своим собственным заявлениям на брюссельском конгрессе, что «историей разрешен вопрос о путях к социализму и что этот путь—не путь большевизма, а путь «демократии», Бауэр на венском конгрессе пускается на «признание», что путь СССР «тоже путь к социализму», и заявляет, что «мыслим тот путь насилия, диктатуры, к которому привлекает широкие рабочие массы всех стран пример русской революции» (Arbeiterzeitung от 31/VII). Но этот путь Бауэр об'являет путем «тяжелых лишений», «отречения от свободы», в результате которого, по Бауэру, может быть только «государственный капитализм диктатуры, который лишь путем тяжелой борьбы, лишь постепенно может «демократизироваться». Этот путь,—говорит Бауэр,—конечно не «наш путь», который лежит «через демократию». Однако путь демократии зависит не только от нас,—маневрирует Бауэр. Если буржуазия вырвет средство демократии, тогда,— «угрожает» Бауэр,— рабочий класс будет действовать «иными средствами». Но: «Мы сделаем все, от нас зависящее, — продолжает Бауэр, — чтобы не наступила эта ужасающая необходимость разрушения. Мы не хотим, чтобы социализм пришел через кровавую гражданскую войну». В этом отношении можно Бауэру вполне поверить. Социал-фашизм, в том числе и «левый», сделает все, чтобы разоружить рабочих в схватках с капиталом, чтобы препятствовать делу социализма. Составной частью этого разоружения являются новейшие измышления Бауэра о Советской стране, где советская система характеризуется, в полном созвучии с выступлением Вельса на лейпцигском с'езде, как «государственный капитализм диктатуры».

На венском конгрессе Бауэр не развернул своей «самоновейшей теории о СССР», о «которой на с'ездах соц.-фашизма упоминалось, как о «событии». Этому он посвятил часть своей книги «Rationalisierung — Fehlrationalisierung». Что же находим мы в этом теоретическом «детище» Бауэра последнего периода о советском хозяйстве?

Основные линии пятилетки Бауэр усматривает в перенесении на советскую почву рационализации, приходящей к концу в капиталистических странах. «Как раз в тот период, — пишет он, — когда рационализация заканчивалась в капиталистическом мире, Советский союз приступил к тому, чтобы перенять результаты рационализации, — перенести ее в Советскую страну, использовать ее для построения новой крупной индустрии и преобразования сельского хозяйства и тем самым для создания фундамента социалистического общества» [1]).

Бауэр переходит затем к рассмотрению пятилетки, к выяснению перспектив ее для Советской страны. «Признавая» по необходимости пятилетку,

---

[1]) Otto Bauer, Kapitalismus und Sozialismus nach dem Weltkrieg. Rationalisierung—Fehlrationalisierung, Wien, 1931, S. 204.

он тут же, однако, начинает «комментировать» факты (которые никак не скроешь!). Он пускает в ход все средства, не брезгая ничем, от псевдо-«научных» изысканий до мелкого жульничества.

Что же выдвигает Бауэр против пятилетки, какие «предпосылки» изобрел он, чтобы ее опровергнуть?

Быстрые темпы индустриализации, — «аргументирует» Бауэр, — приводят к усиленному росту средств производства, а не средств потребления. Недостаток в промышленных товарах приводит и к недостатку в средствах питания. «Поэтому жизненный уровень занятых рабочих в Советской стране часто ниже, чем жизненный уровень безработных в Западной и Средней Европе» (там же, стр. 209). Вот в чем «гвоздь». «Признание» пятилетки понадобилось Бауэру для того, чтобы «обосновать» гнуснейшую клевету о материальном положении пролетариата в Советской стране.

Большевизм не может разрешить организационной проблемы, проблемы управления производством,—рассуждает далее Бауэр.—Советское правительство не доверяет инженерам, ставит их под различный контроль (директора, ячейки). Этот контрольный аппарат уничтожает инициативу инженеров, увеличивает их недовольство советским режимом, способствует падению дисциплины на производстве, дезорганизует управление производством. «Эта дезорганизация управления производством, — пишет Бауэр, — является одной из главных причин бесхозяйственности производства в советской индустрии» (там же, стр. 213). Совершенно ясно, к чему ведет здесь речь Бауэр. Поддержка и защита вредительских организаций, Рамзиных и Громанов, этих исполнителей интервенционистской программы главного штаба II интернационала — вот в чем истинный смысл бауэровского кивания на производственно-техническую интеллигенцию.

В подобном же духе характеризует Бауэр и коллективизацию, повторяя избитые вещи о «насильственном характере» коллективизации, о том, что «качество труда в колхозах хуже, чем в индивидуальном хозяйстве», открыто защищая кулачество и т. д. Что касается самой обстановки, в которой протекает хозяйственная жизнь Советской страны, то она характеризуется Бауэром как обстановка «террористической диктатуры», «тяжелых лишений, насильственного перемещения рабочей силы, насильственной коллективизации и раскулачивания, террора».

Как же увязывает Бауэр эту сочиненную им картину «ужасов» большевизма с декламациями о том, что русский опыт—«тоже» путь к социализму? Особенной последовательности и теоретической цельности у него нет, да она ведь и не требуется для идеологического обоснования контрреволюционного наступления на СССР.

«Если народы Советского союза,—рассуждает Бауэр,—продержатся еще два года лишений, которых требует от них пятилетний план, то цель плана, во всяком случае в области индустрии, будет приблизительно достигнута» (там же, стр. 222). Отсюда Бауэр приходит и к «признанию» того, что осуществление пятилетки приведет к росту средств потребления, к улучшению материального положения масс. Но это «признание» нужно Бауэру для того, чтобы восстановить в правах «демократию». Улучшение материального положения масс приведет к спасительной «демократизации» советского режима. «Когда диктатура, обладающая государственным производственным аппаратом, будет заменена демократией трудящихся, тогда государственный капитализм диктатуры превратится в социалистическую организацию общества» (там же, стр. 223).

Вся эта трескотня о возможности социализма по «русскому» образцу понадобилась Бауэру, чтобы на иной манер вывести ту же контрреволюционную премудрость об отсутствии социализма в СССР, о «государственном капитализме», о «терроре» и т. п. Маневр здесь ясный. Социализма никакого

нет в Советской стране, а путь к социализму лежит через «демократию». Это и венчает все построение Бауэра о «путях к социализму». «Поэтому рабочий класс индустриальных государств, — заключает Бауэр, — должен пытаться итти к социализму не путем гражданской войны и диктатуры..., но демократическими путями».

Таков смысл всей механики Бауэра в отношении СССР, такова его платформа интервенции. По существу мы имеем полную солидаризацию с твердолобым Криспином, заявившим лишь более откровенно на том же лейпцигском с'езде: «Социал-демократ должен отклонить большевистские методы для всех народов и всех континентов» (стр. 59).

Любопытно привести отклики на книгу Бауэра на страницах лейбористского органа—Die Arbeit. Перепуганная насмерть бауэровскими декламациями о «социализме» некая Judith Grünfeld устанавливает противоречие между взглядами Бауэра о «демократическом» пути в 1921 г. и «открытиями» его в последней книге. А вдруг рабочие не разглядят бауэровского нутра и впрямь получатся результаты, обратные тому, чего добивается Бауэр — рост симпатий к Советской стране? «Кто оставляет этот выбор (между двумя путями. — *Е. Н.)* открытым, — пишет она, — не должен проглядеть, что это не дает ни национального, ни территориального иммунитета против большевистской бациллы» [1]). Однако сего не столь мудрого «критика» спешит успокоить небезызвестный Георг Декер. Последний утверждает, что у Бауэра нет противоречий между прежней и нынешней позициями. «Он (Бауэр. — *Е. Н.)* не отрицает также и теперь, — пишет Декер,—существенной связи между социализмом и демократией, и он не усматривает в большевистском эксперименте нового рода социализма» [2]). Декер, однако, не согласен с Бауэром в другом. Он считает неправильным в бауэровской книге самое название главы, посвященной СССР. Глава эта, как известно, называется «Рационализация и социализм». Декер протестует. Он считает «противоречием, когда под заголовком «Рационализация и социализм» рассматривается процесс, который не может характеризоваться как процесс социалистического строительства» [3]).

Таков этот «милый спор». «Свои люди — сочтутся» [4]).

• • •

«Десятилетиями росло противоречие между революционно-социал-демократическими и оппортунистическими элементами внутри европейского социализма»,—писал Ленин в 1915 г. [5]).

Десятилетиями росло противоречие между революционной теорией марксизма, вооружавшей рабочий класс в борьбе за социализм, и ревизионистской теорией оппортунизма, разоружавшей рабочий класс в этой борьбе. Современные теории социал-фашизма, таким образом, своими корнями глубоко уходят в довоенные коцепции оппортунизма и центризма. Теории «социализирования», теории «организованного капитализма» и «хозяйственной демократии» выросли на почве, унавоженной бернштейнианством, каутскианством, гильфердинговщиной. «Кризис, созданный великой войной, сорвал покровы, отмел условности, вскрыл нарыв, давно уже назревший, и показал оппортунизма в его истинной роли союзника буржуазии» [6]).

---

1) Die Arbeit, Mai, 1931, S 387.

2) Die Arbeit, Heft 6, 1931, S. 447.

3) Там же, стр. 478.

4) Последнее время круг участников дискуссии по поводу книги Бауэра значительно расширился. Активное участие в ней принял сам Каутский, обеспокоенный тем, что установки Бауэра «лишают почвы» русских меньшевиков. На всей этой «дискуссии», а также на раз'яснениях, данных Бауэром в журнале «Der Kampf», мы не имеем возможности здесь подробнее остановиться.

5) Ленин, т. XIII, изд. 1-е, стр. 64.

Оппортунизм, таким образом, сложился задолго до войны, создав свою особую теорию, свою практику в рабочем движении. Он выдвинул «вместо цельной революционной теории — противоречивые теоретические положения и отрывки теории, оторванные от живой революционной борьбы масс и превратившиеся в обветшалую догму» [1]). Дальнейший путь оппортунизма в период войны и после нее — путь беспримерного предательства — в области теории характеризуется полным превращением последней в орудие прямой защиты капитализма, прямого наступления на рабочий класс. Этот характер социал-демократических теорий становится все яснее и яснее широчайшим рабочим массам, в том числе и социал-демократическим рабочим. «Разрушаются и падают социал-демократические иллюзии среди рабочих масс после опыта пребывания у власти социал-демократов, срывающих забастовки, организующих локауты и расстреливающих рабочих. Злой насмешкой звучат в устах рабочих лживые обещания насчет «производственной демократии», «промышленного мира», «мирных методов борьбы» [2]).

За период, истекший после войны, лопнуло, как мыльный пузырь, рассеялось, как дым, немало «теоретических» измышлений социал-фашизма. Современный разрастающийся и углубляющийся кризис капитализма вскрыл с полной ясностью контрреволюционную суть социал-фашистских лозунгов. Окончательно выцвели их «социалистические» румяна. Перед массами все рельефнее и ярче вырисовывается истинное лицо этой главной социальной опоры диктатуры буржуазии. Вот почему буржуазия сейчас благословляет в путь «левых» Мальбруков — этот наиболее опасный отряд социал-фашизма. Вот почему она особенно охотно пользуется услугами своего передового отряда — контрреволюционного троцкизма. Вот почему «левыми» фразами заговорили даже матерые зубры II интернационала.

Однако все это не спасает социал-фашизм от переживаемого им кризиса. Все больше и больше выветриваются из голов обманутых рабочих остатки социал-демократических иллюзий. Все яснее становится миллионам рабочих и колониальных рабов, что капиталистическая система хозяйства неминуемо трещит, что советская система хозяйства обладает такими преимуществами, о которых не смеет мечтать ни одно буржуазное государство, будь оно самое «демократическое», «общенародное» (Сталин). Все рельефнее выступает перед массами настоящий путь выхода из мира рабства и нищеты, путь Ленина и Сталина, проверенный на величайшем опыте СССР.

Таков железный ход истории. И чем упорнее и решительнее будет вестись разоблачение социал-фашизма как главной социальной опоры капитала, тем серьезнее будут наши успехи в деле организации масс вокруг революционных боев за социализм. «Разоблачение социал-демократии, разоблачение II интернационала, высвобождение рабочих масс из-под влияния социал-демократии есть очередная задача коммунистических партий, без разрешения которой невозможна успешная борьба пролетариата за свое освобождение от цепей капитализма» (XI пленум ИККИ).

---

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма.
[2]) Сталин, Политотчет XVI с'езду.

Социал-фашистская теория кризисов Гильфердинга *).

Т. Чулок.

Письмо тов. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» еще раз со всей силой ставит перед экономистами-коммунистами вопрос о необходимости усиления бдительности в борьбе с контрабандным протаскиванием в нашу коммунистическую литературу контрреволюционных троцкистских и других враждебных нам идей.

На экономическом фронте мы также еще часто сталкиваемся с прямой защитой как в литературе, так и в преподавании враждебных марксизму-ленинизму теорий. В частности мы, к сожалению, нередко имеем прямую защиту идей Гильфердинга, проводимых им в его «Финансовом капитале», идей, враждебных и до неузнаваемости искажающих марксизм-ленинизм.

Отстаивая взгляды Гильфердинга, изложенные в «Финансовом капитале», в частности его теорию кризисов, эти «теоретики» пытаются опереться на отзыв, который дал этой книге Ленин, при этом, обычно не дочитав до конца того, что Ленин по этому поводу говорил, они вдобавок еще и передергивают его. Ленинский отзыв гласит: «В 1910 г. в Вене вышло в свет сочинение австрийского марксиста Рудольфа Гильфердинга «Финансовый капитал». Несмотря на ошибку автора в вопросе о теории денег и на известную склонность к примирению марксизма с оппортунизмом, это сочинение представляет из себя в высшей степени ценный теоретический анализ «новейшей фазы в развитии капитализма», так гласит подзаголовок книги Гильфердинга» [1]) (разрядка наша.—*Т. Ч.*). Опираясь на этот отзыв Ленина, многие считают «Финансовый капитал» марксистским трудом. Одно, мол, дело нынешние социал-фашистские позиции Гильфердинга и совсем другое — его прежние, марксистские труды [2]).

Если даже исходить из только что приведенного отзыва Ленина, то тоже нельзя назвать «Финансовый капитал» чисто марксистской работой, а Гильфердинга бывшим марксистом, так как и здесь Ленин указывает на склонность автора к примирению марксизма с оппортунизмом. Но величайшей ошибкой было бы говорить только об этом отзыве Ленина, не вспоминая

---

*) Данная статья является частью готовящейся к печати книги на ту же тему.

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIX, изд. 3-е, стр. 78.

[2]) Так, напр., Пергаменцев в своей статье «Очерки по теории кризисов», опубликованной в 1930 г. в журнале «Известия Ленинградского института народного х-ва им. Энгельса» № 1, яро защищая теорию кризисов Гильфердинга, изложенную им в «Финансовом капитале», дает следующее примечание:

«Я имею в виду «покойного» Гильфердинга, Гильфердинга-марксиста, давшего много ценного по разработке теоретических проблем марксизма, а не Гильфердинга живого полицейского социал-империалиста».

о его других высказываниях по этому вопросу. В своем предисловии к «Империализму», написанном в апреле 1917 г., Ленин замечает: «Брошюра писана для царской цензуры. Поэтому я не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим—экономическим в особенности — анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшей осторожностью, намеками, тем эзоповским — проклятым эзоповским языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения. Тяжело перечитывать теперь, в дни свободы: эти искаженные мыслью о царской цензуре, сдавленные, сжатые в железные тиски места брошюры» [1]).

Ясно, что, говоря о той оценке, которую дал Ленин «Финансовому капиталу» в своей книге «Империализм», мы ни в коем случае не можем игнорировать этих его оговорок. Ибо «эзоповский язык», о котором говорит Ленин, конечно, в равной мере относится и к оценке Гильфердинга. По этому поводу у Ленина имеются, между прочим, и непосредственные указания.

В предисловии к немецкому и французскому изданию «Империализма» Ленин пишет: «Необходимо сказать несколько слов о главе 8-й «Паразитизм и загнивание капитализма». Как уже отмечено в тексте книги, Гильфердинг, бывший «марксист», теперь соратник Каутского и один из главных представителей буржуазной реформистской политики в «независимой с.-д. партии Германии» сделал по этому вопросу шаг назад по сравнению с откровенным пацифистом и реформистом англичанином Гобсоном». Мы видим, что, говоря в предисловии о бывшем Гильфердинге, Ленин слово «марксист» заключает в кавычки; значит, настоящим марксистом он его никогда не считал. Эта оценка не вызывает никаких сомнений и не допускает никаких кривотолков. Говорить после этого о том, что старый Гильфердинг «очень далек» от нынешнего, что, мол, когда-то он был марксистом, как это делают некоторые [2]), значит извращать Ленина.

Но в тексте книги Ленин не мог дать такой оценки, ибо он был ограничен жесткими рамками царской цензуры. В тексте вся характеристика выглядит совсем по-иному. «Одним из недостатков марксиста Гильфердинга является то, что он сделал шаг назад по сравнению с немарксистом Гобсоном. Мы говорим о паразитизме, свойственном империализму».

Итак, Ленин дал ясные и четкие характеристики Гильфердингу и его книжке «Финансовый капитал». Он показал, что «Финансовый капитал» имеет целый ряд ошибок, он указал, что автор склонен примирять марксизм с оппортунизмом. Он всегда считал Гильфердинга «марксистом» в кавычках...

Задачей экономистов-коммунистов является реализовать указания Ленина и на основе этих указаний дать развернутую критику ошибок, содержащихся в «Финансовом капитале». Критику эту необходимо вести под углом

---

[1]) Ленин, Предисловие к русскому изданию «Империализма».

[2]) Напр., Герцбах в своей книжке «Международные монополии», приведя целый ряд цитат из Гильфердинга по вопросу о том, уничтожаются ли кризисы монополиями, пишет: «Мы выписали эти цитаты (из «Финансового капитала».—Т. Ч.) для того, чтобы: 1) показать, в какой степени старый Гильфердинг далек от теперешних социал-демократических теорий «организованного капитализма» и мирного врастания его в социализм, и 2) установить, что до войны современные защитники теории «организованного капитализма» в ряде своих сочинений доказывали невозможность (разрядка автора — Т. Ч.) устранения кризисов капиталистическими монополиями» (стр. 301). Приходится констатировать, что ни первое, ни второе утверждения тов. Герцбаха неверны: во-первых, неправильно, что Гильфердинг «старый» очень далек от нынешнего Гильфердинга, ибо, как это мы покажем в этой статье, корни его социал-фашистских теорий уходят в «Финансовый капитал». Во-вторых, совершенно неверным является утверждение т. Герцбаха о том, что Гильфердинг в «Финансовом капитале» доказывал невозможность устранения кризисов монополиями. Он по существу доказал обратное.

зрения вскрытия связи между прежними, «старыми» теориями нынешних вождей социал-фашизма и их современной теорией и практикой. Нужно решительно разоблачить легенду о том, что старый Гильфердинг был марксистом и он-де ничего общего не имеет с нынешним Гильфердингом, легенду, до сих пор гулящую по страницам наших книг и журналов.

Нужно разоблачить басню о том, что Ленин считал «Финансовый капитал» настоящим марксистским трудом, ибо такая точка зрения есть не что иное, как обвинение Ленина в том, что он «не вел непримиримой борьбы с оппортунизмом. Выходит, таким образом, что Ленин в период перед войной не был еще настоящим большевиком, что лишь в период империалистической войны или даже в исходе этой войны Ленин стал настоящим большевиком» (Сталин). Такая точка зрения есть троцкистская контрабанда, которая в настоящее время разоблачена письмом т. Сталина и последующей работой всей партии.

Интересно в этой связи показать, как отзывается о «Финансовом капитале» Гильфердинга Л. Б. Каменев в своей книге «Экономическая система империализма и задачи социализма». Отметив, что литература, затрагивающая отдельные вопросы, с которыми ему придется встретиться в книге, ограничена, имеет огромные недостатки, одностороння и пристрастна, он продолжает: «Блестящим исключением является здесь обширное исследование Р. Гильфердинга «Финансовый капитал». Оно пытается охватить вопрос во всем его об'еме, вводя отдельные частности в общую, строго научную систему, и вместе с тем совершенно лишено того специфического духа пристрастия, о котором мы сейчас сказали. Если же признать, что ценность научного исследования общественных явлений современности измеряется не способностью к предвидению грядущих событий, то здесь работа Гильфердинга — строго научная и не имеющая никакой связи с публицистикой дня—уже успела блестяще выдержать трудное испытание. Выводы чисто теоретического, выполненного по строгим образцам абстрактного метода, исследования Гильфердинга имели во многом, как теперь уже нетрудно убедиться, пророческий характер. Эту работу мы и положили в основу нашей статьи» (стр. 12—13, разрядка наша.—*Т. Ч.*).

В примечании к сказанному Каменев добавляет, что «к по меньшей мере спорным частям книги Гильфердинга следует на наш взгляд отнести некоторые стороны теории денежного обращения, предпосланной им своей работе. Блестящая работа Гильфердинга в общей русской литературе оставлена, к сожалению, без всякого внимания и очень мало использована» (стр. 13)

Нужно отметить, что книга Каменева выпущена в 1918 г., т.-е. после того, как была опубликована книга Ленина «Империализм». После четкого заявления Ленина о том, что теория денег Гильфердинга ошибочна, Каменев об'являет эту теорию спорной, считает книгу Гильфердинга строго научной, предвидевшей грядущие события. Но грядущие события по Гильфердингу, намечались как события, приводящие к ультраимпериализму, и Каменев, как мы это увидим позднее, действительно принимает эту точку зрения Гильфердинга.

С этих позиций легко об'яснить и корни троцкистских установок Каменева в вопросе о законе неравномерного развития капитализма и возможности построения социализма в одной стране. Исходя из теорий Гильфердинга никакого закона неравномерного развития капитализма вывести нельзя, ибо все идет к организованному капитализму и ультраимпериализму. Так как Каменев слепо воспринял все, что писал в «Финансовом капитале» Гильфердинг, то ясно, что он неизбежно должен был стать на путь отрицания законов неравномерного развития капитализма, а отсюда неизбежно вытекает отрицание возможности построения социализма в одной стране. Таким обра-

зои теории контрреволюционного троцкизма смыкаются с теориями социал-фашистских теоретиков (подробнее об этом смотрите ниже, стр. 118—119).

Задачей настоящей статьи является показать, что, вопреки мнению Л. Б. Каменева, Пергаменцева и др. «теоретиков», нынешние позиции социал-фашизма теоретически тесно связаны с «Финансовым капиталом» Гильфердинга, написанным еще в 1909 г. Мы возьмем только теорию кризиса, представляющую собой одну из центральных теоретических частей книги, и покажем, как эта теория Гильфердинга, созданная им еще в 1909 г., обосновывает его нынешние социал-фашистские теории.

* * *

Теория кризисов Маркса является органической неот'емлемой частью всей его системы, ее нельзя рассматривать изолированно от тех противоречий, в которых происходит развитие капитализма. Эти противоречия, исследуемые Марксом на протяжении всех трех томов «Капитала», и являются основой капиталистических кризисов. Именно благодаря развитию этих противоречий возникают кризисы. Марксо-ленинская политическая экономия изучает капитализм в его возникновении, развитии и гибели. Теория кризисов Маркса есть одна из тех частей его теории, которая на основе анализа тех противоречий, нагромождаемых капитализмом на своем пути, показывает неизбежность в конце концов гибели капитализма.

Энгельс в своем «Анти-Дюринге» сформулировал сжато и в то же время необычайно ясно и красочно эти основные противоречия.

Самым главным и самым основным противоречием капитализма, приводящим к кризисам и в конце концов к гибели капитализма, является противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. «Средства производства, — говорит Энгельс, — и само производство по существу своему стали общественными; но они были подчинены форме присвоения, основанной на частном единичном производстве, свойственном тому времени, когда каждый владел своим собственным продуктом и сам выносил его на рынок. Новая форма производства подчинилась старой форме присвоения, несмотря на то, что она совершенно разрушила ее основы»[1]. Именно из этого основного противоречия вытекают все остальные противоречия капиталистического хозяйства.

«Это противоречие, — добавляет Энгельс, — сообщившее новому способу производства его капиталистический характер, заключало в себе з а р о д ы ш и   в с е х   с о в р е м е н н ы х   п р о т и в о р е ч и й»[2] (разрядка Энгельса. — *Т. Ч.*).

И дальше Энгельс указывает эти, вытекающие из вышеуказанного, противоречия: 1) противоречие между пролетариатом и буржуазией, или противоречие между производством и потреблением («Накопление богатства на одном полюсе, накопление нищеты, изнурения, рабства, невежества, огрубения и нравственного вырождения на противоположном». — Маркс); 2) противоречие между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе.

О первом из указанных противоречий Энгельс говорит так «Громадная способность крупной промышленности к расширению, перед которой расширяемость газов оказывается детской игрушкой, проявляется теперь в виде потребности расширять ее и качественно и количественно, несмотря на все препятствия. Э т и   п р е п я т с т в и я   с о з д а ю т с я   у с л о в и я м и   п о т р е б л е н и я,   с б ы т а,   р ы н к о в   д л я   п р о д у к т о в   к р у п н о й   п р о м ы ш л е н н о с т и... расширение рынков не может итти в уровень с рас-

[1]) Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 255.
[2]) Там же.

ширением производства. Отсюда столкновение, неизбежное, пока существует капиталистическое производство, а потому повторяющееся периодически. Капиталистическое производство попадает в новый «заколдованный круг».

И далее Энгельс описывает, как каждые 10 лет повторяются благодаря вышеизложенным причинам кризисы, как капиталистическое производство сходит с рельс. Единственный выход из этого положения Энгельс видит в необходимости и неизбежности уничтожения капиталистического способа производства, взятия власти в руки пролетариатом, установления диктатуры пролетариата, а в конечном счете и уничтожения классового деления общества.

Из всего сказанного ясно, что Энгельс, придавая решающее значение противоречию между общественным характером производства и частным характером присвоения, придавал вместе с тем большое значение и вытекающему из этого основного противоречия противоречию между производством и потреблением. Но Энгельс, как и Ленин, не уставал подчеркивать, что второе противоречие есть производное от первого, что оно само по себе об'яснить кризисы не может.

Ленин неоднократно подчеркивал и выпячивал как основу кризисов основное противоречие капитализма — между общественным характером производства и частным характером присвоения. Ленин например по этому поводу писал: «... первая теория об'ясняет их (кризисы) противоречием между производством и потреблением рабочего класса, вторая—между общественным характером производства и частным характером присвоения... Но спрашивается, отрицает ли вторая теория факт противоречия между производством и потреблением, факт недостаточного потребления? Разумеется нет. Она вполне признает этот факт, но отводит ему надлежащее подчиненное место» [1]).

Только стоя на этих позициях, мы в состоянии будем показать, что кризис есть порок, неизбежно вытекающий из внутренней сущности самой структуры капитализма. Только такой постановкой вопроса мы сможем легко показать апологетический характер теорий, выводящих кризисы из какого-либо второстепенного, не вытекающего из сущности капиталистической системы, явления: технических диспропорций (Гильфердинг), ограниченности сил природы (Каутский, Зомбарт), диспропорции цен на сырье и готовые изделия (Спектатор), недопотребления масс (Сисмонди, Роза Люксембург) и друг.

Все эти попытки вывести кризисы не из решающего противоречия, а из какого-либо второстепенного для капитализма противоречия, не могут не привести к выхолащиванию основного — классовой сущности теории кризисов Маркса, и к оправданию капитализма. Маркс черным по белому писал: «Кризисы мирового рынка должны рассматриваться, как реальный синтез и насильственное разрешение всех противоречий буржуазной экономии.

Отдельные моменты, которые синтезируются в кризисе, должны, следовательно, проступать и быть выявленными в каждой сфере буржуазной экономии, и поскольку мы все дальше в нее углубляемся, постольку должны быть выявлены, с одной стороны, новые, определяющие черты данного противоречия, а с другой стороны, его более абстрактные формы должны быть обнаружены возвращающимися и содержащимися в более конкретных формах» (Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2-я, стр. 282).

Только исходя из этой единственно правильной установки, мы можем понять классовый характер всех противоречий капитализма и кризисов, из них вытекающих. Теория кризисов есть глубоко классовая теория, показы-

---

[1]) Ленин, т. II, стр. 190—191 (разрядка Ленина — Т. Ч.).

вающая и вскрывающая борьбу классов в эпоху капитализма, борьбу, которая должна неизбежно кончиться победой рабочего класса. Выкинуть классовую сущность теории—значит уничтожить и самую теорию.

Именно последнее и проделал Гильфердинг. Умело прикрываясь марксистской фразеологией, он очень тонко выбросил, выхолостил классовую сущность теории кризисов, ее революционное жало и по существу занялся упражнениями формально-логическими категориями. Выхолостив классовую революционную сущность Марксовой теории кризисов, ему легко удалось выбросить неизбежность гибели капитализма, неизбежность пролетарской революции и диктатуры пролетариата и перейти к позициям хозяйственной демократии, конструктивного социализма, теории организованного капитализма и ультра-империализма.

* * *

Перейдем к детальному разбору позиций Гильфердинга. Прежде всего при чтении глав «Финансового капитала», посвященных теории кризисов, как и всего «Финансового капитала», бросается в глаза, что Гильфердинг ни одним словом не упоминает об основном противоречии капиталистического общества, которое, по мнению Маркса, Энгельса и Ленина, является главным в образовании капиталистических кризисов,—о противоречии между общественным характером производства и частным характером присвоения. Также молчаливо он обходит производное от первого противоречия — противоречие, играющее по мнению Энгельса большую роль в образовании кризисов, — противоречие между организованностью каждого отдельного предприятия и анархией общественного производства. Эти противоречия Гильфердинг совершенно выбрасывает за борт исследования, что для марксиста является совершенно недопустимым.

Гильфердинг говорит, и очень подробно говорит, только о противоречии между производством и потреблением, при чем совершенно извращает его роль в образовании капиталистических кризисов. Весь арсенал его аргументов, доводов и выводов построен, в противоположность Энгельсу, на том, что противоречие между производством и потреблением не играет никакой роли в образовании капиталистических кризисов. Эта основная установка проходит красной нитью через всю его теорию кризисов.

Гильфердинг констатирует, во-первых, что производство в условиях капитализма отделено от потребления. Против такого положения никто, конечно, возражать не будет. Далее он устанавливает, что рабочий класс получает лишь часть созданной им стоимости, часть, равную стоимости рабочей силы, и значит рабочий класс есть такой класс, потребление которого не стоит в каком-либо непосредственном отношении к общей сумме производства. Против этого также трудно что-нибудь возразить. Но из этих правильных положений Гильфердинг делает совершенно неожиданные, с марксистской точки зрения, выводы.

Раз, — говорит он, — производство оторвано от потребления, раз «их (рабочих) производство не служит целям их потребления», раз и для капиталиста целью является не потребление, а получение прибыли, — то «производство, оказывается, зависит уже не от потребления, а от потребности капитала в увеличении» [1]). Здесь мы имеем прямое утверждение, что производство не зависит от потребления. Сразу бросается в глаза насквозь механистическая, недиалектическая постановка вопроса, полный отрыв производства от потребления.

Итак, после первого шага, выбросив за борт исследования основные противоречия капитализма, Гильфердинг сделал и второй шаг. Смысл его

[1]) Гильфердинг, Финансовый капитал, 1931 г., Соцэкгиз, стр. 280.

заключается в том, что, основываясь на противоположности между производством и потреблением, которая является результатом противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, он эту внешность явлений принял за сущность и стал утверждать о совершенной независимости капиталистического производства от потребления.

Совершенно иное получится, если подойти к делу не механистически, а диалектически. «Если процессы, — говорит Маркс, — являющиеся совершенно самостоятельными друг по отношению к другу, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей. Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных, т.-е. дополняющих друг друга актов, достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно—в форме кризисов» [1]).

Маркс бьет здесь Гильфердинга не в бровь, а прямо в глаз. Мы имеем внешний разрыв производства и потребления («процессы совершенно самостоятельные друг по отношению к другу»), но это только «внешняя противоположность внутренне несамостоятельных, т.-е. дополняющих друг друга актов», а поэтому «единство их обнаруживается насильственно в кризисах». Налицо диалектическая взаимосвязь. Внутренняя взаимозависимость производства и потребления проявляется внешне как их независимость.

Гильфердинг же рассуждает метафизически. Если производство противостоит потреблению, значит оно не зависит от потребления и потребление никак не может влиять на производство. Но эти метафизические рассуждения имеют глубоко классовую подоплеку.

Действительно, если производство совершенно не зависит от потребления, если зависимость между ними не имеет никакого отношения к кризисам, то этим игнорируются основные классовые противоречия между рабочим классом и капиталистами, игнорируется пролетарское состояние масс, обнищание пролетариата и борьба между трудом и капиталом. Производство существует и может развиваться само по себе, потребление само по себе. Но в таком случае из Марксовой теории выхолащивается ее революционное нутро. Остаются голые формы, которые легко приспособить для доказательства всего, что угодно.

Как мы видим, Гильфердинг не случайно обошел молчанием основное противоречие капиталистического общества — противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения,—ибо оно находит свое выражение в противоречии между производством и потреблением. Конкретно это выражается в том, что, как и во всяком обществе, в обществе капиталистическом производство связано с потреблением, между ними существует определенная взаимозависимость. Хотя примат остается за производством, определяющим потребление, последнее в свою очередь влияет на производство, несмотря на то, что ввиду частного характера присвоения непосредственной целью производства является получение прибыли. Внешне оторванное от производства потребление дает насильственно, через кризисы чувствовать внутреннее единство и тесную связь между производством и потреблением. Признать все это Гильфердинг не мог, так как одновременно пришлось бы признать наличие классовых антагонизмов. Поэтому он решил совсем умолчать об основном противоречии капитализма для того, чтобы облегчить этим обоснование своих антимарксистских позиций.

По вопросу о противоречии между производством и потреблением и о роли его в образовании капиталистических кризисов мы имеем высказывания Маркса и Ленина, не допускающие никаких сомнений и кривотолков

[1]) Маркс, Капитал, т. I, гл. 1-я.

Простое сопоставление сразу обнаружит всю антимарксистскую сущность позиции Гильфердинга.

Ленин в своих статьях по теории реализации, отвечая Неждюнову, пишет: «Но в конечном счете изготовление средств производства необходимо связано с изготовлением предметов потребления, ибо средства производства изготовляются не ради самих средств производства, а лишь ради того, что все больше средств производства требуется в отраслях промышленности, изготовляющих предметы потребления.. Таким образом отличие взглядов мелкобуржуазных экономистов от взглядов Маркса состоит не в том, что первые признавали вообще связь между производством и потреблением, а второй отрицал вообще эту связь (это было бы абсурдным) (прямо в Гильфердинга, который абсурдно отрицает вообще связь между производством и потреблением. — Т. Ч.). Различие состоит в том, что мелкобуржуазные экономисты считали эту связь непосредственной, думали, что производство идет за потреблением. Маркс же показал, что эта связь лишь посредственная, что сказывается она лишь в конечном счете, ибо в капиталистическом обществе потребление идет за производством. Но хотя и посредственная, а все-таки связь есть, и если производительные силы рвутся к безграничному росту производства, а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь налицо» [1]) (разрядка Ленина. — Т. Ч.).

Приведем еще некоторые места из работ Ленина:

«Что потребление не является целью капиталистического производства, это факт. Противоречие между этим фактом и тем фактом, что в конечном счете производство связано с потреблением, зависит от потребления и в капиталистическом обществе, это противоречие не доктрины, а действительной жизни» [2]) (разрядка моя.—Т. Ч.). «Но было бы ошибочно понимать эту «независимость» в смысле полной оторванности производительного потребления от личного: первое может и должно расти быстрее второго (этим его независимость и ограни[illegible]ется), но само собой разумеется, что в конечном счете произво[illegible]тельное потребление всегда остается связанным с личным потре[illegible]лением» [3]).

Здесь комментарии не нужны. Чи[illegible]татель видит, что Гильфердинг и Ленин по вопросу о роли прот[illegible]речия между производством и потреблением стоят на диаметральн[illegible] противоположных позициях. У Гильфердинга производство не связано [illegible] не зависит от потребления. у Ленина же и Маркса связь и зависимост[illegible] налицо при чем форма этой связи такова, что она сказывается и осу[illegible]ствляется через кризисы.

Итак[illegible] первое наше утверждение сводится к тому, что Гильфердинг в «Фин[illegible]совом капитале» исказил Марксову теорию кризисов, игнорируя [illegible]ные противоречия капитализма и механистически утверждая абсолютную независимость производства от потребления. Тем самым он фактически выбросил из анализа классовые противоречия капиталистического общества

Но этого мало Гильфердингу для обоснования его концепции мешает также и понятие перепроизводства. В самом деле, признать существование перепроизводства — значит, с другой стороны, признать факт зависимости производства от потребления. Ведь перепроизводство говорит о том, что обнищалые массы, не обладая покупательной способностью, не могут потребить произведенного. Но признать все это—значит признать факты нали-

[1]) Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 446.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 489.
[3]) Там же, т. III стр. 31 Точно такие же высказывания мы находим у Маркса. т. IV

чия классовых антагонизмов, борьбы, необходимости гибели капитализма, пролетарской революции, т. е. всего того, что Гильфердингу признавать не хочется. Поэтому вполне понятно и логично, что Гильфердинг берется за уничтожение понятия перепроизводства, не стесняясь при этом и передергивать цитаты из Маркса для достижения своей цели.

Опираясь на Марксово положение о том, что было бы тавтологией сказать, что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного спроса, подставляя вместо платежеспособного спроса «недопотребление» (хотя, как это ясно для каждого, понятия платежеспособный спрос и недопотребление отнюдь не тождественны), Гильфердинг заявляет: «Раз недопотребление не имеет никакого смысла в политэкономии, то само по себе выражение «перепроизводство товаров» так же ничего не говорит вообще, как выражение «недопотребление». Строго говоря (а если не строго говорить?—*Т. Ч.*), выражение «недопотребление» можно употреблять только в физиологическом смысле, напротив, выражение «перепроизводство» не имеет никакого смысла в политической экономии, где оно может обозначать только одно, что общество менее потребляет, чем оно произвело» («Финансовый капитал», стр. 281).

По Гильфердингу получается, таким образом, что выражение «перепроизводство» не имеет никакого смысла. Между тем понятие перепроизводства настолько крепко укоренилось в среде [illegible] зисов, что вообще [illegible] является диким отрицать наличие [illegible] ства.

Тов. Сталин, анализируя на XVI с'езде нынешний экономический кризис, сказал: «Нынешний экономический кризис есть кризис перепроизводства. Это значит, что произведено товаров больше, чем может поглотить рынок» (Политотчет, стр. 18). Или, например, Ленин спрашивает: «Что такое кризисы?» И отвечает: «перепроизводство, производство товаров, которые не могут быть реализованы, не могут найти спроса» (Ленин, т. II, стр. 193). Маркс также пишет: «Условием перепроизводства является общий закон производства капитала».

Итак, основоположники марксизма совершенно недвусмысленно указывают, что перепроизводство является основой кризиса. Уничтожьте перепроизводство, вы этим уничтожите кризисы. Гильфердинг же утверждает в своем «Финансовом капитале» прямо противоположное. Он считает, что перепроизводство — это бессмыслица. Эта его позиция, как видит читатель, не случайна. Ибо отрицание понятия перепроизводства, как это будет показано ниже с другой стороны, означает уничтожение противоречия между производством и потреблением, что и является основной задачей Гильфердинга.

По той же линии идет и рассуждение Гильфердинга о роли закона тенденции нормы прибыли к понижению. По мнению Гильфердинга, промышленное оживление не означает «ничего иного, кроме только улучшения условий возрастания капитала» (стр. 302). Ну а тот факт, что промышленное оживление означает также и подготовку нового, еще более глубокого, чем предыдущий, кризиса? Этого, по мнению Гильфердинга, нет или он считает это совсем неважным, так как об этом ни слова не говорит. Для него существует другое, а именно — оживление и под'ем сами подготовляют факторы, ухудшающие условия возрастания капитала, ибо во время под'ема идет рост органического состава капитала. «Но повышение органического состава капитала знаменует понижение нормы прибыли, ухудшение условий возрастания капитала» («Финанс. капитал», стр. 302).

Итак, под'ем означает улучшение условий возрастания капитала, но он же подготовляет условия, приводящие к падению нормы прибыли, т. е. к ухудшению этих условий. Падение нормы прибыли является, значит, только ухудшением условий возрастания капитала. Всякий мало-мальски грамотный

марксист сразу чувствует формалистичность этого вывода, отсутствие каких-либо классовых противоречий и антагонизмов. Все дело сводится к условиям возрастания капитала. Очень безобидно!

Достаточно ли и правильно ли с марксистской точки зрения ограничиться фразой, что закон падения нормы прибыли обозначает только ухудшение условий возрастания капитала? Очевидно, нет.

Понижение нормы прибыли, получающееся благодаря росту органического состава капитала, таит в себе две тенденции. Для того, чтобы при упавшей норме прибыли капиталист мог получить прежнюю массу прибыли, он должен увеличить массу вложенных капиталов. Для того же, чтобы масса прибыли росла, что необходимо и неизбежно в условиях конкуренции, концентрации и централизации капиталов, еще быстрее должна расти масса вкладываемых капиталов. Это стремительное увеличение массы капитала идет на основе все повышающегося органического состава капитала, которое приводит к новому падению нормы прибыли

Капиталист попадает в заколдованный круг. Он стремится увеличивать свою прибыль. С этой целью он развивает технику. Органический состав капитала растет Но этот рост органического [illegible] к падению нормы приб[illegible] приводит [illegible]ющуюся массу при[illegible] нормы, [illegible]тавляет капиталиста в ко[illegible] снова увели[illegible] вкладываемых в производство капитала Но эти новые вложения происходят опять-таки на основе нового роста оргсостава капитала [1]). Все это вызывает огромный рост производственного аппарата и, следовательно, огромное увеличение массы выпускаемой продукции.

Но это не является единственным результатом закона падения нормы прибыли, вызывающего увеличение оргсостава капитала.

Что означает рост органического состава капитала с точки зрения рабочего класса?

Во-первых, этот рост означает относительное уменьшение V по сравнению с C, т.-е. общее количество примененного живого труда относительно уменьшается при гигантском росте производства. Рост органического состава капитала обозначает не что иное, как улучшение техники, под'ем производительности труда, что неизбежно ведет к увеличению относительной прибавочной стоимости. Наряду с общим относительным сокращением количества применяемого живого труда параллельно сокращается еще и доля каждого работающего рабочего. Все это означает сужение платежеспособной потребительской базы, обнищание пролетариата, идущее параллельно огромному росту производства. Наконец, благодаря тому же росту органического состава капитала мы имеем увеличение относительного перенаселения (которое усугубляется еще и абсолютным ростом населения (ибо, как говорит Маркс, «нищета порождает население»), что, в свою очередь, означает сужение потребительской базы.

Итак, с одной стороны, снижение нормы прибыли вызывает гигантский рост вкладываемых капиталов, рост их органического состава, гигантский рост производства и количества выпускаемой продукции, при чем с большим ростом сильнее действует тенденция нормы прибыли к понижению. С другой стороны, эти же самые явления (рост оргсостава капитала и падение нормы прибыли) приводят к сужению покупательной способности масс, к абсолютному и относительному обнищанию пролетариата и, следовательно, к разрыву между производством и потреблением. Если сюда еще

---

[1]) Само собой разумеется, этот процесс не проходит гладко и беспрерывно. Маркс указывает целый ряд причин, задерживающих падение нормы прибыли. Но нам важно здесь указать генеральную тенденцию

прибавить, что зарплата по сути дела никогда не равняется стоимости рабочей силы, а всегда ниже ее, то это еще больше усугубляет положение.

На этой основе и развертывается классовая борьба между трудом и капиталом, в этом и состоит классовая сущность Марксовой теории. Но именно этого Гильфердинг хочет избежать, именно это и нужно ему выхолостить. Поэтому, когда он говорит об отношении закона падения нормы прибыли к кризисам, ничего кроме невозможности дальнейшего роста капитала он вывести из этого закона не может. При чем самый рост капитала оторван у Гильфердинга от состояния платежеспособного потребления. Этот рост у него заранее обезврежен с классовой точки зрения. Как видит читатель, [illegible] вполне логически увязанная и цельная.

* * *

Проделав в основ[illegible] работу по выхолащиванию классовой сущности Марксовой теории кризисов, [illegible]ильфердинг переходит к утверждению меновой концепции.

Как мы видели, он признал, [illegible] перепроизводства не существует. Но на следующей странице мы читаем [illegible]о совершенно иное. Кризисы, по мнению Гильфердинга, присущи капитализ[illegible] Если характеризовать их с наиболее общей стороны, то кризис есть не [illegible]ное, как нарушение обращения. «Он (кризис — *Г. Ч.*) проявляется в том, [illegible] масса товара остается непроданной, в невозможности реализовать товарн[illegible]стоимость (или соответственно — цену производства) в деньгах» (стр 2[illegible] Значит, кризис обозначает именно тот факт, что товары остаются не[illegible]данными.

Что означает признание этого факта? Оно означает [illegible]изнание наличия перепроизводства. Итак, перепроизводство — бессмыслица [illegible] в то же время оно существует. Как видим, прямо противоположные утвер[illegible]. Но сейчас нас интересует другое, — какой вывод сделан Гильфердингом [illegible] факта. «Поэтому (потому что кризис есть нарушение обращения. — [illegible] об'яснить его (кризис. — *Г. Ч.*) можно лишь исходя из специфически капиталистических условий **т о в а р н о г о о б р а щ е н и я**, а не из условий простого товарного обращения» (стр. 284). Значит, кризис можно об'яснить лишь исходя из капиталистического обращения. О законах, движущих капиталистическое производство, и о роли их в образовании кризисов — ни слова.

Гильфердинг действует, как видим, в зависимости от потребности момента. Когда нужно было «доказать» независимость производства от потребления, т.-е. когда нужно было выхолостить классовую сущность Марксовой теории кризисов, — перепроизводство уничтожалось. Когда нужно доказать, что кризисы можно об'яснить, исходя только из капиталистического обращения, чтобы отвлечь внимание от законов, движущих капиталистическое производство, — т.-е. опять-таки в конце концов для того, чтобы выхолостить классовую сущность теории Маркса, — признается, что перепроизводство существует. У Гильфердинга «закон, что дышло, — куда повернул, туда и вышло» [1]). Нам важно, что и первый и второй прием преследуют одну и ту же цель — уничтожить Марксову теорию кризисов.

Итак, законы обращения — вот стихия Гильфердинга. И это вполне понятно, ибо если дело только в обращении, то тогда и горевать капиталистам незачем. Гильфердинг и Реннер «организуют» капиталистическое обращение, — и тогда конец кризисам. Именно в этом духе, в духе возможности устранения кризисов, ведет свою разработку Гильфердинг через «Финан-

---

[1]) Нужно отметить, что Гильфердинг в «Финансовом капитале» сплошь и рядом впадает в противоречие с самим собою. И это понятно. С одной стороны, здесь имеется оппортунистическая в своих основах теория, ведущая непосредственно к теории «организованного капитала» и ультраимпериализма. С другой стороны, — стремление прикрыть это все марксистской фразой. Отсюда — целый ряд непоследовательностей и нелогичностей.

совый капитал» вплоть до сегодняшних дней. Теперь становится, однако, вполне понятным, почему Гильфердинг так старательно пытался выбросить и исказить противоречия капитализма. В противном случае ему не удалось бы водрузить знамя законов обращения как основных законов, ведущих к образованию кризисов.

Итак, сначала Гильфердинг выбросил за борт исследования противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения, а также противоречие между внутренней организованностью отдельного предприятия и неорганизованностью всего общественного производства. Противоречие же между производством и потреблением он исказил и выхолостил из него революционную сущность. Чтобы это искажение получило видимость обоснования, он уничтожил явление перепроизводства и утвердил законы обращения как основу образования капиталистических кризисов, увязав с этим теснейшим образом извращение роли закона падения нормы прибыли. Этим он проделал все необходимое и достаточное для того, чтобы иметь возможность начать строить свою теорию кризисов.

* * *

Теория кризисов Гильфердинга, эта так называемая теория диспропорционального развития, не только не имеет ничего общего с Марксовой теорией кризисов, но и насквозь враждебна последней. Прежде всего антидиалектическим, немарксистским является самый метод, которым пользуется Гильфердинг при построении этой теории. Рассуждения Гильфердинга таковы: на капиталистическом рынке мы имеем налицо изменение цен; если бы эти цены повышались или падали пропорционально во всех отраслях промышленности, то не было бы никакого перераспределения и передвижек капиталов из одной отрасли промышленности в другую, ибо для этого отсутствовал бы всякий стимул. «Иное получается в том случае, если из характера повышения [illegible] цен можно вывести причины, исключающие такую равномерность изме[illegible]н», так как неравномерное повышение цен может повести к пере[illegible]ию капиталов и к переменам пропорциональности между различ[illegible] [illegible]и производства. «Эта возможность превращается в действительность, е[illegible] [illegible]ожно будет показать, что повышение цен необходимо должно повести [illegible] передвижке в распределении капиталов» («Фин. кап.», стр. 304).

Прежде всего о[illegible] [illegible]щает на себя внимание совершенно немарксистская постановка самого воп[illegible]. В самом деле, Гильфердинг ставит вопрос так: если из характера повы[illegible] [illegible]ия цен можно вывести причину, исключающую равномерность их (цен) и[illegible] [illegible]ения, то тогда можно будет показать и диспропорциональность в раз[illegible] [illegible] отраслей. Если же не удастся показать неравномерность изменения цен, [illegible] и диспропорционального развития отраслей показать не удастся. Значит, [illegible]есто того, чтобы анализировать фактическое состояние капиталистическо[illegible] рынка и из этого фактического состояния делать выводы о том или ином х[illegible]актере изменения цен, здесь заранее ставится задача показать именно не[illegible] [illegible]номерность в изменении цен, так как на этом строится диспропорциональ[illegible] [illegible]сть отраслей, а на последней, как увидим, и самая теория кризисов Гильфе[illegible] [illegible]нга. Это насквозь антимарксистский, антидиалектический, ненаучный м[illegible] [illegible]од анализа.

Гильфердингу нужно доказать обратно[illegible] [illegible]ому, что подсказывает анализ действительности, анализ закономерностей [illegible]азвития капитализма, ему нужно выхолостить классовые противоречия, к[illegible] [illegible]ссовую сущность кризисов. Задача его состоит не в правильном анализе де[illegible] [illegible]твительности, а в замазывании действительности. Отсюда задача, которую [illegible]н перед собой поставил, сводится к следующему: доказать, что диспропор[illegible] [illegible]ональность в развитии

отраслей является причиной кризисов, а для этого нужно прежде всего доказать, что налицо имеется неравномерность в повышении цен. Гильфердинг прежде всего приступает к выяснению этой задачи. Как же он доказывает наличие этого неравномерного изменения цен? Доказательство сводится к следующему: если взять отрасли, где наблюдается наибольшее применение машин, основного капитала, то они будут характеризоваться наиболее крупным оргсоставом капитала, а повышенный органический состав капитала означает рационализацию производства, лучшее применение машин, основного капитала, применение научных приемов, что в совокупности повышает производительность труда, а следовательно, и влечет за собой понижение цен за равное количество товаров. Поэтому вновь примененные в этих условиях капиталы работают вначале с повышенной прибылью, что вызывает в эти отрасли больший приток капитала, увеличивающийся по мере увеличения прибыли. Но чем дальше идет развитие капитализма, тем больше увеличивается размер основного капитала и растет различие отраслей промышленности по размерам основного капитала. И тут вскрывается самая центральная, по Гильфердингу, причина, приводящая к неравномерному повышению цен. «Чем крупнее размер основного капитала, тем продолжительнее время, необходимое для нового оборудования предприятий, тем значительнее и различия того времени, которое требуется в различных промышленных отраслях на расширение производства. Но чем продолжительнее время, необходимое для нового оборудования, тем затруднительнее приспособиться к потребностям потребления, тем дальше предложение отстает от спроса, тем сильнее повышение цены и тем шире распространяется в таких промышленных отраслях стремление к накоплению. Чем крупнее масса основного капитала, тем большее время требуется для того, чтобы произвести новые перемены и повысить производительность. А до того времени предложение будет отставать от спроса» (стр. 305—306).

Но что означает отставание предложения от спроса? Прежде всего это означает повышение цен, т.-е. повышенную норму прибыли, а вслед за повышением цен идет в эти отрасли прилив капитала и, следовательно, одни отрасли развиваются быстрее, другие вследствие этого отстают, т. е. налицо диспропорциональное развитие различных отраслей.

Итак, диспропорциональное развитие отраслей вызвано тем, что в отраслях с высоким органическим строением капитала невозможно быстро расширить производство из-за слишком больших размеров основного капитала. Это приводит к отставанию предложения от спроса и поэтому к повышению цен и к слишком большому притоку капиталов в эти отрасли индустрии. Еще более выпукло выглядит это в следующем рассуждении Гильфердинга. Повышение органического состава приводит к тому, что «вследствие перемен в соотношениях конкуренции, передвижек в соотношении спроса и предложения, благодаря тому, что предложение растет медленнее, чем спрос, как раз в этих сферах во время благоприятной конъюнктуры наступает сначала более сильное повышение цен, чем в других отраслях производства» (стр. 306).

Следовательно, цены изменяются благодаря тому, что предложение отстает от спроса. Отметим здесь, что изменение (повышение) цен вызвано, по Гильфердингу, не причинами, вытекающими из существа капиталистических противоречий, а причинами чисто технического порядка. Каждый капиталист соответственной системой мероприятий может регулировать время строительства предприятий, как ему нужно. Тем более легко сделать это монопольной организации при современном необычайном росте техники. Таким образом, добившись более быстрого строительства отраслей с высоким оргсоставом капитала, капиталисты не допустят отставания предложения от спроса, а следовательно, не произойдет и повышения цен. Тогда же

будет и оснований для диспропорциональности в развитии отраслей. А ведь, именно эта диспропорциональность и является причиной кризисов у Гильфердинга.

«Но, — продолжает Гильфердинг, — капитал устремляется в сферы с повышенной прибылью, следовательно, вновь накопленный капитал прежде всего будет отклоняться к этим сферам, и это отклонение продолжится до тех пор, пока новые сооружения не будут закончены и пока не скажется усиление конкуренции новыми производствами» (стр. 306).

Таким образом в сферах с наивысшим органическим составом капитала по сравнению со сферами относительно низкого состава существует тенденция к перенакоплению капитала. Это несоответствие обнаруживается, когда продукты новых сфер поступают на рынок. «Сбыт этих новых продуктов тормозится тем, что производство в сферах более низкого состава расширялось неодинаковым темпом, не с равной быстротой, а быстрее, но зато и не столь интенсивно» (стр. 306).

Итак, сбыт новых продуктов тормозится не потому, что налицо обнищание пролетариата и широких трудящихся масс, не потому, что налицо перепроизводство, являющееся результатом противоречия между производством и потреблением, которое в свою очередь вытекает из противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения. Гильфердинг не анализирует и не признает, как мы это видели, внутренних, присущих капитализму противоречий и их влияния на кризисы. Торможение сбыта обусловливается у него совершенно другими, чуждыми капитализму (с точки зрения их неизбежности) причинами чисто технического порядка. Предприятия с высоким оргсоставом из-за большой массы основного капитала не могли быстро расширяться, не могли удовлетворить спрос, поэтому поднялись цены, усилился приток капиталов. Это вызвало большое расширение производства. И только когда все эти предприятия, наконец, вступили в строй, выяснилось, что в смысле количественном их развитие шло слишком интенсивно, что они, в конце концов, произвели такую массу продуктов, которая не может теперь быть поглощена, так как отрасли с низким оргсоставом капитала развивались менее интенсивно. Сферы с низким оргсоставом капитала не могут поглотить товаров, произведенных сферами с высоким оргсоставом капитала, и потому наступает кризис.

Спрашивается, есть ли здесь хоть гран от противоречий капитализма, классовых антагонизмов, неизбежности кризисов, которые, по Марксу и Ленину, заложены в существе капиталистического способа производства? И не легко ли капиталистам путем введения технических изобретений ускорить время строительства отраслей с высоким оргсоставом и тем самым устранить неравномерность изменения цен, следовательно, диспропорциональность, а значит, и кризисы? Не заложены ли уже здесь элементы возможности организованного капитализма?

Но этого мало. Гильфердинг продолжает: «Этим об'ясняется, почему кризисы сильнее всего проявляются в технически наиболее развитых отраслях производства, следовательно, в прежние эпохи прежде всего в текстильной (хлопчатобумажной) промышленности, позже в отраслях тяжелой промышленности» (стр. 306). Оказывается, по Гильфердингу, что кризисы отражаются в конечном счете наиболее сильно на отраслях тяжелой индустрии потому, что на их постройку нужно больше времени, что приводит к сильному расширению и диспропорциональности. По Гильфердингу таким образом получается, что сокращение сроков строительства предприятий I подразделения приведет к уничтожению диспропорциональности, а следовательно, и кризисов.

Совершенно иное, кардинально противоположное, мы имеем у Маркса и Ленина. По Марксу, капитализму внутренне присуще развивать отрасли,

производящие средства производства, быстрее, чем отрасли, производящие средства потребления (см. схемы расширенного воспроизводства—Капитал, т. II, ч. 3-я), ибо развитие II подразделения определяется и зависит от I подразделения. Чем быстрее будут развиваться (следовательно, строиться) отрасли с высоким оргсоставом капитала (I подразд.), тем чувствительнее и глубже будет кризис. Ибо, чем дальше и быстрее идет развитие капитализма, чем быстрее развивается I подразд., тем больше углубляются противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, между производством и потреблением, тем больше борьба между трудом и капиталом. Как видим, выводы диаметрально противоположные. И это понятно, ибо Гильфердинг свою теорию диспропорционального развития построил не на анализе всех противоречий капитализма и их влияния на кризисы, а на затушевывании этих противоречий.

Интересно отметить, что Гильфердинг, не называя, правда, вещи своими именами, дает полную и развернутую программу неизбежности устранения диспропорциональности и кризисов. Мы помним, что в основе диспропорционального развития отраслей, выведенной Гильфердингом, лежит различие в нормах прибыли в отраслях с высоким и низким органическим строением капитала. Отрасли с более высоким оргсоставом капитала получают более высокую норму прибыли.

Но, по мнению Гильфердинга, это различие в нормах прибыли неизбежно должно быть устранено. «Необходимо,—пишет он, — чтобы это различие в норме прибыли было устранено, и оно может быть устранено только посредством соединения добывающей промышленности с обрабатывающей посредством комбинаций». Или вот еще яснее. «Итак, к комбинации ведут различные нормы прибыли. Для комбинированного предприятия колебания нормы прибыли устраняются» (стр. 223).

Ясно, что различия в нормах прибыли, имеющиеся в отраслях с большим и меньшим оргсоставом капитала в силу трудности и длительности строительства первых, уничтожаются, как утверждает сам Гильфердинг, благодаря процессу комбинирования, который неизбежно усиливается с ростом капитализма и с концентрацией производства. Но раз устраняется это различие в нормах прибыли, то устраняется та единственная причина, которая приводит к диспропорциональному развитию, а следовательно, к кризисам. Гильфердинг, как видим, сам указывает те пути, которые приводят с точки зрения его теорий к упразднению и устранению кризисов.

* * *

Нужно отметить, что, исходя из своей теории диспропорционального развития отраслей, Гильфердинг делает ряд выводов в духе Туган-Барановского. Так, например, по его мнению, «производство может расширяться до бесконечности, не приводя к перепроизводству товаров» (стр. 281), если оно протекает в соответствующих пропорциях. Или, например, он пишет: «Но в то же время эти схемы (схемы Маркса.—*Т. Ч.)* показывают, что при капиталистическом производстве, как простое, так и расширенное воспроизводство может итти беспрепятственно лишь при том условии, если сохраняется эта пропорциональность». Такая точка зрения вполне логично увязывается со всей концепцией Гильфердинга, ибо стоит устранить диспропорциональность, как устраняется и кризис. Но именно Туган-Барановский, как известно, стоял на той точке зрения, что сохранение пропорций приводит к уничтожению кризисов. На этом основании он вообще выводит возможность бесконечного существования капитализма.

Ленин дал нам по этому вопросу совершенно ясные и недвусмысленные указания. «Из этой теории, — писал он, — (из Марксовой теории реализа-

ции. — *Т. Ч.*) следует, что даже при идеально гладком и пропорциональном воспроизводстве и обращении всего общественного капитала неизбежно противоречие между ростом производства и ограниченными пределами потребления»[1]). Таким образом, и здесь точка зрения Гильфердинга расходится с точкой зрения Маркса—Ленина и вполне последовательно и логично увязывается со всей его антимарксистской концепцией.

Было бы, однако, несправедливо, если бы мы совершенно обошли молчанием тот факт, что Гильфердинг все же говорит о влиянии диспропорции между производством и потреблением (т.-е. о противоречии между производством и потреблением) на кризисы. Но как он говорит? Эта диспропорция у него построена так, что положение пролетариата при капитализме не ухудшается, но, наоборот, улучшается.

Так он пишет: «Дальнейшее нарушение пропорциональности может последовать в том случае, е с л и и з м е н я е т с я о т н о ш е н и е п р о и з в о д с т в а к потреблению» (стр. 310). Итак, если отношение производства к потреблению изменится, это будет влиять на возникновение кризисов, а если нет, то не будет. Однако у Маркса — Ленина возможен только один путь, именно—неизбежный рост диспропорций между производством и потреблением. Гильфердинг совершенно оригинально представляет себе изменение отношений между производством и потреблением. По Марксу и Ленину огромный рост производства, с одной стороны, и обнищание пролетариата и падение потребления, с другой, являются основой развертывания классовой борьбы между трудом и капиталом. У Гильфердинга же мы имеем совсем другое. Потребление пролетариата, его благосостояние растет, но еще быстрее растет производство. Это тоже диспропорция, но эта диспропорция никогда не приведет к росту и обострению классовой борьбы. Так, он заявляет: «П о т р е б л е н и е у в е л и ч и в а е т с я а б с о л ю т н о, потому что и предприниматели и р а б о ч и е р а с ш и р я ю т с в о е п о т р е б л е н и е, еще быстрее увеличивается накопление, потому что теперь как раз с наибольшей быстротой действует побуждение накоплять... Таким образом совершается передвижка: относительно большая доля прибыли служит накоплению, относительно меньшая — потреблению» (стр. 310).

Разрыв, диспропорция, между производством и потреблением, о которой пишет Гильфердинг, совершенно безвреден с точки зрения развертывания классовой борьбы. Положение рабочего все улучшается, «потому что предприниматели и рабочие расширяют свое потребление». Зачем же нужна в самом деле диктатура пролетариата и прочие нехорошие вещи, зачем проливать кровь, когда положение рабочего класса и так улучшается?

Таковы те выводы, к которым неизбежно приходит и не может не приходить Гильфердинг. Нам совершенно ясна сейчас внутренняя связь между первой частью теории кризисов Гильфердинга, которую он посвятил выхолащиванию классовой сущности Марксовой теории, и второй частью, в которой он на основе этого выхолащивания построил свою антимарксистскую теорию диспропорционального развития. Построить эту свою теорию Гильфердинг, конечно, не смог бы, если бы он проделал первую часть работы.

* * *

Для того, чтобы крепче обосновать теорию диспропорционального развития отраслей, Гильфердинг пошел еще на одно извращение Марксовой теории. Речь идет о роли функций денег как средства обращения и как средства платежа в образовании кризисов. Так, по поводу роли функций денег как средства обращения Гильфердинг пишет: «Но пока деньги функцио-

[1]) Ленин. Собр. соч., изд. 1-е,/т. II, стр. 409.

нируют исключительно как средство обращения, пока товар непосредственно обменивается за деньги, а деньги за товар, превращение денег в сокровище может оставаться чисто единичным, изолированным явлением, которое, конечно, знаменует, что известный единичный товар не удастся продать, но не знаменует, что наступает всеобщая приостановка сбыта» (стр. 279).

Итак, деньги в своей функции средств обращения еще не таят в себе возможности кризисов. Конечно, возможно, что единичный товар не удастся продать, но это не означает, что может наступить всеобщая приостановка сбыта. Но «положение изменяется с развитием функций денег как платежного средства и, дальше, с развитием оборотного кредита. Заминка сбыта означает теперь, что уже обещанный платеж не удастся произвести. Но, как мы видели раньше, такое обещание платежа послужило средством обращения или средством платежа для целого ряда других оборотов. Неплатежеспособность одного делает и других неплатежеспособными. Цепь платежных обязательств, созданная деньгами как средством обращения, оказывается порванной, и приостановка на одном пункте переносится на все остальные: она приобретает всеобщий характер. Таким образом, платежный кредит развивает солидарность между отраслями производства и создает ту возможность, что частичное нарушение сбыта превратится во всеобщее» (стр. 279). Значит, кризис наступает только тогда, когда разовьется оборотный кредит, т. е. когда разовьется функция денег как платежного средства, ибо только тогда частичное нарушение сбыта превращается во всеобщее. Хотя в конце фразы Гильфердинг говорит о «возможности» превращения частичного нарушения сбыта во всеобщее, но нужно заметить, что все его рассуждения о функции денег как платежного средства построены так, будто речь идет не об абстрактной возможности, но о неизбежности кризиса.

Итак, утверждение Гильфердинга сводится к тому, что: 1) деньги в своей функции средств обращения не таят в себе возможности кризисов, 2) наоборот, функция денег как платежного средства заключает в себе эту возможность и даже (исходя из всего смысла рассуждения Гильфердинга) больше, чем возможность, — она способна всякую заминку в обращении превратить в реальный кризис.

Такая постановка вопроса совершенно неверна и находится в вопиющем противоречии с утверждениями Маркса. Маркс говорит, что общая **возможность** кризисов заложена в двух формах: во-первых, в функции денег как средства обращения, в разделении купли и продажи, во-вторых, поскольку деньги служат платежным средством.

«Таковы формальные возможности кризиса. Первый случай возможен без последнего, т. е. кризисы возможны без кредита, когда деньги не функционируют как платежное средство. Но второй случай невозможен без первого, т. е. без отделения купли и продажи» [1]).

Если Гильфердинг говорит, что в функции денег как средства обращения не заложена возможность кризиса, то Маркс утверждает прямо противоположное, что кризисы возможны без кредита даже тогда, когда деньги выполняют только функцию средств обращения. Если Гильфердинг далее заявляет, что кризисы возможны только когда разовьется функция денег как платежного средства, то Маркс утверждает, что возникновение кризиса из этой функции невозможно без существования функции денег как средства обращения.

Все эти расхождения с Марксом далеко не случайны. Они тесно увязаны у Гильфердинга в единую концепцию. В самом деле, если признать

---

[1]) Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. 2-я, стр. 181.

вслед за Марксом тот факт, что функция денег как средства обращения, заключает в себе возможность кризисов, то для об'яснения того, почему эта возможность превращается в действительность, необходимо прибегнуть к тем имманентным противоречиям капитализма, которые в диалектическом взаимодействии с абстрактной возможностью кризиса, заложенной в функции денег как средства обращения, дают реальный кризис. Придется анализировать основное противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, которое Гильфердинг вообще выбросил. Придется привлечь и противоречие между производством и потреблением и показать, что это противоречие играет огромную роль в образовании кризисов, т. е. придется дать этому противоречию марксистское толкование, показать внешний отрыв внутренне единых явлений. Отрицая роль внутренних противоречий капитализма в образовании кризисов, Гильфердинг неизбежно должен был стать на позиции отрицания возможности кризисов из функции денег как средства обращения, ибо в противном случае нужно признать и роль внутренних противоречий капитализма, превращающих эту возможность в действительность. Совсем иначе обстоит дело, когда речь идет о функции денег как платежного средства. Эту функцию легко приспособить для выхолащивания классовой сущности теории кризисов, для оправдания всей концепции Гильфердинга. Здесь легко обойти те имманентные капитализму законы и противоречия, которые эту абстрактную возможность кризисов превращают в реальный кризис. Здесь можно даже не упоминать об этих противоречиях. Достаточно только случайной заминки в сбыте, как на помощь подоспевает механизм кредитной системы. Неуплата одного долга обозначает целую цепь неуплат. Цепь сделок разрывается. Налицо всеобщая приостановка сбыта.

Но чем же вызывается эта первоначальная заминка? Этот вопрос Гильфердинг предвидел, и у него уже заранее готов ответ. Заминка вызывается диспропорциональным развитием отраслей. Но как диспропорциональность развития отраслей Гильфердинг выводит из чисто технических причин, игнорируя противоречия капитализма, так и здесь речь идет у него о чисто технических кредитных манипуляциях. Ведь кредитную систему, взятую саму по себе, по мнению Гильфердинга, легко организовать, регулировать. Легко также регулировать в смысле форсирования или замедления время строительства предприятий. Следовательно, и кризисы вполне можно регулировать.

Таковы те выводы, которые неизбежно получаются из всей гильфердинговской системы. Спрашивается, разве все это не есть корни теории организованного капитализма? Концепция Гильфердинга действительно «стройна». Сначала он обезвредил Маркса, вытравил из его теории все, что хоть как-нибудь связано с классовой борьбой, антагонизмами и противоречиями капитализма. Далее он уничтожил все, что косвенно может привести к этим противоречиям (перепроизводство, закон падения нормы прибыли). После этого он строит свою теорию диспропорционального развития отраслей, антимарксистская сущность которой бьет в лицо, ибо на ее основе последовательно строится и увязывается теория организованного капитализма. А между первой и второй частью этой работы перебрасывается мостик в виде извращения функций денег и их роли в образовании кризисов, чем обеспечивается плавный логический переход и полная увязка частей [1]).

---

[1]) Не чем иным, как пропагандой социал-фашизма, нельзя политически квалифицировать упоминавшуюся выше статью т. Пергаменцева, напечатанную в 1930 г. в «Изв. Лен. ин-та нар. хоз. имени Энгельса». Пергаменцев, с пеной у рта защищающий теорию кризисов Гильфердинга, пишет между прочим следующее: «Единственно правильный и глубокий анализ Марксовой теории промышленного цикла кажет-

* * *

Плодами своего анализа Гильфердинг не замедлил воспользоваться. В последней главе раздела, посвященной теории кризисов, под названием «Изменение в характере кризисов. Картели и кризисы» он прежде всего стал доказывать, будто в эпоху монополистического капитализма кризисы ослабляются. Это последовательно и логически вытекает из всей его концепции. Начинает, Гильфердинг с доказательства возможности ослабления кризисов, что, однако, не мешает ему потом перейти тут же в «Финансовом капитале» к доказательству возможности устранения кризисов. Правда, все это делается в прикрытой, туманной форме, но сквозь этот туман явственно проглядывает антимарксистское существо.

Начинает Гильфердинг с кредитных и денежных кризисов. По его мнению, монополистический капитализм призван смягчить эти виды кризисов. «Разрушение кредита, — говорит он, — может быть и не столь полным, как оно бывало при кризисах ранней эпохи капитализма. Мало того, развитие кредитного кризиса, с одной стороны, в банковый кризис, а с другой, — в денежный кризис затрудняется переменами в организации кредита, с одной стороны, и передвижкой в отношении торговли и промышленности, — с другой» (стр. 342). Итак, благодаря соответствующей организации кредита его «разрушение», или кредитный кризис, в эпоху монополистического капитализма ослабляется.

Далее идет анализ того механизма, которым пользуются банки для устранения кредитных и денежных кризисов. Тут целая система мероприятий, основанных на концентрации банков, на слиянии банковского капитала с промышленным, на накоплении банками золотого фонда, на росте кредита, на регулировании выпуска банкнот и т. д. Мы не станем здесь подробно разбирать все эти аргументы, ибо не в них суть. Принципиально важное заключается в том, что Гильфердинг немедленно пытается реализовать возможности, которые он выводит из своей теории, и утверждает неизбежность ослабления кризисов в эпоху империализма.

«Устранение денежного кризиса, — говорит он, — предохраняет кредит от полного крушения и является, таким образом, предотвращением банко-

---

ся нам дал Гильфердинг» (стр. 83). После этого следует чрезвычайно сочувственное изложение Гильфердинга и, дойдя до вопроса, откуда же начинается оживление, Пергаменцев отвечает: «Нам кажется, что только исходя из теории кризисов Маркса-Гильфердинга возможно дать более или менее (чего стоит это «более или менее» по отношению к Марксу!—Т. Ч.) удовлетворительный ответ на поставленный вопрос» (стр. 89).

Далее Пергаменцев, задыхаясь от нарастающего восторга, патетически восклицает: «Заслуга Гильфердинга в том, что он в полном согласовании с духом учения Маркса отверг общее место о недопотреблении, стихийности и пр. и построил теорию периодического промышленного цикла на базе основных специфических законов капиталистического производства, на законе ценности, нормы прибыли и образования цен в условиях капиталистической конкуренции... Концепция Гильфердинга имеет еще то преимущество, что она монистична и диалектична».

Все эти возмутительные рассуждения напечатаны в 1930 г. Редакция предпослала статье Пергаменцева беззубое, «беспартийное» примечание, которое гласит: «Помещая статью доцента института Д. Л. Пергаменцева, редакция считает необходимым отметить, что она не разделяет некоторых воззрений автора и находит ошибочными основные его положения, некритически воспроизводящие концепцию Гильфердинга. Редакция все же нашла возможным опубликовать предлагаемую статью Д. Л. Пергаменцева, питомца института, поскольку проблема кризисов является в настоящее время одной из центральных по своему значению и актуальности и всякое слово, сказанное в этой области, приобретает известный интерес».

Так, пожалуй, можно договориться и до того, что и правооппортунистическое и контрреволюционное троцкистское слово также приобретает интерес, ибо эти слова тоже относятся к категории «всяких слов». Вот где живой пример гнилого либерализма, о котором писал т. Сталин.

вого кризиса. Натиск на кассы банков не развертывается. Истребование вкладов не приобретает острого и широкого характера, и банки, если только они вообще платежеспособны, могут выполнять все свои обязательства. Поскольку же банковый кризис возникает не как следствие кредитного и денежного кризиса, а в первую очередь и непосредственно из того, что банковский капитал закреплен и что кредитованные деньги потеряны, постольку можно сказать, что капиталистическое развитие здесь тоже развертывает тенденцию к смягчению кризиса для капитала» (стр. 342).

Итак, монополистический капитализм по своей природе призван смягчать денежный и кредитный кризис. Поскольку же банковский кризис вызывается не денежным и кредитным кризисом, так как денежный и кредитный кризис смягчен, а затруднениями из-за закрепленности капитала, то и тут монополистический капитализм вызывает ослабления. Чем дальше идет развитие капитализма, тем больше концентрация банков и тем менее попадает банк («хорошо управляемый») в зависимость от одного из немногих предприятий, в которых он закрепил свои средства. Поэтому банк может избежать кризиса даже тогда, когда предприятиям угрожает крах. Спекуляция «отодвигается на задний план». Торговля все больше и больше подпадает под контроль, а часто и просто переходит в руки монополий. Это означает не что иное, как ослабление кризиса. «В том же направлении, т. е. затруднения возникновение банковых кризисов, действуют перемены в явлениях промышленного кризиса, а также развитие господства банков над промышленностью» (стр. 344). И, наконец, устраняется биржевая спекуляция с фондами, так как с возрастанием силы банков последние все более подчиняют себе движение спекуляции. Все эти утверждения Гильфердинга об ослаблении банковских и кредитных денежных кризисов, об устранении биржевых крахов прекрасно опровергаются нынешним мировым экономическим кризисом, который сопровождается, как известно, необычайной силы кредитным и банковским кризисом и биржевыми крахами.

Как видим, Гильфердинг не пожалел красок для того, чтобы как можно ярче выпятить необходимость смягчения и ослабления кредитно-денежных и банковских кризисов в эпоху монополистического капитализма [1]). Но найти объяснение этим выводам Гильфердинга не трудно. Ведь кредитно-денежный и банковский кризис он исследует совершенно самостоятельно и независимо от кризиса промышленного. Первые существуют у него, как совершенно самодовлеющие явления, оторванные от второго. При такой постановке вопроса очень нетрудно доказать возможность их устранения и смягчения. Об этом Гильфердинг совершенно открыто заявляет в «Финансовом капитале». До сих пор, — пишет он, — мы говорили об ослаблении кризисов «поскольку последние обусловливаются массовым характером банкротств, острыми явлениями биржевого, банкового, кредитного и денежнгоо кризиса»... «Но все эти моменты не имеют никакого касательства к наступлению самого промышленного кризиса, к смене процветания и депрессии» (стр. 346).

Как видим, сам Гильфердинг открыто заявляет, что кредитно-денежный и банковский кризис не имеет «никакого касательства» к наступлению промышленного кризиса. Однако, мы знаем, что марксистско-ленинская теория стоит на совершенно иной точке зрения. Действительность развивается не по гильфердинговским теориям. Кредитно-денежный и банковский кризисы возникают на основе промышленного кризиса и в связи с ним. Правда, находясь в зависимости от промышленного кризиса, они в свою очередь углуб-

[1]) Необходимо отметить, что тов. Варга в своем докладе «Экономический кризис в Соединенных штатах», прочитанном в Комакадемии в декабре 1929 года, очень близко подходил к гильфердинговской точке зрения по вопросу о кредитно-денежных и банковских кризисах. См. его высказывания в брошюре «Эк. фин. в САСШ», стр. 12 и др.

ляют промышленный кризис. Раз возникши, они становятся дополнительными причинами, углубляющими противоречия капитализма. Тут имеется диалектическое взаимодействие. Но сказать, что кредитно-денежный и банковский кризисы не имеют «никакого касательства» к промышленному, может лишь тот, кто желает об'яснить возникновение кризисов не внутренними, имманентными капитализму противоречиями, а чисто внешними причинами. Но дело этим не ограничивается. Продолжая свои рассуждения, Гильфердинг начинает говорить о влиянии роста концентрации на кризисы. Так, он пишет: «Перемены в явлениях кризиса необходимо наступают также и вследствие успехов капиталистической концентрации. С увеличением размеров отдельного предприятия возрастает его способность к сопротивлению» (стр. 337). Далее следуют об'яснения, почему крупное предприятие более устойчиво, чем мелкое.

Как на доказательство того, что концентрация производства ослабляет кризисы, Гильфердинг ссылается на кризис 1900 г., когда наряду с исполинскими предприятиями, принадлежащими монополиям, существовали и технически устарелые, «чистые» предприятия. «Падение цен, понижение спроса привели эти «чистые заводы» в бедственное положение, о котором по отношению к комбинированным исполинским производствам вообще не может быть речи или которое коснулось их лишь на самое короткое время» (стр. 338). Поэтому кризис 1900 г. привел к такой концентрации, в результате которой создались монополии «победоносно выдержавших испытание предприятий». Итак, по Гильфердингу, концентрация капитала усиливает сопротивляемость предприятий во время кризисов и тем самым ослабляет кризис. Больше ничего о результатах концентрации с точки зрения влияния их на кризисы у Гильфердинга нет. Между тем для каждого грамотного марксиста ясно, что результатом концентрации является подготовка новых, еще более грандиозных и потрясающих кризисов. Именно в этом вся суть процесса.

Наиболее сильные, мощные, концентрированные предприятия, выйдя из кризиса в полосу расцвета, несут в себе все углубляющиеся противоречия капитализма, которые неизбежно приводят к новым, еще более сильным кризисам. Ясно, что таких выводов, исходя из своей концепции, Гильфердинг сделать не может, да и не хочет, так как тогда он снова стал бы перед вопросом о необходимости правильного марксистского анализа всех противоречий капитализма, приводящих к кризисам. Поэтому он берет только рост сопротивляемости и приходит к выводу, что монополистический капитализм ослабляет кризисы, т. е. что капитализм становится на путь «организованного капитализма».

Вполне гармонично со всем вышеизложенным звучит у него следующее место: «Мы видим, что растущая концентрация промышленных предприятий повышает их способность к сопротивлению против крайнего действия кризисов, против полного банкротства. Способность к сопротивлению повышается организационной формой акционерного общества, которая, как мы видели, до чрезвычайности увеличивает влияние банков на промышленность. В самом деле, акционерная форма повышает способность предприятия к сопротивлению. Она делает возможным продолжение производства даже в тех случаях, когда оно не дает дохода или даже дает убытки, потому что приток капитала осуществляется здесь с большей легкостью, чем в единоличном предприятии. Во-вторых, при акционерной форме легче составить запасный капитал и в хорошие годы подготовиться к плохим» (стр. 344).

Как замечательно обстоит дело, когда выхолащивается классовая сущность Марксовой теории кризисов! В самом деле, концентрация растет, организуются акционерные общества, форма которых еще больше содействует сопротивляемости кризисам. Значит, организационные формы монополий — один из плюсов для организованного капитализма. По Гильфер-

дингу выходит даже так, что монополии заранее составляют себе план и в хорошие годы готовятся к плохим. Чем не плановое хозяйство? Если добавить, что Гильфердинг ни слова не говорит (и не может говорить) о противоречиях, таящихся в развитии концентрации и подготовляющих новые кризисы, и вообще о противоречиях капитализма, из которых вытекает сущность кризисов, то получается полная идиллия и вывод напрашивается сам собой. Чем больше концентрации, следовательно, чем крупнее и крепче монополия, тем больше сопротивляемость, тем больше организованность, тем больше момент сознательного учета положения (подготовка запасов в хорошие времена на случай плохих времен) и тем слабее и слабее кризисы. Чем же плох, в самом деле, капитализм и чего эти большевики хотят от него?

Все эти рассуждения о влиянии концентрации на кризисы Гильфердинг называет рассуждениями о кредитно-денежных кризисах, ибо тут же он утверждает, что до сих пор речь шла только об ослаблении кредитно-денежных и банковских кризисов и что все эти моменты «не имеют никакого касательства к наступлению самого промышленного кризиса». Внешне Гильфердинг как будто стоит на той точке зрения, что финансовый капитал не уничтожает и не ослабляет промышленных кризисов. «Не вносят ли,— ставит он вопрос в упор,— качественных изменений в явления кон'юнктуры (читай кризисов. — *Т. Ч.*) монополии, сопряженные, как утверждают, с уничтожением регулирующей силы капиталистического механизма, с уничтожением свободной конкуренции?» И отвечает: конечно, модификация есть, хотя бы в связи с установлением монопольных (картельных) цен. «Но картелям приписывалось, отчасти и теперь приписывается, совершенно иное действие. Они будто бы знаменуют не просто модификацию всех действий, которые оказывает кризис; они будто бы могут совершенно устранить кризисы, так как в состоянии регулировать производство и во всякое время приспособлять предложение к спросу». Однако «это воззрение совершенно игнорирует внутреннюю природу кризисов» (стр. 346).

Как будто довольно резкий протест?

Но, оказывается, эта точка зрения (об устранимости кризисов картелями) могла бы быть принята «только в том случае, если причину кризисов видеть просто в перепроизводстве товаров, вытекающем из необозримости рыночных отношений; может показаться самоочевидным, что кризисы могут быть устранены посредством сокращения производства картелями» (стр. 346).

Значит, если видеть причины кризисов в перепроизводстве, то они легко устранимы, ибо и перепроизводство легко может быть устранено картелями. (Читатель помнит, что перепроизводство, по Гильфердингу, это фикция, бессмыслица, ибо такого понятия, по его мнению, в политэкономии нет). Как же картели будут уничтожать перепроизводство? «Картели не могут воспрепятствовать возникновению кризисов, в такой же мере не могут они избежать их действия. Конечно, если отождествить кризис с перепроизводством товаров, то средство помощи было бы очень простое. Картели сокращают производство, следовательно, ускоренным темпом, быть может даже в усиленной степени осуществляют то самое, что кризис и так осуществил бы, вызвав ряд банкротств и сокращение работы в предприятиях» (стр. 349).

Признать явление перепроизводства означает, по Гильфердингу, стать на точку зрения устранимости кризисов, ибо картели легко могут избавиться от перепроизводства путем быстрого сокращения продукции, и все это будет проделано безболезненно, в то время как кризисы проходят с банкротствами, крахами и прочими неприятными явлениями. Но как же картель будет регулировать, сокращать производство продукции? Удастся ли сделать это так, чтобы избежать и не допустить перепроизводства, т. е. предчув-

ствуя, что перепроизводство приближается, заранее сократить производство, или сокращение производства последует de facto, когда крах, кризис уже разразится? Первое предположение равносильно приписыванию монополиям свойств чисто планового хозяйства. Они заранее знают, рассчитывают, могут с точностью установить надвигающееся перепроизводство и поэтому приостанавливают производство. Но в таком случае они вообще способны планировать хозяйство, строительство предприятий, так как знают, сколько и когда нужно товаров. Здесь перед нами чистейшая теория организованного капитализма. Если же эти слова Гильфердинга нужно понимать так, что перепроизводство наступило, кризис разразился и только тогда картели могут принять меры к сокращению производства, то спрашивается, где же здесь устранение кризиса? Ведь в этом случае, хотят картели или нет, а производство сокращается, и не мирно и спокойно, а через банкротство, панику и крах. Следовательно, кризис не устранен, он налицо. Так понимать Гильфердинга было бы полнейшей бессмыслицей, ибо все рассуждение предпринималось им именно с целью доказать, что кризисы устраняются, если стать на путь признания перепроизводства.

Итак, в «Финансовом капитале» нам преподносят в завуалированной форме теорию, из которой в дальнейшем выросла теория организованного капитализма, неизбежно связанная со всей концепцией Гильфердинга. Еще более выпукло сквозит это в рассуждении Гильфердинга о том, что если, мол, признать явление перепроизводства, то картель его устранит, ибо то ограничение производства, к которому приводил раньше кризис, «это благословенное ограничение производства с несравненно большей быстротой и безболезненностью осуществляется теперь ассоциированным разумом картелированных руководителей производства» (стр. 346—47).

Внешне Гильфердинг стоит как будто довольно резко на той точке зрения, что промышленные кризисы не устранимы картелями. Присмотримся ближе к тому, что лежит в основе этого утверждения. Оказывается, картели не могут устранить промышленного кризиса, потому что они не могут уничтожить диспропорциональность между отраслями. «Те нарушения регулирования цен,— пишет Гильфердинг,— которые в конце концов приводят к отношению диспропорциональности, а следовательно, к противоречию между условиями увеличения стоимости и условиями ее реализации, не уменьшаются, а обостряются картелями» (стр. 347). Итак, кризисы остаются, ибо остается диспропорциональность, являющаяся результатом нарушения регулирования цен.

Мы не можем не отметить резкого противоречия, в которое впадает здесь Гильфердинг. Несколько выше Гильфердинг доказывал неизбежность процесса комбинирования, идущего параллельно росту капитализма. Рост картелей и обозначает рост комбинирования. Но именно рост комбинирования, как утверждал Гильфердинг, приводит к все большему уравнению нормы прибыли, т.-е. к устранению нарушений в ценах и, следовательно, к устранению диспропорциональности. Эта точка зрения очень подробно развита и обоснована Гильфердингом и безусловно находится в тесной логической связи с его утверждением о неизбежности ослабления кризисов благодаря концентрации. Это—логическое продолжение и закругление его теории диспропорционального развития, которая в своем существе содержит неизбежность устранения кризисов.

Утверждение Гильфердинга о том, что картели не устраняют диспропорциональности, не только противоречит существу всей теории диспропорционального развития, но находится в явном противоречии и с теорией комбинирования, утверждающей прямо противоположное, и с теорией концентрации. Его утверждение о том, что промышленные кризисы не ослабляются картелями, находится в противоречии со всей его концепцией. Оно

является голым утверждением без всякой аргументации, чисто внешним прикрытием.

Гильфердинг заявляет, что промышленные кризисы, вообще говоря, принципиально, конечно, могут быть устранены капитализмом, но только это не под силу отдельным разрозненным отраслевым картелям. «Частичное регулирование, т. е. об'единение отдельной отрасли промышленности в одно предприятие (читай создание отраслевых монополий.—*Т. Ч.)*, не оказывает никакого влияния на отношения пропорциональности в промышленности, взятой, как целое... Анархия производства не уничтожается количественным уменьшением отдельных элементов при одновременном усилении их деятельности и интенсивности последней; она вообще не уничтожается по частям или в известной постепенности». Значит, создание отраслевых монополий не уничтожает анархии, неравномерного изменения цен, диспропорциональности, а значит, и кризисов. Но совсем другое дело, если все производство подчинить сознательному контролю. «Кто осуществляет этот контроль и кому принадлежит производство,—это вопрос власти» (стр. 348).

Итак, частичным «регулированием» нельзя устранить анархию и перейти к всеобщему регулированию Переход этот может быть произведен только сразу в отношении всего производства. А кто будет производить этот переход, капиталисты или рабочий класс, — это вопрос власти. Т. е., иначе говоря, если власть и производство находятся в руках у капиталистов, то и они смогут и будут осуществлять контроль над всем производством и от анархии перейдут к регулированному производству. Чем это утверждение отличается от теории организованного капитализма? Гильфердинг спешит закончить свою мысль. «Экономически,—говорит он,—был бы мыслим всеобщий картель, который руководил бы всем производством и устранил бы кризисы; он был бы мыслим экономически, хотя социально и политически такое состояние является делом невозможным, так как антагонизм интересов, доведенный им до крайних пределов, неизбежно привел бы его к крушению... Но если они ожидают уничтожения кризисов от единичных, отдельных картелей, это свидетельствует лишь о непонимании как действительных причин кризисов, так и общей связи капиталистической системы» (стр. 348—349).

Необычайно выпукло ставит Гильфердинг этот же вопрос еще в следующем, например, месте: «Возникает вопрос, где же собственно лежат границы картелирования. И ответить на этот вопрос приходится так, что не существует абсолютной границы для картелирования. Независимые отрасли, как мы видели, попадают все в большую зависимость от картелированных и в конце концов присоединяются ими. В результате этого процесса должен был бы получиться всеобщий картель (разрядка Гильфердинга). Здесь все капиталистическое производство сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах... деньги не играют никакой роли. Они могут совершенно исчезнуть, потому что дело ведь сводится к передаче вещей, а не к передаче стоимостей. Вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, исчезает товар в качестве овеществленной стоимости, исчезают, следовательно, деньги. Картель распределяет продукт... из нового продукта известная часть достается рабочему классу и интеллигентам. Другая остается у картеля и он может употреблять ее на что угодно. Это — сознательно регулируемое общество в антагонистической форме. Но этот антагонизм есть антагонизм распределения. Само распределение здесь сознательно урегулировано, и потому необходимость денег миновала... Тенденция к созданию такого всеобщего картеля и тенденция к учреждению центрального банка совпадают, и

из соединения их вырастет великая концентрированная мощь финансового капитала» (стр. 276—277, разрядка моя. — *Т. Ч.*).

Итак, мы подошли к венцу теории кризисов Гильфердинга. Все его утверждения о неустранимости кризисов картелями остались пустым звуком. Находясь в вопиющем противоречии со всей концепцией Гильфердинга, они не могли удержать его от выводов, которые неизбежно следуют, вытекают и напрашиваются из этой концепции. Гильфердинг, хотя и пытаясь прикрыться, неизбежно и логично пришел по существу к теории ультраимпериализма. Единичные отраслевые картели не могут устранить кризисов. Но единый всеобщий картель, который экономически вполне возможно создать, может совершенно устранить кризисы, ибо он легко может устранить неравномерность цен, а следовательно, и диспропорциональность. Фраза насчет того, что экономический всеобщий картель возможен, но он невозможен политически, — не что иное, как увертка, которая должна прикрыть антимарксистскую, меньшевистскую сущность этого положения. Известно, что политика есть концентрированная экономика. Отрыв политики от экономики — излюбленный прием всех меньшевиков.

Только исходя из гильфердинговской теории диспропорционального развития,—этой насквозь механистической теории, из которой выхолощено революционное содержание,—можно говорить об экономической возможности создания всеобщего картеля. Но эта возможность не существует с точки зрения маркса-ленинской теории кризисов.

Капитализм в своем развитии создает такие противоречия, которые делают и **экономически** немыслимой создание «всеобщих» картелей и устранение кризисов. Ленин в своем «Империализме» необычайно сильно бил Каутского за его теорию ультраимпериализма, заклеймив его предателем и ренегатом. Между тем теория ультраимпериализма Каутского ничем по существу не отличается от того, что говорит Гильфердинг в «Финансовом капитале» о всеобщем картеле. Так, например, Каутский пишет: «С чисто экономической точки зрения не невозможно, что капитализм переживет еще одну новую фазу перенесения политики картелей на внешнюю политику, фазу ультраимпериализма». Как видим, Каутский другими словами говорит по существу то же, что в более прикрытой форме в 1909 г. говорил и Гильфердинг.

Ленин на это отвечает: «На этой «теории ультраимпериализма» нам придется остановиться ниже, чтобы подробно показать, до какой степени она разрывает решительно и бесповоротно с марксизмом. Здесь же нам надо сообразно общему плану настоящего очерка взглянуть на точные экономические данные, относящиеся к этому вопросу. «С чисто экономической точки зрения» возможен «ультраимпериализм» или это ультрапустяки? Если понимать под чисто экономической точкой зрения «чистую» абстракцию, тогда все, что можно сказать, сведется к положению: развитие идет к монополии, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но это и совершенно бессодержательно, вроде указания, что «развитие идет» к производству предметов питания в лабораториях. В этом смысле «теория» ультраимпериализма такой же вздор, каким была «теория ультраземледелия». Если же говорить о «чисто экономических» условиях эпохи финансового капитала, как об исторически конкретной эпохе, относящейся к началу XX века, то лучшим ответом на мертвые абстракции «ультраимпериализма» (служащие исключительно реакционнейшей цели: отвлечение внимания от глубины **наличных** противоречий) является противопоставление им конкретной экономической действительности современного всемирного хозяйства. Бессодержательнейшие разговоры Каутского об ультраимпериализме поощряют между прочим ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала **ослаб-**

дает неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле—оно усиливает их» [1]).

Ответ Ленина бьет не только Каутского. Он в равной мере бьет и Гильфердинга, ибо по существу их теории не отличаются друг от друга. Исходя из своей теории диспропорционального развития, Гильфердинг должен был сделать выводы об устранимости кризисов. Он их и сделал, но сделал не прямо. Заявления Гильфердинга о невозможности устранения кризисов картелями напоминают крики: «лови вора!» с целью отвлечь от себя внимание. Вся последняя глава его книги посвящена доказательству того, что монополистический капитализм призван устранять кризисы, что они устранимы.

* * *

Как видит читатель, все, что до сих пор было сказано, тесно связано с ленинским утверждением, что бывший «марксист» Гильфердинг в вопросе о паразитизме и загнивании капитализма сделал шаг назад по сравнению с откровенным пацифистом и реформистом англичанином Гобсоном. Это ленинское замечание, как в капле воды, отражает в себе ленинскую точку зрения на Гильфердинга и на «Финансовый капитал». В самом деле, мог ли Гильфердинг говорить о загнивании капитализма, о паразитизме, стоя на позициях, о которых мы говорили на протяжении нашей статьи? Говорить о загнивании и паразитизме—значит говорить о неизбежной гибели капитализма в результате развертывания и углубления противоречий капиталистического общества. Но, как мы это показали, Гильфердинг не только не пытался дать правильный анализ этих противоречий, но, наоборот, сделал все возможное для того, чтобы смазать и затушевать все эти противоречия. А тогда о каком же, собственно, загнивании и паразитизме может итти речь? И действительно, тщетно мы будем на протяжении всего «Финансового капитала» искать хотя бы одного слова о загнивании капитализма и паразитизме. Ни одного намека. И это, конечно, есть результат, органически вытекающий из всей теории.

Между тем Ленин, как это видно из его «Империализма», придает огромное значение проблеме загнивания и паразитизма при характеристике эпохи империализма. «Нам следует, — говорит Ленин, — остановиться еще на одной, очень важной стороне империализма, которая большей частью недостаточно оценивается в большинстве рассуждений на эту тему». И далее: «Как мы видели, самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это монополия капиталистическая, т.-е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции в постоянном и безвыходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию» [2]).

Гильфердинг не может говорить о загнивании, порождаемом монополией, т. к. возникновение империализма он вообще выводит из обращения. Законы обращения, как мы видели, являются у него основными законами развития капитализма. Выпячивая развитие денег, банков и кредита, он на этой основе выбрасывает основные противоречия капитализма, отводя монополии подчиненную роль. Ясно, что на этой основе никакого паразитизма и загнивания капитализма получиться не может.

Относительно слоя рантье, стригущих купоны, Ленин далее пишет: «Далее — империализм есть громадное скопление в немногих странах денежного капитала, достигающего, как мы видели, 100—150 миллиардов франков ценных бумаг. Отсюда — неизбежный рост класса, или вернее, слоя рантье,

[1]) Ленин, Империализм, стр. 93 — 94.
[2]) Ленин, Империализм, изд. 1919 г., стр 95

т.-е. лиц, живущих «стрижкой купонов», лиц, совершенно отделенных от участия в каком бы то ни было предприятии, лиц, профессией которых является праздность. Вывоз капитала, одна из самых существенных экономических основ империализма, еще более усиливает эту полнейшую оторванность от производства слоя рантье, налагает отпечаток паразитизма на всю страну, живущую эксплоатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний» (там же, стр. 96).

И здесь Гильфердинг сказать ничего не может, ибо у него вообще отсутствует анализ колониальной политики империалистических стран, их эксплоатации, вывоза капитала и т. д. У него упор сделан как раз в обратную сторону—на создание всеобщего треста. Сознательное регулирование производства и распределения и т. д., — все это, конечно, исключает всякий паразитизм. Вот почему Ленин, глубоко понимая неизбежность такой установки Гильфердинга, вытекающей из всех его принципиально-теоретических позиций, четко сказал, что бывший «марксист» Гильфердинг сделал шаг назад по сравнению с пацифистом, реформистом Гобсоном.

* * *

То же нужно сказать и по вопросу о законе неравномерного развития капитализма. Все теории Гильфердинга построены так, что они неизбежно уничтожали этот основной закон эпохи империализма, ибо признание его (закона) опять-таки означает признание неизбежности углубления всех противоречий капитализма, признание неизбежной гибели его, а также признание возможности построения социализма в одной стране.

«Закон неравномерности развития, — говорит т. Сталин, — в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы уже поделенного мира в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронтов мирового капитализма, возможность прорывов этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах» («Пути мировой революции», VII пленум ИККИ, стр. 318). Все, что доказывал Гильфердинг на протяжении всего «Финансового капитала», резко противоречит этим выводам т. Сталина. Поэтому, вполне естественно, в «Финансовом капитале» закона неравномерного развития мы не найдем. Между тем совершенно ясно, что без закона неравномерного развития капитализма, без его четкого ленинского понимания совершенно невозможно понять и законы движения и гибели империализма и всей системы капитализма.

Прекрасно иллюстрируется это на примере зиновьевско-каменевско-троцкистского толкования закона неравномерного развития. Мы выше привели восторженный отзыв Каменева о «Финансовом капитале» Гильфердинга. Факт полного и безоговорочного принятия всех антимарксистских теорий Гильфердинга нам может очень много дать для об'яснения позиций Каменева по вопросам о построении социализма в одной стране, которые он развивал вместе с Троцким и Зиновьевым.

Дав восторженный отзыв «Финансовому капиталу», Каменев приступил к изложению своей точки зрения, являющейся простым списыванием у Гильфердинга. Покажем это на одном конкретном примере. По вопросу о едином тресте (теория ультраимпериализма) мы находим у него следующее. Констатировав, что развитие трестов, начиная с XX века, сделало гигантские шаги вперед, что картели и тресты являются основой современной экономики империализма, он делает вывод: «С точки зрения экономической тенденция к концентрации, трестированию промышленности — не имеет перед

собой границы. Конечный результат этой тенденции был бы всеобщий трест»[1]). Далее следует повторение гильфердинговской точки зрения о том, что кризисы не устраняются отдельными, единичными картелями ввиду того, что сохраняется диспропорциональное развитие отраслей хозяйства. Тут же следом Каменев цитирует высказывания Гильфердинга о том, что экономически был бы возможен всеобщий картель, который руководил бы всем производством и таким образом устранил бы кризисы. Далее Каменев списывает мысль Гильфердинга о том, что единый трест стал бы сознательно регулировать все производство из одной инстанции, регулировать распределение и т. д., и, наконец, пытается даже доказать, что Маркс и Энгельс тоже якобы стояли на такой же точке зрения, т. е. на точке зрения теории ультраимпериализма.

Маркс говорил, что централизация достигла бы своего предела, «когда весь общественный капитал оказался бы соединенным в руках одного единственного капиталиста или одного единственного общества капиталистов» (цит. по Каменеву, там же, стр. 49—50). Маркс говорил об абстрактном пределе концентрации, но нигде он не говорил, что достижение такого предела возможно экономически при капитализме, как это сделал Гильфердинг, а вслед за ним Каменев. Энгельс констатировал только факт создания отраслевых монополий и также ни словом не упомянул о возможности при капитализме создания единого треста, а Каменев «ничтоже сумняшеся» превратил их в теоретиков ультраимпериализма и с необычайной развязностью сделал вывод, что Маркс и Энгельс хотя и стояли на позициях ультраимпериализма, но не могли закончить эту теорию ввиду того, что были ограничены эпохой, в которой жили, и только Гильфердинг через 20 лет мог закончить создание этой теории о всеобщем тресте. «И только через 20 лет, — говорит Каменев, — Гильфердинг мог уже говорить об едином тресте не только как об об'единении капитала в той или иной отрасли промышленности, а как бы в оправдание марксовского пророчества об об'единении всего общественного капитала данного общества» (стр. 50). Так Каменев обработал Маркса и Энгельса под Гильфердинга. Маркс и Энгельс оказались пророками теории ультраимпериализма.

После этой фальсификации Каменев делает вывод о неизбежности создания единого треста: «Такова тенденция, — пишет он. — Она неосуществима в чистом виде в силу, как мы видели, мотивов социально-политического характера (снова рабское повторение Гильфердинга. — *Т. Ч.*). Но она реально воплощается в деятельности современных об'единений промышленности» (стр. 50—51). Итак, ультраимпериализм реально осуществляется в практике капитализма. Таковы выводы нашего «теоретика». Все эти выводы нам очень многое об'ясняют в позиции Каменева по вопросу о законе неравномерного развития капитализма и построения социализма в одной стране. Троцкий в полном согласии с Каменевым так формулировал этот закон: «Закон неравномерного развития не есть закон империализма, это закон всей человеческой истории»... «закон неравномерного развития целиком направлен против теории социализма в одной стране»... «Но именно потому, что это так, что мы составляем часть мирового пролетариата, мировой революции, участвуя своим строительством в ее победоносном развитии, именно поэтому мы не можем требовать какого-то особого ручательства, что мы построим в нашей стране социализм независимо от мировой революции» («Пути мировой революции», стр. 99—100).

Каменев стоит на тех же позициях. «Наши противники (т.-е. партия. — *Т. Ч.*), — говорит Каменев, — утверждают, что в нашей стране, в которой

[1]) Каменев, Экономич. система империализма и задачи марксизма. изд. 1918 г., стр. 46—47.

несколько милионов пролетариата должно руководить стомиллионным крестьянством, должно руководить им на основе нэпа и в капиталистическом окружении, может быть окончательно построено социалистическое общество независимо от революции пролетариата хотя бы в нескольких передовых странах. Эта точка зрения, возлагающая столь оптимистические надежды на социалистические способности крестьянства, называется «оптимизмом»... Мы утверждаем, что оптимизм насчет социалистических способностей крестьянства есть у наших противников (т. е. партии.—*Т. Ч.*) лишь оборотная сторона их пессимизма по отношению к международному пролетариату» (там же, стр. 198).

Такова троцкистско-каменевская постановка вопроса о построении социализма в одной стране. Но мог ли Каменев по-другому поставить этот вопрос? Не мог, ибо основой такой постановки вопроса является факт безоговорочного принятия всех антимарксистских теорий Гильфердинга, из которых неизбежно вытекает необходимость борьбы против закона неравномерного развития капитализма. Последнее же неизбежно приводит к отрицанию возможности построения социализма в одной стране. Таким образом, мы видим, как троцкистские теории непосредственно вытекают и срастаются с теориями организованного капитализма и ультраимпериализма.

* * *

Нам осталось показать конкретно связь теории кризисов Гильфердинга с его нынешними социал-фашистскими теориями.

Начав с выхолащивания классовой революционной сущности Марксовой теории кризисов, Гильфердинг, как мы видели, построил свою теорию «диспропорционального» развития, открывшую ему возможность перейти к теории организованного капитализма. Этой возможностью Гильфердинг не замедлил воспользоваться еще в «Финансовом капитале». Утверждая о неизбежности ослабления кризисов при империализме, он здесь уже подошел по существу к теории ультраимпериализма.

В дальнейшем, в целой серии речей и статей Гильфердинга, уже законченного вождя социал-фашизма, пышно расцвела вся предательская, антимарксистская сущность его теории. Он открыто стал на путь защиты теории организованного капитализма, ультраимпериализма, хозяйственной демократии и т. д., заявляя,—и это интересно отметить,—что он всегда фактически стоял на почве этих теорий. Так, в своем докладе на с'езде германской с.-д. партии в 1927 г. на тему «Задачи социал-демократии в германской республике» (напечатано в сборнике статей и речей Гильфердинга под названием «Капитализм, социализм и социал-демократия») он говорил: «Я всегда (разрядка моя.—*Т. Ч.*) принадлежал к тем, которые отвергали всякую теорию экономического краха, ибо сам Карл Маркс доказал ошибочность такой теории. Но после войны могла возникнуть теория политического краха. Эту теорию защищали, главным образом, большевики, считавшие, что мы находимся накануне краха капитализма. Мы должны констатировать, что этот политический крах также не наступил. Как социалисты, верные своей точке зрения, мы не имеем никакого основания сожалеть об этом. Мы всегда держались того мнения, что падения капиталистической системы нельзя ожидать фаталистически, что оно не вытекает из внутренних законов системы, а должно быть продуктом сознательной деятельности пролетариата» (стр. 118, подчеркнуто мною. — *Т. Ч.*). Итак, Гильфердинг, по его собственным словам, всегда отвергал, что «падение капиталистической системы... вытекает из внутренних законов системы».

Сравним это его утверждение, сделанное в нашу эпоху, с некоторыми местами из «Финансового капитала», написанного в 1909 г. «Наоборот, по-

беды пролетариат может достигнуть лишь в постоянной борьбе с этой политикой (с политикой империализма.—*Т. Ч.*), потому что только тогда он окажется наследником после той катастрофы, к которой неизбежно ведет эта политика. Но здесь же отметим, что дело сведется тут к политической и социальной, а не к экономической катастрофе, — представление о последней вообще нельзя признать рациональным представлением»[1]).

В обоих рассуждениях Гильфердинга мы находим отрицание необходимости и неизбежности экономического краха, вытекающих из противоречий развивающегося капитализма. Иного вывода он и сделать не мог, ибо в корне, как мы видели, уничтожил и исказил все противоречия капитализма. Различие же заключается в том, что в «Финансовом капитале» Гильфердинг еще не отрицал необходимости политического краха, а здесь он, отказавшись от внутренней непоследовательности и нелогичности, стал вполне последовательно, в соответствии со всей своей экономической концепцией, утверждать также о невозможности и политического краха. Таким образом мы здесь имеем своеобразный процесс развития от нелогичного к логичному. Но этот путь легко об'яснить. Это — путь предателя. В 1909 г., имея оппортунистическую в своих основах концепцию, Гильфердинг еще не делал из нее открыто всех выводов, поэтому все его теории того периода отличаются двойственностью. Но постепенно путь предательства завершался. Из области теории все выводы были перенесены также и в практику рабочего движения. Неизбежно пришлось сбросить все фиговые листки.

Что же касается «сознательной деятельности пролетариата», благодаря которой должна пасть капиталистическая система, то здесь Гильфердинг, как мы это увидим дальше, строит все дело на хозяйственной демократии или, что то же, на мирном врастании капитализма в социализм.

Но интересно также и то, что в своих последних статьях Гильфердинг прямо подтверждает то, что говорилось нами о его теории «диспропорционального» развития. Мы указывали, что из этой теории вытекают все возможности для построения теории организованного капитализма. Мы указывали, что, по Гильфердингу, капиталистам (в особенности при монополистическом капитализме) легко срегулировать время и сроки постройки предприятий, инвестиций капитала и, таким образом, кризис будет ослаблен, а в конце концов и изжит. Гильфердинг непосредственно подтверждает эти наши выводы в той же статье. Он пишет, что в результате организованного капитализма «уменьшилось бы непостоянство капиталистических производственных отношений, смягчены были бы кризисы, по крайней мере действие их на рабочих. Средствами этой политики должны быть планомерное распределение новых инвестиций через крупные тресты, некоторое воздержание от новых помещений основного капитала в периоды высокой кон'юнктуры, перенесение их на время замедленной кон'юнктуры, соответственное регулирование кредита банками, при чем их в этом поддерживает центральный банк своей денежной политикой»[2]).

Теперь сам Гильфердинг признает открыто то, что он раньше преподносил в завуалированной марксистской фразеологией форме. В самом деле: 1) кризисы смягчаются по крайней мере для рабочих, 2) капиталистическое общество становится более устойчивым, 3) достигается это путем

[1]) Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 441.

[2]) Гильфердинг, Капитализм, социализм и социал-демократия, стр. 33—44. И после этого у нас еще есть люди, с пеной у рта защищающие теорию кризисов Гильфердинга и различающие «покойного» Гильфердинга — ортодоксального марксиста, и нынешнего, живого социал-полицейского Гильфердинга. Такие защитники лишь затрудняют борьбу за чистоту марксистско-ленинской теории.—(Т. Ч.)

планомерного распределения новых инвестиций через крупные тресты. На определенном этапе идет сознательная, планомерная задержка новых помещений основного капитала и инвестиции сознательно, планомерно переносятся на время замедленной кон'юнктуры.

Выходит, следовательно, что капиталисты могут либо задерживать, либо ускорять вложения (инвенстиции), тем самым убыстряя или замедляя строительство предприятий и регулируя спрос и предложение.

Эти потребности момента легко учитываются, если капитализм является организованным капитализмом. Таким образом, можно избежать диспропорции или их заметно ослабить, а значит, уничтожить или ослабить и кризисы. Но разве не то же самое по существу утверждал Гильфердинг, правда, не в такой ясной и открытой форме, уже в «Финансовом капитале»?

На протяжении всей нашей статьи мы неоднократно подчеркивали, что Гильфердинг выхолостил классовую сущность Марксовой теории кризисов, что он выбросил классовую борьбу и классовые антагонизмы. В последних своих статьях он говорит об этом совершенно открыто и опять-таки в чрезвычайно тесной логической связи со всей теорией, изложенной в «Финансовом капитале». Он пишет: «В организованном по такому иерархическому способу народном хозяйстве соответственно изменяются также условия труда. Они принимают более устойчивый характер, безработица становится менее грозной, результаты ее смягчаются страхованием. Разделение и специализация труда продолжаются в более интенсивной мере, в то же время прогрессирует механизация. Все это происходит по методам научной организации труда. Армия рабочих расчленяется на градацию слоев служащих с получиновничьим характером» (стр. 34).

Итак, условия труда все улучшаются, безработица уменьшается, растет страхование, растет научная организация труда и т. д. и т. д., и поэтому о какой, собственно говоря, классовой борьбе может быть речь. Ведь, как мы это показали, классовая борьба вообще не вытекала из сущности всей теории Гильфердинга, изложенной уже в «Финансовом капитале».

В настоящее время Гильфердинг открыто утверждает, что социальные реформы влияли бы консервативно на рабочий класс, при чем «под социальными реформами здесь в первую очередь следует понимать страхование на старость и на случай болезни и инвалидности, но, кроме того, также сокращение рабочего дня: оно должно сделать сносным для сравнительно хорошо оплачиваемой рабочей массы механизированный и в то же время чрезвычайно интенсивный процесс труда».

При организованном капитализме возникает даже опасность, что рабочие вообще откажутся от перехода к социализму, ибо социальные реформы настолько улучшают положение рабочих, что жизнь их становится «сносной». Но Гильфердинг против «сносной» жизни для рабочих, он — за «хорошую» жизнь. А эта «хорошая» жизнь приходит опять-таки теми же бесклассовыми, мирными путями, на которых неизменно стоит Гильфердинг. В самом деле, капиталистическое хозяйство стало хозяйством планомерным, организованным и т. д. Тут имеется лишь противоречие, что все оно узурпировано владельцами средств производства. «Сознательное регулирование хозяйства, — говорит Гильфердинг, — приходит в явное, не могущее уже быть скрытым противоречие с «случайно» (чего стоит это «случайно». — *Т. Ч.*) унаследованным от прежней эпохи неорганизованного капитализма базисом частной собственности. Это превращение устраняется путем превращения иерархически организованного хозяйства в демократически организованное. Сознательное общественное регулирование хозяйства немногими лицами (для целей их господства) превращается в регулирование хозяйства массой производителей. Таким образом капитализм на своей высшей ступени

новой организации хозяйства ставит проблему хозяйственной демократии» (там же, стр. 35).

Но переход к хозяйственной демократии, как это явствует из сущности теории Гильфердинга, происходит мирным путем, без всяких революций и потрясений, без классовой борьбы. Переход этот «колоссально сложная проблема», ибо это есть «переход от научного социализма к конструктивному» и поэтому задача эта «может быть осилена только в течение продолжительного исторического процесса». Иными словами, много лет еще должен существовать капитализм. Положение рабочего класса пока будет улучшаться путем социальных реформ. Поэтому задача рабочего класса — поддерживать капитализм в его развитии и вести непримиримую борьбу с коммунистами, толкающими их на «гибельный» путь революции. Таковы выводы.

Как видим, игнорирование классовых противоречий и классовой борьбы, которое начал Гильфердинг еще в «Финансовом капитале», нашло свое логическое завершение в его теории хозяйственной демократии. При чем там вопрос стоял чисто теоретически, завуалированно. Здесь же теория нашла свое логическое завершение в конкретном вопросе о путях перехода от капитализма к социализму. Нам важно констатировать наличие единой цепи, в которой «Финансовый капитал» является звеном, тесно связанным с другими звеньями — с позднейшими работами Гильфердинга.

Но раз классовая борьба отпадает, то что же остается делать рабочему классу? Гильфердинг настолько добр, что не забывает и здесь дать свой совет. Необходимой предпосылкой хозяйственной демократии является, оказывается, «новая психика», а для выработки этой психики рабочему классу нужно пополнять свое образование. «Проблемы педагогики получают теперь кардинальное значение для преобразования общества».

Так вот в чем соль! Рабочему классу нужно отбросить классовую борьбу, заняться своим образованием и перевоспитывать свою психику. Наряду с уничтожением, при постепенном переходе к хозяйственной демократии, имущественного неравенства, нужно также ликвидировать неравенство и в знаниях. Разница лишь в том, что первое неравенство ликвидируется само собой путем об'ективного хода событий, путем мирного врастания капитализма в социализм и об этом рабочему классу нечего заботиться и беспокоиться. Зато второе неравенство, неравенство в образовании, должно уничтожаться путем активного участия и действия самого рабочего класса. «Отсюда видно, какое громадное значение должна получить в деле осуществления хозяйственной демократии проблема воспитания в широком смысле. Не случайность, что все великие социалисты вместе с тем проявляли большой интерес к педагогике» (стр. 37). Но «случайно», очевидно, они проявляли интерес также и к классовой борьбе и революциям, ибо их Гильфердинг вообще выбрасывает.

Теперь мы узнали, в чем истинные задачи пролетариата. Ренегат и предатель Гильфердинг в момент обостреннейшей классовой борьбы, когда рабочий класс заведен в невиданный до сих пор тупик голода и нищеты, когда кровь рабочего класса в метрополиях и колониях льется рекой, в момент, когда буржуазия все больше и больше переходит к методам фашистского подавления революционного движения, — в такой момент этот предатель не находит иного совета для рабочих, кроме: «пополняйте свои знания, учитесь».

«Конечно, — добавляет Гильфердинг, — распространение образования и характер его зависят от степени социального развития и классовой борьбы, но борьба за экономические интересы занимает слишком много места в политике, и мы должны подчеркнуть борьбу за образование уже ради того дальнейшего под'ема, к которому мы все стремимся». Мы знаем однако, что более успешной учебы и более уверенных знаний, чем те, которые приобретет

рабочий класс в борьбе за диктатуру пролетариата, рабочий класс нигде получить не может.

В таком же духе, в духе оправдания капитализма, в духе доказательства неизбежности его долгого существования, в духе умиротворения классовой борьбы и т. д. написаны все статьи Гильфердинга. Нам кажется достаточно убедительным и то, что мы здесь привели.

* * *

Задачей нашей работы было вскрыть связь между прошлым и нынешним Гильфердингом, вскрыть теоретические корни социал-фашизма.

Мы должны помнить, что Гильфердинг, в роли вождя социал-фашизма честно и верно служа империализму, до сих пор продолжает затуманивать сознание мирового, и в частности и особенности германского пролетариата, отвлекая его этим от насущных задач современности. Поэтому разоблачение теоретических корней социал-фашизма имеет огромное значение как для нас, так и для борьбы братских коммунистических партий за овладение большинством рабочего класса. Все это настоятельно требует и делает чрезвычайно важным показать рабочему классу, в чем истинный смысл этих теорий.

Гильфердинг, как мы это показали, питает контрреволюционные, троцкистские теории о невозможности построения социализма в одной стране. Гильфердинг, с другой стороны, питает теории правого оппортунизма, этой главной опасности на данном этапе, в частности,—правооппортунистические теории «организованного капитализма» и мирного врастания капитализма в социализм. Немало следов гильфердинговщины мы найдем в теориях т. Бухарина. На Гильфердинга опирался контрреволюционер, вредитель Рубин с его меньшевистским, социал-фашистским идеализмом. С другой стороны, и механицизм позаимствовал у Гильфердинга ряд положений. Несмотря на это, еще до сих пор теории Гильфердинга нередко приводятся у нас как теории ортодоксальные, марксистские и в вузовских семинариях, и в научно-исследовательских учреждениях, и на страницах наших книг и журналов. Исходя из всего этого, разворошить гильфердинговщину во всем ее об'еме является чрезвычайно актуальной теоретической и политической задачей.

Об отношении Ленина к естествоиспытателям *).

А. Максимов.

Стратегия и тактика, данные Марксом и Энгельсом по общим вопросам классовой борьбы пролетариата и развитые далее Лениным и Сталиным применительно к эпохе империализма и пролетарских революций, нашли свою конкретизацию и в вопросе об отношении пролетариата к буржуазной интеллигенции, в частности к различным ее отрядам, работающим в области философии и естествознания. На данном этапе социалистического строительства в СССР и наступления рабочего класса во всех странах борьба коммунизма с буржуазной идеологией в области естествознания и техники приобретает особенно большое значение.

Завершение построения фундамента социалистической экономики, дальнейшее продвижение по пути к построению полного социалистического общества в СССР, борьба за пролетарские кадры в технике и науке, процесс быстрого расслоения интеллигенции в странах капитализма на два лагеря — за и против коммунизма, революционная ломка и кризис естествознания, — все это требует четкой постановки вопросов борьбы в области теоретического естествознания.

К сожалению, мы до сих пор в этом отношении делали ничтожно мало[1]). Поэтому нужно употребить все усилия, чтобы и в этой области ликвидировать отставание революционной теории от практики. Это можно сделать лишь на основе изучения того, что в этой области дано Лениным. Настоящая статья является попыткой подведения итогов того, что дано Лениным в области борьбы с враждебными течениями в теоретическом естествознании, попыткой проанализировать отношение Ленина к отдельным прослойкам буржуазных естествоиспытателей.

1.

Борьба материализма с идеализмом претерпевает в историческом развитии общества изменения и приобретает различные формы на различных этапах классовой борьбы.

Естествознание органически связано с развитием производительных сил: развиваясь под влиянием последнего, оно является в свою очередь орудием дальнейшего роста производительных сил. Выражая данную стадию познания человечеством явлений природы, естествознание в связи с ростом

*) Настоящая статья является продолжением статьи автора, напечатанной в № 1—2 «ПЗМ» за 1931 г. под названием «Ленин и кризис естествознания эпохи империализма».

[1]) Резолюция о положении на философском и естественно-научном фронтах.

производительных сил все более и более подтверждает правильность материалистического понимания природы.

Но эмпирическое естествознание еще не есть последовательное, цельное мировоззрение. Оно делается последним лишь в процессе более или менее сознательной теоретической обработки и трактовки эмпирических данных. Эта обработка и трактовка происходят на основе общего мировоззрения господствующих классов. Поэтому как элемент в системе мировоззрения господствующих классов естествознание подчиняется классовой идеологии, служит классовым целям.

Процесс освоения эмпирических данных знаний о природе на различных этапах общественного развития происходит по-разному, и отношение различных классов общества к естествознанию различно. В результате этого естествознание делается ареной классовой борьбы и эта борьба в конечном итоге проявляется в форме идеологической борьбы материализма с идеализмом.

Быстрый рост естествознания начался с нового времени. Расцвет городов и рост городской буржуазии в начале нового времени, рост промышленности вызвали и рост естествознания. Вырастает новая наука, и эта наука как элемент мировоззрения нового восходящего класса выступает против старых схоластических религиозных учений.

Однако бои за освобождение буржуазии из-под гнета феодалов и борьба за власть идут под флагом нового религиозного мировоззрения, которое противопоставляется католицизму как идеологическому и политическому оплоту феодализма. Лютеранство и кальвинизм — вот те идеологические знамена, под которыми идет в революцию масса — крестьянство, составляющее основное ядро армии для битв с феодализмом.

Материализм на этом этапе развития общества еще односторонне не является ведущей революционной формой идеологии. Являясь элементом мировоззрения образованных и ученых людей, материализм в лице Гоббса выступает и на защиту абсолютной монархии. Поэтому новое естествознание терпит урон не только от католицизма (пример с Галилеем), но и от кальвинизма (казнь Серветта). Таким образом буржуазия на этом этапе еще глубоко религиозна и под религиозными знаменами ведет в бой крестьянство. Под этим знаменем и идут буржуазные революции в Германии, Голландии и Англии.

И во Франции материализм сначала выступает как аристократическое учение. Лишь дальнейшее развитие французской революции, этой самой последовательной из буржуазных революций, приводит к тому, что материализм впервые делается знаменем революции. Французская революция — первая из буржуазных революций, которая сбрасывает с себя религиозное облачение.

Если в более ранний период материализм в лице Декарта и Спинозы, а затем Бэкона и Гоббса еще облечен в теологическую форму и лишь косвенно и скрыто выступает против религии, то в лице французских материалистов мы впервые встречаемся с материализмом, открыто выступающим под знаменем атеизма. Однако и на этом этапе материализм еще далеко не последователен и по форме и по содержанию (метафизичность вообще и идеализм в об'яснении общественных явлений).

Что касается мелкой буржуазии, то она и в эпоху Французской революции еще враждебна материализму.

То, что буржуазии в конечном итоге во всех странах приходится делить власть с земельной аристократией и делать те или иные уступки старому режиму как по политической, так и по идеологической линиям, об'ясняет нам неспособность и боязнь буржуазии итти в развитии ее собственной революции до конца.

Самая последовательная фаза буржуазной революции — Французская революция конца XVIII века—начинает пугать буржуазию. Материализм, сначала как знамя последовательного развития буржуазной революции, в дальнейшем перерастает в социалистические учения. Испуганная буржуазия дает крен в сторону реакционных форм идеологии, и в первую очередь религиозных, наиболее пригодных, чтобы держать в узде массы трудящихся.

К половине XIX века, когда в революции 1848 года выступают (как, например, в Германии, — стране, наиболее революционной в период промышленного капитализма), две формы материализма: материализм буржуазных радикалов — Бюхнера, Молешотта, Фогта и К° — и материализм пролетариата в лице Маркса и Энгельса, буржуазия окончательно убеждается в том, что она со своим материализмом попала в беду. Ведущая роль принадлежит с этого времени диалектическому материализму.

Последовательный материализм Маркса и Энгельса, проводящий до конца свою линию как в области общественных наук, так и наук о природе и мышлении, сделался теоретическим знаменем осознавшего себя нового класса—пролетариата, открыто заявившего, что он идет на завоевание власти у буржуазии, что он создаст новое общество. Начиная с этой поры, материализм как общее мировоззрение начинает быстро испаряться у буржуазии.

Однако колоссальный рост естествознания и техники, т.-е. практического материализма в эпоху промышленного капитализма, не мог остаться без влияния на мировоззрение естествоиспытателей. Успех естествознания и техники доказывал и означал не что иное, как правильность и рост материализма. Этот рост естественно-научного материализма у буржуазных ученых при тех общих условиях развития буржуазии, которые препятствовали росту материализма как общего мировоззрения, мог проявляться более или менее скрытым образом.

Наиболее открытой формой естественно-научного материализма был тогда материализм Бюхнера и К°, Дюринга и др. Далее мы уже встречаем вульгаризованную форму материализма Геккеля и ему подобных «монистов». Однако самой распространенной формой материализма у буржуазных ученых был материализм под флагом неокантианского или юмистского агностицизма, «стыдливо прикрытый материализм» [1]). Отступая в общих вопросах гносеологии и общих вопросах мировоззрения перед враждебным отношением буржуазного общества к материализму, такие агностики-естествоиспытатели в своей научной области не могли не стоять на почве материализма. Энгельс по поводу ученых естествоиспытателей типа Гексли писал: «Поскольку он человек науки, поскольку он что-либо знает, постольку он материалист; вне же своей науки в тех областях, которые ему чужды, он переводит свое незнание на греческий язык и называет его агностицизмом» [2]).

Энгельс, вскрывая такой «стыдливо прикрытый материализм», доказывал, что весь ход развития естествознания XIX века укрепляет материализм, не оставляет по существу места для религиозного об'яснения мира и в корне подрывает идеализм, центр тяжести своей работы видел в дальнейшем развитии материализма. Оснований для этого было тем более, что среди естествоиспытателей того времени господствовал материализм. Поэтому Энгельс, вскрывая наличие стихийного материализма у таких естествоиспытателей, как Гексли, Гельмгольц и т. п., критиковал метафизичность их взглядов на естественно-научные категории, противопоставлял механическим материалистам учения тех естествоиспытателей, как, напр., Майера, Грове,

[1]) См. Энгельс, Предисловие к английскому изданию «Развития социализма», «Анти-Дюринга» и т. д., Гиз, 1928 г., стр. 369.
[2]) Там же, стр. 378.

Дарвина, Ляйелля и т. д., которые отражали в той или иной степени стихийно-диалектический характер основных теорий естествознания, возникших в XIX веке.

Критикуя метафизический характер философских взглядов большинства естествоиспытателей того времени, взглядов, стоявших в противоречии со стихийно-диалектическим содержанием тогдашнего естествознания, Энгельс все свои силы употребляет на разработку и переработку основных теорий естествознания с точки зрения диалектического материализма.

Эпоха, в которую действовали Маркс и Энгельс, являлась эпохой роста капитализма, его более или менее «мирного развития». К концу XIX века противоречия капитализма приобретают новую форму и достигают невиданной до тех пор остроты. Пролетариат от собирания и подготовки своих сил переходит к непосредственному решению задачи завоевания власти.

В этих условиях обостренной классовой борьбы среди буржуазных идеологов расцветает реакция. Фидеизм и идеализм начинают наступление на естествознание, переживающее эпоху революционной ломки старых представлений. Часть естествоиспытателей скатывается к идеализму, образуя школы и школки, подобные махистской, и пытается тащить в идеализм и естествознание. Этой группе противостоит большинство естествоиспытателей, стоящих на стихийно-материалистических позициях. В лице этих групп за выводы из естествознания борются материализм и идеализм, отражая в этой борьбе борьбу основных классов капиталистического общества.

Маркс, Энгельс и Ленин в своих сочинениях дают анализ содержания и форм борьбы между материализмом и идеализмом для различных общественных формаций. Эти формы идеологической борьбы выражают более или менее посредственно борьбу классов общества и меняются с переходом от одного этапа общественного развития к другому. Говоря об абсолютной противоположности материализма и идеализма, мы в то же время должны давать конкретный анализ взаимоотношения материализма и идеализма на каждом данном этапе.

Эпоха Великой французской революции, эпоха промышленного капитализма, эпоха империализма и пролетарских революций — все это различные по своему характеру эпохи, и расстановка сил на фронтах материализма и идеализма в эти эпохи различна.

Ленин, исходя из того, что дано было Марксом и Энгельсом, применил марксизм к анализу соотношения сил на фронтах материализма и идеализма в специфических, новых условиях эпохи начала империализма и определил стратегию и тактику пролетариата на этом фронте.

Мы попытаемся в дальнейшем характеризовать позицию Ленина к лагерям материализма и идеализма в том их соотношении, которое создалось к концу XIX — началу XX в. Но прежде чем перейти к этому, ответим на вопрос о том, насколько общее учение о стратегии и тактике ленинизма применимо к философскому фронту.

Анализ соотношения классовых сил на теоретическом фронте и определение стратегии и тактики большевизма по отношению к различным отрядам, борющимся на фронте философии и естествознания, данные Лениным, являются продолжением и применением того, что им дано по отношению к задачам борьбы в области политики и экономики. Но это продолжение и применение общих основ стратегии и тактики ленинизма к фронту философии и естествознания является не прямым, не механическим, а видоизмененным конкретными особенностями этого фронта.

Своеобразие философского фронта классовой борьбы заключается прежде всего в том, что здесь борьба классов выражается в борьбе двух основных, взаимно исключающих течений — материализма и идеализма. Идеологические формы борьбы в общем являются производными от борьбы

в области экономики и политики и поэтому не являются чем-то самостоятельным и независимым. В то же время в области идеологии традиция, отжившие формы сохраняют свое значение долго после того, как непосредственно вызывавшие их причины уже отмерли. Понятно, что эти старые формы прикрывают новые классовые отношения, служат орудиями борьбы в новых условиях, но относительная консервативность идеологических форм несомненна. История революций знает, что даже революционные классы, наиболее резко рвущие с традициями в области идеологии, нередко облекали (например, на первых стадиях борьбы буржуазии за власть) свои революционные требования в старые идеологические формы (в эпоху Возрождения — классицизм, в эпоху Реформации — религиозные идеологии и т. д.). Лишь пролетариат, осознав свою историческую миссию, выступает, сознательно порывая старые идеологические путы, придавая своей борьбе на фронте философии научную, последовательно революционную форму.

Наконец, особенности борьбы на фронте философии заключаются в том, что здесь расстановка сил, соответствуя *в основном* общей расстановке классов в их экономической и политической борьбе, *в отдельных частностях* не совпадает с этой общей расстановкой. Это расхождение между политической ролью и философской платформой еще более резко проявляется, если обратиться к мировоззрению отдельных философов, отдельных естествоиспытателей (напр., Дарвин). В то же время в среде класса пролетариев имеются отдельные прослойки, еще находящиеся под влиянием реакционной идеологии (религии прежде всего). Таким образом, в области идеологической нужно более чем где-либо иметь в виду переливы и переходы между позициями различных борющихся групп.

Наконец, особенностью и отличием идеологического фронта является то, что ряд положений тактики политической борьбы вообще не приложим к борьбе на идеологическом фронте. Так, если ради достижения тех или иных временных целей политической борьбы партия пролетариата может заключать соглашения, делать те или иные уступки, то она никогда не допускала и не допускает подмены конечных целей пролетарской революции (завоевание и укрепление диктатуры пролетариата, строительство социализма) лозунгами буржуазной революции, задачами мелкобуржуазного движения и т. п. Неуклонное преследование целей пролетарской революции при наличии гибкости в области тактики — одна из основных черт марксизма-ленинизма.

Ведущая роль теории марксизма-ленинизма может быть осуществлена лишь при условии последовательности в ее применении и дальнейшем развитии, при условии жесточайшей борьбы со всеми и всяческими попытками подмены марксизма-ленинизма буржуазными и мелкобуржуазными учениями, как бы они ни маскировались, борьба за чистоту марксизма-ленинизма — одно из основных условий успешности борьбы пролетариата. Ленин многократно подчеркивал это положение в своих сочинениях и проводил его в жизнь во всей своей борьбе с ревизионизмом. Еще в «Что делать?» он, излагая Маркса и поучая «рабочевладельцев», писал: «Если уже надо было соединиться, то заключайте договоры ради удовлетворения практических целей движения, но не допускайте торгашества принципами, не делайте теоретических «уступок» [1]).

При всем, однако, своеобразии положения на фронте философии основные этапы борьбы в революции определяют собою и основные этапы философской борьбы. Расстановка сил в революции, характер резервов революционного класса в политической борьбе определяют в конечном счете и расстановку сил борющихся классов и в области философии.

[1]) Том V, стр 135

Именно ввиду того, что расстановка основных борющихся сил по линии экономической и политической в конечном счете обуславливает и расстановку сил на фронте философской борьбы, ввиду сходства расстановки сил на этих фронтах и, наконец, того, что борьба на фронте экономики и политики в конечном счете имеет решающее значение и для победы на фронте философии,—ввиду всего этого основное из того, что дано Лениным в отношении общего анализа природы классов капиталистического общества и определения большевистской стратегии и тактики, имеет руководящее и решающее значение также и для борьбы на философском фронте.

2

Каково расположение классовых сил на фронте естествознания в лице философских течений, среди естествоиспытателей?

Философский фронт в области естествознания делится, по Ленину, на два лагеря: лагерь идеализма и лагерь материализма.

Лагерь идеализма составляется, по Ленину, из следующих групп: из откровенного фидеизма или поповщины, из дипломированных лакеев поповщины — профессоров философии, и из более или менее маскирующегося в естественно-научную фразеологию идеализма, протаскивающего иногда в свою аргументацию через заднюю дверь материализм, что облегчает обман естествоиспытателей.

Лагерь материализма состоит, по Ленину, из стихийно стоящих на почве материализма естествоиспытателей, из сознательных, но непоследовательных метафизических материалистов (механистов) естествоиспытателей и, наконец, из последовательного материалистического лагеря — лагеря марксистов-естественников.

Однако приведенное деление нельзя рассматривать метафизически. Между различными отрядами каждого из лагерей и даже между самими враждебными лагерями в лице отдельных представителей их существуют переливы и переходы, каждый из отрядов находится в движении. Так, материалист Дюринг своими непоследовательностями оставлял в своих сочинениях лазейки для фидеизма, что, не уменьшая антагонистичности и абсолютной противоположности в области гносеологии материализма и идеализма, говорит о неспособности примитивного, ограниченного материализма последовательно и до конца бороться с идеализмом. Наоборот, среди лагеря идеалистов мы находим естествоиспытателей, как напр., В. Оствальд, которые, как увидим далее, принуждены были отказываться от некоторых своих идеалистических утверждений и признавать правоту материализма.

В этой главе мы рассмотрим ленинский анализ положения на фронте идеализма и ленинскую тактику по отношению к этому лагерю.

По какому участку общего лагеря идеализма нужно бить с наибольшей силой, чтобы разбить в естествознании позиции идеализма в целом?

Что касается фидеизма, то он — орудие в укреплении классового господства буржуазии. Политическая роль фидеизма столь ясна, что Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» лишь отмечает это обстоятельство, не считая нужным доказывать здесь это приведением подробных документальных данных. В статье «О значении воинствующего материализма», где он говорит об общих задачах марксизма, он также лишь подчеркивает, что буржуазия с целью укрепления своей власти при посредстве религиозного одурманивания масс трудящихся «сотни миллионов рублей из выжимаемой ею с трудящихся прибыли употребляет на поддержку религии».

Подробнее принципиальную линию, а также и тактику большевизма по вопросам религии Ленин развивает в своих работах, непосредственно трак-

тующих проблему религии. В работах же, посвященных естествознанию, Ленин сосредоточивает все внимание на подчеркивании непримиримости правильно сделанных из естествознания выводов с религией. «... Исторически условна всякая идеология, — пишет он в «Материализме и эмпириокритицизме» [1],—но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует об'ективная истина, абсолютная природа».

Поэтому при сопоставлении религии с естествознанием Ленин особое внимание обращает на то, чтобы показать материалистичность, враждебность правильно сделанных из естествознания выводов — религии. В борьбе с религией по линии естественно-научного фронта Ленин стремится к тому, чтобы противопоставить естествознание в целом, как учение об об'ективной природе, — религии.

Но подчеркивание материалистического характера естествознания по существу еще не значит, что те или иные естествоиспытатели не пытаются или не попытаются связать естественно-научные теории, например, с библейскими или евангельскими сказками, следовательно, наша задача здесь заключается в доказательстве того, что правильно сделанные из естествознания выводы говорят целиком против религии, против идеализма.

В то же время борьба против религии на естественно-научном фронте есть лишь часть общей борьбы марксизма против религии. В этой борьбе должны принимать участие и естествоиспытатели-марксисты. Ленин развернул целую программу борьбы с религией по линии всего философского и политического фронта в своей программной статье «О значении воинствующего материализма» и других работах, касающихся вопросов религии.

Итак, по линии взаимоотношения религии и естествознания задача естественников-материалистов заключается в том, чтобы сделать все естествознание целиком орудием борьбы против религии, противопоставить очищенную от всех непоследовательностей, материалистически переработанную естественно-научную идеологию идеологии религиозной.

Но более непосредственное значение для притупления революционного значения естествознания и использования его выводов в целях реакции имеет облеченная в форму философского идеализма, проповедуемая не с церковных, а с профессорских кафедр форма фидеизма. Именно через идеализм религия осуществляет свое влияние на естествознание.

Ленинская линия по отношению к этому отряду идеалистического фронта, взятому в лице его наиболее последовательных представителей, как, например, Беркли, заключается, во-первых, в том, что Ленин доказывает тождество по существу роли профессоров философии в буржуазном обществе с ролью незамаскированной поповщины. «Профессора философии, — писал Ленин, — в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев на деле не что иное, как дипломированных лакеев поповщины» [2].

Во-вторых, доказывая, что профессора философии — лакеи поповщины, Ленин по отношению к проповедуемой ими философии идеализма развертывает аргументацию, которая сводится к тому, что «философия, которая учит, что сама физическая природа есть производное, есть чистейшая философия поповщины [3]. В другом месте он говорит, что «философский идеализм есть только прикрытая, принаряженная чертовщина» [4].

Однако приравнивание идеализма к чертовщине не значит, что идеализм—только чепуха, что он не имеет никаких корней в действительности и

[1] Том X, стр. 109
[2] Том XX, ч. 2-я, стр 493
[3] Том X, стр. 190
[4] Том X, стр. 149

не вырастает из последней. Наоборот, задача марксистов и заключается, в отличие от догматического, метафизического материализма, в том, чтобы вскрыть классовые корни религии и идеализма и показать, из каких отношений общественной действительности вырастают эти формы идеологии.

В противоположность философскому идеализму последовательно развитое естествознание дает правильное познание об'ективного мира действительности, — познание, исключающее всякое учение о нематериальном, непространственном и вневременном, к чему приводит и не может не приводить идеализм. В этом познании естествознание переходит от одной стадии к другой, более высокой, и в этом движении познания действительности лишь все более укрепляется позиция материализма, все более обнаруживается фальшивость, ложность позиции идеализма. «Может устареть и стареет с каждым днем учение науки о строении вещества, о химическом составе пищи, об атоме и электроне, но не может устареть истина, что человек не может питаться мыслями и рожать детей при одной только платонической любви,—говорит Ленин.—А философия, отрицающая об'ективную реальность времени и пространстве, так же нелепа, внутренне гнила и фальшива, как отрицание этих последних истин» [1].

Приравнивая по существу философию идеализма к фидеизму и приравнивая ее профессоров к лакеям поповщины, Ленин, в-третьих, центральным пунктом своей критики идеализма при рассмотрении вопросов естествознания делает утверждение об абсолютной противоположности материализма и идеализма в пределах гносеологии [2]. Поэтому и здесь, как при рассмотрении взаимоотношения религии и естествознания, Ленин делает упор на несовместимость материалистически истолкованного естествознания с идеалистической философией.

Непосредственным следствием из сказанного является то, что основная задача естественников-марксистов в борьбе с идеализмом заключается в разработке материалистической гносеологии естествознания с точки зрения последовательного материализма — диалектического материализма. Естественники-марксисты должны вскрыть материалистический характер естественно-научных знаний и давать материалистическую трактовку каждому новейшему открытию в естествознании. Таким образом, основной задачей в борьбе естественников-марксистов с идеализмом являются противопоставление материалистической гносеологии естествознания идеализму философов буржуазного общества и изоляция идеалистической философии от естествознания.

Задача изоляции идеализма от естествознания и победа над ним есть основная задача естественников-марксистов. Но она не определяется еще конкретно этой общей постановкой вопроса о взаимоотношении естествознания к религии и идеализму.

Ленин в своих сочинениях на бесчисленном количестве случаев показывает, что общие положения марксизма, не примененные к рассмотрению всей сложности конкретной обстановки борьбы на данном этапе, омертвляются. Так в статье, посвященной изложению основ учения К. Маркса, он подчеркивает, что основой определения правильной стратегии и тактики пролетариата является «об'ективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества» [3]. При рассмотрении этих взаимоотношений всех классов в их борьбе должно учитывать динамику, а не статику классовой борьбы, не то, как расположены борющиеся силы вне развития этой борьбы, а именно с учетом развертывания противоречий

[1]) Том X, стр. 152.
[2]) Там же.
[3]) Том XX, стр 493.

классовой борьбы в ее ходе. Отсюда неизбежное требование — движение классовой борьбы рассматривать «не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего, и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически» [1]).

Идеализм и религия враждебны естествознанию в его последовательной форме. Эта формулировка правильна, но она еще недостаточна для действительно марксистского решения вопроса, так как правильна она на любом этапе борьбы материализма с идеализмом и религией.

Задача же марксизма эпохи империализма и пролетарских революций, т.-е. задача ленинизма, заключается в том, чтобы вскрыть те конкретные для данного исторического момента пути, какими осуществляется влияние идеализма на естествознание, дать конкретный анализ их взаимоотношения на данной ступени развития естествознания. Поэтому не общее решение вопроса об отношении идеализма и религии к естествознанию является центром тяжести «Материализма и эмпириокритицизма» и «О значении воинствующего материализма» Ленина, где он решает положительно проблему о том, как бить и разбить идеализм в естествознании в период конца XIX — первой четверти XX века. Нет! Ленин центр тяжести своей борьбы с идеализмом в естествознании сосредоточивает не на Беркли, не на откровенной поповщине, а на том философском течении, которое на деле осуществляет подчинение выводов из естествознания конца XIX — начала XX века философскому идеализму.

Этим течением является, как мы знаем, махизм. Почему именно на этот отряд идеализма (непоследовательного берклианизма) направляет в естествознании свои главные удары Ленин?

Он делает это по следующим причинам: во-первых, махизм в конкретной обстановке конца XIX — начала XX века является тем философским течением, через которое идеализм пытается подчинить себе выводы из новейших открытий естествознания указанного периода; во-вторых, чтобы изолировать от естествознания и разбить идеализм, нужно бить по тому уязвимому пункту идеалистического лагеря, который связывает идеализм с естествознанием; и, наконец, в-третьих, махизм — то философское течение среди естествоиспытателей, которое приводит к скатыванию части их в идеализм.

В ленинском анализе роли махизма в естествознании мы имеем блестящий пример своеобразного применения в области философской борьбы одного из правил стратегического руководства борьбой пролетариата [2]). Организуя силы пролетариата, группируя вокруг него союзников, разлагая лагерь врага, партия пролетариата должна в то же время для каждого данного этапа революции указать тот наиболее уязвимый пункт фронта врага, на который должен быть направлен главный удар, чтобы нанести поражение всему фронту противника. Ленин доказывает, что в естествознании самым уязвимым пунктом идеализма является махизм, что на критике махизма должны быть сосредоточены главные силы материалистов-диалектиков, поскольку они на этом участке фронта хотят разбить идеализм.

Из махистов Ленин особое внимание уделяет Маху, как самому популярному, самому влиятельному из махистов. Было бы ошибкой думать, что именно Мах в отличие от других махистов более последовательно проводит точку зрения идеализма. Он популярен не только потому, что он естественник, что он создал свою философию, исходя из определенной трактовки естественно-научных проблем, но потому, что он очень часто маскируется под стихийный материализм естествоиспытателей, что он импонирует шатающимся естествоиспытателям своей непоследователь-

[1]) Там же.
[2]) Сталин, «Вопросы ленинизма», изд 1931 г., стр. 77

ностью, своими отступлениями от последовательного идеализма. И именно этим отличается Мах, например, от английского махиста К. Пирсона.

О последнем Ленин неоднократно говорит, что он — «цельный идеалист» [1]), «добросовестный и честный враг материализма» [2]), «наиболее ясный, последовательный, враждебный словесным увертками махист» [3]). Но именно то, что Пирсон прямо и откровенно заявляет о своих идеалистических взглядах и последовательно проводит их в своих сочинениях, делает его менее популярным у естествоиспытателей. Не так обстоит дело с Махом.

Мах непоследователен, и эту непоследовательность Ленин вскрывает шаг за шагом.

Будучи по существу берклианизмом, т.-е. суб'ективным идеализмом, махизм не может выдержать этой линии последовательно, так как принужден в силу своей роли как определенного течения среди естествоиспытателей трактовать естественно-научные проблемы. Явления же природы нельзя трактовать, не признавая об'ективности природных процессов, т.-е. не становясь на точку зрения хотя бы стихийного материализма. Отсюда половинчатость Маха. Проповедуя берклианизм, он протаскивает при трактовке естественно-научных проблем материализм. Поэтому работы Маха представляют смешение материализма и идеализма [4])

Таким образом, суть аргументации Ленина в отношении учения Маха сводится, во-первых, к тому, что Мах как естественник не может не рассуждать материалистически, не делать уступок материализму, не делать заимствований у материализма, не подделываться под материализм, не колебаться между идеализмом и диалектическим материализмом (поскольку махизм нападает именно на метафизический материализм [5]).

Во-вторых, Ленин подчеркивает непримиримость этих двух абсолютно разнородных элементов в философии Маха — идеализма и материализма. Отсюда—беспомощность, эклектичность махизма. Отмечая эту черту махизма, Ленин писал: «Так. Сначала синица сулила зажечь море, т.-е. построить физические элементы из психологических, а потом оказалось, что физические элементы лежат вне границы психических элементов, «лежащих внутри нашего тела»! Философия, нечего сказать!» [6]).

В-третьих, Ленин подчеркивает, что, несмотря на эклектичность махизма, роль его заключается именно в борьбе с материализмом естествознания, что все уступки материализму у Маха служат лишь для того, чтобы подделываться под материализм и предавать естествознание идеализму [7]).

Итак, Ленин разоблачает махизм как враждебное естествознанию течение и, вскрывая непримиримость противоречий в нем, вбивает клин между разнородными элементами махизма.

Одним из основных положений стратегического руководства классовой борьбой пролетариата является учение о резервах революции. Эти резервы бывают прямые и косвенные [8]).

Косвенным резервом в борьбе пролетариата за его диктатуру являются прежде всего противоречия в лагере врага, в лагере различных отрядов буржуазии.

Недостаточно лишь знания того, что буржуазия — враг, что нужно ее победить. Нужно систематически и конкретно изучать все, что происходит

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. X, стр. 185
[2]) Там же, стр. 150.
[3]) Там же, стр. 225. См. также стр. 217
[4]) См. т. X, стр. 28, 29, 38 47.
[5]) Там же, стр. 47-48, 129, 148 149, 279
[6]) Том IX, стр. 29, 46
[7]) Том X, стр. 295.
[8]) Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 1931 г., стр. 76.

в лагере врага. Требование изучить врага конкретно, умение воспользоваться всеми слабостями и противоречиями его лагеря — одно из важнейших требований большевизма.

Так, по поводу разноречий в лагере английской буржуазии Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» писал: «Расхождения между Черчиллями и Ллойд-Джорджами — эти политические типы есть во всех странах, с ничтожными национальными различиями,—с одной стороны; затем между Хендерсонами и Ллойд-Джорджами—с другой, совершенно неважны и мелки с точки зрения чистого, т.-е. абстрактного, т.-е. недозревшего еще до практического, массового, политического действия коммунизма. Но с точки зрения этого практического действия масс эти различия крайне, крайне важны» [1]).

«Победить более могущественного противника, — писал Ленин в другом месте, — можно только при величайшем напряжении сил и при обязательном, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран, — так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном социализме вообще» [2]).

Ленинский анализ противоречий в лагере идеализма и использование этих противоречий для борьбы за материализм является своеобразным применением учения о косвенных резервах к условиям философской борьбы.

Различие между махизмом и последовательным идеализмом, как отмечает в одном месте Ленин, не больше, чем между протестантскими и католическими попами. Это так, поскольку дело касается основной гносеологической посылки. Но было бы ошибочно думать, что для марксистов никакой роли не играют различные оттенки в группе махистов, противоречия в лагере идеалистов.

В XII Лен. сб. Ленин писал по поводу критики Аристотелем Платона: «Когда один идеалист критикует основы идеализма другого идеалиста, от этого всегда выигрывает материализм» (стр. 235). Тот же «выигрыш» для материализма видел Ленин и в критике Гегелем Канта.

Именно наличие противоречий в лагере махизма, наличие шатаний и в сторону идеализма и в сторону материализма дает возможность Ленину противопоставить одних махистов другим. Если Мах был непоследователен, то, отвечает Ленин, еще более непоследователен Пуанкаре и особенно В. Оствальд.

Что касается первого, то о нем Ленин говорит, что его взгляды особенно сбивчивы и непоследовательны, что Пуанкаре стоит между «концептуализмом» Маха и неомеханизмом, т.-е. механическим материализмом [3]).

Но для нас особенно важно обратить внимание на оценку Лениным позиций В. Оствальда, так как по отношению к нему мы имеем наиболее яркое подтверждение правильности ленинской тактики.

Оствальд — основатель так называемого энергетического мировоззрения в физико-химических науках; согласно этому мировоззрению самым общим понятием в естествознании является понятие энергии, а не материи. Отсюда попытка мыслить движение без материи и скатывание в идеализм.

Однако Оствальд не выдерживает этой позиции в своих сочинениях, трактовавших общие вопросы естествознания, и зачастую понятие энергии

[1]) Собр. соч., т. XV, стр. 578.
[2]) Собр. соч., т. XVII, стр. 159
[3]) Том X, стр. 36, 250.

употребляет как синоним об'ективной действительности. Поэтому для энергетика Оствальда имеется два пути: и к материализму — при безусловном признании об'ективности внешнего мира — и к идеализму — при противопоставлении энергетики материализму. Не учитывать этой особенности оствальдовских взглядов и не видеть того, что в терминах «энергетики», в общем являющейся звеном в цепи махистского движения, можно выразить как материализм, так и идеализм,—неправильно [1]).

Ленин вскрыл в своем «Материализме и эмпириокритицизме» эту особенность позиции Оствальда и был прав. Одним из следствий оствальдовских утверждений было отрицание атомистики. В первых изданиях своей «Теоретической химии» Оствальд попытался всю химию изложить без употребления понятия молекулы и атома. Это было реакционно. Но для нас важно то, что он в дальнейшем признал свою ошибку и под давлением новейших открытий не мог далее отрицать об'ективности существования атомов и молекул.

В предисловии к четвертому изданию своей книги «Grundniss der allgemeinen Chemie» Оствальд (в 1908 г.) писал: «Я убедился, что мы недавно получили экспериментальные доказательства прерывной или зернистой природы вещества, тщетно искавшиеся атомистической гипотезой в продолжение столетий и даже тысячелетий. Изолирование и подсчет числа ионов в газах, увенчавшиеся полным успехом продолжительные и превосходные работы Дж. Дж. Томсона, а также совпадение законов броуновского движения с требованиями кинетической теории, обнаруженные целым рядом исследователей, полнее всего Ж. Перреном, дают теперь даже осторожному ученому право говорить об экспериментальном доказательстве атомистического строения веществ, заполняющих пространство. Вместе с тем атомистическая гипотеза поднялась до степени научно обоснованной теории и вправе теперь пред'являть свои притязания на место даже в учебниках, предназначенных для введения в научную область общей химии» [2]).

Отсюда мы видим, что оствальдовское признание реальности атомов и молекул бьет по всей позиции махизма. Оказались правы материалисты, а не махисты. И было бы преступлением, если бы материализм не сумел использовать этой победы материализма и признания ее одним из примыкающих к лагерю махизма естествоиспытателей.

Ленинская тактика предусмотрела этот возможный исход и была правильной, большевистской тактикой. Но отсюда же следует, что огульное зачисление всех, кто так или иначе входит в лагерь махизма по линии идеализма, есть доктринерство, «левое» ребячество, злоупотребление революционными положениями без учета конкретной обстановки борьбы на данном участке. Из ленинского анализа позиции Оствальда следует, что мы должны учитывать противоречия в лагере врага и пользоваться ими для укрепления нашей позиции и для ослабления противника.

Махизм, как мы видели, является той разновидностью идеализма, которая коренится в самом естествознании, которая предает естествознание идеализму. В этой предательской роли махизм принужден подделываться под материализм естествознания. Но махизм — не единственное течение, которое выполняет предательскую роль по отношению к естествознанию. Другой непоследовательной формой идеализма, подкрашивающейся под есте-

---

[1]) Том X, стр. 229.

[2]) В. Оствальд, «Основы физической химии», русск. перевод под редакцией Веймарна, стр. VII.

ствознание и осуществляющей влияние идеализма на последнее, является кантианизм.

Не входя здесь сколько-нибудь подробнее в анализ роли кантианизма в естествознании, мы отметим, что Ленин попутно с разбором махизма, что было главной задачей его «Материализма и эмпириокритицизма», дает оценку и кантианизму. «Основная черта философии Канта, — писал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», — есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений» [1]).

Именно эта непоследовательность есть причина того, что кантианизм в его старой и новой форме наряду с махизмом пользуется наибольшим распространением среди колеблющихся в сторону идеализма естествоиспытателей [2]).

Ленин вскрыл противоречия и показал, как должен ими пользоваться последовательный материализм не только по отношению к махизму, кантианизму, но и к взаимоотношению этих различных течений в общем лагере идеализма. В этом смысле очень ценен ленинский анализ борьбы между махизмом и имманентами и кантианизмом.

Доказав противоречивость кантианизма, Ленин подчеркивает, что критика кантианизма возможна двоякая: справа и слева. Справа кантианизм критикуют махисты и имманенты, когда они ополчаются против априоризма и вещи в себе Канта с тем, чтобы выступить против понятий причинности, необходимости, против, пусть непоследовательного, допущения Кантом существования вещей в себе. «За что, — спрашивает Ленин, — не любят Канта соратники Маха и Авенариуса, имманенты» и отвечает: «за то, что он приближается кое в чем к «пропасти» материализма!» [3]).

Слева критикуют кантианизм материалисты и критикуют его не за уступки материализму, а за его идеализм.

Подчеркивая наличие этих противоречий в лагере идеализма, Ленин в ответ «нашим махистам», поднявшим крик против утверждения марксистов, что вещь в себе об'ективно реальна и вполне познаваема, писал: «Когда я читаю уверения наших махистов, что они гораздо последовательнее и решительнее, чем какие-то устарелые материалисты, критикуют Канта, мне всегда кажется, что в нашу компанию зашел Пуришкевич и кричит: я гораздо последовательнее и решительнее критиковал кадетов, чем вы, господа марксисты! Слов нет, г. Пуришкевич, последовательные в политике люди могут и всегда будут критиковать кадетов с диаметрально противоположных точек зрения, но не следует все-таки забывать, что вы критиковали кадетов за то, что они чересчур демократы, а мы их—за то, что они недостаточно демократы. Махисты критикуют Канта за то, что он—чересчур материалист, а мы его критикуем за то, что он — недостаточно материалист. Махисты критикуют Канта справа, а мы—слева» [4]).

Можно было бы привести еще много примеров того, как Ленин вскрывает противоречия в лагере идеализма и использует их в пользу материализма. Укажем еще лишь на то, что он не пропустил даже такого факта, как выступление имманента Ремке против Ланге, пытавшегося использовать данные физиологии в пользу кантианизма [5]).

[1]) Том X, стр. 163.

[2]) Попутно отметим здесь, что махизм и неокантианство — наиболее распространенные течения среди социал-демократии и социал-фашизма вообще. Эти философские течения как нельзя лучше пригодны для того, чтобы прикрывать отход от материализма в лагерь идеализма, и как нельзя лучше выражают классовую роль социал-предательства и в области философии

[3]) Том X, стр. 165.

[4]) Там же, стр. 164.

[5]) Там же, стр 256

Таким образом, мы имеем в «Материализме и эмпириокритицизме» блестящие примеры того, что когда один идеалист критикует другого, то выигрывает от этого материализм. И Ленин показал, как материализм должен пользоваться этой благоприятной ситуацией.

В связи с вопросом о роли кантианизма в естествознании и в развитие того, что сказано нами уже выше, мы остановимся еще на рассмотрении ленинского анализа того неоднородного по своему составу и по идеологии течения, которое еще Энгельс окрестил именем агностицизма.

Энгельс в «Л. Фейербахе» и предисловии к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» дает анализ природы агностицизма, более подробно останавливаясь на этом вопросе в последней из упомянутых работ. В этой работе Энгельс имеет в виду, говоря об агностиках, тех естествоиспытателей, которые принимают вытекающие из естествознания материалистические выводы о том, что весь мир, вся природа управляются законами и исключают всякое воздействие извне, что все наше знание покоится на данных, полученных нами через посредство наших чувств. Но агностик боится сделать все вытекающие из естествознания выводы. Признавая по существу все доводы против существования бога, агностик говорит: мы не в состоянии доказать существование или несуществование какого-либо высшего существа вне известного нам мира. Признавая эмпирическое происхождение знаний, агностик боится сказать, что наши чувства правильно отражают воспринимаемые нами вещи, и ограничивается суб'ективной стороной наших восприятий и т. д.

«Но наш агностик, сделав однажды свои формальные оговорки, — писал Энгельс, — говорит и действует совсем как закоренелый материалист, каковым он в сущности и является»... [1]).

По отношению к взглядам такого рода естествоиспытателей-агностиков Энгельс употребляет термин «стыдливо-прикрытый материализм» и дает в той же работе анализ соотношения классовых сил капиталистического общества во второй половине XIX века, вызвавших распространение агностицизма. Он показывает, что рост пролетариата и успехов его борьбы с буржуазией привел к тому, что буржуазия испугалась материализма, в материализме стала видеть знамя враждебного ей класса. Отсюда понятное движение в философии, выражением которого и является распространение «стыдливо-прикрытой формы материализма» среди естествоиспытателей, стоящих на материалистической позиции, но боящихся об этом заявить прямо.

Ленин, подчеркивая замечательную правильность и глубину рассуждений Энгельса по вопросу об агностицизме, развивает эти взгляды далее, прилагая их к обстановке борьбы за естествознание в конце XIX и начале XX века. «Агностицизм, — говорит он, — есть отрицание об'ективной реальности, даной нам в ощущении» [2]). «Агностик говорит: не знаю, есть ли об'ективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями, об'являю невозможным знать это. Отсюда — отрицание: об'ективной истины агностиком и терпимость, мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещам» [3]).

Агностицизм в гносеологических вопросах есть идеализм, и, как таковой, он абсолютно противоположен и враждебен материализму. Однако агностицизм, отрицая об'ективную реальность, данную нам в ощущении, не дает решительного ответа на вопрос о том, есть ли вне нас существующая об'ективная реальность. Родоначальником и представителем агностицизма является Юм.

---

[1]) См. «Анти-Дюринг» Энгельса, Гиз, изд. 1928 г., стр. 374—375.
[2]) Том III, стр. 162.
[3]) Там же, стр. 102.

От Юма возможны два пути: к Беркли и к Канту. В первом случае мы имеем дело с той формой агностицизма, которая представлена в лице Маха и махизма вообще. Здесь налицо скатывание полностью на позиции суб'ективного идеализма, на позиции берклианизма.

Во втором случае отрицание об'ективной реальности, данной нам в ощущении, сочетается с признанием существования вещей в себе. Это непоследовательно, и это—уступка материализму. От кантианизма можно итти далее к материализму или обратиться вспять — к Юму и далее — к Беркли.

Ленин обращает особенное внимание на то, чтобы расколоть прикрывающихся термином агностицизм, противопоставить одних агностиков другим в зависимости от того, какой элемент — идеалистический или материалистический — играет преобладающую роль в мировоззрении того или иного агностика-естествоиспытателя.

Мах — представитель той разновидности агностиков, в мировоззрении которых берклианство играет решающую роль. Поэтому Ленин разоблачает эту разновидность как безусловно враждебную материализму и естествознанию.

Другое дело те естествоиспытатели, которые, называя себя агностиками, поступают так, уступая давлению общественного мнения буржуазного общества, враждебного материализму, и в то же время склоняются более к материализму, чем к идеализму, у которых идеализм — нечто вынужденное внешними обстоятельствами и противоречащее их собственным, не всегда осознанным, стихийным убеждениям. К числу таких агностиков прежде всего относится Гексли.

Гексли на словах выступал против материализма и в области гносеологии был агностиком. Однако в вопросах естествознания он не только признавал материалистический характер выводов из последнего, но и не мог отрицать того, что только материалистическая точка зрения плодотворна в естествознании, тогда как идеалистическая — бессодержательна.

Ленин о позиции Гексли писал: «Философия Гексли точно так же есть смесь юмизма и берклианства, как философия Маха, но у Гексли берклианские выпады — случайность, а агностицизм его есть фиговый листок материализма. У Маха «окраска» смеси иная, и тот же спиритуалист Уорд, ожесточенно воюя с Гексли, ласково треплет по плечу Авенариуса и Маха» [1]).

Таким образом, Ленин здесь путем конкретного анализа вскрывает различные оттенки и разнородные элементы под общим именем агностицизма. В то же время ленинский анализ учит нас не полагаться на то, к какому философскому лагерю относят себя те или иные естествоиспытатели, а самим определять этот лагерь на основе об'ективного (классового) значения взглядов и выступлений того или иного естествоиспытателя. В то время как Маха и К°, желающих прикрыться естествознанием, Ленин разоблачает как идеалистов, противопоставляет им материализм естествознания и тем самым лишает идеализм опоры в последнем, — таких естествоиспытателей, как Гексли, боящихся назвать себя материалистами и облачающихся в казенный вицмундир агностицизма, он причисляет к лагерю материализма.

То же, что и с Гексли, повторяется в известной степени с Гельмгольцем, Герцем, Оствальдом и др. Иероглифическую теорию Гельмгольца Ленин также называет агностицизмом, а самого Гельмгольца—непоследовательным кантианцем. И тем не менее он Гельмгольца и ему подобных естествоиспытателей в конкретных условиях философской борьбы в естествознании конца XIX и начала XX века противопоставляет как представляющих материалистическое крыло естествоиспытателей — естествоиспытателям, скатившимся к махизму.

[1]) Том X, стр. 172.

Таким образом, мы видим, что Ленин среди естествоиспытателей различает как идеалистов, прикрывающихся материализмом, так и материалистов, называющих себя в угоду господствующему общественному мнению идеалистами (агностиками).

Рассмотрев критику агностицизма со стороны Ленина, мы подошли вплотную к ленинскому анализу положения на материалистическом фронте в естествознании.

Но прежде чем перейти к этому, мы подведем итоги ленинскому анализу соотношения сил в лагере идеализма и методов борьбы с идеализмом по линии естествознания.

Задача марксистов-естественников на философском участке естественно-научного фронта — непримиримая борьба с идеализмом. Для этого большевики должны разрабатывать материалистическое мировоззрение, применяя его к новейшим данным естествознания, вскрывать материалистическое содержание естественно-научных открытий, доказывать абсолютную противоположность материалистической гносеологии естествознания идеализму во всех его проявлениях, начиная от открытой поповщины и ее лакея — профессорской философии, вплоть до самых завуалированных проявлений идеализма. При этом должна вскрываться классовая сущность идеализма как идеологии враждебных пролетариату классов.

Ленин учит в то же время нас тому, что этот анализ положения на фронте идеализма должен быть конкретным, что он должен вскрывать соотношение различных отрядов идеализма между собой, противоречия в этом лагере, отношение этого лагеря к лагерю материализма и то движение, ту диалектику классовой борьбы, которую мы здесь имеем и которая показывает, куда и как растут и перерастают друг в друга различные оттенки идеализма. Лишь при этом условии можно использовать противоречия в лагере идеализма как косвенный резерв материализма, превратить борьбу на фронте философии из абстрактной, недозревшей до массового действия, в борьбу конкретную, сочетающую философскую борьбу с политической.

Давая этот конкретный анализ, Ленин в то же время доказывает, что самым уязвимым пунктом идеализма в естествознании является тот отряд идеализма, та его форма, которая коренится в самом естествознании — «физический» идеализм. Именно по этому участку идеалистического фронта нужно бить изо всей силы, против этого отряда сосредоточивать основные силы марксистов, борющихся с идеализмом **на фронте естествознания**, чтобы лишить идеализм корней в естествознании и разбить его на этом участке фронта.

Ставя эти задачи перед марксистами в области естествознания, Ленин подчеркивает, что марксисты — авангард в борьбе за материализм. Они должны организовать весь фронт материализма на борьбу с идеализмом, должны организовать своих союзников и повести всю массу способных бороться за материализм естественников.

Если выше мы видели применение Лениным той части учения о стратегическом руководстве борьбой пролетариата, которая касается вопроса о косвенных резервах революции, то теперь мы подошли к тем проблемам борьбы на философском фронте, которые являются своеобразным развитием учения о гегемонии пролетариата и о его союзниках в революции.

3.

Ведущим классом современного общества в революции является пролетариат. «Пролетариат, — писал Ленин, — является в буквальном смысле слова, одним только передним рядом, авангардом всей массы трудящихся и эксплоатируемых» [1]).

[1]) Собр. соч., т. III, стр. 477.

Эта ведущая роль пролетариата обуславливается тем, что он—самый передовой класс современного общества, что самые условия его существования, его экономического положения подготавливают его в процессе развития современных общественных отношений к этой роли. «Свержение господства буржуазии,—писал Ленин в другом месте,—возможно только со стороны пролетариата как особого класса, экономические условия существования которого подготовляют его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его. В то время как буржуазия раздробляет, распыляет крестьянство и все мелкобуржуазные слои, она сплачивает, об'единяет, организует пролетариат. Только пролетариат, в силу экономической роли его в крупном производстве, способен быть вождем **всех** трудящихся и эксплоатируемых масс, которые буржуазия эксплоатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые неспособны к **самостоятельной** борьбе за свое освобождение»[1].

Но для того, чтобы повести за собой всех трудящихся, пролетариат должен завоевать их, отвоевать от влияния буржуазии, сделать их своими союзниками в революции. Этому учит та часть учения о стратегическом руководстве борьбой пролетариата, которая трактует вопросы о прямых резервах пролетариата в революции.

К прямым резервам относятся прежде всего крестьянство и та часть городской мелкой буржуазии данной страны, которая может примкнуть к пролетариату, пойти под его руководством в бой; затем пролетариат других стран и революционное движение в колониях и зависимых странах.

Успешность борьбы пролетариата за завоевание власти (диктатура пролетариата), а после ее завоевания — за укрепление ее зависит от привлечения на сторону пролетариата большинства непролетарских трудящихся масс, от превращения их в его союзников. Для этого пролетариат должен поддерживать эти непролетарские массы в их борьбе против капиталистической эксплоатации, указывать им путь освобождения от угнетения, поднимать их политическое сознание, толкать их по пути борьбы все далее и далее, доказывать, что этот путь заключается в примыкании к борьбе пролетариата.

Далее марксизм-ленинизм учит, что на каждом этапе революции проблема завоевания пролетариатом союзников встает в специфической, характерной для данного этапа форме. Для этого нужно рассматривать массы непролетарских трудящихся в их движении, в процессе их изменения и отношения к другим классам. Так, одно дело—крестьянство как союзник пролетариата в буржуазно-демократической революции, когда крестьянство в целом выступает против царизма, другое дело—крестьянство в эпоху социалистической революции (до введения сплошной коллективизации), когда заложенные в крестьянстве противоречия (расслоения на буржуазию и пролетариат) выступают на сцену и союзником пролетариата является на этом этапе (при опоре на бедноту) лишь среднее крестьянство. Смена этапов революции ведет к смене стратегических планов.

В этой борьбе пролетариата за союзников в революции задача заключается в том, чтобы отвоевать у буржуазии колеблющиеся, промежуточные элементы (а о них и идет речь), привлечь их на свою сторону. Вся сила большевистской стратегии в том и заключается, что она обеспечивает в борьбе буржуазии и пролетариата за влияние на промежуточные элементы (мелкая буржуазия) победу пролетариата.

Учение марксизма-ленинизма о гегемонии пролетариата в революции сохраняет свое значение и в применении к борьбе на философском фронте и выражается в том, что пролетариат выступает с наиболее последовательным

[1] Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, стр. 316

и строго научным мировоззрением. Материалистическая диалектика является единственным последовательным учением, которое способно дать трудящимся правильное понимание не только процессов общественного развития, но и процессов природы и мышления.

Стоит ли и в области философии задача собирания под знамена материалистической диалектики всех борющихся на стороне пролетариата сил, имеет ли он в этой борьбе союзников, являются ли таковыми те представители материалистического мировоззрения, которые не стоят на точке зрения последовательного материализма или даже являются лишь стихийными материалистами?

Если и в области философской борьбы пролетариат имеет союзников, то возникают дальнейшие вопросы: как должен пролетариат организовывать и направлять на врага силы своих философских союзников, какими способами сделать материалистическую диалектику орудием широчайших масс в революции?

Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим прежде всего то, что дает в этом отношении Ленин в своих естественно-научных и философских работах.

Мы прежде всего обратим внимание на отношение Ленина к той группе материалистов-естественников, которые являются стихийными материалистами

В конкретных условиях классовой борьбы конца XIX и начала XX века буржуазному ученому открыто называться материалистом стало «неприлично». Нужно было обладать революционным мужеством и итти против течения, чтобы это делать; но этими качествами буржуазная интеллигенция не обладает. Однако отказываться от материализма, когда материалистичной является основа всего естествознания, для большинства естествоиспытателей было невозможно. Поэтому мы видим, как это было выше отмечено по отношению к Гексли, Гельмгольцу и др., что они, отказываясь от материализма на словах, признают его на деле.

Действительно, нельзя в естествознании говорить ни об одном явлении, не говоря языком материализма, т.-е. не признавая об'ективности и независимости от нашего сознания явлений природы. Материалистический язык естествознания есть язык его тысячелетнего развития и унаследуется стихийно каждым новым поколением естествоиспытателей. Поэтому естествоиспытатель, говоря на этом материалистическом языке, зачастую даже не подозревает, что он им пользуется во всей своей повседневной естественно-научной практике.

Но этот факт есть факт огромной важности, и он имеет тем большее значение, чем более сознательно он выражается, чем более приобретает значение определенного философского мировоззрения. Вскрывать элементы такого стихийного материализма — обязанность сознательных материалистов-марксистов.

Особенно большое значение имеет вскрытие стихийного материализма у тех естествоиспытателей, которые являются творцами теорий, играющих командную роль и определяющих развитие естествознания на целый период. Естественно, что за то, к какому лагерю отнести таких естествоиспытателей, разгорается борьба, так как причисление того или иного из них к определенному философскому лагерю означает подчинение выводов из естествознания мировоззрению того или иного класса. Задача марксистов — не дать зачислить в лагерь идеализма естествоиспытателей, являющихся материалистами, хотя бы на словах они и отмежовывались от материализма или вообще не подозревали, что они говорят материалистической прозой.

Этому нас и учит ленинский анализ стихийного материализма. Мы рассмотрим применение этого анализа на примере с Герцем.

Герц — ученик Гельмгольца, продолжатель дела Фарадэя и Максвелля, экспериментально доказавший наличность электромагнитных волн и тем самым практически подтвердивший правильность основ взглядов Фарадэя и Максвелля,—был одним из крупнейших ученых конца XIX века. Герц принадлежит к эпохе во всех отношениях переломной: капитализм вступал в стадию империализма, пролетариат переходил к непосредственному штурму капитализма с практической целью завоевания власти, все противоречия капитализма резко обострялись, что сказалось в усилении идеологической реакции и в повороте ряда естествоиспытателей к идеализму, и в то же время естествознание вступало в полосу величайших открытий, производивших революционную ломку всех старых метафизических представлений о материи, движении, пространстве, времени и т. д.

Развитие учения об электричестве, к каковому относятся и открытия Герца, поставило перед естествоиспытателями-физиками вплотную вопрос об отношении старой ньютоновской механики и построенной на ней физики к новому учению об электрическом строении материи. Для всех было очевидно, что имеется налицо начало новой эпохи в физике, что старые представления должны быть увязаны с новейшими.

Герц и попытался в своих «Принципах механики, изложенных в новой связи» решить вопрос об отношении старой механики к новейшим физическим открытиям [1]). В этой своей работе, затрагивающей основы физического мировоззрения, он, естественно, не мог избежать философской постановки вопроса и не дать по-своему ответа на коренные проблемы естествознания.

Мы здесь не будем входить в рассмотрение того, как он пытался решить вопрос о принципах механики. Отметим лишь одно, что он не преодолел ограниченностей ньютоновской механики. Тем не менее он поднял все коренные вопросы физического мировоззрения, и его ответ на них имел большое влияние; работа его не потеряла своего значения и до сих пор. Мы остановимся лишь на гносеологической позиции Герца в ее общих чертах, в ее основах.

Герц не допускает даже мысли, что можно сомневаться в существовании внешнего по отношению к нам и независимого от нас мира природы. Он исходит из этой основной материалистической посылки при построении всей своей книги. Это же положение служит у него критерием правильности той или иной физической картины мира, той или иной системы механики. «Неправильными мы называем (логически. — *А. М.*) допустимые образы тогда, когда их существенные черты противоречат чертам внешних вещей», — пишет он [2]). «Единственным мерилом оценки остается правильность сравниваемых картин (механики. — *А. М.*), определяемая силою вещей и не зависящая от нашего произвола»,—находим мы у него в другом месте [3]). И такого рода высказывания встречаются в книге Герца десятки раз.

Однако, утверждая, что наши механические представления суть образы, с помощью которых мы воспроизводим природу [4]), что существует «некоторая согласованность между природой и нашим духом» [5]), Герц не продумал далее этого своего, многократно повторяющегося утверждения и шатался в сторону агностицизма, в сторону кантианизма. Так, он писал: «Метод же, который мы всегда пользуемся для выведения будущего из прошлого и тем самым для достижения желаемого предвидения, состоит в следующем: мы

[1]) H. Hertz, «Die Prinzipien der Mechanik in neuem Zusammenhange dargestellt». Gesammelte Werke, B. III, изд. 1894 г. Русский перевод под редакцией автора настоящей статьи см. в «ИКП Бюллетень заочной консультации», № 7 за 1931 г.

[2]) Бюллетень № 7, стр. 31.

[3]) Там же, стр. 49.

[4]) Там же, стр. 41.

[5]) Там же, стр. 30—31.

строим внутренние наглядные образы или символы внешних предметов и при этом строим их так, чтобы логически необходимые следствия из этих образов всегда были в свою очередь образами естественно-необходимых следствий из отображаемых предметов» [1]).

Здесь уже перед нами мешанина из материализма и агностицизма. Одно дело образы внешних предметов — это материализм, и другое дело символы этих предметов — это агностицизм. Это шатание приводит Герца и к скатыванию на позиции кантианизма (что, к слову сказать, стоит в теснейшей связи с попыткой Герца построить механику лишь на понятиях пространства, времени и массы, т.-е. вернуться в известном смысле на позиции декартовского механицизма). Так, первую книгу своей механики он начинает словами: «Рассуждениям в первой книге опыт остается совершенно чуждым. Все делаемые высказывания суть суждения априори в смысле Канта. Они основываются на законах внутреннего воззрения и формах собственной логики высказывающегося и с внешним опытом такового не имеют никакой иной связи кроме той, какую имеют эти воззрения и формы» [2]).

Естественно, что наличие таких противоречивых элементов в философских взглядах Герца давало возможность различно трактовать его философскую принадлежность к тому или иному из двух основных направлений в философии. Идеалисты, замазывая связь материалистической позиции Герца со стихийным материализмом естествознания, старались изобразить его идеалистом. Вокруг Герца, как и вокруг каждого из крупнейших естествоиспытателей, развертывается философская борьба.

По этому поводу Ленин писал: «Г. Коген старается завербовать себе в союзники знаменитого физика Генриха Герца. Герц наш, он кантианец, у него попадаются допущения априори. Герц наш, он махист, — спорит махист Клейнпетер, ибо у Герца проглядывает «тот же суб'ективистский взгляд, как и у Маха, на сущность наших понятий». Этот курьезный спор о том, чей Герц, дает хороший образчик того, как идеалистические философы ловят малейшую ошибку, малейшую неясность в выражении у знаменитых естествоиспытателей, чтобы оправдать свою подновленную защиту фидеизма. На самом же деле философское введение Г. Герца к его «Механике» показывает обычную точку зрения естествоиспытателя, напуганного профессорским воем против «метафизики» материализма, но никак не могущего преодолеть стихийного убеждения в реальности внешнего мира» [3]).

Взяв Герца в целом в связи со стихийно-материалистической позицией естествознания, Ленин вскрывает материализм Герца, вскрывает его противоречия, и материализмом Герца бьет по идеализму неокантианцев и махистов. То же, с учетом индивидуальных особенностей, мы видим в отношении Ленина к Больцманну, Гельмгольцу, Геккелю и другим естествоиспытателям.

Таким образом, линия Ленина в отношении стихийных материалистов-естествоиспытателей заключается в том, что он берет их высказывания не метафизически, а в их отношении к другим группам и лагерям естествоиспытателей и философов в философской борьбе. Он показывает как в случае с агностицизмом вообще, так и с кантианизмом в частности, что можно и должно бороться за таких стихийных материалистов-естественников или эклектических философов с двух сторон: справа и слева. В обстановке идеологической реакции, в условиях поворота части естествоиспытателей к идеализму взгляды Герца, Гельмгольца, Больцманна, Геккеля и им подобных служили на пользу материализму, несмотря даже на то, что Герц и ему подобные естествоиспытатели не избежали влияния движения вспять в области идеологии. Подвергаясь этому влиянию, они еще сохранили связь с

[1]) Там же, стр. 30.
[2]) Hertz, «Prinzipien der Mechanik», стр. 53.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. X, стр 238.

...риализмом естествознания и по-своему защищали его против нападок идеализма. Поэтому Ленин бьется за то, чтобы не уступать Герца и других естествоиспытателей идеалистам, и при посредстве их материалистических высказываний, очищенных от непоследовательностей и скатывания к идеализму, борется против идеализма Маха и махизма вообще, не допускает того, чтобы фидеизм использовал шатания этих естествоиспытателей для подкрепления своей позиции.

В борьбе за естествознание в рассматриваемый Лениным период об'ектом нападок идеализма делались не только и не столько стихийные материалисты-естествоиспытатели, как вся позиция материализма вообще. В аргументации против материализма нападки делались и на высказывания таких вполне сознательных материалистов-естествоиспытателей, как Бюхнер, Дюринг и др. Борясь за материализм, Ленин должен был и здесь определить специфический характер позиции марксизма по отношению к этому отряду общего лагеря материализма. Мы остановимся лишь на рассмотрении линии Ленина по отношению к Бюхнеру и Дюрингу, — естествоиспытателям, стоявшим сознательно на позиции материализма.

Бюхнер был профессионалом-естествоиспытателем: окончил медицинское учебное заведение, имел значительное число специальных работ, занимал одно время кафедру в Тюбингенском университете и не порывал в течение всей жизни с практикой по своей специальности. Но он был не только ... профессионалом, а также сознательным приверженцем и довольно ... пропагандистом определенного мировоззрения. Бюхнер выпустил значительное число работ популярного характера, где он выступал как ...ист, как поборник материалистического мировоззрения; им же был сделан перевод работы Ляйеля о древности человеческого рода (1864 г.) и выпущена ... лекций по дарвинизму. Наконец, он был одним из организаторов немецкого союза «свободомыслящих» и прочел в Германии и за границей ...ное число лекций, где он развивал свои взгляды.

Свою задачу и заслугу он видел в том, чтобы «не отступать жеманно перед столь же простыми, сколь и неизбежными выводами свободного от предрассудков эмпирико-философского созерцания природы» и решительно исключать из об'яснения явлений природы «всякого рода супранатурализм и идеализм» [1]). Бюхнеровская пропаганда материализма пользовалась значительным успехом, и его книги были переведены более чем на десяток языков.

Ленин, следуя в отношении Бюхнера Энгельсу, подчеркивает, что последний резко критикует Бюхнера не за то, что он стоял на позиции материализма, а за ограниченность и непоследовательность его в защите материализма. «Энгельс яснее ясного говорит, — пишет Ленин, — что Бюхнер и К° «не вышли ни в чем за пределы учений их учителей», т.-е. материалистов XVIII века, не сделали ни шагу вперед. За это и только за это упрекает Энгельс Бюхнера и К°, не за их материализм, как думают невежды, а за то, что они не двигали вперед материализма, не помышляли раньше о том, чтобы развивать дальше теорию» материализма. Только за это упрекает Энгельс Бюхнера и К°» [2]).

В то время как Маркс и Энгельс двинули вперед материализм как в области учения об обществе, так и учения о природе и мышлении, Бюхнер и К° сохраняли все ограниченности старого материализма, опошляли материализм. Ленин вслед за Энгельсом перечисляет эти ограниченности: механицизм, антидиалектичность и идеализм «вверху», т.-е. непонимание исторического материализма. Перечислив эти ограниченности материализма Бюхнера и К°, Ленин еще раз подчеркивал: «исключительно за эти три вещи, исключительно в этих пределах отвергает Энгельс и ма-

[1]) Л. Бюхнер, Сила и материя, Русск. пер., изд. 1907 г., стр. XIII—XIV.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. X, стр. 200.

териализм XVIII века и учение Бюхнера и К°. По всем остальным, бо азбучным вопросам материализма (извращенным махистами) никак разницы между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, всеми эт старыми материалистами — с другой, нет и быть не может»[1].

Отсюда мы видим, что в защите основного положения гносеологи териализма против идеализма у марксизма с механическим материал Бюхнера и К° фронт общий, они являются союзниками. Ленин, возража хисту Суворову, пытавшемуся приспособить на пользу идеализма закон хранения и превращения энергии, писал: «Слыхал ли наш «реалист», же щий быть марксистом, что и вульгарные материалисты Бюхнер и К° и диа тический материалист Энгельс считали этот закон установлением осно положений материализма?» [2]).

По отношению к Дюрингу Ленин проводит ту же линию, что и по ношению к Бюхнеру, но он учитывает ту особенность, что Дюринг ст в непосредственных отношениях к социал-демократам и к рабочему дв нию. «Энгельс, — пишет он, — имел полное право преследовать Дюри открытого атеиста, за то, что он непоследовательно оставлял зейки фидеизму в своей философии» [3]). Ленин вместе с Энгельсом вс вает те шатания в сторону идеализма, которые были у Дюринга, и дает териалистическое решение тех проблем, в которых проявлялось это шат (например, вопрос о пространстве и времени).

Излагая точку зрения Энгельса на Бюхнера и К° и Дюринга, Ленин у зывает и на те конкретные условия, которые заставляли Энгельса центр жести своей работы сосредоточивать не на защите основной позиции м риализма в гносеологических вопросах, а на дальнейшем развитии м риализма.

«И Маркс с Энгельсом, и И. Дицген, — пишет Ленин, — выступил философском поприще тогда, когда в передовой интеллигенции вообще, и бочих кругах в частности, царил материализм. Совершенно естественно этому, что не на повторение старого обратили все свое внимание Марк Энгельс, а на серьезное теоретическое развитие материализма, на менение его к истории, т.-е. на достраивание здания материал ческой философии доверху. Совершенно естественно, что они ог ничивались в области гносеологии исправлением ошибок Фейерб высмеиванием пошлостей у материалиста Дюринга, критикой ошибок Б нера, подчеркиванием того, что этим наиболее распространенным и попу ным в рабочей среде писателям особенно недоставало именно ди тики» [4]).

Но если Ленин подчеркивает особенности конкретных условий бо за материализм Маркса и Энгельса, то он на протяжении всего «Мате лизма и эмпириокритицизма» дает анализ и тех конкретных условий, к торых он сам вел борьбу за материализм и которые заставляли его по кивать с особой силой общность позиций марксизма и материал Бюхнера и К° и Дюринга по «азбучным вопросам» гносеологии. Эти у вия заключались в том, что в среде буржуазной интеллигенции произо сдвиг в сторону идеализма, что в связи с этим среди «желающих быть ксистами» стала распространяться идеалистическая ревизия марксизма, торая тогда была главной опасностью на философском ф среди марксистов. Поэтому наряду с задачей дальнейшей разработки м риализма, что и делал Ленин, снова встала задача отстаивания в союзе всеми материалистами основ гносеологии материализма вообще, ор

[1]) Ленин, Собр. соч., т. X, стр 201.
[2]) Там же, стр. 281.
[3]) Там же, стр. 57.
[4]) Там же, стр. 202

жении всех сил материализма как внутри марксизма, так и вне его для отпора усиливающейся реакции идеализма и поповщины.

Таким образом, итоги сказанного о ленинской тактике по отношению к фронту материализма в естествознании можно сформулировать следующим образом:

По отношению к стихийным материалистам — необходимо вскрывать у них наличие этого стихийного материализма, доказывать, что Герц, Гельмгольц, Больцманн и др. являются материалистами, очищать их материализм от шатаний и непоследовательностей, не давать идеалистам использовать эти непоследовательности на пользу фидеизма и лагеря реакции, указывать путь к последовательному, диалектическому материализму.

По отношению к сознательным материалистам типа Бюхнера, Дюринга, — борясь против идеализма вообще и против идеалистической ревизии внутри марксизма, нужно подчеркивать общность позиции всего лагеря материализма по азбучным гносеологическим вопросам и в то же время развивая материализм далее, отмежевываться от ограниченностей и непоследовательностей этой формы сознательного материализма, указывая путь преодоления его ограниченностей и непоследовательностей, путь перевоспитания и переработки буржуазного мировоззрения и перехода на позицию диалектического материализма.

Если принять во внимание конкретные условия борьбы в период после революции 1905 года и условия борьбы после пролетарской революции 1917 года, то мы должны подчеркнуть коренное отличие условий этих двух периодов в их значении для борьбы на теоретическом фронте. Данный Лениным анализ положения на философском фронте до октября 1917 года и разработанные им стратегия и тактика сохраняют в основном свое значение и до сего момента, особенно применительно к условиям борьбы в западноевропейских и американских странах, где капитализм, доживая свои последние дни, еще сохраняет господство за собой. Но и для условий СССР, поскольку пролетариат СССР строит социализм, привлекая иностранных специалистов и ученых, то, что дано Лениным еще до завоевания власти пролетариатом в России, имеет руководящее значение. Непримиримая последовательность в защите и дальнейшей разработке теории диалектического материализма и в то же время конкретный анализ и максимальная гибкость в области тактики обеспечивают наши успехи на фронте философии и науки. Но установление диктатуры пролетариата в СССР изменило не только соотношение классов в области политического господства и в области экономики, но и в области философии. Если ранее идеализм был идеологией господствующего класса, а материализм — угнетенного, то после пролетарской революции 1917 года диалектический материализм сделался идеологией господствующего класса и в диктатуре пролетариата получил совершенно новые условия для своего развития.

В этих новых условиях по-новому ставится весь вопрос о борьбе с идеализмом и о борьбе с ревизионизмом. С этой точки зрения для нас большое значение имеет статья Ленина «О значении воинствующего материализма», опубликованная в журнале «Под знаменем марксизма» № 3 за 1922 г.

4.

В чем заключается то новое для борьбы на теоретическом фронте, что создалось в результате победоносной пролетарской революции? Это новое заключается, во-первых, в том, что в стране победившего пролетариата последовательно-революционная партия, партия пролетариата, в теории опирающаяся на марксизм, сделалась единственной господствующей партией; во-вторых, оно заключается в том, что госучреждения (учебные заведения и госучреждения в более узком смысле) стали органами, на обязанности которых лежит не только защита и укрепление диктатуры пролетариата в области

политической и экономической, но и идеологической, т.-е. защита последовательного материализма, марксизма; в-третьих, это новое заключается в беспрепятственном и быстром росте коммунистических и марксистских кадров и по линии философии и естествознания; в-четвертых, это новое заключается в возможности и обязанности пропаганды революционного марксизма и его философии через журналы, газеты и всю прессу пролетарского государства; в-пятых, это новое заключается в том, что вся научная общественность стала организовываться под знаменем диалектического материализма при руководстве со стороны марксистов. Все эти моменты являются, наконец, выражением общего движения в перестройке пролетариатом общества с целью построения бесклассового коммунистического общества, в котором исчезают классы и формы классовой идеологии — идеализм, религия и т. д.

Как же Ленин ставит задачу борьбы с идеализмом и защиты и дальнейшего развития материализма и марксизма в этих новых условиях?

Основной задачей на этом этапе, как и прежде, является борьба с идеализмом и «неуклонное разоблачение и преследование всех современных «дипломированных лакеев поповщины»—все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно-социалистическими публицистами» [1]). На эту борьбу должны быть брошены все силы таких журналов, как «Под знаменем марксизма», и об'единяющихся под их руководством кадров.

Борьба с идеализмом должна вестись также и по линии пропаганды воинствующего атеизма, по линии борьбы с религией. Ленин, ставя эту задачу, отмечает, что государственные органы, которые этой работой ведают, ведут ее вяло и крайне неудовлетворительно. В то же время он намечает конкретные формы борьбы, которые должны быть применены организующейся вокруг марксистских журналов научной общественностью

Ставя эту задачу борьбы с идеализмом и религией, Ленин в то же время, как и в «Материализме и эмпириокритицизме», подчеркивает в связи с революцией в новейшем естествознании наличие попыток использовать высказывания крупнейших естествоиспытателей с целью пропаганды идеализма. Ленин призывает к борьбе с теми, кто отступает назад от материализма «в погоне за модными реакционными философскими учениями, поддаваясь мишуре якобы «последнего слова» европейской науки и не умея разобрать под этой мишурой той или иной разновидности прислужничества буржуазии, ее предрассудкам и буржуазной реакционности».

В противовес лагерю идеализма марксисты должны все сделать, чтобы организовать и укрепить лагерь материализма. При этом должны быть использованы все противоречия, какие имеются в лагере противника. Для этой цели Ленин рекомендует, во-первых, по линии общего фронта марксизма союз коммунистов с некоммунистами, «сторонниками последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и философскими предрассудками так называемого «образованного общества». Во-вторых, Ленин по линии фронта естествознания рекомендует «союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма».

В этой работе по укреплению позиций материализма по линии антирелигиозной Ленин в известной мере рекомендует и союз с той прогрессивной частью буржуазных ученых, которые, как, например, Древс

---

[1]) «О значении воинствующего материализма», том XX, ч. 2-я, стр. [illegible]. Последующие цитаты взяты из этой работы без особых ссылок.

в своем «Мифе о Христе», выступают против религиозных предрассудков и сказок и разбивают их, хотя в то же время делают реакционные попытки заменить старые религиозные предрассудки новыми и более ловко завуалированными. Отметая и подвергая жесточайшей критике эти реакционные попытки подновить религию, марксисты в то же время не должны пренебрегать возможностью использовать Древса и ему подобных для укрепления материалистических позиций и для противопоставления его религиозным мракобесам. В связи с этим нужно отметить, что отказ от использования того ценного для борьбы за материализм, что дано было буржуазией в период, когда она была революционной, Ленин прямо называет изменой марксизму и материализму.

Однако борьба за союзников из лагеря мелкой буржуазии как в области политической и экономической, так и в области философской не должна вести ни в какой мере к подмене задач борьбы за диктатуру пролетариата, а после ее завоевания — за ее укрепление, задачами, выдвигаемыми интересами этой мелкой буржуазии. Учение о союзниках пролетариата есть лишь подчиненный момент общего учения о диктатуре пролетариата.

В «Тезисах ответа «независимым» на предложение переговоров» [1]) Ленин писал: «Диктатура пролетариата означает умение, готовность, решимость привлечь на свою сторону (на сторону революционного авангарда пролетариата) всю массу трудящихся и эксплоатируемых мерами революционными, мерой экспроприации экспроприаторов».

Борясь за союз с мелкой буржуазией, пролетариат сохраняет свою роль авангарда трудящихся, свое единство как ведущего класса в революции. Это выражается прежде всего в неуклонном преследовании целей пролетарской революции, в борьбе с попытками подмены задачи социалистического переворота и перестройки общества задачами буржуазной революции, в охране единства пролетариата. «Единство пролетариата,—писал Ленин в другом месте, — есть величайшее оружие его в борьбе за социалистическую революцию. Из этой бесспорной истины столь же бесспорно вытекает, что, когда к пролетарской партии примыкают в значительном числе мелкобуржуазные элементы, способные мешать борьбе за социалистическую революцию, единство с такими элементами вредно и губительно для дела пролетариата» [2]).

Эти положения являются руководящими и для фронта философской борьбы.

Но, заключая союз с марксистами-некоммунистами, с материалистами-естествоиспытателями и с прогрессивной частью буржуазных ученых, коммунисты-марксисты должны играть роль авангарда. Роль авангарда в борьбе на теоретическом фронте заключается, с одной стороны, в том, что коммунисты последовательно и до конца проводят линию новейшего материализма— диалектического материализма, не делая в этом отношении никаких уступок и борясь против всяких искажений этой формы материализма.

С другой стороны, роль авангарда в теоретической борьбе заключается в том, чтобы вести за собой массы, воспитывать массы в духе материализма, подводя их к усвоению диалектического материализма. Руками одних коммунистов,—писал Ленин,—нельзя совершать революции и в области теоретической. «Для успеха всякой серьезной работы необходимо понять и суметь претворить в жизнь, что революционеры способны сыграть лишь роль, как авангарда действительно жизнеспособного и передового класса. Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу. Без союза

[1]) Собр. соч., т. XX, ч. 2-я, стр. 390.
[2]) Там же, XIII, стр. 31.

с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи».

В противовес тем, кто последовательную борьбу за материализм понимает не диалектически, Ленин в подходе к многомиллионным массам, особенно крестьянства, требует уменья «подойти к ним и так и этак», применяя все роды оружия борьбы за материализм. Исходя из этого, он и рекомендует с целью антирелигиозной пропаганды переводы атеистических памфлетов материалистов XVIII века, переводы сочинений таких ученых, как Древс, и т. д. Задача коммунистов при этом завоевании масс должна заключаться в том, чтобы они критически применяли эти различные роды оружия, не поддаваясь сами влияниям непоследовательностей в трактовке материализма и даже отступлениям от последнего, какие имеются у буржуазных авторов, — чтобы коммунисты критически относились к этим авторам.

Поэтому Ленин решительно обрушивается на «наших, якобы, марксистских, а на самом деле уродующих марксизм коммунистов», не умеющих диалектически подойти к борьбе за материализм, не умеющих подводить массы к материализму.

Нельзя бороться за материализм, стоя на месте. Тот, кто конкретно борется за материализм, должен двигать его дальше. Для этого Ленин рекомендовал философам изучать современное естествознание и борьбу за материализм, идущую в нем. Для того же, чтобы положительно решать те проблемы, которые ставятся новейшим естествознанием, Ленин рекомендовал изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, организацию «общества материалистических друзей гегелевской диалектики». «Современные естествоиспытатели, — писал Ленин, — найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды».

Вот те задачи, которые ставил Ленин перед коммунистами в области философии и естествознания. Новым здесь, по сравнению с тем, что было в период после революции 1905 года, является указание о формах и методах работы применительно к условиям существования диктатуры пролетариата, к условиям советских республик. Если в период после написания «Материализма и эмпириокритицизма» пролетариат еще подготавливался к решительной атаке капитализма и не имел в своих руках ни государственного аппарата, ни прессы, ни школ и т. д., то после взятия власти в свои руки пролетариат получил такие орудия вовлечения масс в строительство социализма и воздействия на интеллигенцию, начал создавать такие условия развития науки, которые в корне отличны от того, что существует в капиталистических странах. Не повторяя того, что сказано в «Материализме и эмпириокритицизме» и что в основе своей остается справедливым и для позднейшего времени, Ленин в работах после 1917 года развернул программу действий и тактики применительно к новым условиям. В этих новых условиях приобрел, как никогда ранее, большое значение вопрос о кадрах научной и технической интеллигенции, вопрос о тактике по отношению к ней.

В период до Октябрьской революции партия не имела сколько-нибудь специализированных кадров для борьбы на философском и естественно-научном участке фронта, так как тогда еще не стояла задача непосредственного овладения пролетариатом наукой, и партия не могла уделять особых сил для этого участка борьбы. Борьба за основы марксизма по линии истории, экономики и политики органически связана с борьбой за диалектический материализм по линии философии. Маркс и Энгельс, отстаивая и развивая экономическое, историческое и политическое учение марксизма, отстаивали и

развивали марксизм и в области философии и естествознания. Это дело продолжал в новой обстановке Ленин. В новейшее время Сталин в «Вопросах ленинизма» дает классический образец применения и дальнейшего развития марксистско-ленинской диалектики.

До Октябрьской революции не было условий (диктатура пролетариата) для культурной революции, и проповедь культуртрегерства была в тот период разновидностью буржуазного движения. В капиталистическом обществе наука, культура вообще — достояние меньшинства.

Коренным образом дело меняется с установлением диктатуры пролетариата. С этого момента создаются условия для борьбы за поднятие культурного уровня широчайших масс как рабочего класса, так и крестьянства. Перестройка всего хозяйства и прежде всего индустрии, сельского хозяйства и транспорта подводит к задаче овладения наукой и техникой. Так создаются условия, при которых диалектический материализм получает мощный толчок к дальнейшему развитию не только в области экономической, исторической и политической теории, но и в области философии, естествознания и техники. Диалектический материализм делается могущественнейшим орудием культурной революции, орудием строительства Страны советов во всех его проявлениях.

Разрешение всех этих задач, постановка которых стала возможной после установления диктатуры пролетариата, нельзя осуществить руками одного пролетариата. Для работы в области промышленности и сельского хозяйства, для работы в области советского строительства, для культурной революции нужно использовать интеллигенцию.

Ленин в своих сочинениях дает детальнейший анализ классовой природы интеллигенции. Он подчеркивает, что в основе своей она буржуазна и мелкобуржуазна, что в силу условий ее бытия она характеризуется индивидуализмом, склонностью к колебаниям, неорганизованностью, дряблостью, неустойчивостью. Приближаясь в известной своей части в период под'ема революции к пролетариату, в период поражения революции она, как это имело место, например, после революции 1905 года, отходит от революции. Мелкобуржуазный и буржуазный характер интеллигенции был причиной того, что Октябрьская революция была совершена пролетариатом вопреки интеллигенции, при саботаже основной массы интеллигенции.

Вскрывая все эти черты интеллигенции и анализируя ее поведение в революции, Ленин подчеркивает, что поскольку победа пролетариатом одержана, перед последним встает задача, устраняя неисправимых, переделки, перевоспитания, подчинения интеллигенции [1]). «Нельзя, не из чего строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее, как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по веленью божьей матери, не по веленью лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями» [2]).

Ленин разрабатывает тактику пролетариата по отношению к интеллигенции применительно к этапам революции как до, так и после Октября. Для нас здесь особенно важно подчеркнуть ленинское отношение к техникам и ученым-естествоиспытателям. Именно эта часть старой буржуазной интеллигенции, по Ленину, особенно ценна, так как она является носителем наиболее важных для построения социализма достижений буржуаз-

---

[1]) Том XVI, стр. 252—253

[2]) Том XVII, стр. 197.

ной культуры, а строительство социализма возможно лишь на основе всего того положительного, что дано в области культуры буржуазией.

Уменье привлечь специалистов на свою сторону, оторвать их от буржуазии, подчинить пролетарскому руководству, перевоспитать, переделать,— вот задача коммунистов и рабочего класса в целом. Нужно добиться того,— писал Ленин, — чтобы коммунисты, входя во все детали строительства социализма в данной отрасли, учились у специалистов всему, что было достигнуто капитализмом, и в то же время помогали наиболее близким к нам специалистам порывать со своим буржуазным мировоззрением и переходить на сторону коммунизма. Ленин подчеркивает, что путь перехода специалистов на сторону коммунизма не тот, которым идет к коммунизму рабочий класс или приходили интеллигенты-пропагандисты. В связи с созданием ГОЭЛРО Ленин писал: «Задача коммунистов внутри ГОЭЛРО — поменьше командовать, вернее вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники («они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазным мировоззрением и навыками», как говорит программа РКП) чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а через данные своей науки, что по-своему придет к признанию коммунизма агроном, по своему—лесовод и т. д. Коммунист не доказавший своего умения об'единять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден» [1]).

Подчеркивая неустойчивость интеллигенции, в основной своей массе мелкобуржуазной, склонность ее к колебаниям между рабочим классом и буржуазией, Ленин ставит задачей партии пролетариата использование этих колебаний интеллигенции в сторону пролетариата и противодействие колебаниям в сторону буржуазии. Для этого нужно внимательно изучать все, что происходит в лагере врага, использовать все противоречия в этом лагере. Нельзя ограничиваться лишь общей формулой враждебности интересов буржуазии и пролетариата и общей формулой буржуазности и мелкобуржуазности интеллигенции.

Нужно изучить все, что происходит в лагере мелкой буржуазии и мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции. Так, когда обанкротился Комитет членов учредительного собрания, когда в Версальском мире даже слепые ясно увидели истинное лицо империализма, прикрывающееся маской буржуазной демократии, когда произошла революция в Германии, а в России пролетариат успешно отражал нападения контрреволюции, среди мелкой буржуазии и интеллигенции в том числе произошел сдвиг в сторону советской власти. Ленин писал, что не использовать этого сдвига—означало бы ничего не понимать в большевистской тактике, и предлагал соответственным образом изменить ее по отношению к мелкой буржуазии и интеллигенции. «Теперь, — писал он, — явилась возможность использовать эту интеллигенцию для социализма, ту интеллигенцию, которая не социалистична, которая никогда не будет коммунистична, но которую сейчас об'ективный ход событий и соотношений настраивает по отношению к нам нейтрально, по-соседски. Опираться на интеллигенцию мы никогда не будем, а будем опираться только на авангард пролетариата, ведущего за собой всех пролетариев и всю деревенскую бедноту. Другой опоры у партии коммунистов быть не может. Но одно дело опираться на класс, представляющий собой диктатуру, а другое дело господствовать над другими классами» [2]).

---

[1]) Том XVIII, стр. 87—88

[2]) Том XV, стр 578

Особенное значение приобрело установление правильной тактики по отношению к интеллигенции после того, как победы на фронте гражданской войны обеспечили развертывание советского строительства, поставили задачу восстановления промышленности и сельского хозяйства и выдвинули вперед проблему превращения б. России из неграмотной в грамотную и культурную Советскую страну.

Уменье привлечь на свою сторону интеллигенцию, уменье определить по отношению к ней правильную тактику — одна из заслуг Ленина. В этой работе ему приходилось очень мало опираться на то, что дано было основоположниками марксизма до Ленина, так как они очень мало касались (и не могли касаться) этой проблемы, вставшей во всей конкретности лишь после победы пролетариата в России.

Если на Октябрьскую революцию интеллигенция в основной массе ответила саботажем, то победа революции на фронтах гражданской войны и успехи революции в международном масштабе (Германия, Венгрия) заставили ее мириться с советской властью и установить «добрососедские», деловые отношения.

Период перехода к нэпу дал, с одной стороны, толчок к дальнейшему сотрудничеству интеллигенции с советской властью, а с другой — оживил и усилил реставраторские надежды в сменовеховской и более открытых, чем последняя, формах. В области философии естествознания этот период отмечен целой серией книг с откровенно буржуазной, враждебной марксизму. идеологией (Вернадский, Васильев, Берг, Гурвич, Костычев и ряд других) и распространением среди буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции поветрия увлечения теорией относительности, перекинувшегося частью и на ряды марксистов, что было результатом усиления буржуазной идеологии. По линии марксизма в то же время это был период собирания и выковывания первых кадров марксистов-естественников.

По мере того, как восстановительный период в промышленности заканчивался и все более и более обнаруживалось, что «нэп введен для победы социализма над капиталистическими элементами» (Сталин),—в среде реставраторски настроенной интеллигенции стали назревать откровенно вредительские и интервенционистские настроения, переросшие в дальнейшем во вредительские действия и связи с интервентами.

Успехи строительства социализма, переход широким фронтом в наступление на капиталистические элементы, выкорчевывание корней капитализма на основе сплошной коллективизации, успешное выполнение и перевыполнение пятилетнего плана, рост культуры и благосостояния широких масс трудящихся, энтузиазм рабочего класса, выражающийся в ударничестве и соцсоревновании,— все это чрезвычайно укрепило диктатуру пролетариата и в то же время привело к усилению классовой борьбы и сопротивления капиталистических элементов.

Успехи строительства социализма в СССР осуществляются на фоне развала капиталистических стран. Безработица, невиданный экономический кризис и в то же время рост вооружений и нарастание военного столкновения, чрезвычайное обострение классовой борьбы, успехи коммунистического движения, рост революционного движения в колониях и полуколониальных странах — вот порядок сегодняшнего дня капитализма. «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма». Теперь этот призрак облекся плотью и кровью и в нем бьет полным пульсом кровь. Коммунизм стал в современных капиталистических странах могущественнейшим фактором политической и экономической жизни.

В этих условиях совершенно по-новому развивается идеологическая борьба на теоретическом фронте в области философии и естествознания.

СССР является ударной бригадой мирового пролетариата не только в области экономической и политической, но и идеологической борьбы. СССР — цитадель современного материализма, диалектического материализма. Поэтому в современных условиях борьба за и против материализма неизбежно переходит в борьбу за и против диктатуры пролетариата. Кто хочет отстаивать позиции материализма, должен рано или поздно встать под знамена коммунизма, так как коммунизм и есть практический и теоретический материализм современной эпохи.

На философском фронте за границей борются те же лагери, что и в начале XX века, но соотношение между этими лагерями изменилось и меняется с каждым днем далее.

Идеализм в буржуазном лагере чрезвычайно усилился и стал неизмеримо более агрессивен. Партии середины и в области философии все более и более вымываются бурным потоком классовой борьбы. Лишь в области естествознания современная господствующая философская партия середины — махизм — еще сильна, так как откровенный фидеизм Дришей и им подобных естествоиспытателей не дает возможностей подлаживаться под настроения массового естествоиспытателя, остающегося и поныне в своей специальной области стихийным материалистом.

Агрессия философского идеализма, отражающего усиление агрессивности и всеобщего распада капитализма вообще приводит к почти полному отсутствию сознательной защиты материализма со стороны материалистического лагеря среди буржуазных естествоиспытателей. Попытки защищать материализм со стороны таких ученых, как Камерер, ополчают против них всю капиталистическую общественность и заставляют их или искать убежища в СССР, или ведут к гибели. Защита же материализма со стороны Планка, Ленара и им подобных при их отступлениях от материализма, при их общей позиции враждебности к последовательному материализму, при их политической реакционности не в силах организовать стихийных материалистов-естествоиспытателей, не в силах решать вопросы, выдвигаемые современным естествознанием.

Поэтому стихийно-материалистические настроения естествоиспытателей, о наличии которых мы имеем свидетельства и со стороны врагов материализма, глубоко запрятаны, загнаны в идеологическое подполье и могут проявиться лишь при столкновении основных сил современного общества — пролетариата и буржуазии.

Наличие этих противоречий, скрытых за идеалистической дымовой завесой, доказывается событиями последнего времени: посещениями и беседами иностранных ученых в СССР, событиями, имевшими место в связи с выступлениями наших делегаций на международной конференции по истории знания в Лондоне [1]) и международной психотехнической конференцией в Москве. Здесь на открытой арене встречаются лицом к лицу представители мировоззрения пролетариата — марксизма-ленинизма и представители буржуазной идеологической реакции. Итог весьма поучителен. Противоречия взрываются, вскрываются глубоко запрятанные материалистические настроения, а марксизм-ленинизм делается знаменем материалистически настроенных естествоиспытателей.

Развитие борьбы на философском фронте в области естествознания в ближайшее время несомненно приведет к тому, что мы будем иметь за

---

[1]) О результатах нашего выступления на этой конференции см. статью М. Рубинштейна: «II международный конгресс по истории науки и техники». Журнал «Социалистич. реконструкция и наука», вып. 1-й, стр. 196. Оценку докладов наших делегатов во враждебной прессе см. в Nature от 1 авг. 1931 г.

граничей группы (хотя и малочисленные) естественников, борющихся за диалектический материализм в естествознании. Это будет еще более обострять борьбу на философском фронте и содействовать расслоению естественников. Для того, чтобы ускорить процесс расслоения современных естествоиспытателей, содействовать и ускорять организацию материалистического крыла, необходимо прежде всего научиться применению ленинской политики и тактики к области естествознания. «Материализм и эмпириокритицизм» вместе с другими сочинениями Ленина является незаменимым руководством для борьбы на теоретическом фронте.

Следуя Ленину, мы должны конкретно проанализировать положение на философском фронте в области естествознания, показать роль идеалистической философии в естествознании, вскрыть ее связь с кризисом капитализма и идеологией капиталистических классов, неустанно доказывать враждебность идеализма естествознанию. Давая общий анализ положения на идеалистическом фронте, мы в то же время должны конкретно разобраться в противоречиях среди идеалистов-натурфилософов, используя эти противоречия для разложения враждебного материализму фронта.

По отношению к материалистическому крылу в современном естествознании необходимо всячески поддерживать каждое хотя бы и непоследовательное выступление в пользу материализма, вскрывая эти непоследовательности, подымая материалистическую аргументацию непоследовательных материалистов до высоты диалектического материализма, указывая им тем самым путь к единственно последовательному мировоззрению. Далее, нужно все силы прилагать к тому, чтобы стихийных материалистов-естествоиспытателей сделать сознательными борцами за материалистическую философию и организовать их для борьбы с идеализмом. Наконец, необходимо всегда подчеркивать неразрывную связь последовательного философского материализма с историческим материализмом и с коммунистическим движением мирового пролетариата.

Задача коммунистов в области естествознания заключается в том, чтобы в сложном переплете различных оттенков, течений и группировок среди современных естествоиспытателей учесть и конкретно применить все ленинские указания, данные им в «Материализме и эмпириокритицизме» и других работах («Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Ренегат Каутский», «Империализм», «Что делать?» и др.), применить на этом особом участке борьбы пролетариата решения Коминтерна и его секций, разрабатывать материалистическую диалектику на конкретном материале современных естественно-научных теорий.

Здесь, как и на других фронтах, коммунизму придется бороться не только с буржуазией и ее идеологами, но и с мелкобуржуазной агентурой буржуазии в рабочем классе — с социал-демократией. Чем более будет развертываться борьба на теоретическом фронте в международном масштабе, тем более будут усиливаться попытки фальсифицировать учение марксизма со стороны социал-демократии, тем более будет развиваться с ее стороны борьба против теоретической работы коммунистов в области философии. Отпор этой предательской работе может быть дан лишь с позиций марксизма-ленинизма. Поэтому борьба за чистоту марксистско-ленинской теории, борьба со всеми и всяческими попытками фальсификации или искажения марксизма-ленинизма — одно из непременных условий успешности борьбы за завоевание естествознания.

Во всей этой работе ответственнейшая роль принадлежит пролетариату СССР — передовому отряду мирового пролетариата. Пролетарии СССР имеют громадные успехи не только на хозяйственном фронте, но и на фронте теоретическом. Учение Маркса—Энгельса, продолженное и развитое далее Лениным в условиях диктатуры пролетариата, получило условия своего не-

виданного роста. В лице тов. Сталина мы имеем теоретика марксизма-ленинизма, продолжающего далее дело Ленина и в области теории и давшего классические работы. Постановления с'ездов, конференций и пленумов ЦК ВКП(б) являются образцом применения марксистско-ленинской диалектики ко всем сторонам борьбы пролетариата СССР, к оценке международного положения и борьбы международного пролетариата. В то же время мы имеем колоссальный рост пролетарских кадров в области техники и за последнее время очень заметный рост этих кадров и в области естествознания. Перед этими кадрами стоит задача сделаться ударной бригадой мирового пролетариата и в области завоевания естествознания.

Для того, чтобы выполнить эту задачу, мы имеем все необходимые об'ективные условия. Эти условия заключаются в том, что:

а) мы располагаем могущественнейшим и единственным орудием перестройки науки — марксистско-ленинской теорией, дающей в лице философского и естественно-научного наследства Маркса, Энгельса и Ленина необходимый фундамент для марксистско-ленинской реконструкции естествознания;

б) мы завершили построение фундамента социалистической экономики и вступили в период социализма; внутри страны уже решен в пользу пролетариата вопрос «кто кого»;

в) подорваны корни идеализма, так как с выкорчевыванием корней капитализма в СССР подрываются внутри страны основы той идеологии, которая извращает и тормозит научное развитие и ведет к кризису естествознания в капиталистических странах;

г) социалистическое строительство дает тематику для научно-исследовательских работ, открывающую новую эру в науке о природе;

д) создаются новые формы организации научно-исследовательской работы, заключающиеся в планировании ее, во внедрении коллективности в научной работе, в методах соцсоревнования, ударничества и т. д.;

е) растут пролетарские естественно-научные кадры как через вузы и исследовательские институты, так и снизу, с производства, в лице рабочих изобретателей, бригадиров ударных бригад и вообще рабочих-энтузиастов социалистического строительства. Среди руководящих кадров научно-технических работников по отдельным наркоматам все больший и больший перевес получают пролетарские, коммунистические кадры.

Выполнение этой задачи невозможно без выполнения тех указаний, которые сделаны тов. Сталиным за последние два года. Сюда относятся кроме общеполитических выступлений прежде всего речь тов. Сталина на конференции аграрников-марксистов — «К вопросам аграрной политики в СССР» (27/XII 1929 г.), речь на первой всесоюзной конференции работников промышленных предприятий (4/II 1931 г.), речь на совещании хозяйственников — «Новая обстановка, новые задачи хозяйственного строительства» (23/VI 1931 г.) и, наконец, письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция».

Прежде всего должно быть выполнено указание о том, «чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма» [1]. Это указание, сделанное применительно к задачам, стоящим на аграрном фронте, целиком относится и к другим теоретическим фронтам, в том числе и к фронту естествознания.

Затем должно быть выполнено второе указание тов. Сталина — «изучить технику, овладеть наукой», самим стать «хозяевами дела». Это указание, относящееся прежде всего к области техники, также имеет непосредственное значение и для области теоретического естествознания. Нам давно пора перейти от голого методологизирования, от заучивания методологи-

[1] Сталин, «Вопросы ленинизма», изд 1931 г., стр 613.

ских схем марксизма, а нередко и просто непереваренного гегельянства, чем страдал и страдает меньшевиствующий идеализм, от некритического преклонения перед буржуазной наукой и отказа от руководства со стороны марксистско-ленинской методологии в области естествознания, чем страдал и страдает механистический материализм, к действительному овладению конкретным естествознанием, к решению конкретных задач естествознания, выдвигаемых социалистическим строительством. Нужно стать самим хозяевами дела и в этой области, чтобы не получалось так, что конкретные проблемы естествознания решают специалисты, чуждые марксистско-ленинского теоретического руководства, а некоторые горе-«диалектики» естественники представляют из себя или бесплодные смоковницы или, в лучшем случае, в специальной области продолжают традиции старой буржуазной науки со всеми ее отрицательными сторонами (реакционная философия, индивидуализм, цеховщина, стихийность и бесплановость, непонимание перспектив развития науки, неумение выделить решающие звенья и т. д.).

Наконец, необходимо выполнить третье указание тов. Сталина — «по-новому работать, по-новому руководить» [1]).

Для разрешения этой задачи в области естествознания и техники мы прежде всего встаем перед вопросом о кадрах. Особенностью данного периода в отношении кадров является то, что теперь в полном об'еме выдвигается задача создания интеллигенции рабочего класса. «Ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции. Нет никаких оснований сомневаться в том, что рабочий класс СССР также не может обойтись без своей собственной производственно-технической интеллигенции». Поставленная тов. Сталиным задача создания интеллигенции рабочего класса, отстаивающей в области ее производственной деятельности интересы пролетариата как господствующего класса, относясь непосредственно и прежде всего к области производственно-технической, имеет решающее значение и для научно-исследовательской области как в области техники, так и в области естествознания.

Выковывание руководящих партийных пролетарских кадров в области техники, технической политики и естествознания решено постановлением ЦК ВКП(б) о Комакадемии. Рост же массовых как партийных, так и беспартийных пролетарских кадров производственно-технической интеллигенции является предпосылкой роста массовых пролетарских кадров и в области научно-исследовательской по линии естествознания. Изобретатели-рабочие, ударники, энтузиасты технической реконструкции — вот те миллионные кадры, из которых уже теперь выковываются и должны далее выковываться и научно-исследовательские массовые кадры.

«Задача состоит в том, — говорил тов. Сталин, — чтобы не оттирать этих инициативных товарищей, смелее выдвигать их на командные должности, дать им возможность проявить свои организаторские способности, дать им возможность пополнить свои знания и создать им соответствующую обстановку, не жалея на это денег». В этом процессе формирования руководящих кадров производственно-технической интеллигенции из числа изобретателей, ударников и т. д. должны принять участие и научно-исследовательские институты техники и естествознания. Через городки науки и техники, растущие уже теперь, через создание групп изобретателей-рабочих, изучающих научные основы производства, нужно суметь выделить тех товарищей, которые имеют наибольший интерес к научно-исследовательской работе. До сих пор в этом отношении или ничего не делалось или делалось слишком

[1]) Сталин, «Новая обстановка—новые задачи хозяйственного строительства», 1931 г., Огиз, «Московский рабочий». О перестройке форм и методов теоретической работы см. передовую статью в № 6 журнала «Под знаменем марксизма» за 1931 г.

мало. Надо добиться того, чтобы каждый исследовательский институт создал вокруг себя группы изобретателей-рабочих, научился им помогать и из них выковывать пролетарские научно-исследовательские кадры.

Новая обстановка и новые условия, создавшиеся на основе успехов строительства социализма и в связи с разгромом вредительских и интервенционистских организаций и приведшие к повороту среди старой производственно-технической интеллигенции, сказываются и в отношении старых кадров в области естествознания. Вредительство захватило довольно широко и исследовательские кадры старых специалистов в области естествознания. Разгром вредителей, крах их надежд на интервенцию, успешное преодоление трудностей, связанных с социалистическим строительством, — все это привело к тому, что мы имеем определенные признаки поворота не только среди производственно-технической, но и научно-исследовательской интеллигенции в области естествознания.

Удар по вредительству был в то же время и ударом по враждебной пролетариату идеологии в более широком смысле. Если до разгрома вредителей мы наблюдали среди верхов старой исследовательской интеллигенции отрицательное, а порой издевательское отношение к марксизму-ленинизму и бравирование идеалистическими вывертами, позаимствованными у западно-европейских и американских мракобесов среди естественников, то теперь и в этом отношении обстановка изменилась. Теперь через ряды старых специалистов естественников прокатывается волна стремления усвоить марксизм-ленинизм и применить его в своей специальной области.

Однако этот процесс поворота научно-технической интеллигенции происходит противоречивым образом. Некоторая часть старых специалистов сейчас активно сопротивляется реконструкции науки на основе марксизма-ленинизма, овладению большевиками наукой. Так, на недавно состоявшейся в Ленинграде конференции по строению материи (декабрь 1931 г.) проф. Френкель резко выступил против притязания марксизма-ленинизма на руководящую роль в области физики и химии. Готовый (на словах) признать роль марксизма в области общественных наук, он решительно отрицал ведущую роль диалектического материализма в области естествознания. К сожалению, Френкель еще не одинок, еще имеются физики, которые враждебно настроены и активно борются против реконструкции науки на основе марксизма-ленинизма.

В этой борьбе против марксизма-ленинизма Френкель и К° смыкаются с международной идеологической реакцией, прежде всего по линии махизма как наиболее маскирующегося течения. Вождь австро-немецких махистов пражский проф. Ф. Франк прекрасно понял враждебную позицию по отношению к материализму со стороны проф. Френкеля, когда он в мартовской книжке (за 1931 г.) итальянского журнала «Scientia» похвалил проф. Френкеля и выставил его единственным последовательным махистом, который не побоялся сделать попытку провести в своем учебнике по электричеству махистские взгляды.

Одновременно с проявлением враждебности к марксизму-ленинизму со стороны Френкелей и К° и смыканием их с идеологической реакцией международной буржуазии мы имеем в СССР процесс прямо противоположного характера. В то время как на Западе и в Америке все большее число ученых естествоиспытателей скатывается на позиции открытой поповщины, в СССР мы имеем свидетельства прямо противоположного процесса: бывшие идеалисты публично отказываются от своей ошибочной позиции, включаются в работу социалистического строительства, встают на платформу материализма. В качестве примера можно привести письмо бывш. идеалиста проф. С. Богомолова в редакцию газеты «За коммунистическое просвещение» [1], где он,

[1] См. брошюру «На ленинградском математическом фронте», 1931 г., стр. 42—43.

сление включиться в социалистическое строительство, отмежевывается от прежней идеалистической позиции и обязуется как в преподавании, так и в научных работах проводить принципы диалектического материализма, критикуя попутно прежнюю установку».

Мы не можем пройти мимо такого рода факта. Если и сейчас не изжиты до конца вредительские настроения, ушедшие лишь в глубокое подполье, если диалектико-материалистической фразеологией иногда пытаются прикрыться враждебные марксизму-ленинизму группировки, то основная масса старых естественников искренно хочет перестроить свою работу и усвоить метод диалектического материализма. Ничуть не обольщая себя внешней стороной этого поворота в идеологическом отношении, не создавая себе никаких иллюзий насчет быстрой переработки старой интеллигенцией ее идеологии и усвоения ею марксизма, мы должны все сделать для того, чтобы всякому, искренно желающему усвоить марксистскую теорию и приложить ее на деле, пособить и пособить притом настоящим деловым образом. К этому нас обязывают наличие поворота в сторону марксизма со стороны старой научно-исследовательской интеллигенции и указания, сделанные в этом отношении тов. Сталиным.

Уменье работать с беспартийными специалистами приобретает особенное значение на данном этапе, когда, с одной стороны, кадры инженеров, техников, агрономов, врачей, ветеринаров, психотехников, заводских лаборантов, лаборантов совхозов, учителей и т. д. и т. п. быстро растут, а с другой — практика социалистического строительства все более вовлекает их в необходимость изучить т е о р и ю м а р к с и з м а применительно к технике, естествознанию, медицине, сельскому хозяйству и т. д. В этой работе мы должны руководствоваться ленинским указанием, приведенным выше, о том, что п о - с в о е м у придут к коммунизму агрономы, по-своему—инженеры и т. д. Это ленинское указание на данном этапе продолжено и развито тов. Сталиным в его лозунге: «большевики должны изучить технику, овладеть наукой». Лишь изучая и овладевая специальными отраслями знаний и техники, лишь п о к а з ы в а я, как конкретно применять диалектический материализм к решению специальных проблем, коммунисты укажут различным специалистам путь к марксизму-ленинизму. Лишь таким образом мы действительно поможем им притти к коммунизму.

В то же время т а к о й и м е н н о метод работы будет выполнением одного из основных требований большевизма — уменья работать с массой, вооружить ее революционной теорией и на ее собственном опыте подводить ее к решению задач революции. Поэтому от наших верхушечных кадров марксистов-естественников, техников и философов должен быть переброшен мост к уже миллионной массе низовых специалистов. Нужно соответственным образом перестроить работу научных обществ, нужно изучать конкретный опыт повседневной работы специалиста на заводе, фабрике, в совхозе, МТС, колхозе, больнице, школе, лаборатории и т. д.

Уменье работать с низовым специалистом важно также и в смысле организации дальнейшей борьбы за материалистическое мировоззрение среди многомиллионных масс трудящихся. Этот низовой специалист борется за новую культуру, за новый быт, за новое мировоззрение. При его помощи строят широчайшие массы трудящихся фундамент нового общества. Поэтому правильная тактика по отношению к массам специалистов играет чрезвычайно важную роль. Идя во главе масс специалистов в решении проблем социалистического строительства, указывая им путь решения этих проблем на основе теории марксизма-ленинизма, мы должны организовывать материалистическое движение среди этих специалистов. Не нужно бояться того, что часть их будет на известном небольшом этапе примитивными материалистами. Мы должны видеть и в них союзников в борьбе под руководством

марксизма-ленинизма против еще неизжитых, особенно в крестьянстве, религиозных предрассудков.

Ставя перед собой задачу переработки, перевоспитания этих специалистов, мы при оценке их теоретических позиций не должны исходить лишь из их литературной продукции, из тех или иных «высказываний». Мы должны в первую очередь оценить роль данного специалиста в социалистическом строительстве, так как социалистическое строительство не есть только «практика» в узком смысле слова, но претворение диалектического материализма в жизнь, осуществление марксизма-ленинизма. Мы должны быть в этом отношении максимально гибкими, отбросить книжный подход к специалисту и видеть этого специалиста в целом.

Поэтому неправы те товарищи из марксистов, которые при оценке теоретической позиции специалиста-естествоиспытателя или техника не учитывают результатов работы этого специалиста по линии практики социалистического строительства и начинают его бить за одни его «высказывания». Борясь за марксизм-ленинизм против идеализма, против искажений материалистической диалектики, откуда бы они ни исходили, мы в то же время должны понимать, что различны пути исправления ошибок товарищей, имеющих теоретическую и политическую подготовку, и ошибок практика-инженера или агронома или старого профессора. Ошибки последних требуют более длительного и терпеливого раз'яснения. Мы должны настойчиво показывать этим практикам-специалистам путь к диалектическому материализму, вскрывать диалектику в практической работе по социалистическому строительству и от непосредственной практики по специальности поднимать их до овладения высотами марксистско-ленинской философии.

Таким образом, организуя весь материалистический фронт на борьбу с идеализмом и религией, мы в то же время должны сделать все, чтобы указать примитивным материалистам пути перехода от примитивного материализма к последовательному материализму Маркса, Энгельса, Ленина, мы должны перерабатывать, перевоспитывать их. Неумение или нежелание на данном этапе работать вместе с примитивными материалистами было бы услугой буржуазной идеологии, ослаблением своих позиций, неумением находить и использовать союзников.

Но одно дело — беспартийный специалист, защищающий основную посылку материализма, но еще не умеющий овладеть современным материалистическим методом, а другое дело — марксист, сознательно тянущий марксизм к изжитой форме материализма. Идя в союзе с беспартийными материалистами на борьбу с остатками враждебной пролетариату идеологии, мы должны решительно бороться с механическими материалистами и меньшевиствующими идеалистами в лагере марксизма. Мы должны все сделать, чтобы и массовый низовой специалист стал в кратчайшее время марксистом-ленинцем. Позиция же механических материалистов лишь закрепляла бы эту переходную стадию, превращая ее из переходной в постоянную, давая ей платформу, враждебную марксизму-ленинизму. Теоретический рост низового специалиста преодолеет примитивную форму материализма, но при том непременном условии, что механический материализм как течение будет разбит среди марксистов.

Письмо тов. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» является указанием, имеющим решающее значение для данного этапа борьбы за чистоту марксизма-ленинизма. Это письмо, поставившее на обсуждение широчайших масс не только пролетариата СССР, но и международного пролетариата все коренные проблемы истории большевизма и борьбы за большевизм на данном этапе, и перед философским и естественно-научным фронтами ставит задачу непримиримой борьбы против троцкистских вылазок, против попыток со стороны авангарда международной контрреволюции —

социал-демократии и троцкизма — извратить историю большевизма, против гнилого либерализма по отношению к этим выступлениям классового врага на теоретическом фронте.

Письмо тов. Сталина, выражая рост пролетариата, усиление его бдительности, должно лечь в основу борьбы за марксизм-ленинизм и в области естествознания.

Выше мы попытались дать изложение того, что дано марксизмом-ленинизмом по линии стратегии и тактики применительно к фронту естествознания. Мы остановились при этом изложении премущественно на эпохе империализма и пролетарских революций, т.-е. на периоде, начиная с начала XX века по настоящее время. На этот период падает завоевание власти пролетариатом СССР, укрепление и развертывание социалистического строительства, решение вопроса «кто кого» в пользу пролетариата. В данное время социалистическое строительство в СССР вступает в такой этап, когда после завершения фундамента социалистической экономики, ставятся уже такие задачи, как построение во второй пятилетке полного социалистического общества и окончательного уничтожения классов в СССР.

Вместе с этим ставится задача преодоления пережитков капитализма не только в области экономики, но и в «сознании людей», задача «превращения всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» (резолюц. XVII партконференции). Эта последняя задача требует от борющихся за социализм на фронте философии и науки учета всех тех новых особенностей, которые создаются победоносным строительством социализма на данном этапе.

Успехи строительства социализма в области экономики нанесли уже сейчас невиданный до сих пор удар враждебным пролетариату идеологиям и прежде всего религии. В результате коллективизации сельского хозяйства и подведения под него индустриальной базы мы наблюдаем, как подорваны корни религии, как начинают быстрыми темпами изживаться религиозные предрассудки и среди крестьянства. Точно также успехи в области строительства социализма по линии техники и экономики оказались величайшим пропагандистским орудием в отношении к старым специалистам и ученым. Мы получили в результате всего этого и при том самым наглядным образом доказательство правильности исторического материализма о роли экономического фактора в отношении к области идеологии.

Однако ведущая роль экономики, быстрая ломка старых и враждебных пролетариату идеологических надстроек приводят кое-где к мысли о свертывании борьбы с религией и с враждебными марксизму-ленинизму идеологиями, о том, что можно положиться на стихийное изживание этих пережитков капитализма в области идеологии. Те, кто так думает, забывает, что успехи по борьбе с религией и идеализмом, завися в конечном счете от развития социалистических экономических отношений, опирается также и на всю идеологическую пропаганду социализма, которая неустанно во все развертывающемся масштабе велась, начиная с Октябрьской революции.

Поэтому окончательное изжитие «пережитков капитализма в сознании людей» требует дальнейшего развертывания нашей борьбы с религией и идеализмом и по линии идеологической. На этом участке фронта классовой борьбы мы будем иметь еще значительное обострение. Но при организации борьбы пролетариата на этом участке нужно учесть изменение всей обстановки борьбы. Стержнем перестройки общества является технико-экономическая реконструкция индустрии и сельского хозяйства. Поэтому борьба с идеализмом и религией должна быть развернута на основе и под лозунгами борьбы за окончание первой пятилетки и за выполнение задач второй пяти-

летки, задач построения социалистического общества. Не должно быть места тем формам борьбы с религией и идеализмом, которые не пронизаны задачами социалистического строительства, которые оторваны от этого строительства.

Задача марксистов-ленинцев философов и естественников должна заключаться в разработке и осуществлении конкретных форм борьбы на их участках работы применительно к условиям конца первой и всей второй пятилетки и в перестройке в соответствии с этими новыми условиями прежних форм работы.

Письмо тов. Сталина и задачи фронта естествознания и медицины.

Э. Кольман.

Письмо т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» разоблачает новые замаскированные формы борьбы контрреволюционного троцкизма и всякого рода оппортунизма и примиренчества против партии и Коминтерна, мобилизует бдительность всех членов партии, их партийную непримиримость и воинственность в борьбе с классовым врагом и его агентурой, с гнилым либерализмом в отношении всяких извращений марксизма-ленинизма в теории и практике. Оно дает анализ исторической роли люксембургианства и троцкизма, с одной стороны, и международной роли большевизма—с другой, поднимает значение истории большевистской партии на высшую ступень, ставит задачу ее углубленного изучения и подлинно-научной, нефальсифицированной, идущей в тесной связи с повседневной практикой партийного руководства, разработки. Вот в самом сжатом виде перечень основных положений, придающих письму тов. Сталина его всемирно-историческое значение.

Для фронта математики, естествознания, медицины и психоневрологии письмо тов. Сталина имеет такое же огромное значение, как и для социально-экономических наук. Оно требует усиления борьбы с враждебными марксизму-ленинизму теориями, как исходящими от заграничных буржуазных ученых и от социал-фашизма, так и процветающими среди части ученых СССР; оно мобилизует внимание естественников и врачей на разоблачение методологии троцкизма в науке, призывает к борьбе с гнилым либерализмом на этих участках теоретического фронта, требует усиления партийной бдительности и воинствующей партийности как по научно-исследовательской и издательской, так и по педагогической линии. С особой настойчивостью это письмо ставит задачу усиления борьбы со всякого рода извращениями марксизма-ленинизма, задачу усиления борьбы на два фронта, углубления изучения наследства Маркса и Энгельса, а в особенности необходимости разработки ленинского этапа в развитии естествознания и медицины.

* * *

Мировому экономическому кризису, развивающемуся на базе всеобщего кризиса капитализма, сопутствует кризис буржуазной культуры, науки, естествознания. Капиталистическая система суживает катастрофическими темпами возможность использования своих производительных сил. Задача же науки — расширять их. Отсюда следует загнивание буржуазной науки, подрыв ее материальных корней, уход от нее кадров, развал ее лабораторий и институтов, безвыходность ее тематики, бесперспективность технической реализации ее открытий. Это, конечно, не значит, что в отдельных своих участках буржуазная наука неспособна на новые открытия, изобретения, даже частич-

ный под'ем. Но основной процесс — это процесс загнивания, от которого пожалуй прочно защищены лишь отрасли науки, работающие на неунывающую военную промышленность.

Все чаще буржуазные естественники открыто высказываются за союз науки с религией (напр. Планк, Милликен, Эйнштейн, Эддингтон), все больше философия современного буржуазного естествознания принимает открыто идеалистический, мистический характер. Наряду с реакционным махизмом, который в начале нашего века претендовал на роль наиболее «модной» философии естествознания, начинает выступать новое, столь же реакционное и модное течение — «холизм». Последний опирается на учение Аристотеля о форме и Лейбница о монадах, рассматривает как живые, так и неживые об'екты как целостные индивидуумы, а мир — как живой организм, развивающийся вследствие особых, ему присущих целеустремленных сил по законам органической эмерджентной эволюции, отрицает детерминизм и причинность.

По словам Смутса, председателя Британской ассоциации наук, «холизм, или идея органицизма, победила механицизм (читай—материализм), современная наука является, пожалуй, наиболее ясным откровением божиим нашего века». Одновременно и махизм, под руководством Карнапа, Рейхенбаха, Филиппа Франка, продолжает развиваться в сторону все большего насыщения — под видом «выводов» из квантовой механики и теории относительности — волюнтаристическими и релятивистско-идеалистическими моментами. В отдельных естественно-научных дисциплинах соответственно наблюдается попытка возрождения реакционных теорий. В математике сюда относится ряд писаний интуиционистов, как например, «Пространство, время и божество» — Александера; солипсизм Лебега; в физике — положения уже успевшей потерпеть крушение так называемой «унитарной теории электричества» Дирака, допускающей самоуничтожение атома, отрицательную энергию и т. д., а также равным образом неудачные поиски Эйнштейна в отношении создания теории единого поля путем «сведения всего физического к пространству, как к единственной реальности»; в астрономии — теории Леметра и Эддингтона о развертывающемся ко все большему хаосу мире; в биологии — работы Ллойд Моргана об эмерджентной эволюции и в особенности об'емистая работа основной группы виталистов (Дриш, Икскюль, Румблер, Вейнман, Вольф, Кестнер, Мильднер, Вольтерек) — «Проблема жизни», где в развернутом виде излагается «физиологический идеализм», для которого «предметы суть проецируемые вовне ощущения».

Все эти и ряд других реакционных теорий и высказываний по этим и по другим естественно-научным, медицинским, психоневрологическим дисциплинам разоблачены с нашей стороны далеко еще не полностью. Несомненно, требуется более углубленная и исчерпывающая критика их с точки зрения марксизма-ленинизма. Отдельные журнальные статьи, которые у нас имеются, являются начальными положительными шагами в этой работе. В дальнейшем необходимо взять основные, фундаментальные произведения главарей буржуазных философов естествознания и подвергнуть их основательной критике, например разобрать по косточкам философию математики Пуанкаре, философию физики современных махистов, релятивистов и индетерминистов, издать основательные труды против витализма, фитосоциологии, расовых теорий и т. д.

Одновременно необходимо подвергнуть уничтожающей критике социал-фашистские высказывания в области естествознания, ударить по Каутскому, Марксу Адлеру и др. апологетам «свободного» от диалектического материализма естествознания, до конца разоблачить антимарксистские, по существу диллетантские, но

претенциозные по форме высказывания Троцкого по вопросам естествознания и медицины, представляющие собой эклектическую окрошку из преклонения перед фрейдизмом и рефлексологией, беспардонным механицизмом (напр. в речи о Менделееве), беспрекословного подчинения буржуазной науке и т. д. и т. п.

Темпы в осуществлении этой работы должны быть взяты совсем другие, чем до сих пор, когда наша критика значительно отставала, а в отдельных случаях не выходила из стадии планов намеченных работ. Повысить темпы нашей работы крайне необходимо потому, что развернутая критика враждебных марксизму-ленинизму теорий будет содействовать процессу размежевания в лагере научных работников капиталистических стран, где одновременно с фашизацией, с мистификацией науки на одном полюсе, все более заметно выделяются ученые, сознательно ищущие выхода из кризиса буржуазной науки в материализме, в диалектическом материализме, изучающие работы его основоположников, тянущиеся к стране строящегося социализма. Это крайне необходимо и потому, что нельзя недооценивать влияния враждебных марксизму-ленинизму «научных» теорий на советскую научную среду. Преклонение перед «последним словом» иностранных научных журналов, некритическое отношение к протаскиваемому в них философскому вздору и пошлятине, особенно, когда это делается каким-нибудь крупным заграничным специалистом, частенько еще наблюдается среди ученых, вышедших из старой школы, не имеющих систематической философской подготовки или воспитавшихся на идеализме. Конвенционализм Пуанкаре в математике, махизм, релятивизм в физике, витализм и механицизм в биологии, в медицине, в психоневрологии все еще пользуются большим почетом в определенных, правда все более и более тающих, слоях ученых в СССР, чему можно привести ряд примеров самого последнего времени. Так, например, учебник векторного анализа проф. Финикова рассматривает математику как условные, наиболее экономные знаки и приемы, сознательно протаскивает конвенционализм, книга Зубарева «Введение в геометрию дискретного пространства», изданная московским Горным институтом, под прикрытием марксистской фразеологии, проповедует пифагореизм и каббалистику — все законы природы сводятся к соотношению $3^2+4^2=5^2$. В химии издаются махистские учебники Смита, Эггерта; в биологии проповедуются виталистические теории (проф. Гурвичем), в медицине — грубый механицизм (проф. Волковым и др.), в психоневрологии—расово-шовинистические теории Ленца и т. д. и т. п. Наиболее ярким явлением в этой области является, пожалуй, выступление проф. Френкеля на организованной НИС ВСНХ VIII всесоюзной конференции по физико-химии, состоявшейся в середине декабря 1931 г. в Ленинграде. Проф. Френкель, клявшийся в своей преданности советской власти, заявил вместе с тем следующее: «Диалектический метод не имеет права претендовать на руководящую роль в науке. В нашей политике допускается чрезвычайно вредный перегиб навязывания ученым и молодежи взглядов диалектического материализма. Социализм требует обоснования, его дает исторический материализм, но он не связан с диалектическим материализмом, являющимся помехой в развитии науки. Ни Ленин, ни Энгельс не являются авторитетами для физиков; книга Ленина сводится к утверждению азбучных истин, из-за которых не стоит ломать копья. Ваша философия реакционна, надеюсь, что скоро партия в этом убедится, чему уже примером являются высказывания т. Бухарина. Не может быть пролетарской математики, пролетарской физики и т. д.». Эта наглая вылазка заядлого махиста, главы группы физиков так называемой «ленинградской школы» (Гамов, Ландау, Бронштейн, Иваненко и др.), не единична. Совсем недавно эти господа в ответ на статью «Эфир» в 65 томе Большой советской энциклопедии позво-

лили себе устроить демонстрацию: послали радиоизображение-карикатуру похабного содержания, критикующую статью с точки зрения отрицания существования эфира как об'ективной реальности. В популярном журнале Академии наук «Природа» Н. Белов пропагандирует идею инфляции вселенной: «Все, окружающее нас, претерпевает уменьшение шкалы. В результате мир должен исчезнуть. Конец этого земного времени, очевидно, есть и конец, коллапс материи, а вместе с тем и конец всем затруднениям, которые вносятся в космос наличием этой материи» («Природа» № 5 за 1931 г.). «Судьбою вселенной, таким образом, становится грядущий разрыв ее на ряд отдельных миров, уже не имеющих между собою никакой физической связи. Время от времени отдельные об'екты «закатываются», навсегда уходят под наш наблюдаемый «горизонт». Более того, вероятно, что значительная часть вселенной уже спустилась ниже этого горизонта, и только задержка, обусловленная конечною величиною скорости света, делает то, что мы наблюдаем еще события, случившиеся с ней до этого заката, световое же сообщение о творящемся там сейчас, увы, не дойдет до нас» («Природа» № 9 за 1931 г.). Вот какова философия, которую господа Френкели предпочитают диалектическому материализму — проповедь чертовщины, отражающей весь безнадежный пессимизм закатывающегося, исчезающего, содрогающегося в коллапсе, прогнившего капиталистического строя и его плакальщиков.

Эта активизация врагов диалектического материализма является составной частью, но одной лишь стороной процесса расслоения, происходящего все более и более четко в рядах научных работников нашей страны. В то время, как эту, сравнительно меньшую, группу буржуазной интеллигенции успехи социалистического строительства и выкорчевывания корней капитализма толкают на все большее озлобление, удесятеряя их ненависть к пролетарской идеологии, большинство советских ученых (подобно инженерным и техническим силам) становится союзниками пролетариата, искренне желая поставить науку на службу строительству социализма. Отсюда желание методологически перевооружиться, изучить, усвоить и применить к своей конкретной науке диалектико-материалистический метод Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Конечно, этот процесс идейного перевооружения не проходит всегда гладко, без колебаний, без шероховатостей. Искренний отход большинства ученых старой формации от прежних идеалистических или агностических позиций использовывается некоторыми для того, чтобы, прикрываясь этим процессом, применяя внешне те же приемы, укреплять под внешней диалектической вывеской свои гнилые позиции. Так например, химик проф. Раковский, беспощадно вульгаризируя диалектику, сводя ее к схоластическому придумыванию «диалектических» формулировок, вроде «фаза как внешнее, переходящее во внутреннее и обратно по отношению к самодвижению», по существу протаскивает в преподавании студентам МГУ махизм. Иногда диалектико-материалистическая фразеология использовывается в качестве ярлыков, которые должны прикрыть прямое шарлатанство, как это имеет место, например, у Гиппари, пропагандирующего гомеопатию, упомянутого уже Зубарева и др. Но и те из ученых старой формации, в искренности желания которых перейти на наши идеологические позиции нет никакого основания сомневаться, зачастую движутся к нам причудливыми зигзагами. Так например, акад. Богомолец, написавший за последнее время статьи «Патология и диалектика», «Диалектика онкологии» (онкология — учение об опухолях), «Единство противоположностей иммунитета и анафилаксии», под видом «диалектики опухолей» создает настоящую опухоль на диалектике, протаскивает самый отпетый витализм и эклектизм, при чем на заслуженную критику этих статей врачами-марксистами отвечает вдобавок набором ругательств

Разумеется, антимарксистские вылазки Зубаревых и Беловых, появление таких изданий на нашем книжном рынке, как, например, изданные в Ленинграде проф. Блохом идеалистические биографии химиков, издание множества вредных учебников, проскальзывание в естественно-научных и медицинских журналах (научных и популярных) механистических, махистских, агностических и мистических высказываний, наряду с аполитизмом, прямым вредительством и плохо прикрытой агитацией против социалистического строительства (напр., многочисленные «теории» утомления и т. п.) — все это возможно лишь благодаря отсутствию нашей бдительности, благодаря гнилому либерализму, проявляемому нашими редакторами и издателями. Ведь, например, антимарксистская халтура Зубарева была в свое время по достоинству оценена секцией математики Комакадемии, но, несмотря на это, нашлось не только благодушное издательство, но и редакторы, давшие ей благосклонный отзыв и предисловие. Ведь Белов был уже не раз разоблачен в печати как идеалист, но редакция «Природы», в состав которой входят и коммунисты, все же нашла возможным поручить ему идеологические статьи и напечатала их, повидимому, без предварительного прочтения.

Указание Ленина на то, что только в материалистической диалектике современные естественники найдут ответ «на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды», особенно верно в настоящее время. Гипноз новейших теорий, жонглирующих абстракциями, символами, настолько силен, что эти ложные идеи проникают, к сожалению, и в наши ряды. Так, например, в журнале «Электричество» № 23—24 за 1931 г. т. Кржижановский в статье «Учение Фарадея в свете классовой борьбы и строительства социализма в СССР» полагает, что «необходимо считаться с положением, что мир не бесконечен, но имеет вполне определенный об'ем около 20 дециллионов литров, а следовательно, не бесконечное количество электронов, и тут же восхищается и другой, недавно еще модной теорией, успевшей, однако, обанкротиться, а именно, теорией Дирака. В № 1 журнала «Сорена» («Социалистическая реконструкция и наука»), редактируемом т. Бухариным, не только не дано в программном обращении к читателям правильной установки по вопросу о марксистско-ленинской реконструкции науки и техники, не только напечатана эклектическая, с большой примесью богдановщины («праксеология», «единство теории и практики в головах миллионов» и т. п.) статья т. Бухарина, но помещены также непартийные рецензии на руководящие буржуазные естественно-научные журналы, рецензии, где вместо анализа и критики реакционных идеологических установок дается их восторженное восхваление.

Враждебная марксизму-ленинизму идеология особенно легко проникает в естествознание и медицину в своеобразном шовинистическом виде и поэтому, прежде всего в национальных республиках и областях, требуется удесятерить нашу бдительность. Протаскивание как национального, так и великодержавного шовинизма под флагом естествознания и медицины можно встретить и на Украине, и в Белоруссии, и Средней Азии, и в Закавказье, и в РСФСР, но развернутой, углубленной критики этих явлений до сих пор нам не дано.

* * *

Наблюдаемая активизация врагов марксизма-ленинизма, а также упрощенство и вульгаризация диалектического материализма, толкование его как рецепта, который чисто внешне, без глубокого историко-логического анализа, чисто схоластически привешивается к отдельным предметам и явлениям на отдельных участках научного фронта, вызываются условиями обостренной классовой борьбы в реконструктивный период

Для успешной борьбы с враждебными идеологиями, а также извращениями и вульгаризацией марксистско-ленинской методологии, с нашей стороны, со стороны естественников и врачей марксистов-ленинцев, необходимо усилить положительную научно-исследовательскую работу, чтобы в области разработки конкретных проблем противопоставить нашу линию диалектического материализма, марксизма-ленинизма, реакционным течениям буржуазной мысли. Необходимо также усилить развернутую углубленную критику буржуазных взглядов и наших собственных ошибок.

В области математики, естествознания, медицины и психоневрологии мы почти не имеем фундаментальных работ (если не считать монографий), в которых действительно дается попытка последовательного применения материалистической диалектики как метода исследования. Разумеется, об'ективных причин, «смягчающих обстоятельств» мы можем указать достаточно. Но они не снимают с нас обязанности дать действительные образцы марксистско-ленинской реконструкции конкретной науки. Важнейшей задачей является поэтому положительная разработка таких основных проблем, как физико-химическая концепция материи, строение вселенной, история земли, эволюционная теория и т. д., и т. п., с точки зрения диалектического материализма. Необходимо сосредоточить на этой работе часть наших сил. Необходимо добиться того, чтобы была создана бронь людей и их времени на теоретическую научно-исследовательскую работу фундаментального характера.

Предпосылкой успеха в этой положительной работе является и здесь усиленная борьба на два фронта — против механицизма как главной опасности, против меньшевиствующего идеализма, против примиренчества к ним, широкое развертывание самокритики в наших собственных рядах. В целом ряде областей математических, естественных, медицинских и психоневрологических наук борьба с механицизмом и меньшевиствующим идеализмом не поднялась выше стадии общефилософских рассуждений. Не дано еще конкретного анализа антимарксистских теорий в отдельных дисциплинах. Так например, в математике т. Выгодский последовательно продолжает стоять на механистических позициях, сочетающихся с махизмом; в только что вышедшем учебнике анализа он исходит из понятия неделимых. Точно так же не выступил с критикой своей позиции меньшевиствующего идеализма и т. Шмидт. В физике т. Тимирязев продолжает в своей преподавательской работе отстаивать механицизм. Тов. Егоршин проявил в своей книге «Естествознание, философия, марксизм» целый ряд ошибок меньшевиствующе-идеалистического характера (недооценка роли Ленина в естествознании, некритическое отношение к Гегелю, либеральное отношение к ошибкам Плеханова и к Каутскому и т. п.). Тов. Гессен, несмотря на отказ от меньшевиствующего идеализма (выступление на конференции ОВМД, ряд ответственных статей в БСЭ), до конца не сумел еще отойти и достаточно активизироваться, хотя как раз фронт физики особенно нуждается в партийной воинственности. В химии механисты тт. Перов и Перельман попрежнему стоят на механистических позициях, активно защищая их; т. Рубановский, заявивший о признании своих ошибок, на деле ничем этого не доказал, а по вопросу о выступлении проф. Френкеля занял явно примиренческую позицию. В биологии не дана критика механистических теорий (напр., т. Бауэра), не проделана критическая работа и в отношении позиций меньшевиствующего идеализма (напр., т. Левин). В медицине до сих

пор не ликвидировано влияние механо-ламаркизма (тт. Обух, Боголепова и др.) и меньшевиствующего идеализма (т. Левит); обе группы до сих пор не разоружились, используют Медицинскую энциклопедию как свою трибуну. В психоневрологических науках не дано достаточно развернутой критики как механистических и идеалистических теорий Корнилова в психологии, Ганнушкина в психиатрии и невропатологии, Блонского в педологии, так и меньшевиствующе-идеалистических высказываний Франкфурта, Куразова, т. Сапира, системы идеалистических ошибок т. Шпильрейна, меньшевиствующе-идеалистического эклектизма т. Залкинда и т. д. В таких науках, как геология или геодезия и астрономия, где прослойка марксистско-ленински подготовленных кадров особенно тонка, буржуазные теории принимаются без всякой критики, и только в самое последнее время начинают появляться первые признаки марксистско-ленинских установок.

В борьбе с антимарксистскими теориями и с уклонами от марксизма-ленинизма в естествознании и медицине необходимо значительно больше внимания уделять ошибкам в наших собственных рядах, не забывать того, что допущенная ошибка, если ее своевременно не выправить, легко превращается из случайной в систематическую, обволакивается соответствующей идеологией, включается в ту или другую антимарксистскую систему взглядов. Мы еще не усвоили того положения, что четкость формулировок в теоретической работе так же обязательна, как и в политике, что те же большевистская непримиримость и требовательность к формулировкам (предназначаемым в качестве руководства к действию для трудящихся масс) должны соблюдаться нами и в области науки. Характерным примером нашей неряшливости является хотя бы то обстоятельство, что термин «естествознание» нами сплошь и рядом употребляется расширительно, что сюда включаются не только математические науки, но и медицина и психоневрология, хотя последние две области наук опираются как на естественные, так и на социальные закономерности, а математика вообще не может быть включена ни в естествознание, ни в социальные науки, являясь наукой о количестве и играя служебную роль по отношению ко всем наукам. Неряшливость формулировок, недостаточно тщательный анализ каждого положения почти в любой теоретической статье являются одними из величайших из'янов нашей работы, о чем свидетельствует большая часть наших статей, книг, брошюр. Неотложной задачей является поэтому критический просмотр всего написанного с тем, чтобы не оставить ни одной грубой ошибки не исправленной. Эта работа не должна ограничиваться голым исправлением, но должна вылиться в положительные результаты, двинуть нас вперед. К ней нужно приступить немедленно.

В данной статье воспользуюсь случаем, чтобы указать на главнейшие ошибки, допущенные в моих математических работах. Как я уже отметил в статье «За марксистскую программу по математике», напечатанной 7/XII 1931 г. в «Правде», в редактированном мною проекте программ ФЗС по математике от апреля 1931 г. допущены грубые извращения, идущие по линии «левацких» загибов. В корне ошибочна установка вводной записки, где прямо говорится: «Промфинплан с его технико-экономическими показателями должен являться стержнем программы по математике для ФЗС». В каждом разделе проекта прежде всего в виде темы для изучения дается некоторый социально-экономический или технический материал и лишь вслед за этим как нечто производное излагается математическое содержание программы, которое должно было быть на первом месте. Такое построение программы ведет к недооценке математики как науки. Оно по существу идет по линии того же самого «метода проектов», о котором в решении ЦК о

школе сказано, что он вытекает из антиленинской теории «отмирания школы» и фактически ведет к разрушению школы. В сборнике «На борьбу за материалистическую диалектику в математике» мною как автором предисловия допущена ошибка, состоящая в том, что хотя я и указал на дискуссионный характер сборника, но не отметил, какие именно статьи содержат в себе дискуссионные моменты или ошибочные установки. В моей статье «Современный кризис математики и основные линии ее реконструкции», напечатанной в том же сборнике, кроме ряда неряшливых формулировок, мною допущены грубые ошибки: исходной точкой не взят конкретный исторический анализ состояния математики — отсюда и абстрактность, неубедительность изложения, искусственность постановки задачи реконструкции математики. Ошибки эти идут по существу по той же линии, что и ошибки деборинской школы, игнорировавшей исторический материализм и трактовавшей проблемы реконструкции науки как задачу внешнего синтеза противоположностей.

Ряд больших или меньших ошибок имеется и в работах других товарищей, как на страницах «Под знаменем марксизма» и «За марксистско-ленинское естествознание», так и в отдельных других изданиях (например, сборник «Против механистического материализма и меньшевиствующего идеализма в биологии» или «Программа по диалектике природы» для университетов и т. д. и т. п.). Надо полагать, что в настоящее время, когда среди нас не должно оставаться никого, кто не пересмотрел бы критически прежде всего того, что было написано им самим, ошибки эти будут исправлены.

Развертывание самокритики, утроение бдительности, борьба как с троцкистской, так и со всякой враждебной марксизму-ленинизму контрабандой, усиление изучения Ленина и тем самым поднятие нашего теоретического уровня, исправление допущенных ошибок, работа над созданием положительных фундаментальных трудов — вот те выводы, которые необходимо сделать математикам, естественникам, врачам и психоневрологам материалистам-диалектикам из письма тов. Сталина.

Но было бы величайшей ошибкой, если бы указания тов. Сталина, относящиеся непосредственно к истории нашей партии, этому важнейшему звену идеологического фронта, мы механически переносили в область естественных и медицинских наук. Решительно борясь против теории «теоретического риска», на деле лишь санкционирующей свободу теоретического блуждания, мы вместе с тем должны, во-первых, четко различать ошибки, которые встречаются вследствие сделанных допущений в самом процессе научно-исследовательской работы той или другой специальной дисциплины, от ошибок методологических, коренящихся в общефилософских установках. Во-вторых, по отношению к самим методологическим ошибкам мы не должны забывать, что в то время, как всякая ошибка, искажающая историю нашей партии, является прямой политической ошибкой, ошибки, допущенные в методологии математики, физики, биологии и т. п., имеют тенденцию превратиться в общеметодологические, философские, а в конце концов, в политические ошибки (что, однако, не мешает тому, что в отдельных исключительных случаях они могут все же носить прямой политический, иногда даже контрреволюционный характер). Поэтому неправильно поступают те товарищи, которые торопятся сделанную кем-либо ошибку, скажем, по ботанике, поскорее подвести под меньшевиствующий идеализм или, еще лучше, прямиком под троцкизм, чтобы тем самым сразу «показать себя».

К сожалению, и у нас кое-где имеют место те факты, о которых говорил тов. Постышев на Краснопресненской районной партийной конференции, хотя в области естественных наук торопливость в припечатывании политического клейма еще менее простительна, чем в области наук со-

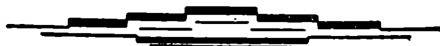
...ально-политических. Не всегда мы умеем «отличать от троцкистов людей просто ошибающихся», не всегда умеем «различать отдельные ошибки человека от системы взглядов», не всегда делаем так, чтобы «критиковать ошибку товарища по-товарищески, чтобы он мог исправить ее и тем помочь другим». Иногда у нас такого человека «так обработают, что он становится выбитым из строя или, во всяком случае, с подбитыми крыльями». Не давая кому бы то ни было возможности под видом борьбы с перехлестыванием самокритики затушевывать свои ошибки или прятать укрывающихся сторонников враждебных марксизму-ленинизму идеологий, мы должны сами решительно воспрепятствовать тому, чтобы самокритика превращалась из средства исправления, поднятия теоретического уровня, укрепления наших кадров—в самоцель, в придирчивое выискивание оговорок.

Критикуя допускаемые в наших научных областях ошибки, не надо забывать и про те достижения, которые мы имеем, хотя бы и в небольшом еще количестве, хотя и невысокого еще качества, в той или другой естественно-научной или медицинской области. Не надо пренебрегать также положительными результатами работы отдельного товарища. Давая решительный отпор всяким настроениям пессимизма и паникерства, политической трусливости, отвечающей на критику ошибок отказом от творческой работы, мы не должны в то же время ограничиться одним лишь порицанием, должны создать и поощрение в работе и, главное, — условия, которые содействовали бы снижению возможных ошибок до минимума. Сюда относится прежде всего обеспечение необходимого для всякой научно-исследовательской работы досуга и подлинной коллективности.

Громадное большинство наших товарищей для научно-исследовательской работы выкраивают лишь последние остатки своего бюджета времени и не имеют возможности систематически заниматься, следить за выходящей русской и иностранной литературой; в лучшем случае вместо изучения ее лишь перелистывают. даже для педагогической работы готовятся находу — много времени берет организационная работа, зачастую нерациональная, суетливая, полная параллелизма и излишнего заседательства. Этому надо положить решительный конец. Как бы ни была тонка прослойка наших работников в данной области, как бы ни были настойчивы запросы по организационной линии, необходимо **узаконить освобождение** хотя бы минимальной группы товарищей от **всякой организационной работы**, закрепить их на известный срок с **конкретной целевой установкой** для выполнения определенных заданий. Имеющиеся по этому поводу повторные **партийные постановления**, к выполнению которых еще не приступлено всерьез, **должны быть, наконец, выполнены**.

Коллективные методы работы практикуются нами и в далеко недостаточной мере и весьма несовершенными способами. Предрассудок против коллективности достаточно сильно распространен и в нашей среде (влияние индивидуализма старых научных кругов); этому предрассудку содействуют извращения коллективности, когда она превращается в обезличку, в волокиту согласовательства, когда она снижает темпы, сбивает инициативу, снижает продукцию. Необходимо исправить наше отношение к коллективной работе, сделать ее **основным нашим методом**, для чего прежде всего нужно **организовать** ее. В дальнейшем недопустимо, чтобы для разработки того или другого вопроса бригады организовывались случайно, иногда даже **не по специальности**, чтобы работали **без плана, без руководства, без проверки исполнения**. Надо же нам наконец в научно-исследовательской работе внедрить, правильно применяя их, те методы, которые оправдали себя во всем нашем социалистическом строительстве

Начиная с письма тов. Сталина, имеющего решающее значение для всего нашего идеологического фронта, и на наших математическом, естественно-научном, медицинском, психоневрологическом участках должен начаться новый этап, этап насыщения подлинной большевистской партийностью, ленинской воинственностью, этап действительного завоевания всего наследия буржуазной науки и его критической переработки, этап, когда из «восстановительного периода» в научно-исследовательской работе, в математике, естествознании, медицине, психоневрологии мы в подлинном смысле слова перейдем к их большевистской, плановой **реконструкции на основе диалектического материализма.**

Ахилл Лориа, итальянский „критик" Маркса.

Э. Пелузо.

(Некоторые исторические справки и критические замечания).

I

И в Италии нашлись к концу XIX века люди, открывшие, что марксизм создан не Марксом. Наиболее оригинальной фигурой среди авторов этого «открытия» бесспорно является Ахилл Лориа, поныне здравствующий профессор политической экономии в туринском университете, «краса и гордость итальянской экономической науки».

На склоне своих дней этот «светоч Италии» выпустил книжонку [1]) (не насчитывающую и 100 страниц), в которой он докладывает о своем «научном подвиге». Лориа вверяет таким образом истории тайну своей жизни. Его новое сочиненьице, более или менее занимательно повествующее о карьере университетского профессора в период после об'единения Италии, представляло бы весьма незначительный интерес, если бы в нем не шла между прочим речь об инциденте Лориа — Маркс — Энгельс.

Естественно, что семидесятилетний старик с особенным удовольствием предается воспоминаниям юности, и поэтому целых три первых главы его книжки посвящены юношеским годам. Как сын богатых еврейских родителей, мантуанских патрициев, предки которых были изгнаны из Испании в XVI веке, этот «предшественник» Маркса провел в родительском доме счастливую юность. Интеллектуальными светилами Мантуи были тогда: философ Ардиго, экономист Коньетти де Мартиис, республиканский писатель Марио и другие. «Присутствие всех этих выдающихся умов,— пишет Лориа,— создавало в тогдашней Мантуе атмосферу изысканной интеллектуальной утонченности... которая естественно сделалась непреодолимым стимулом для юноши, и без того уже чувствовавшего склонность к научным занятиям». Прямому или косвенному влиянию этой группы Лориа приписывает свою неугасимую любовь к науке и к исследованию социальных вопросов.

16-летним мальчиком он выдержал вступительный экзамен в болонский университет. Весь его вид «был настолько детский, что поэт Кардуччи, бывший тогда профессором в этом университете, увидав его, не мог удержаться от восклицания: «и посылают же в университет таких молокососов!». Вступив в старинную болонскую alma mater, он записался на юридический факультет, «потому что этот факультет открывает доступ к самым различным поприщам». Лориа питал непобедимое отвращение к юриспруденции — отвращение, которое, как он утверждает, «осталось и по сию пору

[1]) Achille Loria, Ricordi di uno student settuagenario («Воспоминания семидесятилетнего студента»), Болонья, 1927 г.

столь же глубоким». Ясно, что при таком настроении он редко посещал университетские лекции. Только курс Пиетро Эллеро, одного из первых противников теоретического социализма в Италии и пропагандиста немедленных реформ со стороны буржуазии, привлек внимание нашего студента, тем более, что Эллеро читал в 3 часа пополудни — «час, весьма удобный для учащихся». Не лишена интереса рисуемая Лориа картина жизни студентов, сыновей новой итальянской буржуазии конца XIX века. «Я завтракал в постели в 2 часа дня, затем поднимался в 4, шел к парикмахеру и делал небольшую прогулку, потом заходил в пивную или в клуб и никогда не пропускал воскресных дневных балов. После обеда играл в клубе до трех часов ночи, а к четырем ложился спать, «если не бывал на балу, и т. д.». Полное торжество материального, физического существования над психическим! В книги он и не заглядывал, и хорошо еще, если за 4 года университетской жизни удосужился прочесть «Историю консульства и империи» Тьера.

Вот как готовился Лориа к своей будущей роли соперника Маркса и Энгельса. Но приближался срок государственных экзаменов, и он решил внести «немножко больше порядка и серьезности в свою студенческую жизнь». В качестве темы для выпускной диссертации он выбрал вопрос о земельной собственности, которую собирался рассмотреть специально с юридической стороны; но поскольку, как он признает, «эта сторона тесно связана с экономической», ему поневоле пришлось ознакомиться и с экономическими теориями. Десятилетие, последовавшее за об'единением итальянского королевства, было временем первых успехов итальянской промышленности, и оно же было отмечено пробуждением итальянского пролетариата. Влияние I интернационала чувствовалось весьма заметно, экономические теории Маркса проникли за Альпы. Однако первая попытка Маркса в 1872 г. добиться перевода «Капитала» на итальянский язык окончилась неудачей. Университетские профессора, сначала Ф. Лампертико, а потом Вито Кусумано, были знакомы с теорией Маркса из вторых рук, по книгам немецких «катедер-социалистов». И они говорили о ней в своих курсах — не для того, конечно, чтобы ее пропагандировать, а чтобы защищать против нее справедливость капиталистической прибыли. Они заявляли, что произведение Маркса есть «шедевр, но что его теории неправильны» (Cusumano V., Le scuole econ. della Germania, стр. 322—24).

Толки о теориях германских экономических школ заинтересовали и Лориа. И он тотчас же приступил к изучению политической экономии «с неистовой страстью, которая уже больше не покидала его». Лориа воспевает в лирических выражениях эту страсть, «поразившую меня, как молния, эту тропическую страсть, которая поглощает с тех пор мои дни и ночи и бушует в моем жаждущем познания ума, как неукротимое пламя. Почва так долго остававшаяся невозделанной, была наконец прорезана животворными бороздами и только ждала надлежащего посева, чтобы принести плод» (стр. 16).

Диссертация Лориа была признана весьма удовлетворительной и «достойной напечатания». Может быть этот успех был достигнут слишком легко — настолько легко, что вызвал в Лориа презрение к своим профессорам? Вот, во всяком случае, какую нелестную, хотя может быть и справедливую, оценку дает он итальянским профессорам этого типа: «Наши университетские светила,— пишет он,— не были, как говорится, в курсе последних достижений науки, не знали вовсе или знакомились по неточным переводам с шедеврами английской и немецкой литературы, не владели изощренной исследовательской техникой, не углублялись в первоисточники с непреклонным упорством; а бывало и так, что они даже предпочитали заниматься совсем посторонними делами, вроде руководства каким-нибудь музыкальным журналом или изобретения нового средства против ишиаса». Нарисовав этот

портрет своих профессоров, Лориа не замечает, что он дал изображение своего собственного лица.

Но если таковы были профессора, то что же представляли собой учащиеся? Достаточно назвать их имена, чтобы всякие комментарии стали излишни. Это были Энрико Ферри, Филиппо Турати, Леонид Биссолати, словом почти все будущие вожди итальянской социал-демократии. С ними студент Лориа обсуждал «жгучие проблемы» собственности, наследственных прав, нравственной свободы.

Лориа выбирает своей специальностью вопрос о земельной ренте. Почему? Потому что «экономические отношения землевладения вращаются вокруг феномена земельной ренты», и он, Лориа, с его «вечно кипящей мыслью, был всегда, днем и ночью, на ногах и в постели, дома и в театре, и в карете, и во время длинных прогулок за городом, внутренне поглощен проблемами ренты и земельной собственности». После стольких мучений наш счастливый Лориа открывает в одно прекрасное утро свою великую теорию, теорию выключения ренты, в тот момент, «когда мой взор был устремлен на обои с цветочными узорами, при чем один букет символизировал для меня земледельческую группу, а другой — промышленную». Социальный вопрос был таким образом разрешен с помощью «кулацкой земельной собственности». Написание самой книги отняло, как он рассказывает, лишь немного времени. Но под конец у него возникли сомнения. «А что, если я стал жертвой грубого недоразумения, и вся моя книга построена на песке?» Он обращается за отзывом к Э. Наццари, считавшемуся лучшим специалистом в трудных вопросах земельной ренты, и Наццари, прочтя мемуары Лориа, вселяет в него новую бодрость своим поощрением и руководством, ибо «предоставленный своим собственным силам, я не сумел бы выпутаться из затруднений».

Осенью 1879 г. Лориа удалось наконец, «благодаря счастливым внешним обстоятельствам и упорному труду», благополучно закончить свою первую книгу «Земельная рента и ее естественное выключение» («La rendita fondiaria e la sua elisione naturale»). Среди первых лиц, которым он послал свой труд, был Маркс. На фотоснимке экземпляра, полученного Марксом (находится в Институте Маркса и Энгельса в Москве), мы видим высокопарное посвящение, с рядом прилагательных в превосходной степени: «Проницательнейшему, гениальнейшему, ученейшему писателю в области политической экономии. Мантуя, 1879 г. Автор».

II

Посылая Марксу экземпляр своей книги о земельной ренте, Лориа сопроводил его письмом, написанным гимназическим стилем и на очень плохом немецком языке.

«Милостивый государь!

Я не знаю вас лично и не являюсь сторонником социальной теории коммунизма. И все-таки я позволяю себе послать вам мою первую книгу: «Земельная рента и ее естественное выключение».

Почему? По двум причинам.

Во-первых, потому, что я обязан вам правильным методом экономических исследований, методом анализа, который вами впервые введен в политическую экономию.

А во-вторых, потому, что я чту в вашем лице величайшего мыслителя современного человечества, всемирно-историческую личность, чье создавшее эпоху и, к сожалению, незаконченное творение — obscuris vera involvens (скрывающее истину под темной оболочкой), как выразился бы мой классический

земляк Виргилий,— навсегда положило конец бессердечным фантазиям апологетической науки.

Примите выражение моего глубочайшего восхищения».

Маркс уведомил Лориа письмом о получении книги, приложив к письму свою фотографическую карточку, вероятно, еще до прочтения им работы Лориа. В самом деле, 15 декабря 1879 г. Лориа снова пишет Марксу и просит его, так как он еще не высказался о «Земельной ренте», сообщить свое мнение о его «научных идеях».

«Мантуя, улица Маньяни, 29.
15 декабря 1879 г.

Милостивый государь!

С великой радостью (Hochgenuss) получил ваше письмо и ваш портрет, который буду всегда хранить как сокровище, и прошу вас принять мою глубочайшую благодарность.

Если вы когда-нибудь захотите получить сведения о социальных условиях или об экономических теориях моей прекрасной родины (sic — meines schönen Vaterlandes), вы, надеюсь, обратитесь ко мне: я почту за честь для себя дать вам все раз'яснения, какие сумею.

Мне очень хотелось бы узнать ваше мнение о моих научных идеях: враждебное или дружественное ((freundiche), оно все равно будет драгоценно и назидательно для моих дальнейших исследований.

С глубочайшей преданностью А. Лориа».

Увесистый об'ем книги (743 стр.), ее претенциозное заглавие, льстивое посвящение («проницательнейшему, гениальнейшему, ученейшему» и т. д.), настойчивые просьбы Лориа,— все это заставило в конце концов Маркса ознакомиться с присланным ему трудом. И несмотря на нездоровье, он принимается за чтение «Земельной ренты» с карандашом в руках. Отметки, сделанные им на полях книги, примечательны тем, что Маркс с первой же страницы высказывает свое несогласие с Лориа. Великий знаток разбираемых в книге вопросов, он отмечает все неточности и противоречия в рассуждениях Лориа. Иногда он кратко и энергично пишет: n o n è (н е т а к!) и, как будто недовольный итальянским выражением, дополняет его несколько раз повторяемым немецким словом f a l s c h (н е в е р н о). Дойдя до 56 стр., он перестает возражать автору в примечаниях на полях и до конца книги довольствуется простым подчеркиванием всех софистических вывертов Лориа. Возможно, что поэтому Маркс и не счел нужным ответить на второе письмо Лориа, который не мог таким образом узнать, враждебно ли или дружественно мнение Маркса о ней.

Завоевав себе первой же своей книгой видное место среди итальянских экономистов, Лориа отправляется в Рим, чтобы некоторое время почивать там на лаврах. Слава 22-летнего автора, в соединении с его не совсем обычной развязностью, открывает ему двери в общество «изысканных умов»—Луццати, П. Виллари, Эрнесто Натан, Барцелотти, Соннино, Сандра, Франкетти, Джустино Фортунато и др. Лориа сам чистосердечно признается: «Так велика была моя юношеская дерзость, что я позволял себе спорить с ними как ровня... а они и не думали осадить меня суровым окриком, на что имели бы полное право» (стр. 33).

Освеживши свой дух внимательным осмотром художественных сокровищ Рима, где он в то же время, по его собственным словам, «безудержно предавался чувственным наслаждениям», Лориа вернулся домой, истратив, вероятно весь гонорар, полученный им за свою книгу. В самом деле, к концу лета того же года он опять обращается к Марксу и просит его помочь найти себе какое-нибудь занятие в Лондоне.

Вот это письмо, написанное на этот раз на ломаном французском языке из Мантуи, от 16 сентября 1880 г.

«Глубокоуважаемый учитель!

Несколько месяцев тому назад я послал вам свой труд о земельной ренте, имевший слишком блестящий успех сравнительно с его достоинствами. Позвольте же мне, милостивый государь, обратиться к вам еще раз с просьбой о помощи.

Я молод и жажду услышать ваше благородное слово и жить в великой метрополии, где, как выразился Гейне, мысль пронизывает общественную жизнь и бьется неслыханным пульсом.

Моя заветная мечта — пройти весь тот подготовительный путь для ознакомления с английской жизнью и литературой, который прошли вы и о котором упомянуто в предисловии к вашей «Zur Kritik der politichen Ökonomie». К несчастью, я небогат и не мог бы жить в Лондоне en dilètant (sic!). И вот я решаюсь на шаг, хоть и смелый, но оправдываемый моей молодостью, бесконечной любовью к науке и безграничным преклонением перед вашей исключительной личностью. Не могли ли бы вы с вашими связями и вашим влиянием помочь мне устроиться на какую-нибудь работу в английской печати, чтобы я мог жить, продолжая свои научные занятия? Неужели вы откажете мне в помощи, в которой я так нуждаюсь! А кроме того я хочу предложить вам следующее: не согласитесь ли вы сделать меня своим секретарем?

Я читал где-то, что великое счастье — быть в течение года секретарем гениального человека, и к этому счастью я стремлюсь всеми силами моей души. Горячо прошу вас не оставить без ответа настоящее письмо, а равно принять уверение в моем глубоком уважении, с каковым остаюсь

преданный вам Ахилл Лориа».

Ответ Маркса на его предложение о секретарстве был доставлен ему в Берлин. В переводе с французского текста, приводимого Лориа, этот ответ гласил:

«Любезный господин Лориа!

К сожалению, скудость моих личных средств не позволяет мне обеспечить ваше проживание в Лондоне, и мне это тем более грустно, что я очень высокого мнения о вашем таланте, ваших знаниях, вашем научном будущем. Но после возобновления работ парламента (сейчас весь интеллектуальный и политический мир Лондона находится вне столицы) я рассчитываю поговорить с некоторыми благорасположенными и влиятельными лицами. А тем временем прошу вас сообщить мне, говорите ли вы достаточно бегло по-французски и по-английски».

Насколько точен этот текст? Лориа говорит, что он потерял подлинное письмо Маркса и сохранил только копию. Пометки Маркса на полях «Земельной ренты» заставляют несколько усомниться в том, чтобы Маркс верил в научное будущее «итальянского светила».

Другой эпизод, сообщаемый самим Лориа, подтверждает нашу догадку о не слишком глубокой уверенности Маркса в том, что юный «экономист» находится на правильном научном пути.

В самом деле, летом 1880 г. к Лориа явился в Берлине один молодой русский, некий Русанов, передавший ему привет от Маркса и сообщивший, что Маркс прочел «Земельную ренту» и высказался о ней следующим образом: «Автор — одаренный человек, но стоит на ложном пути». Вышеприведенное письмо Маркса написано несколькими месяцами позже, и противоречие в оценке Лориа бросается в глаза. Мнение Маркса в передаче Русанова

ближе к истине, чем письмо Маркса в том виде, в каком его приводит Лориа. Под ложным путем Маркс разумел, очевидно, утверждение Лориа, что «тенденция экономической эволюции идет в сторону расширения крестьянской собственности», между тем как Маркс «беспощадно осудил ее на исчезновение». Ничуть не унывая, Лориа пишет даже в своей последней книге (стр. 43):

«Последующие события показали однако, что я находился не на совсем уж ложном пути; и теперь даже наиболее пылкие приверженцы Маркса, как Давид и сам Каутский, вынуждены признать, что предсказания их учителя о разложении мелкой собственности не оправдались на деле (!)». Советский союз, с одной стороны, и Европа — с другой, показывают, наоборот, что Маркс, вопреки Давидам и Каутским всего мира, был прав и в этом вопросе. Впрочем, что касается Лориа, то его разногласие с Марксом в этом пункте не помешало ему полностью сохранить «свой пламенный восторг перед трирским пророком». Послание Маркса явилось для него «драгоценнейшим бальзамом», и с тех пор он знал «только одну мысль, одно желание — познакомиться с Марксом лично».

Обещание Маркса похлопотать побуждает его обратиться к нему снова со своей обычной настойчивостью, и 27 ноября 1880 г. он пишет Марксу письмо из Берлина, Циммерштрассе, 3. Чрезмерно осторожный, он пересылает это письмо через Мантую, «чтобы избежать подозрений столь мнительной немецкой полиции». В своих «Воспоминаниях» Лориа не говорит об этом своем письме, как всегда, исполненном раболепной лести и умоляющем о помощи во имя «беспристрастной и светлой науки».

Вот это письмо в переводе с ломаного французского языка, на котором оно написано:

«Глубокоуважаемый учитель!

Если я отвечаю с некоторым запозданием на ваше письмо от 13 ноября, которое я встретил с восторгом, то это потому, что оно уже не застало меня в Мантуе: я нахожусь сейчас в Берлине, где в виду особых обстоятельств должен буду пробыть несколько месяцев. Если мое настоящее письмо будет там доставлено из Мантуи, то лишь потому, что я предпочел этот окольный способ корреспонденции, дабы избежать подозрений чудовищно мнительной немецкой полиции. С места моего нынешнего жительства спешу сообщить вам, что я прочел с чувством живейшей признательности ваше столь благосклонное письмо, на которое я отвечаю выражением самых искренних пожеланий, чтобы здоровье вашей супруги и ваше семейное счастие восстановилось как можно скорее.

Какую бы помощь вы ни захотели мне оказать на тернистом пути беспристрастной и светлой науки, всякая будет для меня желанна; и могу вас уверить, что вы найдете в моем молодом и еще не развращенном житейской суетой сердце самую чистосердечную и живую благодарность за ваши благодеяния. Я пламенно прошу вас предпринять тот великодушный шаг, о котором вы говорите в вашем последнем письме; и я не сомневаюсь, что ваш авторитет, ваше влияние, ваше имя дадут мне возможность осуществить мою мечту, мою излюбленную мечту — жить в Лондоне и познакомиться с вами лично, к чему я стремлюсь всеми силами души. Могу вам сообщить что я говорю бегло по-французски и по-немецки; что касается английского, то хотя я читаю и понимаю английскую речь вполне свободно, но еще не говорю на этом языке; я надеюсь однако, что буду легко говорить на нем через несколько месяцев, т. е. как раз к тому моменту, когда станет возможной, Jove advente (с помощью бога), моя поездка в британское королевство.

Если бы я мог быть вам чем-нибудь полезен в Италии или в Германии, то прошу вас располагать без стеснения моими скудными (!) услугами. Если вы захотите удостоить меня ваших писем, то можете посылать их в Мантую и в Берлин: я получу их в том и другом случае.

Я не хочу закончить это письмо, не засвидетельствовав вам моего живейшего желания вскоре увидеть в печати второй том вашего великого труда. С просьбой вспоминать иногда о вашем молодом и далеком поклоннике остаюсь

глубоко вам преданный

д-р Ахилл Лориа».

Прошла зима, а ответа от Маркса все не было. Лориа собирается покинуть Берлин, вероятно вследствие истощения правительственной субсидии, полученной им через посредство итальянских знаменитостей, с которыми он познакомился в Риме, — и перед от'ездом он снова обращается с отчаянным призывом к Марксу. Страх, что ему придется стать профессором в каком-нибудь провинциальном городе, делает его неблагодарным по отношению к своим благодетелям: эти «колпаки», как он их называет, подвергают его опасности остаться без «научных средств». Он еще раз молит Маркса о помощи — в последний раз и опять безуспешно.

«Берлин, 16 апреля 1881 г.

Глубокоуважаемый учитель!

Может быть в последний раз я позволяю себе писать вам: но мое положение настолько печально, что я вынужден испробовать все средства спасения. Субсидия, позволявшая мне жить в Берлине ради научных занятий, скоро иссякнет, и мне придется навсегда вернуться в Италию Там всемогущие «колпаки» хотят засадить меня профессором в маленький город, так что я буду лишен всяких научных средств. Прошу вас в последний раз, помогите мне в деле завоевания истины, науки, составляющем мечту и единственную цель моей жизни. С этим отчаянным воплем я обращаюсь к вам из вашего отечества; может быть вы не захотите отвергнуть мой призыв, может быть вы поговорите с «влиятельными людьми», как вы выразились в вашем последнем письме.

Прощайте, прощайте, милостивый государь, не забывайте о вашем молодом итальянском друге.

Д-р А. Л.».

Но Маркс все-таки не ответил. Состояние его здоровья ухудшалось, и как раз в это время, в первые месяцы после смерти жены, он предпринял путешествие на юг, сначала во Францию, а потом в Алжир, в надежде поправить свое расстроенное здоровье.

То, чего Лориа не мог добиться от Маркса, он достиг с помощью своих итальянских связей. Он пишет (стр. 44): «К счастью, полученная мною в том же году заграничная командировка дала мне возможность удовлетворить другим способом мою пламенную жажду увидеть Лондон. В июне 1882 г. я выехал из Италии в английскую столицу, остановившись проездом на несколько дней в Париже».

Едва вступив на почву Лондона, он постарался утолить «свою пламенную жажду», т. е. увидеть Маркса. Но он нашел только дочерей великого человека, Элеонору и Дженни.

Лориа сообщает нам, что он «посещал» воскресные обеды Фридриха Энгельса, «на которых присутствовали многочисленные гости самых разных типов со своими супругами» (стр. 48). В действительности, однако, Лориа был у Энгельса только два раза: из одного письма Энгельса (напечатано в цюрихском «Социал-демократе» от 17 мая 1883 г.) мы узнаем, что

Лориа дважды посетил его летом 1882 г. Первый раз он был у него вместе с Элеонорой Маркс, ибо, надеясь найти Маркса в Лондоне, он прежде всего явился к нему, и Элеонора Маркс решила повести его прямо к Энгельсу. Последний встретил итальянского гостя «с любезной приветливостью» и сказал ему на миланском диалекте, с чистейшим миланским акцентом: «Go propi piasé de vedell; ch'el se comoda; chi se parla e se capiss benissim el meneghin» [1]). («Очень рад вас видеть; будьте как дома; здесь отлично говорят и понимают по-милански»).

Об этом визите Энгельс наверное сообщил Марксу и заодно попросил у него книгу Лориа о земельной ренте.

В самом деле, в своем письме Энгельсу из Аржантейля от 3 августа 1882 г. Маркс между прочим пишет: «Не помню, право, где в моей библиотеке стоит grandeopus (великое творение) Лориа; да мне кажется, что тебе и не стоит трудиться искать его. Ты знаешь, что после прочтения этой книги (или вернее ее 1-й половины, ибо фантазии господина Лориа во 2-й половине о целесообразном построении его нормального идеала, мелкой земельной собственности, т. е. мелкой буржуазной собственности, я имел терпение лишь перелистать) я отнюдь не был очарован его отвратительной лестью в личном обращении ко мне и видом «превосходства», принятым им публично, равно как и его фальсификацией некоторых моих взглядов с целью их более легкого опровержения. Но хотя по первому впечатлению я решил не иметь с ним никакого дела, я все же пошел потом на некоторое сближение, потому что он обнаружил талант и немало посидел в свое время над книгами; потому что он гол, как сокол, и много писал мне о своей жажде знания; потому что он еще очень молод и его хоть и совсем не юные, а скорее стариковские тенденции об'ясняются частью итальянскими условиями, частью же школой, из которой он вышел; и наконец, потому, что метод исследования, найденный им в «Капитале», он постарался усвоить, насколько это было для него тогда возможно, и иногда ему это удается. И если он при этом явно льстит себя мыслью, что своей «Земельной собственностью» («Grundeigentum») он сдал в архив «Капитал», то это меня позабавило и понравилось мне. При всем том у меня остались некоторые сомнения, особенно насчет «характера» этого юноши».

Таков был спокойный и не лишенный благожелательности приговор Маркса, уже известный Энгельсу, когда Лориа посетил его вторично в одно из воскресений конца лета 1882 г. На этот раз Лориа имел возможность поспорить с Энгельсом о социализме, как он этого «пламенно желал». «На этом обеде, на котором случайно не было дам», ему удалось «затеять интересовавший его спор», и Энгельс мог окончательно убедиться, что молодой Лориа ничего не понял в марксистских теориях. «Когда после обеда,—рассказывает Лориа (стр. 48), — мы перешли в верхний этаж, я дал волю жестоким (?) сомнениям, мучившим меня в этом вопросе. Я сказал, что меня смущают гораздо меньше практические выводы Маркса, чем его теоретические предпосылки, которые мне кажутся ошибочными, и что в особенности мне кажется софистической теория, сводящая стоимость к труду. Мое тяжкое обвинение вызвало внезапный протест, сопровождавшийся требованием, чтобы я немедленно доказал свои слова. И когда я выразил свою готовность, произошла самая любопытная и странная сцена, в какой я когда-либо участвовал в качестве зрителя или действующего лица. В самом деле, я увидал перед собой, вместо людей строгой науки, страстных верующих; и завязавшийся между нами спор был с их стороны не столько научной дискуссией, сколько отпором посягательству на непогрешимость догматов их веры...

[1]) A. Loria, Marx e la sua dottrina, p. 249.

Каждому из нас был вручен экземпляр «Капитала», при чем я получил французский экземпляр, чтобы мне было легче ориентироваться; и каждое место, против которого я возражал, отстаивалось самым ожесточенным образом моими непримиримыми оппонентами. Я не мог опровергать Маркса указанием на полное противоречие его доктрин принципам экономической науки, потому что эти принципы решительно отрицались моими противниками, и мне пришлось поэтому ограничиться доказательством, что выводы Маркса противоречат тем принципам, которые он сам же установил в своем труде. Решающим на мой взгляд аргументом против марксистской теории является невозможность примирить признаваемый и утверждаемый самим Марксом факт, что норма прибыли одинакова для всех капиталистов, с трудовой теорией стоимости — с теорией, из которой логически следует, что капиталисты, вкладывающие в предприятие относительно меньший технический капитал, должны выручать более высокую норму прибыли.

Впрочем, я был в то время таким восторженным поклонником Маркса и его системы и считал настолько желательным, в интересах самой науки, чтобы его столь простая и ясная теория стоимости оказалась правильной, что мне страстно хотелось увидеть опровергнутым мое собственное возражение; более того, только в этой тайной надежде я и затеял весь спор и решился высказать мое несогласие. Но моя жажда осталась неутоленной; двусмысленные и неуверенные (?) ответы Энгельса (!!) и его единомышленников доказали мне, наоборот, что они не могут справиться с указанным мною затруднением и ждут раз'яснений лишь от подготовляемого к печати нового тома своего учителя. Эти мощные мыслители, так смело вознесшиеся на высочайшие вершины абстракции, были не в состоянии сопротивляться мне (!) на твердой почве научного спора и строго логического рассуждения и оказались вынуждены — они, эти теоретики! — выдвигать против меня мелочные наблюдения, незначительные факты и жалкие оговорки из области повседневной казуистики.

Мне начали доказывать, что норма прибыли вовсе не одинакова для всех капиталистов, и приводили в пример владельцев деревообделочных предприятий на Regent's Park Road (улица, на которой жил Энгельс), выручающих менее высокую норму прибыли, чем манчестерские капиталисты. А когда я поспешил отвести это соображение ссылкой на то место Маркса, где утверждается необходимая одинаковость норм прибыли для самых различных фабрикантов, мне заявили, что я не понимаю разницы между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости и что капиталисты, производящие различные товары, могут выручать одинаковую норму прибавочной стоимости при различной норме прибыли. Но как возможно, возразил я в свою очередь, чтобы при режиме свободной конкуренции, когда каждый производитель может свободно выбирать себе отрасль производства, капиталисты, производящие различные товары, выручали неодинаковую норму прибыли? «Этого, — ответили мне хором мои противники, — мы тоже не знаем; и мы можем вам сказать только одно: продолжайте изучать вопрос, и кто знает, не удастся ли вам в конце концов добиться полной ясности? Во всяком случае надо надеяться, что тем временем выйдет второй том «Капитала», который и решит спор». Признаюсь, что при таком ответе я вскочил с места. «Довольно странный метод, — воскликнул я возбужденно, — дать голословное обещание и потом об'явить пустыми призраками, которые современем рассеются, все факты, противоречащие этому обещанию. Я спрашиваю себя, стоило ли низвергать положительные религии, чтобы заменить их религией марксизма, и провозглашать свободу исследования в науке, чтобы восстановить credo guia adsurdum в социологии». Но тут я умолк, во-время вспомнив о необходимости считаться с высокоуважаемым хозяином, а равно и о позднем времени, ибо наш ученый спор затянулся

уже далеко за полночь. Поэтому я поспешил распрощаться — самым сердечным образом — с моими столь просвещенными противниками, которые вели себя в течение всего оживленнейшего спора с самой изысканной вежливостью; и вихрь мыслей и сомнений не оставлял меня, пока я шел до длинной, темной и пустынной улице, отделявшей домик Энгельса от моего жилища.

Этот спор, воистину памятный для меня, оказал решающее влияние на мои научные убеждения, ибо он окончательно доказал мне коренную несостоятельность марксизма» (стр. 52).

«Несостоятельность» марксизма заключалась в том, что Лориа, эта «гордость экономической науки», так и не сумел понять различия между прибылью и прибавочной стоимостью. В подтверждение коренной несостоятельности марксизма Лориа рассказывает нам затем одну «печальную историю». Речь идет о двух русских **нигилистах** (кто они такие были, Лориа не говорит); «лишенные материальных средств и мучимые желанием найти разрешение **марксовой антиномии**, они собрали ценой неимоверных усилий деньги на путешествие в Лондон и приехали с окраины Европы в далекую страну с единственной целью задать ряд вопросов великому другу и наперснику Маркса. Но уже через две недели они возвращались, опечаленные и удрученные, к себе на родину, так и не сподобившись просветиться светом истины. Энгельс принял их очень тепло, беседовал с ними несколько часов, но не сумел рассеять их сомнения и только повторял свой вечный припев: **ждите следующего тома Маркса**».

Разница между двумя несчастными нигилистами, «опечаленными и удрученными», и нашим Лориа заключалась, по словам самого Лориа, в том, что «вера этих двух благородных юношей была настолько глубока, что они остались, несмотря ни на что, верны теории учителя и стали ждать с непоколебимой уверенностью обещанного в будущем откровения. Во мне же, как в натуре менее пылкой и более скептической, эта вера уже начала колебаться, и вечная ссылка на том, о самом существовании которого еще никто не знал, казалась мне недостаточно серьезным и действительным способом борьбы с таким существенным затруднением».

Ни поездка Лориа в европейские столицы, ни его усердное занятие наукой и постоянная связь с представителями высшей интеллигенции самых различных стран не могли внести порядок в научные взгляды нашего ученого; как ученик гетевского Фауста Вагнер, он жалуется, что его взгляды «представляли собою тогда чрезвычайно бессвязное и хаотическое целое, из которого я тщетно пытался извлечь какую-нибудь одухотворяющую мысль».

Кроме теории прибыли и стоимости, еще два вопроса специально интересовали нашего Лориа: вопросы о непроизводительном капитале и непроизводительном труде. Что касается непроизводительного труда адвокатов, врачей, судебных деятелей, педагогов, то сначала он признал их всех вслед за Марксом «наемными слугами собственности, проституирующими в ее интересах свой ум и свою деятельность в дни ее благоденствия». Но... вдруг «смелость покинула его, он почувствовал, что его убеждение колеблется, ибо, сказал он себе, эта теория, которая опорачивает лучшие умы, составляющие гордость человеческого рода, не истинна, не может быть истинной». Через некоторое время, читая «Экономику миланского государства» Пиетро Верри, он «встречает в нем некоторые замечания, вполне совпадающие с мыслями его собственного труда» (стр. 61). Любопытно, что все идеи великих людей, писавших до Лориа, всегда совпадают с мыслями великого итальянского экономиста. Ободренный этими, Лориа тотчас же принялся разыскивать свою рукопись. «Я подбежал к старому шкапу, неуверенно отпер его и — благодарение небу! — нашел к своему радостному удивлению забытый манускрипт.

С трепетом взялся я за пожелтевшие от времени листья; я перечел их, переработал их с помощью новых материалов и смог таким образом завершить мою теорию непроизводительного труда, оказавшую мне неоценимые услуги при об'яснении многих событий или явлений, которые до того оставались для меня загадочными. И когда много лет спустя, живя в больших городах, я мог лично наблюдать капиталистически оплачиваемую работу представителей умственного труда и их немедленное увольнение, едва только ослабевало их усердие, я поразился тому, как это из моей безмолвной кельи, оторванной от всякой связи с внешним миром, я мог увидеть и ясно обрисовать одну патологическую черту, характерную для утонченнейшего современного общества».

Пока Лориа, погруженный в гамлетические сомнения, колеблется между «двумя областями исследования, разнородными и несводимыми друг к другу, — между критикой теории прибыли, основанной на анализе стоимости и денег, и изучением исторического развития Европы и ее колоний», — наступает смерть Маркса. Лориа пишет для Nuova Antologia (апрель 1883 г.) некролог великого человека. Одновременно он выражает свое соболезнование Энгельсу в немецком письме, датированном от 17 марта 1883 г. Вот это письмо в русском переводе:

«С глубоким прискорбием услыхал я о смерти нашего великого и любимого учителя, нашего незабвенного Маркса. Мне, последнему из его поклонников, не было дано узнать его лично. Но я храню, как сокровище, портрет, который он мне подарил, и его письма ко мне. Прошу вас передать мое соболезнование дочери Маркса.

Я был бы вам очень благодарен, если бы вы были так любезны и написали мне несколько слов о последних днях великого человека, о том, можно ли надеяться на выход в свет второго тома бессмертного «Капитала», о вас, мой высокочтимый друг, и о дочери Маркса. Я глубоко потрясен мыслью, что она в течение одного года потеряла своих родителей.

Я собираюсь написать статью о Марксе. Если вы сообщите мне коечто о жизни Маркса, я буду вам глубоко признателен.

Всячески прошу вас не забывать, что вы и г-жа Маркс имеете во мне истинного и пламенного друга, который сочувствует вашему горю и всегда готов притти к вам на помощь (!!).

Ваш преданный друг

А. Л.».

Как только некролог Маркса был напечатан в Nuova Antologia, Лориа спешит послать экземпляр Энгельсу с надписью: «своему высокочтимому другу — автор». Чтение этой статьи привело Энгельса в бешенство и еще усилило его негодование против «итальянского светила». Он воспользовался этим случаем, чтобы разоблачить всю софистику Лориа, всю пустоту его научных притязаний. «Смерть знаменитого человека, — писал Энгельс, — превосходный повод для маленьких людей использовать ее в своих политических и литературных целях и в целях наживы».

Статья Лориа, кишащая ошибками (в ней даже сказано, что Маркс умер во Франции), представляет собой критику всей научной и общественно-политической деятельности Маркса, приноровленную ко вкусам читателей крупнейшего буржуазного журнала Италии.

Энгельс, который счел необходимым одернуть международных хулителей Маркса, размножившихся после его смерти, как грибы после дождя, ответил между прочим и Лориа в статье, появившейся в цюрихском «Социал-демократе», тогдашнем нелегальном органе германских со-

циал-демократов. Статья эта озаглавлена «По поводу смерти Маркса» (в № от 17 мая 1883 г.).

Сказав несколько слов о манифестациях международной солидарности, вызванных смертью Маркса, Энгельс опровергает, в ответ на запрос секретаря центрального рабочего союза в Нью-Йорке, ван Паттена, утверждения, с которыми немецкий анархист Иоганн Мост выступил на собрании по поводу смерти Маркса. Затем он ясно излагает учение Маркса о государстве, о его предстоящем отмирании, и под конец высказывает свое мнение о Мосте.

От Америки Энгельс переходит к Италии и пишет:

«Года два тому назад один молодой итальянец, Ахилл Лориа из Мантуи, прислал Марксу свою книгу о земельной ренте. К книге было приложено письмо по-немецки, в котором он называл себя учеником и поклонником Маркса. Переписка с Марксом продолжалась некоторое время. Летом 1882 г. Лориа приехал в Лондон и был у меня два раза. Во второе его посещение я имел случай серьезно высказать ему, как я смотрю на тот факт, что в одной опубликованной им тем временем работке он сделал Марксу упрек в заведомо ложном цитировании. Теперь этот человек, почерпнувший всю свою премудрость у немецких катедер-социалистов, напечатал статью о Марксе в Nuova Antologia и имел наглость прислать мне отдельный экземпляр этой статьи с надписью: «Своему высокочтимому другу». В чем заключается наглость, будет видно из нижеследующего перевода моего ответа, который я послал ему на его родном языке, потому что немецкий язык Лориа хромает гораздо больше, чем мой итальянский:

«Я получил вашу работу о Карле Марксе. Ваше право — подвергать его учения самой суровой критике, равно как и плохо понимать эти учения; ваше право точно так же — писать очерк биографии Маркса, представляющий собою создание чистой фантазии. Но вы не имеете никакого права порочить характер моего покойного друга. Уже в одной из прежних ваших работ вы вздумали обвинять Маркса в том, что он приводит заведомо ложные цитаты. Когда Маркс прочел это ваше обвинение, он сличил свои цитаты и ваши с оригиналами и сказал мне, что его цитаты верны. Стало быть, если кого-нибудь можно обвинить в подделке цитат, то только вас. И когда я вижу, как вы теперь цитируете Маркса, с каким бесстыдством вы заставляете его говорить в ваших цитатах о прибыли, между тем как он пишет о прибавочной стоимости и неоднократно предостерегает от ошибочного мнения, будто это одно и то же (что впрочем я и г. Мор уже об'ясняли вам в свое время здесь, в Лондоне), — тогда мне вполне ясно, кто приводит ложные цитаты. Но все это пустяк по сравнению с вашим твердым и глубоким убеждением, что все они (т. е. учения Маркса) строятся на сознательном софизме, что Маркс не стесняется делать ложные выводы, отлично зная, что они ложны, что он не раз показывал себя софистом, что он, как говаривал Ламартин, играл ложью и истиной, как мальчишки играют в бабки. В Италии, стране древней цивилизации, это может сойти за комплимент. Среди катедер-социалистов нечто подобное также может считаться весьма похвальным, ибо эти славные профессора не могли бы строить свои многочисленные системы, не действуя «за счет истины». Но мы, революционные коммунисты, смотрим на вещи иначе; мы считаем подобные утверждения порочащим нас обвинением, и так как мы знаем, что они ложны, то бросаем их обратно в лицо обвинителю, который таким образом опорачивает сам себя.

Мне кажется, что вам бы следовало об'яснить читающей публике, в чем же собственно состоит этот знаменитый «сознательный софизм», на котором строятся все учения Маркса. Я тщетно ищу его! Nagott! (энергичное ломбардское выражение, означающее: ровно ничего!).

Какой надо обладать душевной низостью пигмея, чтобы вообразить, что такой человек, как Маркс, «всегда грозил своим противникам опубликованием второго тома, не имея ни малейшего намерения написать его», и что этот второй том служил для Маркса только хитрой уловкой взамен научных аргументов. Второй том существует и будет опубликован в ближайшем будущем. Тогда вы может быть узнаете и поймете наконец разницу между прибавочной стоимостью и прибылью.

Немецкий перевод настоящего письма будет помещен в ближайшем номере цюрихского «Социал-демократа». Имею честь приветствовать вас со всеми чувствами, которых вы заслуживаете. Лондон, 12/V, 1883 г.».

Как реагировал Лориа на наступление Энгельса? Негодованием? Раскаянием? Нисколько! Вместо этого он стал снова уверять в своем преклонении перед Марксом, дал новое доказательство того, что он не понимает самых основных принципов марксизма, и снова выразил сомнение в существовании второго тома «Капитала».

В самом деле, вот его ответ Энгельсу, написанный на этот раз уже по-итальянски:

«Сиена, 31 мая 1883 г.

Милостивый государь!

Ваши оскорбления, о которых я сожалею в интересах вашего достоинства и достоинства партии, коей знаменосцем вы являетесь, ни в малейшей мере не могут изменить моего отношения к вам, в котором я имел когда-то случай оценить совершенного джентльмена и всегда ценил великий характер, равно как не могут они изменить и моего мнения о вашем знаменитом друге, недавно скончавшемся.

Вам решительно не к чему восхвалять против меня характер и гений человека, которого я сравнил с Данте Алигиери. Все, читавшие мой этюд о Марксе, найдут в этом отношении ваше письмо совершенно непонятным.

Но не к чему было вам и негодовать на меня только за то, что я хотел подвергнуть научной критике доктрины Маркса. Именно та беседа, которую я имел с вами и с г. Мором, окончательно убедила меня в правильности моей критики и в ошибочности теории, сводящей стоимость к одному лишь труду. И я удивляюсь, что вы повторяете все то же возражение, что я смешиваю Mehrwert с прибылью, — возражение, которое я сумел опровергнуть в упомянутой беседе.

Повторюсь в последний раз. Согласно теории Маркса, два капиталиста, вкладывающие в предприятие одинаковый переменный капитал, получают одинаковый Mehrwert. А так как переменный капитал может соединяться с постоянным капиталом самых различных размеров и так как норма прибыли представляет собою отношение между Mehrwert и совокупным капиталом (постоянным и переменным), то значит если постоянный капитал двух капиталистов различен, а их Mehrwert одинаков, они необходимо должны получать различную норму прибыли. Вот эта-то различная норма и есть нелепость, приводящая к абсурду марксову теорию стоимости; и эта теория есть тот сознательный софизм, который властвует над всей системой великого мыслителя. Невероятно, что эти мои соображения могли дать вам повод обвинить меня в опорочении характера Маркса; как будто упорное отстаивание выношенных собственной мыслью теорий не есть роковая черта именно наиболее могущественных умов! Оптика Ньютона служит тому достопамятным примером.

Остальные обвинения, выдвинутые вами против меня, остаются голословными утверждениями.

Если том «Капитала», о котором вы мне пишете и появление которого я буду приветствовать с радостью, докажет неосновательность моей критики, я отрекусь публично от моих заблуждений. Но пока что убеждения, высказанные в инкриминированной вами книжке, остаются неизменными, и изменить их не смогут, конечно, те вульгарные оскорбления, которые, думается мне, отнюдь не способны содействовать разрешению научных вопросов.

Ахилл Лориа».

Обо всем этом, столь важном, эпизоде Лориа рассказывает в своих «Воспоминаниях» с обычной развязностью и очень кратко: «Одна моя статья, напечатанная по поводу смерти Маркса и вызвавшая резкую отповедь со стороны Энгельса, дала мне лишь мимолетный отдых от этих умственных тревог, а затем усилила их еще больше» (стр. 58).

Ни намека на письмо Энгельса и на его собственное письмо к Энгельсу, написанное, как мы видели, в очень сдержанном тоне.

Получив кафедру в сиенском университете, Лориа занялся в тиши новой переработкой своих эклектических теорий и в следующие десять лет издал ряд экономических работ, в том числе книгу под пышным заглавием «Экономическая теория политического строя», которой «было затем суждено облететь весь мир под еще более громким заглавием «Экономические основы социального строя» (стр. 64). Он получает премию от Academia dei Lincei за свою путанную теорию капиталистической прибыли, выводящую прибыль из убывания площади свободной земли. Затем он издает, пользуясь помощью Бем-Баверка, который «присылал мне листы своей книги о «Капитале» по мере их выхода из печати», свое сочинение «Анализ капиталистической собственности» (1889 г.).

Это завершение его «долголетних трудов» совпало с радостным для него событием: Лориа женился на госпоже Аделине Артом и в первый год своей семейной жизни предавался умственному отдыху (стр. 68).

Усевшись на своего любимого конька—«процесс исчезновения свободной земли» (внешним толчком послужила на этот раз прочитанная им в «Тюбигенском обозрении» статья Шеффле, с многочисленными данными о вздорожании земли, собранными во время баденской аграрной переписи 1883 г), Лориа внимательно изучил этот процесс и осенью 1898 г. опубликовал результаты своих исследований в книге «Современный экономический строй». И с чувством глубокого внутреннего удовлетворения Лориа пишет: «Таким образом теоретическое здание, заложенное в «Земельной ренте» и возведенное в основных своих частях в «Анализе», могло теперь считаться завершенным. И поэтому, не видя дальше перед собой никаких теоретических проблем, требующих разрешения, я удалился от научной работы в тесном смысле слова и занялся чтением лекций на более пестрые темы...» (стр. 75). Лориа сделался оратором.

Прежде, однако, чем Лориа удалился от научной работы в тесном смысле слова, с ним приключилась еще одна беда в его научной карьере. И нас уже не удивит, что в своих «Воспоминаниях» он проходит мимо нее с обычной развязностью. Он пишет, что с 1893 до 1898 г. он все время работал над своей книгой «Современный экономический строй», прервав эту работу только один раз для написания статьи о посмертном труде Маркса» и в скобках прибавляет: «явившейся поводом для ожесточенной полемики».

III

Как ни доказывал Филиппо Турати, лидер итальянских социалистов, что «марксистская теория не так уж необходима для учения и выводов научного социализма» (см. «Critica Sociale», 1893 г., № 1, появление III тома «Капитала» ожидалось в известных кругах со страстным нетерпением. За год до его выхода в свет Антонио Лабриола писал Энгельсу (письмо от 21 окт. 1893 г.): «Мы жаждем III тома «Капитала» и потому просим вас не заниматься ничем другим». А в это же время Лориа пытался доказать, что теория стоимости представляет собою сплошную ошибку, что социалистическая теория стоимости «самоубийственна» («Анализ капиталистической собственности», стр. 155).

Как раз в этот момент в «Critica Sociale», которую редактировали Ф. Турати и госпожа Кулишова, завязалась полемика по поводу теории стоимости. Энгельс был уведомлен о ней своим неутомимым корреспондентом Антонио Лабриолой. «Если вы заглянете в № 14 «Critica Sociale»,[1], то увидите, что один совсем юный автор (Р. Сольди) позволил себе опубликовать критическую статейку против критики, которой Лориа подвергает Маркса. Но вот выходит № 15 (не 15-й, а 16-й!) и всячески прославляет нашего друга Лориа, автора стольких «открытий» (письмо от 11 августа 1894 г.). Этот молодой инженер Сольди, учившийся в Германии, сумел в крайней мере уразуметь различие между прибавочной стоимостью и прибылью. Кроме того он раз'ясняет Лориа, что Маркс никогда не думал утверждать, будто марксистский закон стоимости вечен, а утверждал, наоборот, что продукты человеческого труда принимают форму товаров только в капиталистическом обществе.

На статью Сольди ответил профессор Франческо Колетти[2]), бывший ученик Лориа. Так завязалась полемика, тянувшаяся больше года.

Редакция журнала «Critica Sociale» величала противников марксизма «высокочтимыми друзьями» и заявила в подстрочном примечании к статье Колетти, что она воздерживается пока от собственного мнения по существу дебатируемого вопроса. Этот официальный орган итальянской социалистической партии действительно не имел своего мнения в вопросе о марксовой теории стоимости и принимал позу олимпийского равнодушия в течение всей дискуссии.

Колетти повторил в своей статье обвинения своего учителя: у Маркса имеются, мол, противоречия, которые он сам признает в другом месте и которых он не в состоянии разрешить. Поэтому-то он и отложил раз'яснение «тайны» до четвертой книги. «Однако, с 1867 г. до сегодняшнего дня (1894 г.) тайна остается не раз'ясненной (в указ. месте, стр. 248). Хуже того: Энгельс, обещавший в 1883 г. сразить Лориа вторым томом «Капитала», не выполнил своего обещания — второй том не принес ожидавшегося решения. Может быть оно будет дано в третьем? Мы хотели бы, чтобы это было так, в интересах примирения всех, кто добросовестно служит науке» (там же).

Но этого мало. Колетти обвиняет Маркса в том, что он прибегал к «процессу метафизической абстракции» в своих научных изысканиях. Нечего и говорить, что Колетти продолжает смешивать прибыль на капитал с прибавочной стоимостью и в заключение утверждает, что в основе марксизма лежит нелепость (стр. 250).

Обратить внимание Энгельса на эту статью поспешил Антонио Лабриола. 24 августа 1894 г. между прочим он пишет ему: «В № 16 «Critica Sociale» имеется одна из обещанных статей в защиту Лориа. Нако-

[1]) Critica Sociale, 1894, № 14.
[2]) Critica Sociale, 1894, № 16.

нец-то Маркс уничтожен действительно. Этот Колетти был студентом в Риме два года тому назад — я его знаю. Это товар не его производства. Его статья продиктована самим Лориа, интриганом по профессии. И в какое положение попал Турати (напечатав статью Колетти), когда он частным образом пишет Сольди и другим: «помогите мне справиться с Лориа», — а потом «Critica Sociale» (например, мой омоним[1]) прославляет этого же Лориа. Чорт бы побрал всю эту компанию!»

Полемика между сторонниками и противниками Лориа вызвала шумный отклик. Но лишь очень немногие могли в ней действительно разобраться. В силу ли свойств большинства тогдашних итальянских интеллигентов, не любивших слишком утомлять себя чтением, или же потому, что в социалистической партии Италии было мало людей, занимавшихся теоретическими и экономическими вопросами, — во всяком случае к Антонио Лабриола стали со всех сторон обращаться с вопросами по поводу его мнения о происходящем споре.

«Я получаю, — писал он Энгельсу[2], — множество писем с вопросом, что я думаю о полемике между Марксом и Лориа (!). Заметьте при этом, что I том «Капитала» выпущен в удовлетворительном переводе «Библиотеки экономиста»[3]) больше 10 лет тому назад под рубрикой «ересиархи экономической науки».

Тем временем Ромео Сольди не сдавался. Подтверждая замечание Лабриолы, что статья Колетти инспирирована Лориа, он писал[4]: «Мы задели папу, и естественно, что приходский священник поднял вой». Он подверг даже саркастической критике теорию вознаграждения, справедливого вознаграждения капитала, изобразив ее во всей ее нелепости, и пришел к следующему выводу: «Из всех работ Лориа ясно видно, даже и без столь громоздкого профессорского аппарата, что для него прибыль есть синоним прибавочной стоимости». Как раз то же самое, что много лет тому назад уже было сказано Энгельсом!

Даже в такие моменты, когда, как в этой дискуссии, Маркса изображали мистификатором, или когда лорианцы утверждали, что он совершил над собой научное самоубийство, «Critica Sociale» и ее редактор Турати сохраняли величайшее спокойствие. Второй статье Колетти «Теория стоимости Карла Маркса и ее критика профессором Лориа»[5]) редакция предпослала следующие слова: «Едва ли нужно повторять то, о чем мы уже говорили в особом примечании, именно, что редакция журнала дает объективно развертываться настоящей важной научной дискуссии между компетентными представителями различных взглядов, отнюдь не желая пока стеснять своим вмешательством свободу и оживленность полемики».

Так под эгидой главы итальянской социал-демократии происходило уродование Маркса. Франческо Колетти, владелец имения в провинции Мачерата и университетский профессор, возобновил атаку — на этот раз против «грубейших ошибок экономического и логического порядка, взаимно связанных, из которых прямо выводится социалистическое отрицание особой прибыли на постоянный капитал». Экономическая ошибка Маркса заключается, по мнению Колетти, в том, что он «рассматривал предметы как вполне определенную стоимость, а не как некоторое количество экономических благ или богатств, стоимость которых не может быть точно выражена

[1]) Речь идет об Артуре Лабриола.
[2]) Письмо от 24 сентября 1894 г.
[3]) Biblioteca dell' Economia, серия 3-я, т. V, 1886 г.
[4]) Critica Sociale, 1894, № 17, стр. 264.
[5]) Critica Sociale, 1894, № 18, стр. 282.

материальных терминах, но должна определяться на основе специальных условий капиталистического производства, к которым принадлежит и прибыль, которая со своей существенно переменной нормой входит в определение относительной стоимости товаров. Логическая ошибка Маркса таится в рассуждении, с помощью которого он пытается доказать, что прибыль не может проистекать из постоянного капитала».

Далее Колетти отмечает вслед за Лориа другие «нелепости» марксистской теории — напр., то, что «с точки зрения этой теории нельзя понять, почему капитал вкладывается не только в те предприятия, в которые технический капитал входит минимальной долей сравнительно с капиталом, идущим на оплату труда рабочих» (стр. 284).

На этой стадии дискуссии в нее вступает Антонио Грациадеи, апостолический римский граф и профессор экономических наук в королевских университетах Италии, один из руководящих теоретиков итальянской социал-демократии и впоследствии коммунист... вплоть до того момента, когда Муссолини отменил парламентскую неприкосновенность. Его первая попытка ...тства относится ко времени описываемой полемики (1 октября 1894 г.). «Вмешательство в полемику Сольди—Колетти» [1]) — так озаглавлена ...тья, в которой ученый профессор, ныне склонившийся перед фашизмом, ...ет Маркса в том, что «одна часть его системы не соответствует исти...» (стр. 295). Грациадеи отнюдь не думает, что закон стоимости, «этот ...ой феномен обращения, составляет первичную ячейку экономического ...зма», и не считает поэтому «марксову теорию стоимости необходи... составной частью в великой системе социалистической доктрины». Бо... того, он заявляет, что Маркс сам впал в утопизм, «поскольку он пред...вал, каков будет в грядущем закон уже не производства, а обраще..., закон естественный и, следовательно, еще более изменчивый» (стр. 296). ...кс, утверждает Грациадеи, должен был бы в крайнем случае ограничиться ...ртанием траектории, по которой движется эволюция общества. Дерз... пойти дальше, Маркс впал в одну из тех конструкций французского (чи...: утопического. — *Э. П.*) социализма, всю пустоту которых он сам вскрыл ...ей могущественной критикой. «Марксист» Грациадеи не может принять ... не может даже понять ту или иную теорию стоимости. В споре между Сольди и Колетти по поводу прибыли и прибавочной стоимости он берет сторо... обоих. Сторону Сольди, поскольку речь идет о выручке прибыли с ми...льного технического (постоянного) капитала, и сторону Колетти, ...скольку технический (постоянный) капитал превосходит минимальные раз.... Все фиглярство Грациадеи обнаружилось в полном блеске уже в 1894 г. Недаром Антонио Лабриола мог написать Энгельсу 3 октября 1894 г., тотчас же после прочтения статей Грациадеи и Колетти: «В № 19 Critica Sociale» продолжается лорианский понос».

Полемика, завязавшаяся на страницах «Critica Sociale», вышла за пре... Италии и докатилась до Лафарга. Последний, со своим обычным блеском, ... в оборот «гг. Лориа, Колетти, Грациадеи и других разрушителей марк...стской теории стоимости» в открытом письме к редакции «Critica Sociale», ...печатанном под заглавием: «Краткий ответ-вопрос критикам марксовой ...рии стоимости» (№ 20, 16 октября, стр. 307). Лафарг подчеркивает, что ... разрушители, «задавшись целью оправдать теоретически ежедневный ...ет, производимый капиталистом из продукта труда рабочих, учат в со...сии с официальной экономической наукой, что капиталы, воплощенные в машинах и сырье и именуемые Марксом постоянным капиталом, ... создают прибавочную стоимость, как и человеческий труд, оплачивае...ый переменным капиталом». Словом, они высказываются, на своем

[1]) Critica Sociale, 1894, № 19, стр. 296.

профессорском жаргоне, за справедливое вознаграждение ка-питала. И он прибавляет:

«Если верно, что постоянный капитал, воспроизведя свою собственную стоимость, создает новую, то эта прибавочная стоимость должна была бы не оставаться постоянной, а возрастать по мере того, как воплощающее ее в себе машинное оборудование совершенствуется и обращается к использованию сил природы и научных открытий, — химических, физических, механических и т. д.».

Лафарг просит поэтому Лориа, которого он иронически называет «человеком с луны», «свернуть крылья, возносящие его над землей», и об'яснить, как возможен экономический факт уменьшения прибыли на постоянный капитал по мере роста его производительности — факт, давно уже наблюдаемый и все усиливающийся, — с точки зрения старой теории стоимости, которую он пытается противопоставить теории Маркса».

В заключение Лафарг сообщает, что «Энгельс правит в настоящий момент корректуры третьего тома, в котором Маркс дополняет свою теорию. Таким образом, «критический пыл этих господ, находящих, что первые два тома «Капитала» недостаточны, может быть полностью удовлетворен».

Какую позицию заняла «Critica Sociale» по отношению к утверждениям Лафарга? Никакой! Она опубликовала его письмо со следующими вступительными строчками: «Мы получили от П. Лафарга — после Энгельса наиболее авторитетного истолкователя марксовой мысли — нижеследующее письмо, которому с радостью даем место в нашем журнале». О содержании письма Лафарга по существу, о достоинстве его аргументов в защиту теории стоимости редакция хранит глубочайшее молчание. Но как бы в виде противоядия она печатает, тотчас же вслед за письмом Лафарга, вторую часть статьи Грациадеи, посвященную главным образом опровержению теории относительной прибавочной стоимости и диференциального технического капитала и приходящую к выводу, что социалистическая теория стоимости насквозь ошибочна[1]. При этом Грациадеи заявляет, что «новая и более правильная теория стоимости непременно должна будет опираться на гранитную базу остальных марксистских открытий... и в частности на великий закон прибавочной стоимости».

Антонио Лабриола был весьма доволен письмом Лафарга, и хотя Энгельс вероятно уже прочел его (соответствующий номер журнала был ему послан), Лабриола все-таки обращает его внимание на это выступление Лафарга (в письме от 17 окт. 1894 г.): «В № 20 «Critica Sociale» помещено остроумное письмецо Лафарга. Может быть, оно было написано по инициативе Мартиньетти... Из III тома «Капитала» были уже готовы, как я вам сообщал, две главы в переводе Мартиньетти, но они так и не были опубликованы». Турати знал, что III том «Капитала» должен не сегодня-завтра выйти! Он получил еще в августе две главы из него в переводе Мартиньетти (переводчик Энгельса), но... он нашел, что они не подходят к характеру журнала! Этот журнал был официальным теоретическим органом ИСП!

Вместе с тем он и его друзья поддерживали распространявшиеся лорианцами слухи, что III том «Капитала» не существует и никогда не будет опубликован.

Сам Лориа находился в этот момент в Риме, как об этом сообщает Антонио Лабриола в своем письме Энгельсу от 15 окт. 1894 г. В том же письме он пишет: «Лориа заявил разным лицам, что III том «Капитала» не существует и никогда не будет опубликован и что обещание его выхода в свет

[1]) Critica Sociale, 1894, № 20.

есть благочестивая ложь. Я просил передать ему через одного профессора в Палермо (Рикка-Салерно), что III том появится в печати через несколько недель; что ему поневоле приходится говорить так, чтобы не прослыть человеком, лгущим вот уже одиннадцать лет; что III том, возможно, отобьет у него охоту болтать вздор о Марксе; и что он вероятно живет на луне, если до сих пор не заметил появления двух глав в «Neue Zeit» (кстати, Марьяетти сказал мне, что он тут же перевел их и послал в августе в «Critica Sociale», но что Турати счел их неподходящими к характеру журнала и нашел, что их нужно сократить, сжать и т. д.)».

В описываемое нами время итальянское правительство было встревожено крестьянским восстанием в Сицилии, известным под названием f a s c i siciliani («сицилийские крестьянские союзы»), и жестоко расправлялось с отчаянной попыткой крестьян улучшить свое тяжелое положение. Энгельс пишет из Лондона, 27 окт. 1894 г., письмо в «Critica Sociale», чтобы поддержать молодую социалистическую партию Италии в ее борьбе с Криспи [1]). Письмо Энгельса, показывающее, как старый борец понимал интернациональную солидарность, было напечатано на первой странице, а несколькими страницами ниже редакция поместила статью Колетти, старавшуюся доказать, что Лафарг ничего не понимает в политической экономии. Колетти продолжает настаивать на том, что понижение процента вызвано убыванием плодородия почвы. А Турати не только не исправляет его ошибку простым указанием на избыток капиталов, как на истинную причину этого явления, но оставляет даже без ответа упрек Колетти в том, что он назвал Лафарга наиболее авторитетным после Энгельса истолкователем марксовой мысли: сам Колетти находит, что Лафаргу не мешало бы быть немножко побольше... экономистом!

В примечании к статье Колетти Турати сообщал читателям, что Грациадеи тоже прислал к р а т к и й о т в е т Л а ф а р г у, но с предупреждением, что он готов отказаться от своего выступления, если бы Лафаргу ответили Колетти или сам Лориа.

Разрастание дискуссии о теории стоимости стало, наконец, пугать Турати, и чтобы добиться ее скорейшего завершения, он заявил, что для окончания спора «надо предоставить слово человеку, бесспорно являющемуся наиболее авторитетным истолкователем Маркса, т.-е. самому Марксу»...

Тем временем Лафарг ответил Колетти [2]) и показал, что ученик Лориа сам опроверг возражения своего учителя, свои собственные и возражения Грациадеи против теории Маркса, ибо вот что утверждает Колетти: «Капитал, т.-е. м е р т в ы й т р у д, может путем использования сил природы и человеческих изобретений необычайно увеличить количество полезных предметов, составляющих народное богатство, но каково бы ни было количество предметов, которые он дает возможность произвести, при этом не происходит возрастания стоимости, не появляется прибавочная стоимость, ибо совокупная стоимость созданных предметов равняется стоимости, затраченной на их производство». Лафарг выводит отсюда, что если капитал (постоянный.—Э. П.) не порождает прибавочную стоимость, то причину понижения процента надо искать в чем-нибудь другом, вне области производства. Колетти утверждает, что «оно происходит вследствие сверхпроизводства и промышленных кризисов, но это — явления случайные, между тем как убывание процента есть явление постоянное». Правда, Колетти указывает на другую постоянную причину—«на убывание плодородия почвы; но ведь в действительности плодородие почвы не убывает, а возрастает благодаря применению методов механического и научного земледелия». И Лафарг об'ясняет проф.

[1]) Critica Sociale, 1894, № 22, «Международный социализм и итальянский социализм».

[2]) Critica Sociale, 1894, № 22.

Колетти тайну постоянного снижения процентной ставки: «истинная причина, которую г. Колетти не хочет назвать, потому что этим он уничтожил бы, как мыльный пузырь, страшные аргументы Лориа, этого божка профессорской кампании, заключается в изобилии капиталов». Наконец на замечание Колетти, что Лафарг не экономист, Лафарг остроумно отвечает: «Как будто можно хотеть быть экономистом, когда политическая экономия, вследствие своего бессилия и своего раболепства, предоставляет социализму об'яснять явления капиталистического производства, хотя она же сама провозглашает себя теоретическим выражением этого последнего».

Претенциозному профессору Грациадеи [1]) Турати дал еще раз возможность щегольнуть своей экономической премудростью. Он поместил его статью непосредственно вслед за письмом Лафарга — может быть, с целью обезвредить марксистские об'яснения, данные зятем нашего великого учителя. Грациадеи пытается доказать с помощью уравнений, что «утверждение, будто технический капитал не дает прибыли, так же несостоятельно... как очевидно ошибочны те предпосылки, из которых оно вытекает». «Рикардо, Маркс, Лориа, эти гиганты экономической мысли, тщетно пытались заполнить бездну, которую их теория прибавочного труда как коэфициента стоимости вырыла между техническим капиталом и капиталом, идущим на оплату рабочих».

В глазах Антонио Лабриолы (письмо Энгельсу от 17 окт. 1894 г.) вся эта полемика была «неприлична»: «После письма Лафарга печатать статьи Грациадеи!» Лабриола был приглашен принять участие в полемике, но предпочел воздержаться. Почему? Мы этого в точности не знаем. Может быть, он боялся размолвки с кем-нибудь из социал-демократических лидеров, с которыми поддерживал для вида хорошие отношения, внутренне презирая их; или может быть тут сыграла роль чрезмерная профессорская щепетильность? Во всяком случае на приглашение высказаться он ответил вопросом: не «пo-вох» ли это? И он продолжает: «Я знаю своих ребят. И к тому же итальянская пословица гласит: мыть голову ослу—зря терять мыло. Но оставляя в стороне Лафарга, любезного Турати, настоящих и будущих Биньями и всех Лориа этого мира, факт тот, что эта полемика — позорна. В Италии не знают другой формы проявления научного социализма, кроме «Critica Sociale». После полемических упражнений Мадзини и инсинуаций Бакунина большая публика познакомилась впервые с внешним обликом Маркса по терракотовым бюстам, которые Турати продает за 10 лир, а полиция по глупости конфискует. Большая публика, все еще верящая в тайны Интернационала, убеждена, что миланские социалисты — передовой отряд германской партии; она свято верит, что ни одно слово не произносится и не пишется в Милане без ведома и одобрения di Babelle e di Libenette (Бебеля и Либкнехта). На это дурацкое предположение часто опирается полемика радикалов и ругань анархистов; ибо эта публика до сих пор не поняла или притворяется, что не понимает, что миланцы всегда действовали совершенно самостоятельно, даже когда печатали в «Lotta» [2]) письма из Берлина, никем никогда не посылавшиеся и никуда не доходившие.

Теперь эта затянувшаяся полемика не только о теории стоимости, но и о научной добросовестности Маркса, окончательно расшатывает внутри и делает смешным в глазах посторонних то, и без того весьма немногое, что представляет собою итальянская партия. Не понимаю, как Турати впутался в это дело — может быть, в силу органической несознательности. Не так-то легко будет ему теперь выпутаться, не дискредитировав себя еще больше».

---

[1]) Critica Sociale, 1894, № 22, стр. 347.

[2]) Миланский журнал «Lotta di classe» («Классовая борьба»), орган ИСП.

Тем не менее я не собираюсь давать ему советы. Он ответил бы, как всегда: «вы правы, но...», и на этом дело окончилось бы».

Появление в печати III тома «Капитала» явилось событием мирового значения. В Италии большие газеты сообщили о нем специальными телеграммами. Книготорговцы спешили делать заказы, как мы узнаем из письма Ант. Лабриолы Энгельсу от 16 ноября 1894 г.: «Получил ваше сообщение о III томе «Капитала». Благодарю вас. Об этом событии оповещают газетные телеграммы, как вы увидите в «Secolo». Крупнейший здешний книготорговец (в Риме. — *Э. П.*) заказал большое количество экземпляров».

Еще в августе Мартиньетти получил текст введения Энгельса, перевел его на итальянский язык и пытался опубликовать в «Critica Sociale». Но, как мы видели, Турати, официальный представитель марксизма в Италии, отказался напечатать перевод — отчасти потому, что обвинения против Лориа косвенно задевали его самого. Мартиньетти пришлось искать, с помощью Антонио Лабриолы, какой-нибудь другой орган для напечатания своего перевода. Некий Капуано, владелец одного неаполитанского журнала довольно сомнительного типа, согласился напечатать предисловие Энгельса: Ант. Лабриола имел, как он пишет, «основания рассчитывать на любезность этого издателя» (письмо от 11 дек. 1894 г.). В том же письме он сообщает Энгельсу: «Может быть, 15-го с. м.... перевод уже будет напечатан. Январский номер подходит как нельзя лучше, — добавляет Лабриола с удовлетворением, — потому что для привлечения новых абонентов его тираж будет увеличен на тысячу экземпляров».

Кроме затруднений с изданием, были еще затруднения, связанные с переводом. Мартиньетти не удовлетворял требованиям Лабриолы — справедливым, поскольку дело шло о сочинении Энгельса, но все же несколько педантичным. «Вчера Мартиньетти (которого я рекомендовал как переводчика г-ну Капуано) прислал мне на просмотр свой перевод, который я частично выправил, насколько мог. Вы знаете, что переводы Мартиньетти тяжеловаты. Во всяком случае я надеюсь, что перевод будет по крайней мере приличен и без ошибок» (в том же письме).

15 декабря Ант. Лабриола, этот истинный ученик Маркса и Энгельса, с страстным нетерпением ожидавший появления посмертного труда Маркса, писал Энгельсу: «Я буду обрадован и ошеломлен в одно и то же время таким даром, как III том», а через несколько дней, получив его, он сообщает Энгельсу с энтузиазмом подлинного марксиста, что получил оба тома «ц е л ы м и и н е в р е д и м ы м и» и не находит слов для выражения своей благодарности. «Я тотчас же примусь, — прибавляет он, — за изучение книги, которая, завершая собою мысль Маркса, навсегда останется вместе с тем свидетельством вашего братского к нему пиэтета, давшего вам возможность создать из таких отрывков нечто последовательное, стройное и удобочитаемое. Из последнего номера «Critica Sociale» (№ 2) вы увидите, каковы были моральные и интеллектуальные последствия вашей любезности по отношению к г-же Кулишовой, которой вы послали п р е д и с л о в и е, и вашей отповеди по адресу Лориа. В результате «Critica Sociale» превратилась в официальный орган Лориа (см. стр. 372 и 380). Впрочем, последний удостоился даже чести быть изображенным в одной газете, представляющей собой рекламный листок мелких лавочников, — как вы увидите собственными глазами. Вы отдадите мне справедливость, что я никогда не обманывался насчет подобных похитителей чужих идей и программ и более или менее неудачных интриганов, — и н е б у д е м б о л ь ш е г о в о р и т ь о б э т о м.

Лориа узнал о нападении Энгельса и «пригрозил» написать статью против III тома. А тем временем провинциальная печать, следуя примеру официальных органов партии — «La Lotta di classe» и «Critica Sociale», «не уста-

вала прославлять Лориа». Это обстоятельство, статья Колетти в «Critica» и тайный с'езд в Парме в январе 1895 г. внушили Антонио Лабриоле следующую характеристику положения: «Как видите, это не теоретический или научный вопрос, а вопрос этический... или вернее вопрос благопристойности... или еще верней неблагопристойности... или, вернее всего, шарлатанства. Вчера я вам послал новый пармский катехизис... но сейчас я уже вижу, что «Critica Sociale» (№ 2) бунтует... и не без оснований. Как видите, такова итальянская диалектика... или адвокатское выгораживание мелкого производства... такова теория эволюции в применении к домашним надобностям. Не знаю, что собственно делать, и даже признаюсь, что собственно говоря ничего не понимаю» (письмо от 21 января 1895).

Статью Колетти Турати сопроводил примечанием: «мы сохраняем за собой право слова», но так и не воспользовался этим правом; а по поводу избирательной тактики, принятой в Парме, он выразил надежду, что ее непримиримость (если можно было так квалифицировать вынесенную резолюцию) об'ясняется желанием показать, что партия ничего не боится.

Но вот Лориа привел, наконец, свою угрозу в исполнение. В «Nuova Antologia», этом органе итальянской крупной буржуазии (в № от 1 февраля 1895 г.), появилась его статья «Посмертный труд Маркса». «Он величественно повторяет в ней то, что уже было сказано школярами и их подпевалами в «Critica Sociale», — пишет Антонио Лабриола.

I том «Капитала» был в свое время использован Лориа, из него он извлек множество идей для построения своих эклектических теорий. Теперь он заявил, что «Маркс никогда и не думал дать своему «Капиталу» младшего брата». Почему? Очень просто: «Потому, что первому тому — с его стремительным построением, подобным пирамиде, с его изумительной диалектикой, новизной эрудиции, нарастанием интереса и страсти, поразившими мыслящее человечество, — нельзя было дать равного и достойного спутника... а главное потому, что Маркс чувствовал могущественное влияние, исходившее из учений этого его незаконченного тома, который позволял думать, что некоторые слабые стороны марксистской теории можно об'яснить незавершенностью ее изложения и что все сомнения будут рассеяны при ее дальнейшем развитии».

Когда-то Лориа выражал даже сомнение в существовании набросков Маркса к этому второму тому. «Напрасно друзья, ученики (?!) и даже правоверные экономисты просили его издать второй том своего труда. Он оставался глух к их призывам» (стр. 23). После появления в 1885 г. второго тома, «содержавшего некоторые теоретические исследования о процессе обращения капитала» (стр. 72), Лориа все еще не был удовлетворен и ждал III тома, «который (согласно обещанию Энгельса) должен дать окончательные выводы марксовой системы и разрешить трудные теоретические вопросы, оставшиеся неразрешенными в двух первых книгах» (стр. 72). «С великим нетерпением ждал поэтому ученый мир появления этого третьего и последнего тома Маркса». И Лориа, только что называвший Маркса и Энгельса лгунами, впадает в лирику; он говорит об «очаровании, которое охватывает нас с неодолимой силой, когда бесконечно дорогой голос, казалось, навсегда умолкший, снова коснется нашего слуха»; он надеется, что «наконец-то будут разгаданы загадки, которые Маркс бросил как вызов в лицо экономистам и над которыми больше четверти века тщетно бились умы... Соответствует ли этим ожиданиям появившийся труд Маркса в полной мере? Разрешаются ли в нем проблемы, столько времени остававшиеся неразрешенными?» — с тревогой спрашивает себя Лориа. И прежде чем ответить на этот вопрос отрицательно, он дает характеристику III тома, «ощетинившегося таинственными формулами и запутанными диалектическими умозаключениями». Поэтому он находит нужным «истолковать его, передать его основные мысли в доступной

форме, освободить его от северных туманов, столь неприемлемых для ясного итальянского ума» (стр. 73).

По мнению Лориа, II и III тома «Капитала» не насыщены таким же революционным духом, как первый, «с помощью которого ученики Маркса сумели наэлектризовать рабочие массы». Тон последних томов в целом чисто научен, и Лориа об'ясняет это тем, что «мы имеем здесь дело с посмертным произведением, кропотливо восстановленным по незаконченным и не предназначавшимся к печати рукописям, так что в нем часто встречаются неувязки и пробелы, растянутые и ненужные страницы, неясности в изложении» (стр. 78—79).

Затем Лориа пытается охарактеризовать анализ процесса обращения, данный во II томе. По его мнению относящиеся сюда исследования абстрактны и бесплодны, а в то же время наполняют значительную часть тома или, вернее, образуют его пустоту (!) (стр. 88). Он упрекает Маркса в том, что он находится во власти денежного предрассудка и «придает деньгам такое экономическое значение, которого они отнюдь не имеют» (стр. 89). Маркс настолько ослеплен «сверкающей оболочкой капиталистических отношений, что более сложные явления современной экономики, так мощно им исследованной», остались для него непонятными. В общем Лориа думает, что «денежный предрассудок» Маркса побудил его даже «взять денежный капитал за исходный пункт нынешней системы производства... и вернуться таким образом, несмотря на самую яркую современность его мысли, к наиболее варварским предрассудкам допотопного меркантилизма» (стр. 90).

Словом, впечатление, произведенное на Лориа исследованиями Маркса, оказалось печальным; они напоминают ему своими постоянными повторениями и роковым бессилием (!) посмертные страницы другого великого немецкого экономиста — Тюнена.

«Превращение товаров в деньги и денег в товары есть чисто формальное явление, из которого даже самый великий ум не мог бы извлечь какой-нибудь существенный элемент действительности или почерпнуть импульс для диалектического процесса мысли. Отсюда пустой формализм, характеризующий II том и несомненно явившийся причиной того, что его выход в свет остался почти незамеченным и не вызвал шума даже в лагере марксистского социализма» (стр. 95). И в заключение своей «научной» критики II тома «Капитала» Лориа, великий любитель литературных реминисценций, сравнивает его со второй частью гетевского «Фауста», ибо «как в последней он нашел ряд безжизненных сцен, блестяще прерванных чарующим эпизодом с Еленой, так во втором томе Маркса изысканные страницы о круговращении капитала представляют собой одинокую сияющую жемчужину, окруженную тусклой короной бесплодных рассуждений» (стр. 95). И не довольствуясь этим странным сравнением, он приводит еще одно, уже совсем экстравагантное: «Первый том «Капитала» относится к третьему, как первый Бонапарт к третьему Бонапарту, а... второй том запечатлен всею мертвенной хилостью и трупной бледностью короля римского (!!)» (стр. 95).

Прежде чем приступить к разрушению III тома «Капитала», Лориа, как всегда, высказывает свое восхищение Марксом. Он даже защищает его против Адлера, который «заблуждался, упрекая Маркса в том, будто он изображает капиталистические методы, как формы борьбы за повышение нормы прибавочной стоимости посредством уменьшения переменного капитала, тогда как капиталист (утверждает Адлер) борется за повышение нормы прибыли посредством уменьшения всего капитала, как переменного, так и постоянного. Наоборот, — говорит Лориа, — «отнюдь не игнорируя борьбу капиталистов за повышение нормы прибыли, Маркс нарочно разбирает ее там, где этого требует ход его изложения, после вывода нормы прибыли из нормы при-

бавочной стоимости. Именно в этой части марксова труда и в ее правильном положении среди других частей обнаруживается больше, чем где-либо, то божественное чутье гения, которое угадывает тайные голоса вещей и дает идеальное отображение их об'ективного порядка — в противоположность суб'ективному и произвольному порядку, в каком обыкновенно излагают свои рассуждения составители диссертаций и словарей» (стр. 99—100). Превознеся таким образом Маркса выше небес, Лориа затем... говорит о его полном теоретическом крушении, о «пышном и торжественном научном самоубийстве» и т. д. и т. д. Почему? Потому что Лориа не согласен с Марксом «в некоторых пунктах». Он считает, напр., ошибочным утверждение Маркса, что прибыль возрастает и тогда, когда методы уменьшения постоянного капитала (с помощью технических улучшений) применяются в производстве товаров, не потребляемых рабочими, напр. в производстве предметов роскоши. Но основное разногласие касается самого учения Маркса о стоимости и норме прибыли — учения, которое Лориа называет «знаменитым отныне секретом, упорно скрывавшимся социалистической наукой в течение стольких лет» (стр. 101). Лориа находит, что «норма прибыли капиталистов, вкладывающих относительно больший постоянный капитал, не может быть ниже, потому что это заставило бы их тотчас же бросить свои предприятия и перейти к другим, более доходным; и что поэтому существование предприятий, в которые технический капитал входит большей долей, возможно лишь при том условии, что даваемая ими норма прибыли в среднем равна норме прибыли, господствующей в остальной промышленности. Итак, с одной стороны мы имеем теорию, которая логически приводит к множественности норм прибыли в различных предприятиях, а с другой — опыт и логику, которые с неумолимой необходимостью требуют единой нормы прибыли. Как же выйти из этого противоречия? Маркс, неявно признавший в первом томе наличие и серьезность этого противоречия, отложил его разрешение до III тома, и Энгельс, об'явивший в 1885 г. о предстоящем опубликовании этого III тома, как бы вызвал экономистов на состязание, побуждая их выступить с собственным решением проблемы» (стр. 102).

За розыски этого решения принялся, подобно целому ряду других «знаменитых экономистов», и наш Лориа. Выступив против марксовой теории стоимости, он «попытался в то же время доказать чисто теоретическую возможность примирения этой теории с существованием единой нормы прибыли... но подчеркнул при этом огромные практические затруднения, благодаря которым это решение становится неприменимым на деле» (стр. 103). Изложив решение самого Маркса, он прибавляет: «Мы должны произнести суровое, но справедливое слово: вместо решения мы имеем перед собой мистификацию» (стр. 108). В утверждении Маркса, что, с одной стороны, есть «нечто общее, присутствующее в разных товарах и измеряющее их стоимость, именно количество заключенного в них человеческого труда», и что, с другой стороны, «равенство стоимости уравнивает разные количества труда или что продукты фактически обмениваются не в той пропорции, которая должна была бы определяться количеством труда, содержащегося в них» (стр. 112), — в этом утверждении Лориа усматривает страшное противоречие и обрушивается на Маркса со следующими восклицаниями: «Видано ли более полное приведение к абсурду, более всецелое теоретическое крушение? Видано ли — спрашиваю я — научное самоубийство, совершенное с большей пышностью и торжественностью?» (стр. 112). Знаменитая загадка разрешается, по словам Лориа, в «пустой каламбур», и Маркс в III томе самым явным образом отрекается от своего учения, целиком и полностью примыкая к правовернейшим теориям поносимых им экономистов. А так как теория стоимости есть тот пьедестал, на котором воздвигается вся статическая часть системы Маркса... то эта наиболее строгая и научная часть его

системы, вся его теория прибавочной стоимости, прибыли и заработной платы окончательно рушится вместе с отрицанием теории стоимости» (стр. 113).

Анализируя марксово об'яснение торговой прибыли, Лориа находит, что оно лишний раз подтверждает «отрицание марксистской теории стоимости», так как «товары, продаваемые промышленным капиталистом купцу, имеют меньшую стоимость, чем это соответствует количеству вложенного в них труда». Прежде Лориа, как мы видели, обвинял Маркса в том, что он и не думал дополнить первый том «Капитала» дальнейшими томами; теперь он пытается смягчить это обвинение, заявляя, что оба тома, изданные посмертно, «были написаны, за исключением отдельных страниц, до издания I тома и что после его выхода в свет в них ничего не было ни прибавлено, ни изменено Марксом, — чем подтверждается высказанное мною когда-то мнение, что вероятно Маркс и не думал издать второй том после первого, который затмил бы его своим блеском» (стр. 137).

В заключение, изложив содержание «посмертного труда Маркса», Лориа заявляет, что историческая часть марксовой системы остается в силе, но что его «экономическая теория в собственном смысле слова, та социальная математика, которую он построил на основе теории стоимости, должна после опубликования его посмертного труда считаться навсегда разрушенной и перейти отныне в разряд наиболее фантастических, хотя и наиболее блестящих утопий» (стр. 147). Он замечает далее, что не следует предаваться унынию «при виде этого теоретического крушения и усматривать в нем печальное предзнаменование для будущих судеб социальной критики и социального движения». Нет, освободившись от неразумного раболепства перед теориями учителя, «ученики» смогут теперь искать новых путей, и это будет только плодотворно для дальнейшего развития научного социализма. Они восстанут против средневекового преклонения перед авторитетом Маркса. И Лориа обращается к ним с призывом: «пора социалистам понять, что заключить себя навеки в интеллектуальную тюрьму одной книги (эта книга — «Капитал»! — Э. П.) было бы достойно азиатов, а не европейцев, и предвещало бы вековой застой, а не плодотворное восхождение в высшие сферы мысли». И мы уже наблюдаем, по мнению Лориа, печальные последствия этого застоя. Между тем как все кругом прогрессирует, один марксизм не двигается с места. Маркс нашел не продолжателей, а лишь слепых верующих, которые повторяют массам его аксиомы» (стр. 148). Лориа высказывает надежду, что «наиболее просвещенные среди социалистов откажутся от старого бессмысленного поклонения и подвергнут всестороннему пересмотру собственные тезисы и теории» (стр. 148). Это благочестивое пожелание не замедлило осуществиться в ревизионизме Бернштейна.

Энгельс в своем предисловии к III тому «Капитала», подписанном 4 октября 1894 г. в Лондоне, отвечает на вызов Лориа от 1883 г. Лориа 1895 года был просмотренным, но отнюдь не улучшенным изданием прежнего Лориа. Он успел приобрести международную известность, в иностранных журналах по экономическим и социологическим вопросам стали нередко встречаться ссылки на «его теории». В Италии он был одним из самых видных университетских профессоров, Academia dei Lincei премировала его труды, а в то же время лидеры итальянского социализма открыли перед ним двери своего теоретического органа и смотрели на него, как на своего крупнейшего теоретика. Не проявил ли Энгельс при таких условиях чрезмерный оптимизм, выразив надежду, что итальянские социалисты сумеют в свое время выщипать павлиньи перья, которыми горделиво щеголял в Италии этот мнимый создатель новой исторической теории? Итальянские социалисты, на которых понадеялся Энгельс, позволили Лориа и его «ученикам» вести борьбу против Маркса и Энгельса на страницах официального органа итальянского

марксизма! Впрочем, Энгельс и сам свел счеты с Лориа. За первой отповедью 1883 г. (см. выше) последовала вторая, от которой Лориа уже не оправился. Незадолго до своей смерти Энгельс нанес сокрушительный удар всем хулителям Маркса, но в особенности нашему Лориа, в знаменитом отныне предисловии к III тому «Капитала». Как известно, Энгельс еще раз напоминает о написанном Лориа в 1883 г. некрологе Маркса, переполненном ложными данными, и замечает, что Лориа «фальсифицировал материалистический взгляд Маркса на историю с таким апломбом, который позволяет угадать великую цель».

«В 1886 г., — продолжает Энгельс, — тот же г. Лориа напечатал книгу «Экономическая теория политического строя» («La teoria economica della constituzione politica»), в которой возвестил изумленным современникам как свое собственное открытие историческую теорию Маркса, так основательно и так умышленно искаженную им в 1883 г. Конечно, теорию Маркса он свел здесь к довольно филистерскому уровню; исторические иллюстрации и примеры также пестрят ошибками, непростительными и для школьника четвертого класса. Но что за важность? Открытие, что политические состояния и события всегда и всюду находят свое об'яснение в соответствующих экономических состояниях, было сделано, как доказано упомянутой книгой, отнюдь не Марксом в 1845 г., а г. Лориа в 1886 г.! По крайней мере ему удалось уверить в этом своих земляков, а с тех пор, как его книга появилась на французском языке, и некоторых французов, и теперь он может важничать в Италии как автор новой исторической теории, создавшей эпоху, пока тамошние социалисты не найдут времени повыщипать у illustre Loria краденые павлиньи перья.

«Но это лишь один маленький образец приемов г-на Лориа. Он уверяет нас, что все теории Маркса основываются на сознательных софизмах (un consaputo sofisma); что Маркс не смущался паралогизмами даже в тех случаях, когда сам видел в них таковые (sapendoli tali) и т. д. И сообщив своим читателям в целом ряде подобных пошлых россказней все необходимое для того, чтобы они увидели в Марксе карьериста à la Loria, достигающего своих маленьких эффектов с помощью таких же жалких и негодных средств, как наш падуанский профессор, он может под конец сообщить им важную тайну, а вместе с тем возвращает и нас к вопросу о норме прибыли.

«Г-н Лориа говорит: по Марксу масса прибавочной стоимости (которую г. Лориа отождествляет здесь с прибылью), произведенной в капиталистическом промышленном предприятии, соответствует употребленному в нем переменному капиталу, так как постоянный капитал не приносит никакой прибыли. Но это противоречит действительности, ибо на практике прибыль соответствует не переменному, а всему капиталу. И Маркс сам видит это («Капитал», I, гл. XI) и соглашается, что факты по внешней видимости противоречат его теории. Как же разрешает он это противоречие? Он отсылает своих читателей к еще не появившемуся следующему тому. Об этом томе Лориа уже раньше сообщил своим читателям, что он не верит, чтобы Маркс хотя бы одно мгновение думал о его написании, и теперь он торжествующе восклицает: «Итак, я справедливо утверждал, что этот второй том, которым Маркс постоянно угрожает своим противникам и который, однако, никогда не появится, что этот том верней всего служил хитроумной увёрткой, применявшейся Марксом в тех случаях, когда у него нехватало научных аргументов». И кто все еще не убедился, что Маркс стоит на такой же высоте научного шарлатанства, как l'illustre Loria, с тем пива не сваришь.

«Итак, мы узнали следующее: по мнению г. Лориа теория прибавочной стоимости Маркса абсолютно несовместима с фактом общей равной прибыли. Но вот появилась вторая книга и вместе с ней публично поставленный

аною вопрос как раз об этом самом пункте. Если бы г. Лориа был одним из нас, робких немцев, он пришел бы в некоторое смущение. Но он — смелый южанин, он сын страны с жарким климатом, где, как он может утверждать, беззастенчивость (Unverfrorenheit) является до некоторой степени естественным условием. Вопрос о норме прибыли предложен публично. Г-н Лориа публично об'явил его неразрешимым. И именно потому он теперь превзойдет самого себя, разрешив его публично.

«Это чудо действительно произошло в Conrads Jahrbücher т. XX, стр. 272 сл., в статье о вышеупомянутой работе Шмидта. После того, как он узнал от Шмидта, как образуется торговая прибыль, для него сразу все стало ясно. «Так как определение стоимости рабочим временем дает преимущество тем капиталистам, которые вкладывают большую часть своего капитала в заработную плату, то непроизводительный (следовало сказать: торговый) капитал этих пользующихся преимуществом капиталистов может получить более высокий процент (следовало сказать: прибыль) и создать равенство между отдельными промышленными капиталистами...». Так например, если промышленные капиталисты А, В, С употребляют на производство по 100 рабочих дней каждый и постоянного капитала соответственно 0, 100 и 200, а заработная плата за 100 рабочих дней содержит в себе 50 рабочих дней, то каждый капиталист получает прибавочную стоимость в 50 рабочих дней, а норма прибыли составляет 100% для первого, 33,3% для второго и 20% для третьего капиталиста. Но если четвертый капиталист Д накопляет непроизводительный капитал в 300, который требует процента (прибыли) от А стоимостью в 40 рабочих дней, от В процента стоимостью в 20 рабочих дней, то норма прибыли капиталистов А и В понизится до 20%, как у С, и Д с капиталом в 300 получит прибыль в 60, т.-е. норму прибыли в 20%, как и остальные капиталисты».

«С такой поразительной ловкостью, в один миг, l'illustre Лориа разрешил тот самый вопрос, который он за десять лет перед тем об'явил неразрешимым. К сожалению, он не открыл нам тайны, откуда «непроизводительный капитал» берет силу не только отнять у промышленников эту их избыточную прибыль, превышающую среднюю норму прибыли, но и удержать ее у себя в кармане совершенно так же, как землевладелец кладет себе в карман в виде земельной ренты добавочную прибыль арендатора. В самом деле, при этом купцы взимали бы с промышленников дань, совершенно аналогичную земельной ренте, и таким образом установляли бы среднюю норму прибыли. Но только литературный авантюрист, который в глубине души плюет на всю политическую экономию, может позволить себе утверждение, что торговый капитал обладает волшебной силой поглощать всю избыточную прибавочную стоимость, превышающую общую норму прибыли, притом поглощать прежде, чем последняя установлена, и превращать ее в земельную ренту для себя самого, притом еще так, что для этого ему не требуется никакой земельной собственности. Не менее удивительно утверждение, что торговый капитал совершает такое дело, как открытие тех промышленников, прибавочная стоимость которых как раз достигает лишь средней нормы прибыли, и что он почитает за честь для себя до некоторой степени облегчить участь этих несчастных жертв закона стоимости Маркса, продавая их продукты без особого вознаграждения за продажу, даже без всякой комиссии. Каким надо быть фигляром, чтобы вообразить, будто Маркс нуждался в подобных жалких фокусах!»

Энгельс сравнивает далее Лориа с его северными конкурентами, тоже выпустившими целые тома с целью фальсифицирования мысли Маркса: он делает это для того, чтобы «наш illustre/Лориа мог выступить в полном блеске своей славы». Энгельс находит северных хулителей Маркса слишком слабыми, они почти скромны по сравнению с той благородной смелостью, с какой маэстро (т.-е. Лориа.—Э. П.) выдает за нечто самоочевидное, что Маркс... совершенно

такой же сознательный софист, паралогист, хвастун и шарлатан, как сам г. Лориа, что Маркс всякий раз, когда попадает в затруднительное положение, обещает публике дать окончание своей теории в следующем томе, который он, как это ему самому очень хорошо известно, и не может и не собирается выпустить! Безграничная отвага, соединяющаяся с чрезвычайной изворотливостью и уменьем выходить из самых невозможных положений, героическое равнодушие к полученным пинкам, стремительно быстрое присвоение чужих работ, назойливое шарлатанство рекламы, организация успеха при помощи шумихи друзей, — кто может сравниться с ним во всем этом?

«Италия — страна классического. С того великого времени, как там взошла заря современного мира, эта страна произвела величественные характеры недосягаемого классического совершенства, от Данте до Гарибальди. Но времена унижения и чужеземного господства оставили ей и другие классические характеры, среди них два особенно рельефных типа: Сганареля и Дулькамару. Классическое единство обоих мы находим воплощенным в нашем illustre Лориа».

Атака Энгельса была, как мы видим, настолько энергична, что должна была встряхнуть даже такого беззастенчивого суб'екта, как Лориа, который, «получив удар, лижет ударившую его руку и при этом приговаривает, что он все-таки прав». После появления предисловия Энгельса за границей Лориа оказался в самом неприятном положении, тем более, что в Италии содержание этого предисловия уже стало известно в некоторых кругах. Помочь ему в этой беде задумали Филиппо Турати и его жена, Кулишова, вдвоем редактировавшие «Critica Sociale». Франческо Нитти, предшественник фашизма, тоже счел нужным спасать его. Одними из первых получили предисловие Энгельса супруги Турати. Действительно, в своем письме от 18 декабря 1894 г. Антонио Лабриола пишет Энгельсу: «Из последнего номера «Critica Sociale» вы увидите, каковы были моральные и интеллектуальные последствия вашей любезности по отношению к г-же Кулишовой, которой вы послали п р е д и с л о в и е, и вашей отповеди по адресу Лориа. В результате «Critica Sociale» превратилась в официальный орган Лориа». Как это ни невероятно, но после отповеди Энгельса, которая должна была бы окончательно уничтожить Лориа в глазах всякого социалиста, «Critica Sociale» помещает его статью, озаглавленную «Революция», а по существу являющуюся скорее изложением тезисов контрреволюции.

В это же самое время Нитти, находившийся тогда в начале своей политической карьеры, основал журнал «La Riforma Sociale», в котором он выдвигал идею буржуазных реформ, как средства борьбы с зарождающимся социализмом. Нитти уговорил Лориа ответить Энгельсу. Он был уже тогда, как мы узнаем из писем Антонио Лабриолы, доверенным лицом органов итальянского правительства, редактором полицейской газеты «Mattino di Napoli», и подбирался не только к профессорской кафедре, но и к министерскому портфелю.

Этим-то об'ясняется, что ответ Лориа Энгельсу появился в форме открытого письма к «высокоуважаемому и дорогому другу», каким был для него Нитти, «побудившему его ответить» на тяжкие обвинения Энгельса. Итак, воспользовавшись «любезным гостеприимством» друга, Лориа начинает свой ответ Энгельсу с заверения, что «инвективы, брошенные ему в лицо Энгельсом с таким юношеским пылом... не могут и никогда не смогут уничтожить или хотя бы только ослабить искреннее уважение, которое он всегда питал к нему».

Против первого обвинения Энгельса — обвинения в фальсификации материалистического взгляда на историю с коварным намерением выдать его впоследствии за свое собственное создание, что он действительно и сделал три года спустя в «Экономической теории политического строя», — Лориа выдвигает следующее утверждение: в том же году, в котором он доложил

«Nuova Antologia» самоубийственную несостоятельность марксовой теории, он признал в «Rivista critica delle scienze giuridiche e sociale», что Маркс родоначальник учения, согласно которому «все проявления человеческой деятельности, будь то в области юридической или религиозной, философской, художественной, криминальной и т. д., всецело определяются экономическими отношениями, так что каждой фазе этих последних соответствует особая форма названных проявлений, как их необходимый продукт». Теперь же Лориа должен прямо сказать, что он отказывается от этой оценки роли Маркса Дальнейшие исследования убедили его, что не Маркс родоначальник материалистического понимания истории, а Аристотель и Гаррингтон и еще «целая плеяда историков, политиков, юристов и экономистов, живших задолго до вождя Интернационала».

Что касается его сомнений в опубликовании II тома «Капитала», то Лориа об'ясняет их тем, что он был уверен в бессилии Маркса разрешить те «серьезные противоречия, которые остались неразрешенными в первом томе». К тому же мог ли бы Маркс создать еще что-нибудь, «равное по блеску его первому тому?» Но так как «Энгельс бросает ему теперь в лицо второй и третий томы, не говоря о четвертом, который, как сообщают, тоже будет вероятно опубликован», то он, Лориа, может только радоваться этому факту. «Капитал» был для него источником «таких огромных интеллектуальных радостей, что никогда победа не была для него так приятна, как его нынешнее поражение» (т.-е. как то, что он оказался лжецом и клеветником.—*Э. П.*). Но тут он внезапно перебивает сам себя и коварно добавляет: «если только это действительно поражение. Но так ли это?» И он опять повторяет свои критические выпады против двух новых томов, которые он предпочел бы никогда не видеть. Посмертный труд Маркса представляется ему «набором разрозненных заметок». «Можно ли быть уверенным, что Маркс опубликовал бы эту главу о средней норме прибыли, в которой так давно обещанное разрешение сводится к самой безотрадной мистификации, к игре пошлейшими фразами?» И Лориа снова высказывает сомнение в подлинности книги; он отказывается признать ее посмертным произведением Маркса. «Ничего нового не было написано после 1867 г., т.-е. со времени опубликования первого тома, ничего не просочилось из позднейших исследований Маркса в посмертную книгу, она ни в каком отношении не улучшает первого тома. Следовательно, Маркс не намеревался дать ему продолжение или, в крайнем случае, хотел предоставить своим наследникам, переложив на них всю ответственность за завершение своего гигантского труда».

Лориа читает затем наставление «главе высшего марксистского духовенства» (Энгельсу) по поводу противоречия между социалистической теорией стоимости и существованием единой нормы прибыли — противоречия, которое он «уже неоднократно называл самоубийственным». Абстрактно говоря, здесь никакого противоречия нет, но оно неизбежно появляется на практике, и Лориа, протестуя против упрека Энгельса, обвинившего его в шарлатанстве за его попытку примирить то и другое, высказывает сожаление по поводу странной слепоты Энгельса, который видит сучок в его глазу и не замечает бревна в своем собственном.

Данную ему Энгельсом характеристику, как Дулькамары и Сганареля, Лориа использует для прочтения Энгельсу небольшой лекции по этимологии. Он считает нужным исправить «промахи» Энгельса в употреблении этих слов. Дулькамара, об'ясняет он, есть особое промышленное изделие (т.-е. особый товар, применяемый народными лекарями), а «затем Дулькамара означает врача-шарлатана — тип, процветающий как в бурбонской Италии, так и в республиканской Америке». Конечно, именно в смысле «шарлатана» Энгельс и употребил это слово, как имя главного героя в наверное известной ему опере «Любовный элексир» итальянского композитора Доницетти. Что же

касается Сганареля,—продолжает Лориа,—то это вовсе не «низкий характер», а просто персонификация народного здравого смысла... и, как всем известно, имя одного из персонажей мольеровских комедий. Ясно, таким образом, что к Лориа, как к итальянцу, это имя не может иметь никакого отношения!

Лориа заключает из всех этих «промахов» Энгельса, что у Энгельса вследствие «потери любимого друга» совершенно помрачился рассудок. «Он находится во власти страшной галлюцинации, под тяжким гнетом мучительного гипнотического навождения». Словом, если послушать Лориа, Энгельс сошел с ума!

IV.

Плагиаторство Лориа проявилось главным образом в его попытке похитить у Маркса его материалистическое об'яснение истории и марксистский закон падения нормы прибыли. Но Лориа не рядовой плагиатор: он не довольствуется бесстыдным ограблением своей жертвы, он—виртуоз, который умеет эклектически отобрать нужные ему элементы «с такою ловкостью, что может показаться, будто он не то исправляет, не то разрушает» [1]) украденные им теории. Своей громкой известностью в Италии он обязан именно тому, что он, с одной стороны, критиковал Маркса, а с другой—выдавал себя за его «продолжателя и усовершителя». Поэтому «ему было легко прослыть в свое время гениальным писателем среди литераторов и склонным к социализму мыслителем в кругах социалистической партии» [2]). Итальянская буржуазия отнеслась к нему весьма сочувственно, потому что его эволюционные теории, в которых он преувеличивает об'ективное движение и сознательно умаляет роль волевого, суб'ективного элемента, носят квиэтистский характер, вполне безопасный для существующего порядка. У лидеров итальянской социал-демократии — круглых невежд в марксизме и невероятных путаников во всех теоретических вопросах—цветистые и пошлые писания Лориа встретили, как мы видели, благосклонный прием и проникли даже в официальный орган итальянского марксизма. «Critica Sociale» была прямо в восторге от такого сотрудника, как Лориа, умевшего кормить своих читателей никуда не годной шелухой и удерживать рабочее движение в русле реформистского эволюционизма.

Если таким образом итальянские социал-демократы не сумели или не хотели увидеть в Лориа «литературного авантюриста» (как его называет Энгельс), то это его «качество» не ускользнуло от взора некоторых представителей итальянской буржуазной науки. Среди них одним из первых, открывших истинного Лориа, был Бенедетто Кроче. Еще в 1896 г. он посвятил Лориа специальный очерк под заглавием «Les théories historiques de M. Loria» [3]).

Со сдержанностью, приличествующей наиболее знаменитому представителю буржуазно-либеральной итальянской культуры, вполне ясно и определенно он высказывает в этой статье свой взгляд на Лориа. Он прямо называет его плагиатором и присоединяется к оценке Энгельса, назвавшего его «авантюристом». Разумеется, и Кроче противник Маркса, но его серьезность и уважение, которое он питает к буржуазной науке, вызывают в нем возмущение профессиональным шарлатанством Лориа. Не вдаваясь в вопрос по существу, Кроче удовлетворяется разоблачением техники «знаменитого Лориа». Он показывает, напр., какими способами Лориа пытается прикрыть свой

---

[1]) B. Croce, Matérialisme historique et économique marxiste. Париж, 1901 г., стр. 40.

[2]) Там же, стр. 42.

[3]) Напечатано по-французски в «Devenir Social», 2-й год издания, ноябрь 1896 г.

плагиат. Чтобы затушевать тот факт, что он взял свои идеи у Маркса, он «решает дать историческую справку о своих предшественниках (предшественниках Лориа), и какую справку! Он начинает с Гаррингтона (1656 г.), который как будто служит ему мостом к Аристотелю, а затем называет Давенана, Монтескье, Герцберга, физиократов, Адама Смита; эта концепция (экономическая теория политического строя) «встречается также, хотя и с некоторыми колебаниями, у Марлио» и наконец «в более ясном виде у Джонса, Прудона (?), Маркса (который проливает яркий свет на этот вопрос), у Энгельса (заметьте, с какой развязностью он вводит Маркса и Энгельса как бы между прочим. — Э. П.) ...и господина де Греефа»... И это Лориа называет историографией идей. Применяя такой метод, было бы не трудно доказать, что идеи вообще не имеют истории и что все человеческие идеи существовали всегда» [1]).

А вот оценка, которую Кроче дает Лориа как писателю: «... Мне кажется, что г. Лориа не принадлежит к числу людей, чрезмерно занятых вопросами науки и общественной жизни. Он по своему темпераменту типичный литератор, один из тех, кто любит писать книги, щеголять своим остроумием и красноречием, пожинать лавры и срывать аплодисменты студенческой аудитории» [2]).

Характеризуя стиль Лориа, он говорит:

«...Это писатель, который пишет легко и много, писатель с богатым воображением и цветистым стилем. Он очевидно старается подражать исполненному юмора и образному изложению Карла Маркса и его манере олицетворять и одушевлять абстрактные категории политической экономии. Но у Маркса форма соответствует его характеру, она интимна и значительна, тогда как у Лориа она является чем-то пустым и внешним: жар, негодование, ирония — все это только аксессуары стиля».

По отношению к Марксу, ставшему его «жертвой», Лориа, как мы уже видели, занимает противоречивую позицию. «Он осыпает его цветами и преклоняет перед ним колени, называет его величайшим мыслителем в области общественных наук... одним из величайших мыслителей века, его главное произведение — великая, изумительная книга, самая прекрасная, самая совершенная, самая симметричная (?), какую он только знает, это шедевр, отмеченный характером высокой научности. Третий том «Капитала» вызвал в нем потребность нравственно преклониться перед изумительной мощью этого несравненного ума». И тотчас вслед за этим он восклицает, что «Капитал» полон самых грубых софизмов, что Маркс «сознательно допускает паралогизмы, и когда ему не удается разрешить какое-нибудь затруднение, он делает ловкий ход и отсылает за его разрешением к следующему тому, которого не собирается писать». Когда же Маркс дает обещанное решение в книге, которая якобы не должна была появиться, Лориа заявляет, что это решение представляет собою пошлейшую игру слов и даже **мистификацию**. Б. Кроче находит, что такая двойственная позиция Лориа об'ясняется **радикальным дефектом его ума**.

Выступали против Лориа и другие буржуазные писатели, напр., Джуффрида, утверждавшие, что критика Лориа несостоятельна.

Однако, в качестве орудия политической борьбы Лориа оказался весьма полезен не только для социал-демократических лидеров, но и для итальянских имущих классов. В судебных процессах против рабочих, серьезно вставших на путь классовой борьбы, королевская прокуратура поспешила использовать Лориа для полемики с Марксом в судебном зале и для осуждения рабочих, которые, не зная теорий Маркса, фактически применяли их на деле. Вот что

[1]) B. Croce, Matérialisme historique etc Париж, 1901 г., стр 46
[2]) Там же, стр. 83

пишет об этом Антонио Лабриола в письме к Энгельсу от 9 февраля 1895 г.: «В римском процессе социалистов королевский прокурор Мортара, учившийся вместе с Ферри и Лориа, произнес в своей обвинительной речи длинную тираду против Маркса, постоянно цитируя отрывки из Лориа, своего кузена...» И несколько дальше: «На авторитет этого же самого Лориа ссылается и полицейский агент Серниколи в своей недавно вышедшей книге против анархистов».

Тем не менее все это не помешало Турати и его единомышленникам рекламировать попрежнему писания Лориа. Как раз тогда появилась одна его новая книга под заглавием «Социальные проблемы», в которой он утверждал, «что коммунизм невозможен, что собственность была и будет всегда, что весь социализм соткан из софизмов». «И «Critica Sociale» и «Lotta di Classe» (?!), два официальных органа социалистической партии Италии, помещают выдержки из этой книги и рекомендуют ее своим читателям»[1]).

Сорвав маску с Лориа, Лабриола мог затем с полным правом обрушиться на итальянских социал-демократов, этих истинных виновников процветания л о р и а н с т в а в Италии. Все его попытки заставить их «выбрать путь, принять решение, усвоить определенную теорию и линию поведения»[2]) неизменно наталкивались на глухое сопротивление. С самого возникновения итальянской социалистической партии, еще на ее учредительном с'езде (Генуя, 1892 г.), они утверждали, что четкая программа «совершенно невозможна, приходится лавировать между анархистами, социалистами и рабочими от станка — и т а л ь я н с к и е р а б о ч и е н е с о з р е л и д л я п о л и т и к и, н у ж н о ж д а т ь...»[3]).

Все эти Турати, Прамполини и прочая накипь итальянской социал-демократии представляли интересы мелкой буржуазии города и деревни. После завершения национального об'единения Италии начинает зарождаться крупная итальянская буржуазия. В стране быстро возникает крупная промышленность и вместе с нею пролетариат. В результате мелкая буржуазия, игравшая до того преобладающую роль в экономической и политической жизни Италии, должна была шаг за шагом сдать свои позиции поднимавшемуся финансовому капиталу. Одновременно бакунизм, успевший пустить глубокие корни среди рабочих масс в ту пору, когда главной экономической базой страны было мелкое крестьянское хозяйство и городское ремесло, начал с появлением промышленного пролетариата быстро терять своих сторонников. Оказавшись таким образом в тисках между двумя вновь возникшими экономическими и политическими силами, мелкая буржуазия выделила из себя в процессе своего распада ту массу деклассированных элементов, которую Маркс характеризует следующими словами: «Адвокаты без дела, врачи без больных и без знаний, студенты, проводящие большую часть времени за бильярдом, коммивояжеры и прочие торговые служащие и главным образом журналисты мелкой печати с более или менее сомнительной репутацией»[4]). Из этой массы вышли и вожди итальянской социал-демократии. Они-то возглавили итальянское рабочее движение, «завладели всеми официальными постами», воздвигли китайскую стену между революционной теорией и итальянскими рабочими. Без них, без их поддержки явление л о р и а н с т в а никогда не приняло бы в Италии таких курьезно-несообразных размеров.

---

[1]) См. письмо Антонио Лабриолы Энгельсу от 9 февраля 1895 г.
[2]) См. его письмо от 2 сентября 1892 г.
[3]) Там же.
[4]) К. М а р к с, Социал-демократический альянс и Международное товарищество рабочих!

РАБОТА СЕМИНАРОВ ФИЛОСОФСКОГО ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция приступает к систематическому печатанию обработанных докладов, выступлений, статей и др. материалов слушателей Философского института красной профессуры, чтобы отразить на страницах ПЗМ работу, которая происходит в семинарах ин-та.

Отдавая себе полный отчет в том, насколько такие работы могут быть отрывочны, иногда несовершенны, иметь те или другие недостатки—редакция все же считает, что это один из очень важных путей выявления наших растущих партийных кадров на философском участке теоретического фронта и объединения вокруг журнала молодого теоретического актива.

Редакция обращается к слушателям Фил. ИКП, к слушателям других институтов кр. профессуры, к аспирантуре местных отделений Комакадемии с просьбой принять активное участие в этом отделе журнала.

К вопросу о социалистических формах труда.

М. Розенталь

I.

Проблема формирования социалистического труда—чрезвычайно важная и большая проблема. Данная статья ни в коей мере не исчерпывает и не ставит всесторонне этот вопрос. Задача ее заключается в том, чтобы изложить взгляды марксизма-ленинизма на этот вопрос и на конкретном материале Днепровского строительства показать процесс формирования социалистического труда. Неотложной задачей теоретического фронта является всесторонняя разработка этой проблемы, обобщение конкретного материала по соцсоревнованию и ударничеству на основе учения Маркса, Ленина и Сталина.

Марксизм-ленинизм учит, что каждому исторически-определенному способу материального производства и соответствующему ему типу производственных отношений соответствует определенная организация общественного труда.

Феодальная общественная формация имела свою организацию труда, капиталистическая формация — свою, отличную от феодальной организации, коммунистическая формация будет иметь коренным образом отличающуюся от первых двух, свою организацию труда.

Ленин в статье «Великий почин» указывает на основное различие в организации труда в этих трех общественно-экономических формациях.

«Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась

на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой — наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов.

Коммунистическая организация общественного труда, в которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться, на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго, как помещиков, так и капиталистов» [1]).

Таким образом, та или иная организация труда соответствует исторически-определенному способу производства и возникающим на его основе производственным отношениям.

Кооперацию как форму совместного общественного труда, например, можно наблюдать и на первобытных ступенях развития общества, и в античном мире, и при капиталистическом способе производства, и при коммунизме. Однако в этих различных общественно-экономических формациях встречаются различные формы кооперации, между которыми нельзя поставить знака равенства. Ибо, как говорит Маркс, первобытные формы кооперативного труда покоятся «на общем владении условиями производства», античные формы—на «отношениях непосредственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве»; капиталистические формы кооперации (простая кооперация, мануфактура и крупная промышленность) предполагают наличие класса «свободных» рабочих, нанимающихся к капиталистам; коммунистическая форма кооперативного труда (крупная социалистическая промышленность) основывается на общем владении условиями и средствами общественного производства и как бы воспроизводит первобытные формы, но на иной, неизмеримо высокой ступени общественного развития.

Каждой исторически определенной форме организации общественного труда свойственны определенная степень производительности, эффективности, интенсивности труда и др. черты.

Так, капиталистическая организация труда до известного исторического момента способствовала гигантскому развитию производительных сил (по сравнению с феодализмом), высокому поднятию производительности труда, расцвету наук и пр., пока капиталистические производственные отношения не пришли в антагонистическое столкновение с развившимися в недрах самого капитализма производительными силами.

Социалистическая организация труда должна оставить далеко позади темпы общественного развития при капитализме, тот уровень производительных сил, который был достигнут капитализмом. Практика социалистического строительства в СССР это прекрасно подтверждает. Однако дело здесь не только в количественных различиях, дело в том, что социалистическая организация труда является прямой противоположностью наемному труду, господствующему при капитализме. Коммунистический труд предполагает уничтожение наемного труда, всех и всяческих форм эксплоатации и принуждения.

Если развитие производительных сил при капитализме неизбежно приводит к концентрации общественного богатства в руках паразитической кучки капиталистов и к обнищанию и гибели сотен тысяч и миллионов трудящихся и если на известной ступени своего развития капиталистические производственные отношения неизбежно приводят к загниванию производительных сил и всех тканей капиталистического общества, то гигантское развитие производительных сил в социалистическом, бесклассовом обществе сопровождается ростом благосостояния всего человечества (после экспро-

[1]) Ленин, изд. 1-е, т. XVI, стр. 248

приации экспроприаторов и уничтожения классов), могущественным расцветом коммунистической культуры, переходом человека из животного в собственно человеческое состояние, по выражению Энгельса.

Помимо того, что между формами общественного труда в различных общественно-экономических формациях имеется определенное качественное различие, существует еще и более глубокая принципиальная противоположность между двумя основными типами или организациями общественного труда: досоциалистическими (рабовладельческая, феодальная, капиталистическая), основанными на господстве частной собственности, и социалистическими формами труда, возникающими на основе уничтожения частной собственности на средства производства, уничтожения классов и всех форм эксплоатации и угнетения.

Эту противоположность постоянно подчеркивали Маркс, Энгельс и Ленин.

Основная черта досоциалистических формаций (мы исключаем отсюда первобытное коммунистическое общество) заключается в том, что господствующими классами в этих обществах являлись сравнительно ничтожные группы людей, монополизировавших основные условия и средства производства и эксплоатирующих трудящееся большинство общества.

Поэтому и формы организации труда в этих обществах приспособлены для цели грабежа и эксплоатации, приноровлены к тому, чтобы как можно больше выжать крови и пота из рабов, крепостных и рабочих для личного обогащения, для увеличения богатств и благ эксплоататоров.

Именно поэтому Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что существенного различия с этой точки зрения между рабом и пролетарием нет.

«С общественной точки зрения класс рабочих является такой же принадлежностью капитала, как и мертвый рабочий инструмент. Римский раб был прикован цепями, наемный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику, но только этот собственник — не отдельный капиталист, а класс капиталистов»[1]).

«Юридически и фактически рабочий есть раб имущего класса — буржуазии»[2]).

«Все отличие от старого откровенного рабства состоит в том, — говорит Энгельс, — что современный рабочий кажется свободным потому, что он продается не раз навсегда, а по частям, на день, неделю, год, и потому, что не один собственник продает его другому, а он сам вынужден себя продавать, ибо он—раб не одного человека, а всего имущего класса» (там же).

Маркс показал, что не только в процессе производства, но и вне производства рабочий, восстанавливающий свои силы для создания новой прибавочной стоимости, является «принадлежностью капитала» (см. «Капитал», т. I, стр. 555-7).

Таким образом, благодаря коренной противоположности и антагонистическому столкновению интересов огромного большинства эксплоатируемых классов с интересами господствующего меньшинства эксплоататоров в антагонистических обществах господствует в основном одинаково ненавистное отношение угнетенных классов к подневольному труду, который служит лишь источником обогащения эксплоататоров, одинаковое отношение к предприятию, к собственности хозяина. В антагонистических обществах, основанных на эксплоатации, как раб, так и крепостной и рабочий не заинтересованы в поднятии производительности труда, в бережном, добросовестном отношении к собственности своего хозяина и т. д.

---

[1]) Маркс, «Капитал», т. I, стр. 567.
[2]) Энгельс, «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.». 1928 г., стр. 129—130.

Конечно, предприниматели различными мерами (премии, награды, сдельные работы и проч.) пытаются заинтересовать в лучшем отношении работников к труду, но эти мероприятия могут затронуть только отдельные прослойки рабочих.

Труд в этих формациях является трудом принудительным в подлинном смысле этого слова, он является тяжелым бременем, тяжелой обязанностью для трудящихся. Этим об'ясняется то обстоятельство, что существующие в этих формациях формы организации труда держатся на дисциплине палки при «крайней темноте и забитости трудящихся», «на дисциплине голода», на страхе безработицы и на прочих прелестях эксплоататорского режима. Как над рабом и крепостным, так и над современным рабочим на капиталистическом предприятии командует эксплоататор, его слуга, надсмотрщик. Разница только та, что буржуазия применяет более «цивилизованные» средства принуждения (лишение работы, штрафы, вычеты и проч.). Капиталисты значительно лучше, нежели феодалы и прежние рабовладельцы, расправляются огнем и мечом с колониальными рабами и революционными рабочими. Особенно издевательски звучат речи идеологов империалистической буржуазии вплоть до самых подлых ее представителей и защитников социал-фашистов — Каутских, Гильфердингов и т. д. — о свободном труде и проч. сейчас, в период всеобщего мирового кризиса капитализма, когда положение рабочего класса во всех странах резко ухудшилось, когда на улицы капиталистических городов выброшено около 40 миллионов безработных и когда капиталисты изощряются в попытках создания новых форм эксплоатации трудящихся и применения новых зверских методов принуждения.

Все вышесказанное не означает, однако, что нет никакой разницы в технической организации и в уровне развития производительности труда при капитализме по сравнению, например, с феодализмом. Смешно было бы не видеть этой разницы. Капитализм гигантски развил технику, поднял ее на высочайшую ступень. Но он превратил могущественные средства освобождения человека от власти природы—современную технику и науку— в средства порабощения человека человеком, в средства капиталистической эксплоатации.

Капиталистический прогресс «соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплоатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д.» [1]).

И Ленин делал вывод, что «Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области».

Он говорил, что «Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и Советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма» (там же).

Капитализм, несмотря на его прогрессивность на прошлых этапах развития, несмотря на достигнутый им уровень современной техники и науки, является системой жесточайшей эксплоатации большинства меньшинством, и формы общественного труда при капитализме по своему типу ничем не отличаются от форм труда в феодальном и рабовладельческом обществах. Отличие рабовладельческого общества и феодализма от капитализма сводится лишь к изменению форм порабощения, к превращению феодальной эксплоатации в капиталистическую. Здесь, как говорил Ленин, одна форма эксплоатации сменила лишь другую форму эксплоатации.

---

[1]) Ленин, т. XV, стр. 194

Смена одних антагонистических обществ другими, столь же антагонистическими, хотя и более высокими по уровню развития производительных сил, не устраняет ни принудительного характера общественного труда, ни классового гнета и эксплоатации, а изменяет лишь их формы, делая их более утонченными, более разрушительными, жестокими и бесчеловечными. История борьбы классов, и в особенности классовая борьба пролетариата и трудящихся масс в эпоху империализма, целиком подтверждает это марксистское положение. Никогда в истории человечества эксплоатация трудящихся масс, опасность массового физического истребления, вырождения и одичания не достигала таких огромных размеров и такой степени, как в последние годы мирового экономического кризиса, связанного с всеобщим кризисом капиталистической системы.

II.

Принципиально и коренным образом отлична организация труда в социалистическом обществе.

Это коренное и принципиальное отличие определяется совершенно иным типом общественного устройства.

Вместе с уничтожением капитализма кончается «предистория» человеческого общества, и человечество вступает в собственно историческую фазу своего развития.

С уничтожением капиталистической эксплоатации трудящихся, с обобществлением средств производства люди начинают трудиться для поднятия своего материального и культурного уровня, миллионы людей, бывших при капитализме забитыми, неграмотными и темными рабами, приобщаются к науке, к управлению государством и проч. Люди сознательно начинают творить свою историю, сознательно создавать по плану новые общественные отношения.

Вполне понятно, что все это должно произвести глубочайший коренной переворот во взглядах на труд.

Как следствие новых производственных отношений создаются новые формы и методы труда.

Каково же основное отличие в формах труда при капитализме и социализме?

На этот вопрос дали исчерпывающий ответ Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин.

С переходом средств производства в общественную собственность, — писали Маркс и Энгельс, — анархия производства заменяется вполне сознательной организацией производства, направленной на улучшение жизненных условий человечества.

«Жизненные условия, окружающие человечество и до сих пор над ними господствовавшие, попадут под власть и контроль людей, которые впервые станут действительными и сознательными повелителями природы и именно в той мере, в какой они станут господами своих собственных общественных отношений... Законы природы будут тогда вполне сознательно применяться ими и, следовательно, подчиняться их господству.

Общественный строй, до сих пор являющийся людям как бы дарованным свыше природой и историей, будет тогда их собственным, свободным делом. Об'ективные внешние силы, господствовавшие над историей, поступают под контроль человека. И только тогда люди начнут вполне сознательно сами создавать свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастаю-

щей степени желаемые действия. И это будет скачком человечества из ц
ства необходимости в царство свободы» [1]).

Этот классический отрывок дает сжатую, концентрированную хар
теристику новых отношений, которые будут складываться в процессе об
ственного развития на новой, социалистической ступени развития общес

Человек освобождается от слепых сил общества и природы и ст
сам господином своей истории, своего развития. Гигантское развитие пр
водительных сил, могущественный рост техники и наук создадут усл
для действительно человеческого существования членов социалистичес
общества. Поэтому все условия, определявшие капиталистические раб
формы и методы организации труда, его подневольность и пр. и пр., отпа
Труд перестает быть принудительным, подневольным трудом.

В коммунистическом обществе «труд перестанет быть только средст
для жизни, а станет сам первой потребностью жизни» (Маркс), труд ста
по выражению Энгельса, удовольствием.

«Коммунистическая организация общественного труда, — гов
Ленин, — к которой первым шагом является социализм, держится и
дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дис
лине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и к
талистов» [2]).

Отношение к труду начинает изменяться на другой день после по
пролетариата. Уже в переходный период труд из «зазорного и тяжелого
мени», из тяжелой принудительной обязанности превращается «в дело ч
в дело славы, в дело доблести и геройства» (Сталин).

Таковы основные принципы нового отношения к труду, новых ф
труда в социалистическом и коммунистическом обществе.

Строительство социализма в СССР целиком подтверждает эти п
ципы, сформулированные Марксом, Энгельсом. Лениным и Сталиным.

Буржуазные идеологи и их помощники — социал-фашисты — ни
конечно, с учением марксизма не могут согласиться.

Буржуа никогда и никак не может согласиться, что труд может (
добровольным, основанным на сознательной дисциплине, а не на дис
лине палки и голода.

Один из представителей германской буржуазии Вальтер Рат
в ответ на статью Ленина «Великий почин» прекрасно выразил взгляд
жуазии на этот вопрос:

«Никто, — говорил он, — кого не принудит к этому голод или же
кий приказ, не пойдет работать в шахты, ползать на брюхе среди обры
угрожающих ему. Если вы действительно устраните старых капитали
вы будете принуждены держать рабочих в ежовых рукавицах и созда
какую-то новую иерархию погонщиков труда. Добровольного тр
не бывает, он доступен только маленькой горсточ
людей».

«Добровольного труда не бывает». Нужна «иерархия погонщи
труда»!

Ниже мы на опыте строительства Днепровской гидростанции покаж
как формируется этот добровольный труд, как коммунистическая, соз
тельная дисциплина внедряется в самые широкие массы рабочих и кл
начало новому, коммунистическому труду. Но этого, конечно, не пон
буржуа, смотрящему на все через очки своей буржуазной предпринимате
ской психологии.

---

[1]) Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 268.
[2]) Ленин, собр. соч., т. XVI, стр. 248

Буржуа переносит отношения, существующие в капиталистическом обществе, на социалистическое общество и делает вывод, что без «погонщиков труда» обойтись нельзя.

Под лицемерные крики о принудительном труде в СССР он пытается убедить, что высшей свободы труда, чем в капиталистических странах, не может быть, что там, в странах цивилизации, уже осуществлены вечные и нерушимые принципы «свободы труда».

Буржуазии вторит как верный ее лакей социал-фашизм.

Здесь интересно разобрать взгляды К. Каутского на рассматриваемый нами вопрос, изложенные в самом последнем его труде «Материалистическое понимание истории».

Каутский, само собой разумеется, исходит из своей, в этой книге четко и ясно сформулированной, социал-предательской теории врастания капитализма в социализм.

Для того, чтобы организовать социалистическое производство, — говорит Каутский, — необходима «экономическая сознательность» рабочих, а также «очень высокая ступень моральной ответственности», глубокая солидарность и т. д. и т. д. (стр. 587).

Что же, по Каутскому, нужно для того, чтобы рабочие приобрели эту «экономическую сознательность»?

Для революционных марксистов, для коммунистов вопрос этот ясен. Нужно прогнать капиталистов, «экспроприировать экспроприаторов», установить диктатуру пролетариата и сделать единственным хозяином заводов и фабрик рабочий класс.

Но для Каутского все это — лишнее, ненужное и пагубно действующее на рабочих дело. Он на этот счет совершенно другого мнения.

«Очень важную роль, — говорит он, — в деле воспитания «экономической сознательности» рабочих предстоит сыграть отдельным муниципалитетам в крупных индустриальных городах. Здесь пролетариат раньше всего овладевает властью и при наличии достаточной свободы коммунального самоуправления он именно здесь впервые начинает делать в широком масштабе первые шаги в области социалистического производства» (стр. 582).

Итак, по Каутскому, в муниципалитетах при «наличии достаточной (!) свободы (!) коммунального самоуправления» пролетариат получает свое первое боевое крещение в деле создания социалистического производства и воспитания в себе «экономической сознательности».

Послушаем дальше. Каутский заявляет, что «в отличие от других материальных и духовных предпосылок социалистического производства» новая производственная мораль создается уже «не на базе капиталистического производства, а может сложиться лишь в рамках социалистического производства». Но жестоко ошибется тот читатель, который подумает, что под последним Каутский разумеет действительно социалистическое производство. Ничего подобного!

Каутский дальше раз'ясняет:

«Это может быть достигнуто тем легче, чем в большей степени социалистические предприятия перестанут представлять собой исключения внутри капитализма и достигнут уже такого широкого распространения, что в состоянии будут оказывать влияние на психологию и методы мышления всего рабочего класса в целом» (стр. 589, разрядка моя. — *М. Р.).*

Здесь речь идет о предприятиях, «социализированных» внутри капиталистического общества, и никакого даже намека на свержение диктатуры буржуазии у Каутского нет.

Здесь повторяется и проводится все та же престарелая социал-предательская теория «хозяйственной демократии», не имеющая ничего общего с марксизмом.

И, наконец, Каутский показывает самую главную, по его мнению, предпосылку воспитания «экономической сознательности» и создания социалистического производства.

«Чем богаче общество, — говорит он, — тем легче будет удовлетворять широкие запросы рабочих и тем легче будет ликвидировать наиболее кричащие проявления нужды, которая требует немедленного принятия соответствующих мер, и тем больше те выгоды, которые сразу будут в состоянии обеспечить рабочим новый режим... Другими словами: чем в большем расцвете находится капиталистическое производство тем более благоприятны перспективы для социалистического производства, которое должно сменить капиталистический режим» (стр. 590, разрядка моя. — *М. Р.*).

Вот, оказывается, самая затаенная мечта Каутского и его приспешников. Он сам строкой ниже признает, что это звучит «парадоксом», но... но, видно, такова уже задача Каутских — выдумывать и защищать «парадоксы», выгодные буржуазии.

И на протяжении многих страниц этот трубадур капиталистического процветания уговаривает не предпринимать «авантюристических», «бессмысленных» попыток (т. - е. свержение капиталистического строя и установление диктатуры пролетариата).

«Мы продолжаем настаивать на том, — твердит он, — что капиталистическое процветание создает наилучшую обстановку для успеха первых шагов социалистического режима» (стр. 595).

Поэтому основная задача пролетариата в настоящий период жесточайшего кризиса капитализма, по Каутскому, заключается в том, чтобы поддержать капиталистов, помочь им выйти из трудного положения и т. д.

Но с.-д. так и поступает на практике. Она честно и добросовестно помогает буржуазии «процветать».

Такова теория «организации социалистического производства» и воспитания «экономической сознательности» у рабочих, сформулированная вождем с.-д. Каутским.

Нечего долго доказывать, что эта теория является выражением буржуазной сущности социал-фашистов, что она насквозь враждебна марксизму.

Действительность расходится с теоретическими ухищрениями Каутского и Ко. Опыт социалистического строительства в СССР, мощное движение соцсоревнования и ударничества опрокидывают построенное на песке теоретическое здание социал-фашизма и целиком подтверждают учение Маркса — Ленина.

Новые, социалистические формы труда являются в результате и в процессе социалистического строительства. Само собой разумеется, что они с неба не падают и в готовом виде им появиться неоткуда.

Первейшей и обязательной предпосылкой для новых, социалистических форм труда являются пролетарская революция и установление диктатуры пролетариата. Только в рамках диктатуры пролетариата, в процессе подлинного социалистического строительства может создаваться и формироваться новое, социалистическое отношение к труду.

Конечно, крупное капиталистическое производство создает условия для концентрации и сплочения рабочих, для их боевого, революционного,

классового воспитания, и только «из материальных условий крупного капиталистического производства» (Ленин) создается класс, который единственно способен построить и создать новое общество, именно класс пролетариев.

Но все свои организаторские и творческие способности рабочие могут проявить только после свержения капитализма, только после того, как они сами станут у власти, станут хозяевами заводов и фабрик и ликвидируют преграды, мешавшие и не дававшие им проявить свои способности.

Только тогда начнет изменяться у трудящихся точка зрения на труд, начнут создаваться новые, социалистические формы труда.

Эти новые формы труда создаются уже в переходный период от капитализма к социализму, на другой день после победы пролетарской революции, но создаются они не в идиллической обстановке, по Каутскому, а в процессе обостренной классовой борьбы, в процессе соревнования между капитализмом и социализмом.

Эти новые формы труда сами являются выражением классовой борьбы победившего пролетариата против остатков буржуазии. Разумеется, что коммунистическая дисциплина не появляется сразу в массовом масштабе и не имеет вначале широкого распространения. Последнее появляется в результате успехов социалистического строительства, которое воспитывает рабочий класс и уничтожает старые, унаследованные от капитализма привычки.

Думать, что на другой день после установления власти рабочих может сразу безболезненно, без всяких трудов создаться новая, сознательная дисциплина,—это насмешка над действительностью, над действительным ходом общественного развития.

«Когда новое только что родилось, — писал Ленин, отмечая коммунистические субботники, — старое всегда остается в течение некоторого времени сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни».

Задача «создания новой общественной связи», «новой трудовой дисциплины, новой организации труда», — говорил Ленин, — значительно труднее задачи свержения власти буржуазии. «Ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма, массовой и *будничной* работы» (т. XVI, стр. 251).

Конкретным выражением формирования социалистического труда в СССР являются социалистическое соревнование и ударничество.

Широкие размеры соцсоревнование и ударничество начали принимать в «год великого перелома», в начале реконструктивного периода. Сейчас соцсоревнование и ударничество становятся одним из основных методов осуществления грандиозных задач, поставленных перед собой рабочим классом, основной формой организации труда на предприятиях, совхозах и колхозах.

Ленин писал о соцсоревновании еще в 1918 году. Он писал, что «социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применения его действительно *широко*, действительно в *массовом* размере, втянув действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами. Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти, организовать соревнование»[1].

[1] Ленин, Как организовать соревнование.

В 1919 году Ленин пишет замечательную историческую статью о коммунистических субботниках, сделавших «великий почин» в создании коммунистического труда.

Ленин в коммунистических субботниках видел «начало необыкновенно большой важности», «начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распущенностью, мелко-буржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда эта победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад к капитализму станет невозможным, коммунизм сделается действительно непобедимым».

И Ленин с любовью подбирает отдельные факты коммунистических субботников, соцсоревнования, указывая, что коммунистические субботники есть «фактическое начало коммунизма» (т. XVI, стр. 255).

Он требует самого тщательного ухода за этими ростками нового труда, новой дисциплины.

Каутский, этот прожженный социал-фашист, пишет, что для проявления «экономической сознательности» рабочему необходимы спокойная обстановка, процветание капитализма и пр.

А Ленин писал о московских рабочих в 1919 г.:

«И вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и с.-р., устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно без всякой платы и достигают громадного повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием.

Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?» (стр. 254).

Но разве это может понять Каутский, смотрящий на все через очки идеолога империалистической буржуазии.

Ленин, гениальнейший революционер, находясь во главе коммунистической партии, видел в еще единичных субботниках начало грядущих величайших сдвигов в психологии рабочего класса. Прогнозы Ленина целиком оправдались. Сейчас уже не сотни, а миллионы втянуты в соцсоревнование и ударничество.

«Самое замечательное в соревновании, — говорит тов. Сталин, — состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства».

Развернувшиеся же в настоящий период соцсоревнование и ударничество, охватывающие миллионы трудящихся, мощный рост инициативы и творческих способностей рабочих масс, создание по инициативе самих рабочих новых форм и методов соревнования, выдвижение из среды рабочих и колхозников сотен и тысяч организаторов хозяйства, борьба под руководством коммунистической партии и ее ленинского ЦК за выполнение пятилетки в четыре года, выполнение пятилетки в 2½ года в ряде отраслей промышленности, борьба за ликвидацию кулачества как класса на основе широко развернувшейся сплошной коллективизации и, наконец, разрешение в пользу пролетариата вопроса «кто кого» — все это является свидетельством колоссальнейших сдвигов, происшедших в нашей стране, все это кладет начало нового периода в развитии человеческого общества, периода социализма.

Ибо чем, как не «громадным переломом, в корне изменившим облик наших заводов и фабрик» (Сталин), можно характеризовать такое положение,

когда не отдельные герои единичными героическими порывами, а сотни тысяч рабочих начинают заботиться о выполнении промфинплана в назначенные сроки, о досрочном выполнении планов, создают сквозные бригады и общественные буксиры для подтягивания отстающих, борются с лодырями и лентяями в своих рядах, воспитывают тысячи новых рабочих, пришедших из деревни, выгоняют из своих ударных бригад неисправимых рвачей, лжеударников и т. д. и т. д.?!

Не единицы, а громадные рабочие коллективы, воспитываясь в борьбе, переделывая себя, очищаясь от всей грязи капиталистического прошлого, вписывают в историю такие славные страницы, как, например, героическая борьба рабочих Днепростроя за выполнение встречного плана кладки 500.000 кбм. бетона и перевыполнение этого встречного, побившего мировой рекорд кладки бетона, или борьба тех же рабочих с паводком, грозившим причинить большой ущерб строительству, образцовая показательная работа ударных бригад и т. д.!

Именно исходя из социальной природы рабочего класса, Ленин писал, что «залогом жизненности и успеха дела рабочих является то, что пролетариат представляет и осуществляет более **высокий тип общественной организации труда**, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом — источник силы и залог неизбежной и полной победы коммунизма» (т. XVI, стр. 248).

Соцсоревнование и ударничество являются конкретной формой этого более высокого социалистического типа общественной организации труда. Этого не могут понять только наши враги и оппортунисты всех мастей.

Современные формы соцсоревнования соответствуют переживаемому нами первому периоду социализма.

Само собой разумеется, что в процессе дальнейшего роста социалистического строительства формы эти будут изменяться.

Несмотря на то, что между низшей и высшей фазой коммунизма нет китайской стены и одна перерастает в другую, непозволительно смешивать обе эти фазы, характер труда при социализме и коммунизме в одну кучу.

В социалистическом обществе еще не стирается разница между квалифицированным и неквалифицированным трудом и в известной мере сохраняется пока «буржуазное право» по отношению к труду.

При коммунизме же эта разница стирается и каждый получает по потребностям.

Именно из этого учения Маркса — Ленина исходил тов. Сталин, когда он вместе со всей партией выступил против «левацкой» уравниловки в области зарплаты» (Сталин).

«Маркс и Ленин говорят, что разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным будет существовать даже при социализме, даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница, что ввиду этого «зарплата» даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребности. Но наши уравниловцы из хозяйственников и профсоюзников не согласны с этим и полагают, что эта разница уже исчезла при нашем советском строе. Кто прав — Маркс и Ленин или уравниловцы? Надо полагать, что правы тут Маркс и Ленин. Но из этого следует, что кто строит теперь тарифную систему на «принципах» уравниловки, без учета разницы между квалифицированным трудом и неквалифицированным, тот рвет с марксизмом, рвет с ленинизмом» (Сталин, речь на совещании хозяйственников).

«Уравниловка» получила свое «философское обоснование» еще в выступлении тов. Зиновьева накануне XIV с'езда ВКП(б) в его «Философии эпохи».

Тов. Зиновьев писал:

«Хотите знать, о чем подлинно мечтает народная масса в наши дни? Чтобы выразить одним словом эту мечту, можно сказать это слово: равенство.

Вот подлинный ключ к пониманию философии нашей эпохи. И если мы хотим быть подлинными выразителями того, что «народ сознает», то мы должны стать во главе борьбы за равенство».

Но эта «философия», как и практическая «уравниловка», отражает настроение мелкой буржуазии и отсталой части рабочих и повторяет зады старого мелкобуржуазного социализма (прудонизм, наши народники).

Партии пришлось в вопросе об оплате труда, об организации труда, в вопросе о соцсоревновании и ударничестве вести борьбу не только с «левыми», «уравниловскими» заскоками, но и с другими разновидностями «левого» и правооппортунистического уклонов.

Всем памятна борьба, проведенная партией против контрреволюционного троцкизма.

Характернейшей чертой контрреволюционного троцкизма, да и не только его, но и правого оппортунизма, является неверие в силы и организаторские и творческие способности рабочего класса.

По Троцкому, рабочий класс отдельной страны не способен без государственной помощи пролетариата других стран построить социализм в одной стране. Троцкий отрицает способность рабочего класса под руководством партии переделать мелкое крестьянское земледелие в социалистическое.

У него вообще своя «философия труда». Он считает, что «по общему правилу человек стремится уклоняться от труда» и что «лень человека есть прогрессивная сила».

Ясно, что эта обывательская и близко соприкасающаяся со взглядами любого буружазного идеолога точка зрения на этот вопрос ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом. Партия наголову разбила троцкизм, чтобы обезвредить его для дела социалистического строительства. Партия также дала отпор «левому» прожектерству, которому была подвержена некоторая часть работников, пытавшихся в административном порядке вводить соцсоревнование, насаждать производственные коммуны и пр.

Известна также борьба, которая была проведена против правых оппортунистов и «право-левацкого» блока Сырцова—Ломинадзе в вопросах труда.

Бывшее правооппортунистическое руководство профсоюзов тормозило поворот профсоюзов к новым задачам, не возглавляло мощный под'ем рабочего класса, не организовывало движения за новые, социалистические формы труда.

То же мы видим и в Наркомтруде, когда главой его был тов. Угланов.

Глава «право-левацкого» блока Сырцов истерически кричал о бюрократизации с/с., заявляя, что «чуть ли не каждая положительная творческая идея рабочего класса обязательно через некоторое время получается в порядке какого-то автоматизма, извращения, расхолаживания рабочих масс».

Партия разбила и этих «героев» правого и «право-левацкого» оппортунизма, разоблачив в них об'ективных союзников, пособников и агентов кулачества в партии.

Только в борьбе на два фронта партия и ее ЦК на основе своей правильной генеральной линии развернули выдвинутое по инициативе рабочих масс соцсоревнование в мощное движение миллионов трудящихся. Однако этим борьба с оппортунистическими извращениями соцсоревнования и ударничества не закончилась. В практике повседневной работы некоторых

звенья хозяйственного, профсоюзного аппарата, некоторые партийные и комсомольские организации недооценивают значения соцсоревнования и ударничества, не организуют его, надеются на самотек и т. д. Борьба с оппортунистическим отношением к соцсоревнованию на практике является необходимейшим условием дальнейшего развития социалистических форм труда.

Необходимо отметить также ту борьбу, которую партия провела на теоретическом фронте. Теоретический фронт отставал от темпов социалистического строительства, не занимался проблемами практического строительства, их теоретическим осмысливанием и т. д. Известна та борьба, которая была проведена с рубинщиной и деборинщиной, — этими течениями меньшевистского и меньшевиствующего идеализма, отрывавшими теорию от практики, превращавшими революционную теорию в сумму схоластических меньшевистских догм и категорий.

Для примера можно здесь привести рассуждения, например, тов. Деборина, преподнесенные им в «подарок» XVI с'езду ВКП(б) в № 5 «Под знаменем марксизма» за 1930 г. Деборин написал статью «Строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте».

В ней он задался целью наметить те новые процессы, которые происходят в рабочем классе, в крестьянстве, и подчеркнуть необходимость их теоретической разработки.

Казалось бы, что в такой статье никак уже не обойти соцсоревнования и ударничества. Однако во всей статье на протяжении 20 страниц даже и слов таких — «соцсоревнование и ударничество» — нет. Зато есть игра в отвлеченные понятия, вроде: «диалектика коллективности», коллективизация чувств, проблема человеческих чувств и т. д. и т. д.

Как можно говорить о «диалектике чувств» и ни слова не сказать о соцсоревновании, которое является реальным движением, переделывающим чувства трудящихся, об этом известно одному Деборину. Но для философской школы Деборина это вполне естественно и закономерно.

Дальнейшая непримиримая борьба на два фронта на теоретическом участке классовой борьбы с различными оппортунистическими и меньшевистскими искажениями марксизма-ленинизма, на основе марксо-ленинской теоретической разработки всех проблем социалистического строительства составляет также непременное условие наших дальнейших успехов по построению социализма.

III.

Выше мы писали о соцсоревновании и ударничестве как новых формах труда, которые складываются под влиянием господствующих в нашей стране социалистических производственных отношений.

Мы писали, что эти новые формы труда не появляются в готовом виде. Процесс формирования социалистического труда неизбежно должен иметь характер длительного процесса переделки психологии и навыков рабочих и трудящихся масс на основе социалистической переделки экономики страны.

Для всякого марксиста-ленинца должно быть понятно, что такая переделка психологии широких масс есть дело не двух месяцев и не одного года, а целого ряда лет, целого периода и что только в практическом участии в соцстроительстве, в классовой борьбе, в активной работе по осуществлению генеральной линии партии может произойти этот всемирно-исторический перелом в сознании миллионов, может выковаться новое отношение к труду.

Поэтому процесс искоренения и ликвидации старых привычек и навыков, привитых миллионам капиталистической фабрикой и мелким произ-

водством, есть дело борьбы, при чем самой трудной, самой решающей борьбы против этой страшной реакционной силы.

Рабочий класс неоднороден. Наряду с кадровыми частями передового пролетариата, вышколенного в борьбе на капиталистическом предприятии, он включает в свои ряды и таких рабочих, которые недавно расстались со своим сельским хозяйством, бывших крестьян, ремесленников и других выходцев из мелкой буржуазии.

Понятно, что неоднородность рабочего класса усложняет дело его перевоспитания. Рабочие живут не в безвоздушном пространстве, а в определенном окружении. На них влияют настроения окружающих их мелких производителей, в среде самих рабочих имеются и бывшие деклассированные элементы. Вследствие этого процесс выработки нового отношения к труду может быть только процессом борьбы противоположных тенденций, старых навыков труда с ростками нового, процессом искоренения старых привычек и развития из этой борьбы и все большего распространения новых форм труда, перерастания последних в привычку миллионов.

Разумеется также, что эта борьба не может проходить самотеком. Ее нужно организовать и вести под неослабным руководством партии. Самая жестокая борьба должна вестись с оппортунистической ставкой на самотек.

Перейдем сейчас к опыту Днепростроя, и на конкретном материале покажем, как дело обстоит в самой действительности. Гигантское строительство на Днепре, имеющее мировое значение и являющееся ярчайшим выражением успехов социалистического строительства, в основном интересующем нас вопросе аналогично другим нашим стройкам и даже работающим предприятиям.

Конечно, Днепровское строительство, как и всякое другое строительство, имеет свои специфические особенности, и не учитывать этих особенностей ни в коем случае нельзя.

Непозволительно было бы забывать разницу в составе рабочих и поэтому — разницу в условиях организации соцсоревнования и ударничества на новостройке и старом заводе.

Но, повторяем, закономерности формирования социалистического труда в основном одинаковы и там и здесь.

Прежде всего — о составе рабочих на Днепрострое. Каково лицо рабочего коллектива на строительстве?

(Мы приводим цифры по об'единенному строительству — гидростанции и Днепрокомбината).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

рабочих по социальному происхождению.

	Итого	Из них			Всего
		Рабочих	Крестьян	Служ.	
Абс. число Об'единенное строительство	19.499	6.591	12.694	214	19.4[illegible]
%%	100,[illegible]	33,8	65,1	1,1	100

Из этой таблицы мы видим, что на общее количество рабочих приходится выходцев из крестьян 65,1 %

Нужно иметь в виду, что подавляющее большинство этих рабочих только недавно рассталось с сельским хозяйством. Так, если мы возьмем данные по производственному стажу рабочих, то будет видно, что молодых по стажу рабочих (от месяца до 2—3 лет) на строительстве — 50,7%, из коих рабочих со стажем до 1 года — 31%.

СОСТАВ

рабочих по стажу и по продолжительности пребывания на Днепрострое.

По стажу							Продолжительность пребывания на Днепрострое					
До 1 года	От 1 до 2 лет	От 2 до 3 лет	От 3 до 5 лет	От 5 до 10 лет	От 10 лет и выше	Итого	До 4 месяцев	От 4 мес. до 1 года	От 1 до 2 лет	От 2 до 3 лет	От 3 до 4 лет	Итого
[illegible]46	2.146	1.689	3.298	4.45[illegible]	1.826	19.499	5.518	7.980	2.362	1.346	2.293	19.499
[illegible]0	11,0	8,7	16,9	23,0	9,4	100,0	28,3	40,9	12,1	6,9	11,8	100

Необходимо также отметить значительный процент колхозников, работающих на строительстве. Из общего количества 19.499 рабочих (на 1/III 1931 г.) участвующих в колхозах—4.103, или 21%.

Большой интерес представляет для нас приводимая ниже таблица распределения рабочих по возрасту.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

рабочих по возрасту.

	От 18 до 23 лет	От 24 до 30 лет	От 31 до 40 лет	От 41 г. и выше	Итого
Абс. число Объединенное строительство	8.847	5.613	2.643	2.396	19.499
%%	45,4	28,8	13,6	12,2	100,0

Из этой таблицы мы видим, что молодых рабочих (от 18 до 23 лет) в строительстве около половины всего состава рабочих (необходимо заметить, что это определяет очень большую роль комсомола на строительстве).

Громадное большинство этой молодежи впервые только попадает на производство, ей абсолютно не знакомы не только новейшие американские механизмы, но и простые старые механизмы.

Приведем еще цифры по партийному составу.

На 20/III всего коммунистов на строительстве насчитывалось 1.668 (на 20/V с. г. — 3.000), комсомольцев — 4.929 чел.

Таков состав рабочих на Днепрострое.

Итак, из 20-тысячного рабочего коллектива [1]) подавляющее большин-

[1]) Мы берем данные на 1/III 1931 г. Сейчас количество рабочих на строительстве больше.

ство (65%) — недавние выходцы из деревни, молодые по своему стажу рабочие, большинство из которых впервые сталкивается с производством. Вместе с тем имеется достаточно крепкое пролетарское ядро рабочих, имеющих за своей спиной от 5 до 10 лет и выше производственного стажа (32,4%). Половина состава рабочих — молодежь.

Ко всему этому небезынтересно добавить также и то, что 70% рабочих работает на Днепрострое от месяца и меньше, до 1 года, и 18,7% — от 2 до 4 лет, остальные — от года до двух.

Вышеприведенные сведения о составе рабочих целиком подтверждают то положение, что рабочие (особенно, в связи с ростом нашего строительства и втягиванием в промышленность все новых и новых трудящихся слоев населения) не представляют собой некоего сплошного, однородного массива, с одинаковой психологией, одинаковыми навыками труда, с одинаковым пониманием своих обязанностей и т. д.

Поэтому, когда речь идет о переделке психологии рабочих, о социалистическом воспитании, ни в коем случае нельзя забывать сложности этого процесса, его сложной диалектики.

Каков же охват соцсоревнованием и ударничеством работающих на строительстве?

В январе 1930 г. было охвачено соцсоревнованием 846 человек, что составляло по отношению к числу работающих тогда на строительстве (не только рабочих, а всех работающих) 7,6%, а на 1/III 1931 г. число ударников составляло 11.137 человек, или 57,1%.

Рост ударничества от 846 чел. до 11.137 чел. свидетельствует о значительном росте соцсоревнования на Днепрострое.

Следует подчеркнуть, что хотя процент охвата соцсоревнованием не мал, однако он все же недостаточен.

Несмотря на это, можно утверждать, что соцсоревнование и ударничество являются одним из о с н о в н ы х, р е ш а ю щ и х м е т о д о в осуществления директив партии и правительства по строительству гидростанции и промышленного комбината.

На целом ряде фактов можно показать, что соцсоревнование как новая форма, как новый метод труда внедряется в каждую бригаду и стало одним из важнейших стимулов к убыстрению темпов работы, к выявлению новых ресурсов, к поднятию производительности труда и пр.

Ударники Днепростроя поставили ряд мировых рекордов в различных областях строительных работ (кладка бетона, кирпича, монтаж турбин и т. д.).

Мы выше упомянули о героической борьбе днепростроевцев за 500.000 кбм. бетона.

Рабочие Днепростроя выдвинули встречный план, по которому они обязуются дать первый ток на Днепре не в конце 1932 г., а к 1 Мая 1932 г.

От быстрых темпов кладки бетона зависит помимо остального выполнение этого встречного плана рабочих. По плану главного управления строительством нужно было за 1930 г. уложить 427.000 кубометров. Рабочие выдвинули встречный—500.000 кубометров.

Началась энергичнейшая работа всего строительного коллектива под руководством партийного комитета за выполнение встречного плана.

Лозунг 500.000 кбм. стал самым острым, злободневным лозунгом всего строительства, каждого участка, агрегата, рабочего.

Иностранные специалисты и ряд наших товарищей твердили об утопичности этого встречного плана, о технической невозможности его выполнения.

Началось соревнование между отдельными участками, создавались сквозные бригады, которые подталкивали отстающих, устраняли недостатки. Рабочие других участков (и служащие) брали шефство над отста-

ными бычками, выходили в свободное время в добровольном порядке на работу и помогали «своему» бычку.

Вся воля, вся энергия строителей была направлена на осуществление этого лозунга.

В результате встречный план перевыполнен. Вместо 500.000—518.000 кбм. Рабочие Днепростроя показали невиданные в мире темпы работы.

Мы здесь не станем описывать героической борьбы рабочих с небывалым до сих пор паводком, который угрожал строительству.

Приведем еще несколько из многочисленных фактов.

Ударники харьковского Тракторостроя в области кладки бетона поставили мировой рекорд. Буксирная бригада ХТС, выехавшая на краматорское строительство 24/VI 1931 г., достигла новых рекордов бетонозамесов, до 836 замесов на смену.

Ударники-бетонщики Днепростроя решили не отставать от харьковских ударников и начали борьбу за увеличение бетонозамесов на своем строительстве, на котором (напр., на строительстве металлургического комбината) в среднем давали 123 и немного больше замесов.

На Днепрострой приехала буксирная бригада Козырева — ударников харьковского Тракторостроя.

И совместными силами ударники харьковцы и днепростроевцы подняли производительность кладки бетона (некоторые бригады дошли до 1.306 бетонозамесов за смену).

По плану хозяйственников на монтаж каждой турбины должно быть потрачено 90 дней. По общестроительному встречному плану монтажники должны были закончить монтаж в 60 дней. Они выдвинули свой встречный— 38 дней. Закончили они монтаж второй турбины в 36 дней, включая сюда 4 дня непредусмотренных работ, при чем себестоимость монтажа была снижена.

Вот бетонировка глухой плотины досрочно закончена. Вместо 3.630 человеко-дней на бетонировку потрачено фактически благодаря развернувшемуся соцсоревнованию 1.856 дней.

Вот плотники бригады Высоцкого соорудили блок для бетонировки на основе выдвинутого ими сменно-встречного вместо двух смен по плану прораба за одну смену (вообще нужно отметить сменно-встречный план рабочих как одну из лучших и оправдывающих себя форм соцсоревнования).

Вот бригада Лукьяненко на ГЭС выдвинула свой встречный — забетонировать на 6 человек 35 куб. метров вместо полагающихся на ту же норму 10 человек. В действительности они выполнили больше.

Бригада Додоновой на основе того же встречного вместо нормы в 120 бетонозамесов в смену давала 200 и т. д. и т. д.

Нужно было бы очень много времени и места потратить на то, чтобы перечислить все факты героической работы всего коллектива рабочих бригад, отдельных рабочих и т. д. Перелистайте страницы местной газеты «Пролетар Дніпробуду», которая, кстати сказать, является прекрасным организатором соцсоревнования и ударничества, и вы там нередко найдете сообщения под такими заголовками: «Мировой рекорд бурильщиков», «Первый мировой рекорд камнедробилки», «Новые достижения по кладке кирпича», также побивающие все мировые рекорды, и т. д. и т. д.

Здесь нет нужды все это перечислять.

На Днепрострое распространены все основные формы соцсоревнования. Помимо основной формы—ударных бригад—имеются и общественные буксиры, сквозные бригады, встречный сменный, добровольный выход рабочих и служащих в свободное время на ликвидацию прорывов и др.

Можно не сомневаться, что встречный, выдвинутый пролетариями Днепростроя об окончании в основном станции к 1/V 1932 г., будет выполнен

Все эти факты подтверждают, что соцсоревнование и ударничество на Днепрострое являются, несмотря на неполный охват рабочих соревнованием, решающим, главным методом осуществления задач строительства.

Вместе с тем они являются прекрасным выражением того процесса исторического перелома в психологии, который сейчас совершается в самых глубинных недрах рабочего класса, они подтверждают то, выдержавшее историческую проверку, положение Ленина, что мы «впервые подошли к такому предварительному пункту истории, когда новая дисциплина, дисциплина трудовая, дисциплина товарищеской связи, дисциплина советская вырабатывается на самом деле миллионами трудящихся и эксплоатируемых» (т. XV стр. 285).

Ленин писал, что коммунизм начинается там, где появляется забота рядовых трудящихся масс о производительности труда, о своем заводе и т. д. Эти слова Ленина сейчас облекаются в плоть и кровь миллионного движения за ударничество, за соцсоревнование. Десятки бригад, приступая к работе, заявляют десятникам, прорабам, что количество рабочих в бригаде превышает потребности в рабсиле для выполнения заданного плана и просят перебросить несколько лишних человек на другие участки. Бригада Кошке, узнав о прорыве на своем участке, немедленно собирает бригадное производственное совещание. На этом совещании обсуждается положение работ и дается ряд ценных указаний прорабам и десятникам. В результате предотвратили угрозу невыполнения монтажа турбины в срок. И т. д. и т. д.

Соцсоревнование не только строит новую трудовую дисциплину, оно является величайшим фактором в поднятии общего культурного, технического и политического уровня рабочих, в уничтожении разрыва между физическим и умственным трудом.

Бригады соревнуются не только на убыстрение темпов производства, улучшение качества работы и пр. Они соревнуются также и на регулярное посещение вечерних рабочих школ, технических курсов, ликбеза, на реализацию займа им. 3-го, решающего года пятилетки. На лесозаводе, например, бригады соревнуются на ударника-вкладчика в сберкассу. Большую роль, еще не осознанную, к сожалению, всеми хозяйственниками, профсоюзниками и партийными руководителями, в воспитании рабочего, в поднятии его технического и хозяйственного уровня, в расширении его кругозора и пр. играют бригадные производственные совещания.

Успехи, имеющиеся на Днепрострое в области соцсоревнования и ударничества, определялись сочетанием величайшего энтузиазма трудящихся строительства с правильной организацией этого дела при наличии большевистского руководства со стороны местной партийной организации.

Смешно было бы думать, что без такой организации, без большевистской организации масс, строительство имело бы такие достижения в темпах выполнения плана.

Нужно со всей решительностью подчеркнуть, что главным, самым решающим условием дальнейшего развертывания соцсоревнования и ударничества является сейчас быстрое и энергичное выполнение постановлений ЦК ВКП(б) от 21.III и указаний тов. Сталина в его речи на совещании хозяйственников о перестройке работы и руководстве по-новому. Опыт Днепростроя это целиком подтверждает. Опыт показывает хотя бы то, что недостаточная перестройка работы организациями строительства, ограничение формальной только перестройкой ведет к ослаблению работы, к снижению темпов, к ослаблению соцсоревнования, к прорывам на ряде участков, как это было на строительстве в мае, июне и июле 1931 г.

Мы приводим сведения, характеризующие состав рабочего коллектива на Днепрострое. Мы показали, что состав этот неоднороден. Отсюда мы с[illegible]

ли вывод, что не может быть одинакового отношения к труду, к соцсоревнованию со стороны различных прослоек и групп рабочих, что только из борьбы различных, противоположных тенденций, различных психологий, привычек и навыков при ведущей роли главной, решающей тенденции—формирования социалистического труда на базе социалистических отношений — рождаются и растут новые формы труда, новая «товарищеская» (Ленин), добровольная дисциплина.

При чем ошибочно было бы думать, что противоположности эти, различные тенденции и т. д., являются внешними противоположностями, что можно рабочий класс, трудящихся, рабочий коллектив Днепростроя в частности, разделить на две половинки, из коих одна половинка будет составляться из хороших, стопроцентных, без сучка и задоринки ударников, а другая половинка — из лодырей, прогульщиков, симулянтов, летунов и пр. Одна половинка побеждает другую, и в результате восторжествует социалистический труд. Такое простое, наивное, насквозь механистическое представление о процессе формирования новой дисциплины, нового отношения к труду, которое (представление), к сожалению, имеет еще место у некоторых «политиков», теоретиков и литераторов, ничего общего с марксизмом-ленинизмом и действительностью не имеет.

Действительность гораздо сложнее, и задача наша заключается в том, чтобы отобразить всю сложность действительности, всю ее «замысловатость» во всех ее противоречиях, переходах и т. д. В действительности противоположности, противоречия не только внешни друг другу, но и (и это основное, главное) внутренне связаны друг с другом, перерастают, переходят в процессе борьбы друг в друга. Попытаемся перевести этот философский язык на язык конкретных фактов на примере Днепростроя.

Мы показали на ряде примеров героическую работу рабочих, показали, что формируется социалистический труд.

Но как он формируется, кто является его живым носителем?

Прежде всего процесс этот происходит в обстановке жесточайшей классовой борьбы на строительстве. Соцсоревнование и ударничество являются методами и формами классовой борьбы пролетариата против остатков буржуазии и кулачества. Кулаки используют все средства для того, чтобы подорвать строительство, они особенно работают для подрыва соцсоревнования и ударничества, пытаются вести среди отсталой части рабочих, особенно недавно пришедших из деревни, разлагающую работу. Методы их разнообразны и многосторонни. Кулак пролезает на Днепрострой, устраивается на работу, записывается в ударники, но в ударной бригаде агитирует против ударничества, против больших темпов работы, спекулирует на трудностях, на головотяпских ошибках некоторых работников и т. д. Вот несколько фактов, взятых из газеты. «В отделе 313 прораба работает бригадиром гр. Гиба, сын кулака. Примазавшись на эту работу, он ведет разлагающую работу среди рабочих, пытается внести дезорганизацию».

«Нашли себе теплое место на строительстве кулаки, которые разбазарили свое имущество и сделались «рабочими» Днепростроя. Вот они—Булат и Тесленко, систематически организовывающие пьянки. В пьяном виде они являются на производство и ведут дезорганизаторскую работу».

«В подотделе КХ работал гр. Аграмов, систематически пьянствовал, хулиганил и вел разлагательскую работу. Агитировал за срыв подписки на заем» и т. д. и т. д.. Кулаки насыпают песок в подшипники, под их руководством отсталые рабочие устраивают вольнки, самовольные уходы с работы и т. д. Кулаки находят себе союзников и в среде враждебных нам элементов инженерно-технических работников, которые «учеными» выкладками и цифрами пытаются сорвать соревнование. Находят они также союзника и в лице оппортуниста-партийца (и правого и «левого»), который своей оппортуни-

стической практикой льет воду на мельницу кулака. Только в беспощадной борьбе с этими классово-враждебными элементами на строительстве, изгоняя кулаков и контрреволюционных агитаторов рабочие достигали величайших успехов и тéмпов работы, борясь за генеральную линию партии под руководством партии.

Основными носителями новых форм труда, главными творцами социалистической дисциплины являются старые кадры пролетариев, рабочая молодежь и лучшие, передовые элементы из крестьян-колхозников, пришедших на строительство и работающих под руководством кадровиков-пролетариев. Эти прослойки и группы рабочих своим героизмом, своей образцовой работой оказывают величайшее воспитательное влияние на других рабочих— ударников и неударников.

Но предварительно приведем очень характерные таблицы, показывающие отрицательные моменты, имеющиеся среди рабочих.

Вот таблица взысканий, наложенных на работников строительства в 1930 году:

Причины	Количество взыскан.	%
Прогулы	23.657	82,6
Опоздание на работу и несвоевременный уход с работы	1.919	6,7
Сон на работе	204	0,7
Невыполнение распоряжения администрации	999	3,5
Порча машин и материалов	399	1,4
Хищения	32	0,1
Пьянство	112	0,4
Драка, хулиганство, ругань	176	0,6
Оскорбления и угрозы администрации	76	0,3
Прочие нарушения	1.050	3,7
Итого	28.624	100,0

На одного рабочего приходится взысканий 1,78.

Правда, за четыре месяца 1931 г. количество взысканий уменьшилось и на каждого работника приходилось уже 0,87 взысканий вместо 1,78, но все же процéнт взысканий очень велик. В результате этого имеется большое количество уволенных рабочих.

Приведем сведения об уволенных по стажу работ на Днепрострое с 1 января 1931 г. по 10 мая 1931 г. Они достаточно характерны.

Квалификация	Не приступили к работе	До 1 месяца	До 3 месяцев	До 6 месяцев	До 1 года	До 8 лет	Всего
Строители	138	1.1[illegible]8	756	262	391	58	2.76[illegible]
Чернорабочие	411	1.022	551	227	256	60	[illegible]
Металлисты	23	138	97	79	84	87	[illegible]
Железнодорожники	7	42	142	17	20	12	[illegible]
Грузчики	29	286	1[illegible]7	32	50	6	[illegible]
Прочие	45	2[illegible]7	232	112	149	96	[illegible]
	653	2.883	1.906	729	950	219	7.[illegible]

На кого в основном падает основная масса взысканий и увольнений? На молодых по стажу рабочих, недавно пришедших из деревень, не успевших еще провариться в пролетарском котле. Главная масса уволенных состоит из чернорабочих и строителей, при чем совсем молодых по своему производственному стажу и пребыванию на Днепрострое. Из общего количества уволенных—работавших на строительстве до 1 года—7.120 чел., а до 3 лет—319 чел. Таким образом, увольняются самые молодые по своему пребыванию на строительстве рабочие, в основной своей массе—крестьяне.

Сделаем теперь из этого некоторые выводы.

1. Рабочий коллектив Днепростроя, показывающий чудеса работы, высочайшие темпы, побивший и побивающий в ряде областей строительства мировые рекорды, имеет 28.624 взыскания, и в среднем на каждого рабочего приходится (за 1930 г.) 1,78 взыскания [1]). При чем взыскания имеют и ударники, но подавляющее большинство взысканий падает не на ударников.

2. Имеется громадное количество увольняемых за нарушение трудовой дисциплины (7.439 чел. за 5 мес. 1931 г.).

Наивные люди могут подумать, что это звучит парадоксально, что это немыслимое противоречие. Верно то, что это — противоречие, но это — противоречие самой жизни, самой реальной действительности. Это — противоречия роста новой трудовой социалистической дисциплины, противоречия борьбы за новые формы общественного труда.

В среде ударников мы имеем крепкое ядро наиболее передовых, лучших, крепких пролетариев, которые с самого начала ударного движения работают по-ударному, проявляют образцы подлинного социалистического отношения к труду. Для них труд на пользу социалистического строительства является высшим благом. Для них самым высшим позором является прогул, взыскание, недовыполнение плана и т. д.

Можно было бы здесь привести длинный список таких рабочих, показать их повседневный героизм, их социалистическое лицо [2]).

Среди этих рабочих вы не найдете прогульщиков, имеющих взыскание за другие нарушения трудовой дисциплины, летунов и т. д. Это, повторяем,— лучшие пролетарии-кадровики, пришедшие на производство батраки,—ударники. Вот, например, лицо одного из героев-бетонщиков т. Хватова, побившего мировые рекорды:

«... Работал я в батраках с шести лет в своем родном селе Чубаровке, на Полтавщине. Раньше наше село называлось Вербовкой, потому что Вербов — это был большой помещик, владевший большими землями. Я помню его с детства. И я и отец мой начинали свою работу с подпасков у этого помещика. В 1927 году у нас организовалась колхозная артель, и я один из первых вступил в эту артель. Грамоте научился в своем родном 287 стрелковом полку, где проходил военную службу... Я первый по вызову добровольно поехал на Днепрострой работать...

Мы дали 1.277 бетонозамесов, но обещаем, что дадим 1.500...

Даже кисточки от переходящего знамени не отдадим козыревцам...» [3]) (др. соревнующейся бригаде).

Этот бетонщик — не кадровик-пролетарий, а батрак с малым рабочим опытом, недавно поступивший на производство вообще, но передовик-батрак, легче других поддающийся энтузиазму рабочих-ударников и сам вступивший

---

[1]) Это, разумеется, не значит, что каждый рабочий имеет взыскание.

[2]) Это — дело наших пролетарских писателей, нашей советской литературы. Партия правильно выдвинула для пролетарской литературы лозунг показа всей стране и всему миру героев социалистического строительства. Здесь для литературы — работы непочатый край. На этой работе наша пролетарская литература поднимется на более высокую ступень своего развития.

[3]) Заимствуем из газеты «Пролетар Днiпробуду».

в первые ряды ударников. Таких очень много. Конечно, и у них еще некоторы ны недостатки, но они совершенно стушевываются перед их героизмом.

Но имеются и ударники, которые не совсем еще отрешились от старых навыков капиталистического труда, которые еще находятся в процессе очищения от грязи старого, которые поэтому ударную работу нередко сочетают с прогулами и другими нарушениями производственной дисциплины.

Достаточно, например, указать, что за май 1931 г. текучесть среди ударников достигала 16,1%, — немногим меньше, чем среди неударников (16,7%). Разумеется, эта текучесть об'ясняется рядом других причин, указанных в известной речи т. Сталина.

Большинство из этих ударников — рабочие, молодые по своему рабочему стажу колхозники, пришедшие из деревни, рабочие, у которых мелкобуржуазный анархизм, мелкобуржуазное существо еще дают себя сильно чувствовать. Есть среди них и старые рабочие, квалифицированные, с большим стажем, но которые труднее, мучительнее проделывают процесс своего очищения от привитых им капитализмом привычек.

Итак, ударники, которые в процессе формирования социалистического труда стоят пока еще на более низкой ступени по сравнению с лучшими, передовыми ударниками, о которых мы выше говорили, сочетают в себе большие, растущие, преимущественные элементы нового отношения к труду, ударную героическую работу с некоторыми элементами старых навыков работы, с нарушением дисциплины, со старым «мелкобуржуазным барахлом». Но эти рабочие легче остальных поддаются перевоспитанию, борьба плечо в плечо с лучшими ударниками за перевыполнение плана делает из этих ударников подлинных строителей социализма, новых, с новыми понятиями, с новыми привычками людей.

И, наконец, рабочие-неударники, составляющие около половины всех рабочих строительства (43%).

Каково лицо этой части рабочих?

Во-первых, это те рабочие, которые только вчера пришли из деревни, совсем молодые по рабочему стажу, с низкой квалификацией чернорабочие и недавно работающие на Днепрострое [1]). Есть среди них и незначительная часть старых рабочих. Во-вторых, на эту часть рабочих падает большинство взысканий, прогулов, самовольных уходов с работы и пр.

Вполне понятно, что в этой части рабочих более, чем в других прослойках, сильны мелкобуржуазные тенденции, рваческие настроения и т. д.

Ленин в апреле 1918 г. в «Очередных задачах советской власти» писал, что «известное время необходимо на то, чтобы рядовой представитель массы не только увидал сам, не только убедился, но и почувствовал, что так просто «взять», «хапнуть», урвать нельзя, что это ведет к усилению разрухи, к гибели, к возврату Корниловых» (т. XV, стр. 203).

Эта характеристика рядовых представителей трудящихся масс особенно применима сейчас к рассматриваемой нами прослойке рабочих. Эти рабочие легче поддаются кулацкой агитации, иногда устраивают волынки, выставляют невыполнимые требования, пытаются «взять», хапнуть и мало дать. Среди этих рабочих имеются такие элементы, которые упорно не хотят подчиниться новой дисциплине, которые по своему социальному положению не являются нашими классовыми врагами, однако своим поведением льют воду на мельницу классового врага.

Борьба с ними поэтому является классовой борьбой, борьбой против людей, срывающих социалистическое строительство. «Разве классовая борьба,—учил Ленин,—в эпоху перехода от капитализма к социализму не со-

---

[1]) Таких рабочих особенно много на новостройках и меньше на старых предприятиях. Эту особенность новостроек, а следовательно, и процесса формирования там новой дисциплины забывать нельзя.

стоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиции, привычек капитализма и продолжают смотреть на советское государство попрежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, содрать с «него» денег побольше?» (разрядка за исключением слова «упорно»—Ленина. Т. XV, стр. 388).

Ленин предлагает жестоко клеймить таких рабочих, разоблачать их, «пригвоздить к позорному столбу».

Рабочие Днепростроя так и делают. Вот товарищеский суд при рабочкоме гражданских сооружений постановил выгнать со строительства рабочего Кильша как злостного прогульщика и исключить его из профсоюза на 6 месяцев. Такого же злостного прогульщика Киселева уволили с Днепростроя без права работать на нем 4 месяца.

Но не эти рабочие характеризуют основную массу рассматриваемой нами прослойки рабочих.

Характерной чертой основной массы этих рабочих является то, что они еще «пока не ударники», но, безусловно, — завтрашние ударники.

Строительство, крепкий рабочий коллектив, работа партийных и профессиональных организаций перевоспитывают этих рабочих. Среди них есть немало таких, которые, заражаясь энтузиазмом ударников, дают примеры героической работы и в основном работают не хуже ударников. Под влиянием общественной критики, исправительных мер со стороны администрации, под сильным воздействием образцовой работы ударников вчерашний прогульщик перестает быть сегодня прогульщиком и вступает в ряды ударников.

Приведем пример, взятый из многочисленной суммы таких примеров.

«Я, Бакалов Андрей Михайлович, — пишет в газету один из таких рабочих, — прогулял 5 дней. Я знаю, что я сделал вредный, недопустимый поступок. Не хочу оставаться в дальнейшем в прогульщиках, я сам клеймлю свой поступок и обещаю пролетарской общественности больше не делать прогулов. Обращаюсь ко всем прогульщикам: не делайте прогулов, осознайте преступность прогулов, берите примеры с лучших ударников».

В этом факте, как в капле воды, отражаются те процессы, которые происходят в этой прослойке рабочих. Борьба за социалистическое строительство переделывает и эту прослойку рабочих. Правда, здесь процесс переделки психологии рабочих сталкивается с большими трудностями, однако и здесь процесс этот неудержимо развивается, и выковываются новое отношение к труду, новая социалистическая дисциплина.

Снова считаем необходимым со всей силой подчеркнуть, что этот процесс переделки не будет и не может проходить самотеком, что требуется со стороны партийных, профессиональных и хозяйственных организаций громаднейшая воспитательная работа, быстрое выполнение тех задач, которые поставлены тов. Сталиным и т. д. Эта прослойка рабочих вместе с ударниками под воздействующим влиянием и руководством ударников составляет тот рабочий коллектив, который строит гигантское социалистическое предприятие.

Так, в борьбе за социализм, в классовой борьбе против врагов пролетариата, в борьбе противоположных тенденций, привычек и традиций, в переходах одних противоположностей в другие идет процесс формирования социалистической организации труда.

Правильная ленинская генеральная линия партии, большевистское руководство партийных организаций, громадные успехи в области социалистического строительства, борьба против всяких оппортунистических отклонений от столбовой дороги партии—все это обеспечивает победу этого процесса.

Из всего выше сказанного вытекает, по нашему мнению, тот важнейший практический вывод для всех наших организаций, что необходимо,

учитывая сложность процесса перевоспитания рабочих, диференцированность состава рабочих и т. д., построить свою работу так, чтобы она была максимально гибкой с учетом специфических особенностей каждой прослойки рабочих.

Нам еще осталось осветить два чрезвычайно важных вопроса.

Прежде всего о месте инженерно-технических работников в процессе борьбы за новую организацию труда. Разумеется, процессы, происходящие в среде инженерно-технических работников, сложны. В значительно большей мере, чем рабочие, они не представляют собой однородной группы. Наряду с новой производственной интеллигенцией рабочего класса (пока еще малой по количеству группы) и лучшей части старой интеллигенции, перешедшей целиком на сторону пролетариата, имелась до последнего времени довольно большая прослойка инженерно-технических работников, еще колеблющихся между капитализмом и социализмом, и часть враждебных советской власти специалистов, различными методами (вредительство, саботаж) пытающихся затормозить социалистическое строительство. За последнее время, как это верно констатировал т. Сталин, произошел перелом в инженерно-технической среде в сторону пролетариата. Убедившись на успехах социалистического строительства в силе и мощи рабочего класса, в его творческих и организаторских способностях, в контрреволюционной преступности действий вредителей, в падении технических способностей и загнивании капитализма, большинство честных специалистов искренне переходит на сторону рабочего класса и отдает ему свои знания.

Инженерно-технический коллектив Днепростроя сыграл видную роль в достижении тех успехов, которые имеет строительство. Но нужно прямо сказать, что участие ИТР в соцсоревновании и ударничестве еще недостаточно, хотя формально из 950 ИТР соревнуются 762 (по официальным данным).

Социалистические формы труда в среде самих специалистов еще очень мало привиты. Среди некоторых работников гуляет теория, что соцсоревнование не может быть методом работы ИТР.

Некоторые элементы специалистов враждебно относятся к соцсоревнованию и пытаются его сорвать или дискредитировать.

Но имеется и немало фактов преданной героической работы инженерно-технических работников, участие их в соцсоревновании, помощь рабочим в овладении техникой, хорошая организация рабочей силы на участке и т. д.

Энтузиазм ударных бригад не остается безрезультатным и для специалистов-инженеров. И в среде инженерно-технического коллектива идет процесс формирования социалистического труда, но здесь этот процесс благодаря социальному качеству этой прослойки имеет свои специфические особенности [1]).

И наконец последний по месту и первый по важности вопрос — о роли партийцев и комсомольцев в соцсоревновании и ударничестве. Мы выше писали, что только сочетание энтузиазма рабочих и большевистская организация дают социалистические темпы работы. Партийная организация Днепростроя проявила свою способность по-большевистски организовать энтузиазм рабочих. Сами члены партии и комсомольцы в основном являются лучшими ударниками на производстве и показывают образцы ударной работы. Лучшие ударники идут в партию. Рост парторганизации является ярким свидетельством большевистской зрелости днепростроевской парторганизации. За период с 20/III 1930 г. до 20/V 1931 г. парторганизация выросла с 1.668 чел. до 3.000 чел. Это доказывает, что парторганизация сумела мобилизовать массы и сплотить их вокруг себя. Комсомольская организация

---

[1]) Этот вопрос является самостоятельной темой и заслуживает специальной разработки.

выросла за период с 1930 г. по май 1931 г. с 2.010 чел. до 5.269 чел. Охвачено соцсоревнованием на 1/V 1931 г. коммунистов 1.671, что составляет 55,6%.

По отношению к одним рабочим-коммунистам и комсомольцам процент охвата соцсоревнованием значительно выше, однако все же он явно недостаточен и мал. В этом отношении днепростроевская парторганизация заметно отстает от других передовых заводов, где процент участия коммунистов в соцсоревновании достигает 95 и 100.

В некоторых ячейках и у отдельных членов партии имеется оппортунистическая недооценка роли ударничества.

Только в борьбе против оппортунистов парторганизация сумела возглавить мощное движение рабочих за соцсоревнование и ударничество.

Против меньшевиствующе-идеалистической фальсификации истории философской борьбы Ленина.

С. Шурыгин.

Тов. Сталин в своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» выдвинул задачу: «поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски».

На разрешение этой задачи партия мобилизует внимание и силы всех участков теоретического фронта.

От философского участка марксистско-ленинской теории выдвинутая т. Сталиным задача требует повышения партийной активности по линии научной, большевистской разработки ленинского этапа в развитии диалектического материализма, по линии своевременного разоблачения всех и всяческих извращений философских основ большевизма, по линии разоблачения методологии всевозможных фальсификаторов истории большевизма.

Возникнув на гранитной основе марксизма, большевизм в процессе своего исторического развития поднял марксизм во всех его составных частях на новую, высшую ступень. История большевизма есть история развития и марксистской философии, и марксистской политэкономии, и стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата. Таким образом, история развития философских основ большевизма является составной частью истории большевизма в целом, и борьба против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории большевизма включает в себя и борьбу против фальсификаторов марксистско-ленинской философии.

Ярким примером фальсификации ленинского этапа в марксистской философии является целый ряд работ А. Деборина, где он дает лживое, меньшевистское изображение развития философских основ большевизма. К числу этих работ относится и предисловие Деборина к немецкому изданию книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Это предисловие распространено довольно широко. Оно издано на немецком языке, в несколько сокращенном виде помещено в третьем издании книги Деборина «Ленин как мыслитель» и опубликовано в виде отдельной статьи в журнале «ПЗМ» № 1 за 1927 г.

В указанном предисловии Деборин подменяет ленинскую научную периодизацию развития философских основ большевизма тенденциозной, ложной, меньшевистской схемой, из которой полностью выпадает философская борьба большевизма с меньшевизмом, а также извращает роль Ленина в борьбе с неокантианством и в борьбе с махизмом.

I.

В предисловии к немецкому изданию «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина Деборин разбирает историю борьбы за марксистскую философию в период от 90-х годов прошлого века до периода «философской разборки» включительно (1908—1910 гг.). Этот отрезок времени он делит на две основные части: период борьбы с неокантианством и период борьбы с махизмом (см. «ПЗМ» № 1, стр. 5—7, 1927 г.).

Такая периодизация одного из важнейших этапов в истории борьбы за марксистскую философию фальшива, антипартийна, антинаучна.

Фальшива эта деборинская периодизация потому, что в ней выпадает философская борьба ленинизма против народничества и меньшевизма и отрывается философская борьба Ленина против ревизионистов от идейно-политической линии развития ленинизма в целом.

Антипартийна, антинаучна деборинская периодизация потому, что она служит Деборину общей схемой для дальнейших рассуждений, направленных на растворение философской линии большевизма в философской линии меньшевизма.

Ленин говорит: «Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны отклонения от него—всегда связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением»,—иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением» [1]).

Деборин обходит это указание Ленина и делает это, конечно, не случайно. Он ставит себе целью доказать, что «плехановское направление является единственно выдержанным и цельным во всей мировой литературе марксизма» [2]). И именно в угоду этой своей задаче Деборин отрывает борьбу за марксистскую философию от борьбы за марксизм в целом. Тем самым Деборин пытается скрыть оппортунизм Плеханова, скрыть связь этого оппортунизма с извращением материалистической диалектики у Плеханова; он пытается скрыть тот факт, что Плеханов, выступая на важнейших этапах разбираемого периода как вождь меньшевизма, подменял материалистическую диалектику «вульгарным материализмом», «насмешкой над диалектическим материализмом», «издевкой над диалектикой», «мертвым резонерством», «игрой в стратегические понятия» (Ленин), «подменял диалектику в смысле Маркса диалектикой в смысле Плеханова» [3]). В этом прежде всего обнаруживается меньшевистский характер разбираемой нами деборинской схемы.

В противоположность Деборину Ленин, основываясь на действительно-научном анализе, отмечает (в статье «Наши упразднители», написанной в 1911 г.) в разбираемом отрезке истории большевизма три основных этапа: период перед революцией 1905 года, период революции 1905 г. и период после этой революции.

«При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма,—пишет Ленин,—нет ничего удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма. В Германии до 1848 г. особенно выдвигалось философское формирование марксизма, в 1848 г.—политические идеи марксизма, в 50-е и 60-е годы—экономическое учение Маркса. В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения к нашей действительности, во время революции—марксистская политика, после революции—марксистская философия. Это не значит, что позволительно когда бы

[1]) Ленин, собр. соч., изд. 1-е, т. XI, ч. II, стр. 207.
[2]) «ПЗМ» № 5—6 за 1922 г., стр. 12.
[3]) Ленин, собр. соч., т. VIII, стр. 308, изд. 1-е, т. XI, ч. I, стр. 25, 77 и Лен. сб. V, стр. 381.

то ни было игнорировать одну из сторон марксизма: это значит только, что не от суб'ективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит преобладание интереса к той или другой стороне марксизма»[1]).

Деборин обходит, игнорирует эту ленинскую, действительно научную периодизацию, ибо она вдребезги разбивает все дальнейшие его меньшевистские построения.

Ленинская периодизация имеет в числе ряда других и ту очень важную сторону, что она вскрывает об'ективную диалектику развития марксизма в эпоху империализма в неразрывной связи со всем предыдущим развитием учения Маркса—Энгельса, в неразрывной связи с перемещением центра международного революционного движения из Германии в Россию.

«Маркс и Энгельс,—пишет тов. Сталин,—подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью»[2]).

В этот период центром международного революционного движения была Германия.

Германия в сороковых годах прошлого столетия находилась накануне буржуазной революции, но революцию эту должна была совершить при таких условиях, которые, как отмечал Маркс в «Ком. манифесте», делали буржуазную революцию «непосредственно прологом пролетарской революции».

Именно в силу этого, говорит т. Сталин, «центр революционного движения перемещался в Германию», и «Германия явилась родиной научного социализма, а вожди германского пролетариата — Маркс и Энгельс — его творцами»[3]).

Ленин продолжал дальнейшую теоретическую разработку и применение на практике революционной теории Маркса—Энгельса в тот период, когда капитализм вступил в стадию империализма, когда начался период империалистических войн и пролетарских революций.

В этот период в силу целого ряда социально-экономических и политических условий, блестяще изложенных т. Сталиным в «Вопросах ленинизма», Россия стала центральным пунктом противоречий империализма и центром международного революционного движения и революционной теории.

— «Россия, — говорит т. Сталин, — стала очагом ленинизма, а вождь русских коммунистов — Ленин — его творцом.

С Россией и Лениным «случилось» тут приблизительно то же самое, что и с Германией и Марксом—Энгельсом в сороковых годах прошлого столетия»[4]).

Царская Россия находилась непосредственно накануне буржуазной революции, которая в условиях империализма должна была быть непрерывной и перерасти в пролетарскую революцию.

«Кто хотел бить по царизму,—пишет т. Сталин,—тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, ибо кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 10).

Ленин еще в 1902 году отмечает тот факт, что исторические условия выдвигают Россию в центр международного революционного движения. Уже

[1]) Ленин, собр. соч., изд. 1-е, т. XI, ч. II, стр. 207.
[2]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 6.
[3]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 12.
[4]) Там же, стр. 11.

тогда, говоря о задачах русских марксистов, Ленин подчеркивал, что это есть задачи международного пролетариата.

«История поставила перед нами,—писал Ленин,—ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также и азиатской реакции, сделало бы русский пролетариат авангардом международного пролетариата» [1]).

В полном соответствии с этим теоретическим предвидением, подтвержденным всем ходом международного революционного движения, Ленин подходил к анализу основных проблем русской революции как коренных проблем международной революции.

В зависимости от особенностей исторических условий и задач каждого из указанных ранее трех периодов в развитии большевизма Ленин выдвигал в центр своего внимания то одну, то другую группу проблем, то одну, то другую сторону марксизма. Но в каждый из этих периодов он вел борьбу за марксизм в целом и в неразрывной связи со всем ходом международного рабочего движения. В каждый из этих периодов Ленин развивал марксизм одновременно и в области философии, и в области политической экономии, и в области стратегии и тактики классовой борьбы, опираясь на опыт международного движения и разрешая проблемы международной социалистической революции.

Деборин в своей меньшевистской схеме исторического развития философской борьбы в конце XIX и начале XX вв. обошел все эти вопросы. Вся его схема направлена на то, чтобы скрыть международный характер ленинизма, чтобы скрыть философскую борьбу большевизма с меньшевизмом, чтобы превратить Ленина в «практика», «дополняющего» на русской почве философскую борьбу Плеханова на международной арене.

II.

При разборе философской борьбы марксистов с неокантианцами (конец 90-х и начало 900-х годов) Деборин все свое «исследование» подчиняет четырем меньшевистским установкам. Он стремится во что бы то ни стало затушевать международный характер борьбы Ленина с неокантианцами и, наоборот, особо подчеркнуть, что «именно в эту эпоху Плеханов становится общепризнанным теоретиком марксизма и его имя приобретает международное значение» («ПЗМ», 1922 г., № 5—6, стр. 11); он пытается доказать, что «Ленин в философии является «учеником Плеханова» («Ленин как мыслитель», стр. 15), что «именно Плеханов стремился подвести общефилософский фундамент под марксизм, т.-е. превратить марксизм в миросозерцание», и «в этом деле успел сделать больше, чем кто бы то ни было другой» («ПЗМ» № 5—6, стр. 12), и что «плехановское направление является единственно выдержанным и цельным во всей мировой литературе марксизма» («ПЗМ» № 5—6, стр. 12).

Для этого Деборин в своем предисловии к «Материализму и эмпириокритицизму» фальсифицирует исторические факты и изображает дело так, будто всю тяжесть борьбы с неокантианством выдержал Плеханов; будто Ленин вел борьбу против неокантианцев только по экономическим и чисто русским вопросам, а в борьбе с ними по философским вопросам почти не участвовал; будто Ленин до своего выступления против неокантианцев некоторое время не занимал определенной позиции к неокантианским выступлениям Э. Бернштейна и П. Струве, а позднее, выступив против неокантианцев, целиком встал на позиции Плеханова.

[1]) **Ленин**, собр. соч., т. V, изд. 1-е, стр. 138.

«Всю тяжесть борьбы с неокантианством Э. Бернштейна и К. Шмидта в конце 90-х годов прошлого века, — пишет Деборин, — пришлось выдержать Плеханову, который печатал свои блестящие статьи в «Neue Zeit».

Ленин в этой борьбе, по мнению Деборина, «на первых порах должен был воздержаться от окончательных суждений. Так было с книгой Бернштейна, с работами Струве и других неокантианцев» («ПЗМ», 1927 г., № 1, стр. 5—6).

Написав эту клеветническую чушь, Деборин, как он сам предупредительно заявляет, «во избежание недоразумений» (???) покровительственным тоном сообщает, что Ленин, видите ли, все же принял участие в борьбе с неокантианцами, правда, «если не в чисто философской области, то в области экономики» и если не на международной арене, то на русской почве, «когда русские ревизионисты стали подвергать критике различные стороны марксистского учения с точки зрения кантовской гносеологии» (стр. 6).

Подхватив рязановскую выдумку о том, что Ленин занимался философией лишь время от времени, «из-под палки собственного партийного долга» (Рязанов), Деборин протаскивает эту меньшевистскую клевету в форме утверждения о том, что лишь «в связи со спорами Плеханова с Бернштейном и К. Шмидтом, с одной стороны, и выступлениями русских неокантианцев с другой, Ленин вынужден был (?) заняться изучением философии и занять, так сказать (???), самостоятельно ту или другую позицию» (стр. 6).

Смысл многозначительного, «так сказать», сопровождающего деборинские рассуждения о самостоятельности позиции Ленина в борьбе против неокантианцев раскрывается дальше, когда Деборин утверждает, что Ленин, приступив к борьбе с неокантианцами, просто «встал на сторону Плеханова» (стр. 6). После такого «пояснения» действительно становится ясно, что Деборин говорит о самостоятельности позиции Ленина в борьбе с неокантианцами лишь в условном смысле.

И эта гнусная ложь напечатана в качестве предисловия к одной из основных работ Ленина!

Известно, что Ленин не только ни минуты не колебался в определении своего отношения к неокантианцам, но и первым открыл борьбу против них, первым дал бой неокантианцам по всем основным вопросам—и по вопросам философии, и по вопросам политической экономии, и по вопросам стратегии и тактики классовой борьбы. Еще задолго до выступления Плеханова, Розы Люксембург, Парвуса и др. Ленин открыл бой против неокантианцев, выступив против Струве в своем реферате «Отражение марксизма в буржуазной литературе», прочитанном в петербургском кружке марксистов в 1894 г. и опубликованном в печати в 1895 г. под названием «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

«В 1895 г., — пишет по этому вопросу Ленин, — задолго до «бернштейниады» на Западе и до полного разрыва с марксизмом целого ряда «передовых» литераторов в России я указывал на то, что Струве марксист ненадежный, от которого социал-демократы должны отгородиться» [1].

Плеханов и Роза Люксембург выступили против бернштейниады через несколько лет после выступления Ленина против струвизма. Против бернштейниады в Германии Плеханов впервые выступил в 1898 г. в статье «Бернштейн и материализм» (см. соч. Плеханова, т. XI, стр. 13—26), а против струвизма в России — только в 1901 г. (там же, стр. 145—276).

Каутский, являвшийся в то время редактором центрального теоретического органа германской социал-демократии «Neue Zeit», любезно предо-

[1]) Ленин, собр. соч., изд. 1-е, т. VIII, стр 476.

ставил страницы этого органа для неокантианской проповеди, считая, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством» (из письма Плеханову от 22/V 1898 г.).

Известно далее, что Ленин дал критику ревизионизма не только в экономических, но и в философских и в политических вопросах. В центре борьбы с ревизионизмом в соответствии с историческими условиями и задачами того периода Ленин ставил экономические проблемы. Но одновременно Ленин вел борьбу за марксизм в целом, вскрывая, разоблачая, критикуя ревизионизм по всем линиям с позиций диалектического материализма. Книга Ленина против Струве «Что делать?» и др. работы Ленина периода борьбы с международной «бернштейниадой» представляют собою классические образцы последовательной систематической непримиримой критики ревизионизма с позиций ортодоксального марксизма, с позиций диалектического материализма. Ленин в борьбе с ревизионизмом ставит своей задачей «систематический разбор этого направления». Отмечая, что ревизионисты «становятся, напр., в философии не на сторону диалектического материализма, а на сторону неокантианства, в политической экономии — на сторону тех, кто приписывает некоторые учения Маркса «тенденциозности» и т. п.» [1]), Ленин бьет ревизионистов и в философии, и в политической экономии, и в политике.

В отличие от Ленина Плеханов долгое время ограничивал свою борьбу против неокантианцев философскими вопросами, считая при этом, что неокантианцы «могут, не изменяя своей философской точке зрения, признавать справедливость экономических и философско-исторических воззрений Маркса», считая, что «их (неокантианцев) разногласие с ним (с Марксом) ограничивается вопросом об отношении мышления к бытию» [2]).

Известно далее, что Ленин вел борьбу с ревизионизмом на международной арене. Не кто иной, как Ленин, вскрыл международный характер «распри различных направлений» в социализме в период бернштейниады. «Распря различных направлений внутри социализма,—писал Ленин в разгар борьбы с бернштейниадой в своей книге «Что делать?»,—из национальной впервые превратилась в интернациональную. В прежние времена споры между лассальянцами и эйзенахцами, между гэдиетами и поссибилистами, между фабианцами и социал-демократами, между народовольцами и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили, так сказать, в разных плоскостях. В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министериалисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики,—все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма» [3]).

В этой же книге Ленин дал исчерпывающую характеристику идейного содержания, социальных основ и различных национальных форм «бернштейниады» и обосновал необходимость радикально размежеваться с ревизионистами в международном масштабе. Вопреки Плеханову, не желавшему вплоть до 900-х годов выступать против струвизма и позднее сопротивлявшемуся решительному размежеванию русских марксистов с экономистами, Ленин боролся за осуществление этого размежевания на деле. А. Плеханов и Роза Люксембург ограничивались лишь словесными эпизодическими заявлениями о необходимости исключения Бернштейна из партии.

Известно, наконец, что Ленин вел борьбу с ревизионизмом с позиций диалектического материализма в отличие от Плеханова, который критиковал

[1]) Ленин, соч., т. III, стр. 499—501.
[2]) Плеханов, Об экон. факторе, «ПЗМ», № 4—5 за 1931 г., стр. 16.
[3]) Ленин, соч., т. IV, изд. 3-е, стр. 366.

«кантианство и агностицизм вообще более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения» [1]). Ленину это обстоятельство было ясно в процессе развертывания самой борьбы с неокантианцами. Видя, что Плеханов недостаточно последовательно защищает марксизм в борьбе против ревизионистов, увиливает от борьбы против русских неокантианцев, открыто берет под свою защиту Струве, Ленин во все время борьбы оказывает давление на Плеханова. Он понуждает его к выступлению и против русских неокантианцев, к расширению базы борьбы с ними, к решительной размежевке с ними, он указывает товарищам по работе на недопустимость увиливания Плеханова от борьбы против русских неокантианцев. «Меня крайне удивляет, — писал Ленин Потресову из сибирской ссылки в своем письме от 2/IX 1898 г., — почему это автор «Beiträge zur Geschichte des materialismus» (т.-е. Плеханов. — С. *Ш*.) не высказался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианцев, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто она вошла уже в состав воззрений русских учеников (т.-е. марксистов. — С. *Ш*.)» [2]).

В 1897 г. (в сентябрьской книжке журнала «Новое слово», где сотрудничал Плеханов) Струве напечатал статью, в которой открыто выступил против Энгельса. Он утверждал, что в марксистской теории «уже далеко не все соответствует действительности», что «социальная катастрофа», которая в 40-х годах по об'ективным материальным условиям производства казалась столь близкой, теперь не то чтобы отдалилась, а просто-напросто исчезла из реалистического поля зрения подобно тому, как старое представление о геологических катаклизмах исчезло из геологической науки». Плеханов обошел это выступление Струве молчанием, об'яснив позднее это свое молчание тем, что он «абсолютно не понимает (и никогда не поймет) полемики в одном журнале между сотрудниками» (см. об этом запись Ленина «Как чуть не потухла «Искра», соч. т. IV, стр. 20). Ленин, попрежнему находившийся в это время в Сибири, удивленный молчанием Плеханова, вновь пишет Потресову: «Не понимаю только одного, как м о г Каменский (т.-е. Плеханов. — С. *Ш*.) оставить без ответа статьи Струве и Булгакова в «Новом слове» против Энгельса» (Ленинск. сб. IV). Плеханов говорит о понуждении его со стороны Ленина к выступлению против русских неокантианцев следующее: «Еще когда г. Струве выпустил свои известные «Критические заметки», некоторые из моих товарищей, справедливо находя эти заметки произведением человека, еще не доработавшегося до последовательного образа мыслей, советовали мне выступить против него. Советы этого рода стали еще более настоятельными, когда тот же Струве поместил в «Вопросах философии и психологии» свою статью «О свободе и необходимости». Я помню, как Ленин, увидевшись со мной летом 1900 г., спрашивал меня, почему я оставил эту статью без внимания» [3]).

После того, как произошло об'единение сил ленинцев и группы «Освобождение труда» в «Искре», Плеханов, наконец, в 1901 г. выступил против русских неокантианцев, обнаруживших к этому времени более полно ту свою буржуазную природу, которую Ленин вскрыл у них еще в 1894 году. Эти факты показывают, что ведущая роль в борьбе с неокантианством принадлежала Ленину. Руководящую роль в борьбе с ревизионизмом Ленин сохранил и в тот период, когда царизм загнал его в медвежьи углы сибирской ссылки.

Все эти факты целиком опровергают меньшевистские вымыслы Деборина. Эти факты разоблачают клевету Деборина на ленинизм, говорят о том, что Ленин вел борьбу с ревизионизмом в конце 90-х и начале 900-х годов

[1]) Лен. сб. IX, стр. 197.
[2]) Лен. сб. IV, стр. 8—9.
[3]) П л е х а н о в, соч., т. XVII, стр. 7.

на международной арене и по вопросам философии, и по вопросам политической экономии, и по вопросам политики, делая ударения в этой борьбе в соответствии с историческими условиями того периода на вопросах экономической теории; что Ленин, в отличие от Плеханова, вел борьбу с ревизионизмом последовательно с позиций диалектического материализма.

III.

Разбирая период борьбы с махизмом после революции 1905 г., Деборин протаскивает свои старые меньшевистские утверждения о том, что махизм является философской основой большевизма. Выступление Ленина против махизма Деборин пытается изобразить как «перевооружение» Ленина в философии, перекликаясь таким образом с троцкистскими контрабандистами, распускающими гнусные выдумки о «перевооружении» Ленина в политике.

В 1907 году в одной из своих статей Деборин, будучи меньшевиком, утверждал, что «печать суб'ективизма и «волюнтаризма» лежит на всей тактике так называемого большевизма, философским выражением которого является махизм».

В 1927 году в предисловии к немецкому изданию книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» Деборин повторил ту же меньшевистскую клевету на большевизм и на Ленина, но не открыто и прямо, а в замаскированной форме.

Деборин в своем предисловии изображает дело так якобы до 1909 г. имелась тесная идейная связь большевизма с махизмом, якобы махизм есть философское выражение большевистской идеи союза пролетариата с крестьянством, якобы поэтому Ленин долго медлил с выступлением против махистов.

Деборин пишет:

«Начало второго периода философских шатаний в среде русских марксистов относится к 1903—1904 гг.» (стр. 7).

«К 1907 г. махистское течение в марксизме сложилось в довольно прочную группировку, которая пользовалась значительным влиянием среди интеллигенции и даже среди рабочих» (стр. 9).

В это время «точку зрения ортодоксального марксизма — диалектического материализма защищала так называемая плехановская «школа» во главе с самим Плехановым...

Ленин до сих пор открыто против махистов не выступал» (стр. 9).

«Первое публичное выступление Ленина против махизма относится к началу 1908 г.» (стр. 14).

По мнению Деборина, лишь в середине 1909 г., когда «в Париже состоялось совещание «Большевистского центра»... совершился разрыв между большевиками-ленинцами и махистами» (стр. 6).

Эту свою хронологическую табличку, где в действительные факты вплетены самые гнусные вымыслы, Деборин заботливо «подкрепляет» идейно-политическим «обоснованием».

Деборин старается при этом доказать, что махизм есть философское выражение стремления некоторой части социал-демократической интеллигенции соединить диалектический материализм с «господствовавшими в среде интеллигенции и особенно в среде крестьянства религиозно-мистическими предрассудками в целях сохранения «союза» с ними, в целях удержания этих элементов на прогрессивных или революционных позициях» (стр. 8).

Всячески затушевывая идейную и личную связь махизма с ликвидаторским меньшевизмом, пытаясь изобразить эту связь лишь как «сочувственное отношение» ликвидаторов-меньшевиков к махизму и считая это сочувственное отношение меньшевиков к махизму «странным» случайным явле-

нием, Деборин в то же время подчеркивает, что связь махизма с богостроительством и отзовизмом была не случайной. Деборин всячески хочет изобразить дело так, что махизм, отзовизм и богостроительство — это и есть большевизм.

«Об'единение этой троицы — махизма, богостроительства и отзовизма в одних и тех же лицах, — пишет Деборин, — нельзя считать чем-то случайным» (стр. 15).

Выступление Ленина против махистов Деборин старается изобразить как «перевооружение» Ленина в философии, как разрыв его с философскими основами большевизма и переход на философские позиции Плеханова, жульнически замалчивая при этом философские разногласия между Лениным и Плехановым в период борьбы с махизмом, замалчивая тот факт, что Ленин в этот период вел философскую борьбу на два фронта: против махистов, с одной стороны, и против искажений марксистской философии Плехановым, с другой стороны. Деборин замалчивает последовательную преемственность философской борьбы большевизма с махизмом и борьбы большевизма за диалектический материализм во весь предыдущий период. «Открытое об'явление войны махистам со стороны Ленина, — пишет Деборин, — составляло тогда событие».

«Об'являя войну махистам, Ленин в т о ж е в р е м я заключает блок с Плехановым, несмотря на расхождение с ним по ряду политических, тактических и организационных вопросов» (стр. 15).

Подчеркивая б л о к Ленина с Плехановым, Деборин сознательно замалчивает б о р ь б у между ними по философским вопросам. Вместо того чтобы показать, что именно Ленину, а не Плеханову в период «философской разборки», как и во все другие периоды борьбы за марксизм в эпоху империализма, удалось провести единственно правильную марксистскую линию в защите и развитии марксистской философии, Деборин клевещет на Ленина, на ленинизм.

Свои гнусные меньшевистские вымыслы, свою клевету на большевизм, фальсификацию исторических фактов Деборин с ловкостью фокусника протащил под крышку переплета одной из важнейших книг Ленина в качестве предисловия к ней.

Но каждый большевик знает из истории нашей партии, что философская линия Ленина есть линия последовательной непримиримой борьбы в защиту диалектического материализма. Большевизм одержал величайшие победы именно потому, что он был и есть единственно правильная революционная теория пролетариата на всем протяжении своей истории, потому что он был и остался единственным преемником революционной теории Маркса — Энгельса.

Известно, что Ленин еще в 1902 г., т.-е. за несколько лет до выступления Плеханова против махистского ревизионизма Богданова, настойчиво понуждал Плеханова и Аксельрод к выступлению против него. Плеханов отказался тогда от этого выступления, ссылаясь на «более неотложные партийные занятия». Свои «Письма к Богданову» Плеханов начал печатать только в 1908 г., ограничившись до этого в своей «борьбе» с махизмом несколькими клеветническими обвинениями большевизма в махизме в 1905 году. Л. Аксельрод выступила против махистского ревизионизма Богданова в 1904 г., заявив в самом начале своей статьи, что она делает это по настоянию Ленина. «Ленин, — писала Аксельрод, — энергично настаивал на том, чтобы я немедленно занялась оценкой этого течения» [1]).

В плане статьи «Плеханов и новая «Искра», написанном в 1905 г., Ленин отмечает свои неоднократные выступления против первых же отступ-

[1]) Л. Аксельрод, Философские очерки, стр. 171.

...й Богданова от марксистской философии. В 1906 г. Ленин подвергает критике «Эмпириокритицизм» Богданова в своих «Заметках рядового марксиста о философии». В 1908 году Ленин выступает против махизма в статье «Марксизм и ревизионизм». В своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин подвергает махизм систематической, всесторонней уничтожающей критике.

Выход книги Ленина совпал с самым разгаром «философской разборки» среди марксистов.

Период «философской разборки» выдвинул перед марксистской революционной теорией целый ряд новых задач.

Необходимо было переплавить в революционную теорию величайший опыт революции 1905 г., поскольку эта революция была вступлением в полосу революций эпохи империализма.

Необходимо было философски обобщить новые опытные данные естествознания и вооружить естествознание методом материалистической диалектики, поскольку обнаружилось, что естествознание не в состоянии теоретически переварить накопленный им эмпирический материал при помощи старого метода и зашло в полосу глубочайшего кризиса.

Необходимо было поднять на новую ступень борьбу за материалистическую философию, поскольку обнаружилось, что на почве кризиса естествознания и политической реакции началось известное оживление идеализма и обнаружились идеалистические шатания среди марксистов.

В своей книге Ленин дал исчерпывающее разрешение всех этих коренных задач периода «философской разборки».

«Не кто иной, как Ленин, — пишет тов. Сталин, — взялся за выполнение серьезной задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи» [1]).

В своей книге Ленин ведет борьбу на два фронта: против махистской идеалистической ревизии как главной опасности в то время, с одной стороны, и против вульгарно-материалистических, формалистических и др. искажений марксистской философии Плехановым — с другой. Свою борьбу за марксизм Ленин и в философии, и в политике, и в экономических вопросах вел в этот период с единственно ортодоксальных позиций. В философии Ленин выступал с позиций диалектического материализма в отличие от Плеханова, который выступал против махистов более с вульгарно-материалистических позиций, чем с позиций диалектического материализма. В политике Ленин выступал против ликвидаторов справа и ликвидаторов «слева» с позиций большевизма — ортодоксального марксизма в противоположность Плеханову, который выступал по политическим вопросам с позиций меньшевика-партийца, хотя в борьбе с ликвидаторством Плеханов и примыкал на время к Ленину.

В своей книге Ленин, борясь с махизмом, беспощадно разоблачает вульгарно-материалистические и другие искажения материалистической диалектики со стороны Плеханова. Ленин вскрывает партийную, политическую суть отступлений Плеханова от марксистской философии. Он устанавливает,

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 20.

что Плеханов пытался использовать борьбу против махистов в своих фракционных меньшевистских интересах.

«Плеханов в своих замечаниях против махизма, — пишет Ленин в своей книге, — не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму» [1]).

В своих фракционных интересах Плеханов сочинял, выдумывал искусственную связь махизма с большевизмом, игнорируя задачу раскрытия действительной связи махизма с реакционными школами в физике и кризисом естествознания. Ленин разоблачает эту антимарксистскую уловку Плеханова:

«Связь новой физики или, вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями идеалистической философии,—писал Ленин, — не подлежит ни малейшему сомнению. Разбирать махизм, игнорируя эту связь, как это делает Плеханов, значит издеваться над духом диалектического материализма, т.-е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы Энгельса».

В своей книге Ленин отводит целые самостоятельные разделы критике философских ошибок Плеханова в вопросах «теории иероглифов» и в вопросе о понимании опыта. Ленин раскрывает искажение Плехановым энгельсовского определения неуловимой, непознаваемой «вещи в себе» у Канта (стр. 79—83), искажение Плехановым марксистского учения об отношении мышления к бытию (стр. 85) и скат Плеханова к агностицизму в вопросе о признании вне нас об'ективного реального материального мира (стр. 115) [2]).

Таковы факты, целиком опровергающие гнусные меньшевистские выдумки Деборина. «В истории нашей партии нет таких страниц, которые могли бы поколебать доверие к ней и ее авторитет среди пролетариев и трудящихся всего мира. Мы должны обеспечить разработку ее подлинно большевистскими историками, умеющими со всей страстностью пролетариев-революционеров бороться за ленинизм, за партию, за ее героическую историю» (Постышев, «Правда», № 357).

Попытки фальсифицировать историю нашей партии, от кого бы они ни исходили, должны встречать разящий без пощады отпор.

---

1) Ленин, соч., т. XIII, стр. 290.

2) Ложно поэтому утверждение Луппола о том, что «в «Материализме» Ленин выступает не критиком, а как раз защитником Плеханова» («ПЗМ» № 1 в 1927 г., стр. 35).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ ПО ДИАЛЕКТИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ ДЛЯ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ. Отдел I, общефилософский. Итоги философской дискуссии и очередные задачи марксистско-ленинской философии. Под редакцией Б. Базилевского и В. Рудаша. Соцэкгиз, 1931 г., стр. 81.

Рецензируемый сборник содержит: 1) редакционное предисловие, 2) статью т. Бамиеля — «К истории философских разногласий», 3) резолюцию ИКПФ и Е от 2 дек. 1930 г. и 4) методическую разработку «Об итогах философской дискуссии». Сборник этот является первым в серии выпусков и этим определяется его задача. Он должен ввести научных работников, для которых он предназначается, в курс предмета; указать на важность выработки марксистско-ленинского философского мировоззрения у научного работника и важность овладения им мировоззрением и методом диалектического материализма в современных условиях развернутого социалистического наступления и обострения классовой борьбы в стране. В нем должны быть отмечены трудности, связанные с пропагандой диалектического материализма в среде беспартийных научных работников, до сего времени сильно зараженных механицизмом, узким делячеством и эмпиризмом, а также и влиянием идеализма. Наконец, — и это, конечно, особенно важно, — он должен раз'яснить научным работникам толково и кратко, насколько это возможно в первом выпуске, философскую суть механистической ревизии марксизма как главной опасности на данном этапе и меньшевиствующего идеализма, вскрыть их классовые и политические корни, связь с классовой борьбой в стране, стык этих форм ревизии с идеологией известных слоев научных работников, еще не взявшихся решительно за серьезную перестройку своего мировоззрения в соответствии с задачами пролетарской революции и строительства социализма. Особенное ударение здесь необходимо сделать на механистической опасности, как очень распространенной среди естествоиспытателей и работников техники, на что указывал еще Энгельс. Курс предназначен для научных работников — это обязывает к известному уровню — как по содержанию, так и по литературному оформлению.

Мы вынуждены констатировать с самого начала: рецензируемый выпуск неудовлетворительно выполняет эти задачи. Ни по содержанию, ни по «стилю» он не может быть одобрен, если не считать приложенных к сборнику резолюции ИКП и методразработки, выполненной удовлетворительно.

Весьма странное впечатление производит прежде всего редакционное предисловие. Написанное с большими претензиями в отношении «стиля» и боевого тона, оно не выясняет задач курса, содержит ряд политических и теоретических ошибок, безграмотно по форме и содержанию.

Начнем с содержания. Проследим его страница за страницей.

Ошибочно следующее положение редакционного предисловия на стр. 3: «борьба за уничтожение капиталистической эксплоатации разрешается в области теории борьбой между материализмом и идеализмом». Данное положение, выраженное в столь общей форме, неверно. Научные работники должны знать, что вообще не всякий материализм связан с борьбой против капитализма. Особенно этого нельзя сказать о механистическом материализме, который был оружием

в руках французской буржуазии XVIII века. Несмотря на свою революционность, эта буржуазия была эксплоататорским классом, и автору редакционного предисловия возможно известно, что дралась она отнюдь не за уничтожение, а за упрочение капиталистической эксплоатации. Следует также отметить, что механистический материализм Бухарина, Варьяша, Сарабьянова и пр. в качестве методологии правого оппортунизма есть реакционное явление. Только диалектический материализм, но отнюдь не всякий материализм, и не механистический в том числе, последователен в борьбе с классовой эксплоатацией. Указанная ошибка вредна, так как омазывает борьбу с главной — механистической опасностью.

Ошибочно и следующее положение на той же 3-й стр.: «И если когда-то, когда человечеству не угрожали такие величайшие по своим размерам бедствия, как империалистическая война, и когда перед ними (следовало бы «перед ним». — Авт.) не стояли проблемы: или с рабочим классом против буржуазии или вместе с ней против пролетариата, кое-кто и кокетничал с марксизмом,. То этому кокетничанью в связи с вступлением в прямой и открытый союз с буржуазней во время войны наступил конец».

В этом положении неверно, во-первых, то, что во время войны и после нее пришел конец кокетничанью социал-фашистов с марксизмом. Автор передовой совершает ту же грубую оппортунистическую ошибку, которую допустил т. Бухарин в тезисах по программе Коминтерна, а именно снимает вопрос о борьбе с «левой» социал-демократией, «левым» крылом социал-фашизма. Он совершенно не отдает себе отчета в том, что помимо открытого социал-фашизма, не скрывающего своего разрыва с марксизмом, существует «левый» социал-фашизм, во-первых, в лице австро-марксизма, представляющего «собой наиболее тонкую форму обмана трудящихся масс» (программа Коминтерна), во-вторых, в лице приспешников социал-фашизма: брандлерианства в Германии и контрреволюционного троцкизма как передового отряда контрреволюционной буржуазии. Писать о том, что социал-фашизм перестал заигрывать с марксизмом, — это значит обойти вопрос борьбы с австро-марксизмом, брандлерианством, контрреволюционным троцкизмом и другими разновидностями социал-фашизма. Автору передовой, допустившему столь грубую политическую ошибку, мы должны напомнить следующие слова т. Сталина:

«Второй вопрос — это вопрос о борьбе с социал-демократией. В тезисах т. Бухарина говорилось о том, что борьба с социал-демократией является одной из основных задач секций Коминтерна. Это, конечно, верно. Но этого недостаточно. Для того, чтобы борьба с социал-демократией шла с успехом, необходимо заострить вопрос на борьбе с так называемым «левым» крылом социал-демократии, с тем самым «левым» крылом, которое, играя «левыми» фразами и ловко обманывая таким образом рабочих, тормозит дело отхода от социал-демократии. Ясно, что без разгрома «левых» социал-демократов невозможно преодоление социал-демократии вообще. А между тем в тезисах т. Бухарина вопрос о «левой» социал-демократии оказался совершенно обойденным. Это, конечно, большой недостаток» (Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 7-е, 1931 г., стр. 542—43).

Во-вторых, автор редакционного предисловия странным образом относит период «кокетничанья» с марксизмом к... феодализму, так как, если мы не ошибаемся, именно при феодализме «не стояли проблемы» — с рабочим классом против буржуазии или наоборот. Но тогда-то ведь не существовал еще марксизм и нельзя было с ним кокетничать. Марксизм вырос на почве изучения и критики капитализма, а капитализм как раз и характеризуется классовой борьбой буржуазии и пролетариата. Марксизм вырос как теоретическое выражение этой классовой борьбы пролетариата с буржуазией («или с буржуазией, или с рабочим классом»). Суть оппортунизма именно в том и состоит, что он под всякими прикрытиями иногда менее, иногда более четко и резко, но всегда разрешал вопрос — «с буржуазией и против исторических классовых задач пролетариата». Все это очень азбучно и понятно, но автор редакционного предисловия путает как раз в этом азбучном и понятном месте.

Третья ошибка на стр. 6: «Рабочий класс понимает, что его избавление от нищеты и рабства не в агитации и пропаганде, а в неуклонной вооруженной борьбе с буржуазией... Вот в чем историческая задача рабочего класса, а отнюдь не в агитации и пропаганде, которыми буржуазия думает усыпить пролетариат». Нам думается, что рабочий класс в противоположность автору предисловия понимает все значение революционной большевистской агитации и пропаганды, а также и то, что, борьба с буржуазией крайне сложна, выражается в разных формах, не должна быть метафизически сведена и всюду, везде и всегда к «неуклонной вооруженной борьбе». Этакое сверх «р-р-р-еволюционное» «левачество» ничего общего с марксизмом не имеет. Например, у нас в СССР социалистическая переделка середняка совершается методами экономической помощи деревне в процессе коллективизации и методами убеждения (агитация и пропаганда) в частности и на основе сплошной коллективизации проводится ликвидация кулачества как класса. Отвергать нашу большевистскую агитацию и пропаганду на том основании, что буржуазия для своего укрепления пользуется методами агитации и пропаганды, значит действовать по правилу — «раз в Турции плохо поставлено санитарное дело, значит, медицина никуда не годится». Впрочем мы думаем, что автор предисловия, разъясняющий научным работникам задачи диамата, вовсе не так строг к культпропам и агитмассовым отделам нашей партии, как это у него, наверное, помимо его желания, получилось. Все же 13.000-ный тираж сборника уже разослан на места, научные работники его читают, и мы считаем необходимым их предупредить о настоящей вредной ошибке.

На стр. 6—7, где автор дает характеристику классовых корней ревизионизма в условиях СССР, речь почему-то ведется им в эпическом тоне, в прошедшем времени: «По мере того, как рабочий класс Советского союза и его партия *одерживали* успехи... классовая борьба в нашей стране *принимала* все более и более обостренный характер... «В несколько своеобразных формах *проявлялся* ревизионизм в наших условиях», «...буржуазные течения *повели* наступление». Но когда автор переходит к перечислению ревизионистских направлений (стр. 7), у него вдруг оказывается, что рубинщина еще только «начинает» свое вредительство, а меньшевиствующий идеализм еще только «поднимает голову». Вопреки автору мы полагаем, что рубинщина и меньшевиствующий идеализм в основном уже разгромлены партией, а не еще только «поднимают голову», как пишет автор. Их разгром, конечно, не означает, что остатки рубинщины и деборинщины выкорчеваны уже целиком или, что они не могут в той или иной форме проявляться в обстановке обостренной классовой борьбы. Но было бы неправильно смазывать проделанную с ними борьбу. Вопреки автору мы считаем также, что партия и рабочий класс продолжают одерживать победы, что классовая борьба в нашей стране продолжает быть обостренной, что ревизионизм проявляется и сейчас.

Что же касается положения «враждебные пролетариату буржуазные течения *повели наступление* на марксизм-ленинизм» и выше: «как кулак в деревне, так и классовый враг в области теории в отдельных случаях *переходит от обороны к нападению*», — то такие утверждения мы считаем политически ошибочными. Во-первых, непонятно, почему, по автору, только «в отдельных случаях» происходит обострение классовой борьбы. Во-вторых, политически ошибочно утверждать, что кулак переходит в наступление. Пролетариат, руководимый ВКП(б), наступает, а теряющий почву под ногами и слабеющий кулак усиливает свое сопротивление. Передовица № 19—20 «Большевика» по этому вопросу говорит: «Абсурдным и политически ошибочным является нелепое представление, что кулак наступает, нажимает на рабочий класс и пролетарскую диктатуру, а пролетариат обороняется. Слишком велики и наглядны решающие успехи соцнаступления по всему фронту, выбившего уже классового врага с основных его позиций. Но под ударами соцнаступления умирающие классы сопротивляются, судорожно цепляются за жизнь...». Тов. Сталин, разоблачая аналогичную ошибку Бухарина, говорит

«Отживающие классы сопротивляются не потому, что они стали сильнее, чем мы, а потому, что социализм растет быстрее, чем они, и они становятся слабее, чем мы» («Вопросы ленинизма», изд. 7-е, 1931 г., стр. 555). А у автора предисловия кулак переходит от обороны к нападению, наступает!

Не выяснивши роли и значения материалистической диалектики в научной работе в современных условиях, не выяснивши сути механистической борьбы против нее, автор чисто по-механистически, напоминая всем известные писания механиста Тимирязева, об'являет: «Там, где имеет место открытие, будь то в области физики, химии, механики и физиологии, всюду, если сделавший открытие и не владеет диалектикой, она стихийно применяется им в своей работе». Если дело обстоит так хорошо, то, спрашивается, стоит ли особенно навязывать научному работнику изучение материалистической диалектики? Механист Тимирязев и прочие механисты именно на этом основании отрицают необходимость ее изучения, фальсифицируя при этом высказывания Энгельса о том, что об'ективная диалектика того материала, над которым приходится работать научным работникам, часто проявляется помимо их воли и их сознания в их исследованиях. От стихийного проявления диалектики до ее применения, хотя бы только стихийного, еще далеко. Дело здесь не в словесной ошибке автора предисловия, а в принципе. Нельзя призывать научных работников к изучению диалектики и в то же время говорить им: «вы все равно его применяете». Это и фактически неверно.

Рецензируемое предисловие не показывает, в чем сущность материалистической диалектики, почему научные работники должны ее изучить; не выдвигает на первое место механицизм как главную опасность на данном этапе. Недостаточно голого указания на то, что механицизм — главная опасность. Нужно выяснить существо механицизма, а это сделано в предисловии путанно и слишком бегло. Не указана историческая связь механицизма с современным естествознанием. Так же неудовлетворительна и характеристика меньшевиствующего идеализма. На гегельянскую основу деборинщины сделано только указание, а суть гегельянской разработки диалектики у меньшевиствующих идеалистов в ее отношении, в частности к конкретным наукам, не выяснена. Указаны исключительно отрицательные стороны Плеханова и не раз'яснена ленинская положительная оценка философских работ Плеханова.

Не менее грустное впечатление производит литературный стиль предисловия. Мы находим здесь такие, например, «стилистические» перлы: «относя свою ничтожную причастность к марксизму к грехам молодости», «по тонкости извращения марксизма в либеральное учение», «все больше и больше проникает в сознание самых широких масс трудящихся сознание (в сознание проникает сознание!!! — Авт.) необходимости насильственного уничтожения капитализма и гнусную ложь «нравоучений» Каутских...». (Автор, очевидно, хотел сказать, что рабочий класс осознает, что социал-фашист Каутский лжет, а вышло у него так, будто ложь Каутского приемлется рабочим классом! — Авт.), «втеревшись в доверие» и т. д. и т. д. Все это, конечно, элементарная литературная и грамматическая безграмотность, но что делают редакторы, корректоры, издательство!? Нельзя, товарищи авторы, редакторы и издатели, преподносить научным работникам такую галиматью!

Обратимся к основной статье рецензируемого выпуска — «К истории философских разногласий» Г. К. Баммеля. Основное содержание ее: 1) краткая характеристика современного этапа классовой борьбы и значение борьбы за марксистско-ленинскую теорию на этом фоне, 2) подробный разбор истории философских разногласий. Автор намечает пять этапов в развертывании разногласий на философском фронте и дает характеристику каждого из этих этапов в его своеобразии. И, наконец, в заключение 3) рассмотрение вопроса о значении борьбы на два фронта в философии на данном этапе. Автор особенно подчеркивает здесь, что извращение ленинизма со стороны деборинской школы выразилось в этом вопросе

дак и полагается эклектикам-оппортунистам, в двух диаметрально противоположных «приемах»: во-первых, в отождествлении борьбы против механицизма с борьбой против идеализма, и, во-вторых, в противопоставлении идеализма как «внешнего» и «вечного» врага механицизму как врагу «внутреннему».

В последней части статьи т. Баммеля в общем правильно поставлен вопрос о значении борьбы на два фронта в философии. В остальных же частях, мы считаем, содержится ряд принципиальных политических и теоретических ошибок. Поэтому мы остановимся подробно и на этой статье.

Автор верно говорит, что «для выяснения идейных или теоретических разногласий большое значение приобретает историческое освещение фактов, ибо история борьбы дает правильную ориентировку в ее текущем этапе, заставляет учитывать уроки прошлых этапов и позволяет со всей четкостью вскрывать процесс перерастания отдельных теоретических ошибок в ревизионистскую линию». Но неверно, когда заочный курс по диалектическому материализму для научных работников начинается с подробного освещения истории философских разногласий (при чем собраны чисто внешние факты, которые вряд ли помогут научным работникам уяснить себе действительную сущность разногласий на философском фронте, сущность меньшевиствующе-идеалистической ревизии диалектического материализма). Сущность же самих разногласий редакция словами автора рецензируемой статьи обещает дать в последующих выпусках (пока же, научные работники, удовлетворяйтесь внешней историей философских разногласий!..) «В данной связи мы не будем излагать всей суммы философских разногласий, — это составит содержание специального выпуска» (стр. 33).

Но обратимся все же к «истории философских разногласий», излагаемых т. Баммелем. Историю философской дискуссии автор делит на пять этапов.

Первый этап. В этот период центром споров является вопрос о ликвидации отставания теории от практики. «Соединение (?!) теории и практики на основе генеральной линии — основное условие дальнейшего развития теоретической разработки марксистско-ленинской диалектики. Отрыв теории от практики мешает борьбе за преодоление трудностей роста, тормозит социалистическое строительство...». ...«Причины и значение, характер и смысл этих ошибок, стало быть, состоят прежде всего в том, что группа работников нашей философии — Деборин, Стэн, Карев и др. — противились «повороту» к проблемам социалистического строительства... В разоблачении именно этого факта и в его политической и теоретической оценке — основной смысл, источник и идейный итог последней философской дискуссии» (стр. 18).

Второй этап. Внешним поводом, углубившим разногласия в этот период, явился вопрос об использовании механистов на антирелигиозном фронте. В процессе критики механистов обнаружилось, что: 1) «материалисты «диалектики» (в некоторых местах автор это слово употребляет и без кавычек) совершенно упустили критику методологических основ троцкизма», 2) «жестоко» борясь с механистами, диалектики не направляли своих ударов против формалистического, по существу идеалистического, извращения марксизма в конкретных областях знания» (почему только в конкретных?!), 3) не проводили самокритики на теоретическом фронте. «Идейный итог второго этапа дискуссии в том, что он разоблачил социальные корни этой теоретической позиции так называемого «философского руководства» (имеется в виду неумение «осилить» поворота к проблемам социалистического строительства), он показал мелкобуржуазную сущность этой школы. Отрывая теорию от практики классовой борьбы пролетариата, отвлекая научные силы от задач социалистического строительства, игнорируя ленинский принцип партийности теории, «философское руководство» выполняло социальный заказ буржуазии. В основе деборинской группы и лежала идеология враждебного класса» (Баммель, стр. 23).

Третий этап. Этот этап охватывает период весны и лета 1930 г. Его характеризуют весенняя дискуссия и обилие статей как со стороны критикующих,

так и со стороны философского руководства (автор даже пытается перечислить всех «отличившихся» как с той, так и с другой стороны, хотя это делается не совсем точно, ибо в список критикующих «философское руководство» попадает ряд товарищей, занимавших путанную позицию). В чем же своеобразие этого этапа? «Основное значение третьего этапа состоит в том, что разоблачена теоретическая и политическая беспринципность «философского руководства», антипартийный характер его групповщины и цеховщины...».

Четвертый этап. Осень 1930 г. Этот этап приводит дискуссию к дальнейшему «теоретическому углублению разногласий», «означает начало жестокой войны против группы Деборина и др.». «Тем самым дискуссия переходит на новую ступень не только в том смысле, что в дискуссию вовлекаются широкие массы научно-партийной общественности, но и в смысле постановки очередных теоретических проблем марксистско-ленинской философии». «При всех глубочайших ошибках «философского руководства», разоблаченных дискуссией, особенность данного этапа состоит в том, что непосредственной целью атаки еще не является вся линия «деборинской школы». Характеристика ошибок «философского руководства» дается пока еще в связи с «формализмом».

Пятый этап. Особенность этого этапа, открывающегося указаниями т. Сталина, состоит в том, «что непосредственной целью атаки является не так называемое «философское руководство», которое идейно было уже разгромлено в предыдущей стадии споров, а группа т. Деборина в целом». «Особенность пятого этапа в том, что разногласия сосредоточиваются не вокруг «формалистических ошибок», не в связи с «формалистическим уклоном — нет, разногласия намечаются отчетливее, глубже». «Особенность пятого этапа в том, что теоретическое развитие дискуссии он доводит до конца, вскрывая в системе идеалистических ошибок «деборинской школы» — меньшевиствующий идеализм на идеалистической основе» (стр. 34—35).

Нам пришлось по необходимости привести здесь подробную характеристику этапов развертывания дискуссии, намеченных т. Баммелем. Остановимся теперь на том, с чем мы в этой схеме не согласны.

Деление философской дискуссии на пять этапов произвольно и искусственно. Получается так, будто автор сперва произвольно наметил определенное количество этапов, а потом для каждого из них стал подыскивать определенное содержание. Поэтому у него и вышло, что на первом этапе споры концентрируются только на вопросе об отрыве теории от практики у «философского руководства», затем центр тяжести переносится на раскрытие социальных корней такой позиции, на основе этого на третьем этапе разоблачается теоретическая и политическая беспринципность «философского руководства», его групповщина, цеховщина, и только в четвертый период начинается «жестокая война», только в этот период ставятся очередные теоретические проблемы. Таким образом автор резко отделяет один этап от другого. Такая схема выглядит очень «вымученной». В жертву ей автор принес действительную многосторонность, многогранность споров на каждом этапе дискуссии в отдельности.

На самом же деле в развертывании философских разногласий было два основных этапа: 1-й этап начинается с выступления т. Сталина на конференции аграрников-марксистов (декабрь 1929 г.) и кончается моментом беседы тов. Сталина с бюро ячейки ИКП (декабрь 1930 г.). Отсюда начинается второй и последний этап борьбы на философском фронте. Конечно, внутри первого периода можно отметить ряд характерных черт, ряд нюансов; но его основная, об'единяющая черта состоит в том, что от начала и до конца этого этапа стержнем всей драки на философском фронте является проблема партийности философии. В этот период ведется, по существу, борьба за поворот к проблемам социалистического строительства за самокритику, затем борьба с групповщиной, беспринципностью деборинского руководства, разоблачение троцкистских ошибок деборинцев, разоблачение корней деборинщины, разоблачение забвения со стороны деборинцев

группы ленинского этапа в философии и т. д. и т. п. Принципиальный смысл этого этапа состоит именно в том, что средоточием его была борьба за ленинское понимание партийности философии. Высказывания т. Сталина в беседе с бюро ячейки ИКП Ф и Е подвели итог этому этапу, помогли со всей четкостью квалифицировать взгляды деборинщины как взгляды меньшевиствующего идеализма. Но беседа с т. Сталиным знаменательна и тем, что она открыла новый этап на философском фронте. Она не только, как говорит т. Баммель, помогла начать атаку группы Деборина «в целом», и значение этой беседы не только в том, что квалификацию ошибок деборинщины как «формалистического уклона» она заменила характеристикой этих ошибок как «меньшевиствующего идеализма». Беседа с тов. Сталиным наметила отчетливые перспективы философского движения вперед, поставив в центре внимания философов ленинизма как новый этап в философии.

Но пятичленная схема т. Баммеля страдает еще и другим недостатком. Пытаясь в ней показать волнообразное развитие, постепенное нарастание философских разногласий, их неполноту и недостаточную глубину на отдельных этапах и не концентрируя внимания на основном и главном, т. Баммель тем самым объективно открывает лазейку для каких бы то ни было примиренческих шатаний в связи с развертыванием философских разногласий...

И, наконец, на протяжении всего своего изложения истории философских разногласий т. Баммель ни разу не критикует позиции некоторых товарищей, пытавшихся истолковать всю борьбу с деборинщиной до беседы бюро ячейки ИКП с т. Сталиным как борьбу примиренческую по отношению к меньшевиствующему идеализму. Напротив, схематически разграничивая этапы, недостаточно характеризуя общие черты дискуссии в начале ее развития и на всех ее этапах, т. Баммель способствует такому толкованию.

Вывод. Благие намерения т. Баммеля — осветить историю философских разногласий, дать характеристику обстановки и существа споров на каждом этапе — осложнили только правильную ориентировку в текущем этапе. Статья т. Баммеля не поможет научным работникам действительно уяснить себе существо разногласий на философском фронте.

Однако этим не ограничиваются ошибки т. Баммеля.

Необходимо со всей резкостью подчеркнуть, что в целом ряде мест своей статьи т. Баммель не проводит четкого разграничения между механистами и меньшевиствующими идеалистами, сваливает их в одну кучу, особенно там, где пытается обосновать социально-классовые корни этих ревизионистских направлений. Так, например, на стр. 47 он пишет: «По существу, стало быть, идеалистические ошибки усиливают опасность механистического ревизионизма, вырастая из одной общей социальной и идейной базы (разрядка наша.—Авт.).

Это положение далее еще усиливается следующим: «Преодоление идеалистической ревизии марксистско-ленинской диалектики, разоблачение враждебной ленинизму идеологии попутчиков марксизма является одной из важнейших предпосылок преодоления правооппортунистической опасности, являющейся главной опасностью» (стр. 38, разрядка наша. — Авт.).

«Беда», приключившаяся с т. Баммелем, сводится к тому, что он, смазав своеобразие социальной базы меньшевиствующего идеализма по сравнению с механицизмом, свалив их в одну кучу, логически пришел к утверждению, что преодоление «идеалистической ревизии» является предпосылкой для преодоления правого оппортунизма. И только. А контрреволюционный троцкизм, поставщиком идеологии которого в основном является меньшевиствующий идеализм, выпал у тов. Баммеля. Почему? Потому что смазана социальная база меньшевиствующего идеализма, а значит, смазан и троцкизм. Наша партия, борясь с троцкизмом как с передовым отрядом контрреволюционной буржуазии, с «левыми» загибами и правым оппортунизмом, показывая взаимные переходы одного в другое, вместе с тем всегда подчеркивала различие социальной базы того и другого. То же самое

должен был сделать т. Баммель, ибо механицизм является в основном методологией правого оппортунизма, а меньшевиствующий идеализм, в основном, — методологии троцкизма. Не сделав этого, т. Баммель фактически затушевал контрреволюционный троцкизм как, в основном, методологию меньшевиствующего идеализма.

Тов. Баммель пишет о себе, что он принадлежал к примиренцам деборинской школы. То же самое примиренчество сказывается и в рецензируемой статье. Тов. Баммель всячески обходит, как подводные камни, квалификацию взглядов деборинской школы как «меньшевиствующего идеализма». Это заменяется «идеалиствующими тенденциями среди диалектиков» (стр. 37). «Деборинская школа смазывала опасность формалистического извращения диалектики, демобилизовывалась в борьбе с идеалистическими ошибками» (только «смазывала» и «демобилизовывалась») (стр. 45). «Деборинская школа представляет идеалистическое искажение материалистической диалектики» (стр. 46), «формалистическо-идеалистические извращения марксистско-ленинской диалектики» (стр. 49).

Только в двух местах своей большой статьи т. Баммель говорит о деборинцах как о меньшевиствующих идеалистах (стр. 35 и 48). При чем на стр. 35 автор выражается так: «особенность пятого этапа в том, что теоретическое развитие дискуссии он доводит до конца, вскрывая в системе идеалистических ошибок «деборинской школы» меньшевиствующий идеализм на идеалистической основе. Но не расшифровав это более обстоятельно, «увильнув» от более глубокой характеристики действительного смысла меньшевиствующего идеализма, т. Баммель опять смазал глубину сталинского определения деборинцев как меньшевиствующих идеалистов, определения, в котором синтезируются и политическое и теоретическое существо меньшевиствующего идеализма.

Вся «История философских разногласий» т. Баммеля в известном смысле является оправданием собственных шатаний и примиренчества к деборинщине т. Баммеля. Поручение писать историю борьбы с деборинщиной т. Баммелю надо считать грубой ошибкой редакции выпуска в лице тт. Б. Базилевского и В. Рудаш.

Остановимся еще на одном «перле» т. Баммеля. На стр. 47, говоря о механистах и деборинцах, он пишет: «марксизм-ленинизм обязывает нас находить в этих двух потоках буржуазного влияния на пролетариат известное единство противоположностей» (разрядка наша. — Авт.).

Одним из атрибутов «меньшевистующего идеализма» было то, что он кстати и некстати применял категории диалектического материализма, порой только запутывая и искажая вопрос и принижая значение той или другой категории диалектического материализма. Связь между механистами и меньшевиствующим идеализмом Баммель определяет только как «известное единство противоположностей». Такая абстрактная игра категориями, запутывающая лишь и искажающая вопросы и принижающая значение категорий материалистической диалектики, является одной из существенных черт меньшевиствующего идеализма.

На этом мы закончим разбор статьи т. Баммеля.

Выпуская «Заочный курс по диалектическому материализму для научных работников», Центральное бюро секции научных работников и ОВМД предприняло большое дело. Но, как говорят, «первый блин вышел комом». Первый выпуск, если исключить из него резолюцию общего собрания ячейки ИКП от 2 декабря, а также методразработку «Итоги философской дискуссии и задачи марксистско-ленинской философии», является совершенно неудовлетворительным

П. ЛИПЕНДИН, С. НИКОЛАЕВ, Ф. ПЛЯСУНОВ,
Е. СИТКОВСКИЙ, Г. ТАГАНСКИЙ.

ПРОТИВ МЕНЬШЕВИСТВУЮЩЕГО ИДЕАЛИЗМА В ПРОГРАММАХ ПО ДИАМАТУ.

Программа для самостоятельной работы партактива. Сб. № 1, 1931 г. Составлен метод. кабинетом культпропа Сев.-кав. крайкома ВКП(б).

В период победоносного наступления социализма на всех фронтах борьбы последовательность, четкость и выдержанность программ — планов подготовки бойцов партии — имеют исключительное значение. Безусловно, основным требованием для программы является политическая и теоретическая заостренность борьбы с механицизмом — главной опасностью на данном этапе — и меньшевистско-идеалистической ревизией марксизма-ленинизма.

Перед нами программа по диамату метод. кабинета сев.-кав. культпропа крайкома ВКП(б), программа повышенного типа для партактива. На примере ее мы лишний раз убеждаемся, как может проникнуть в программу партактива меньшевистско-идеалистическая методология.

Посмотрим прежде всего введение к программе. Там есть параграф «Задачи разработки теоретического наследия Ленина в целях изучения закономерностей переходного периода и современного этапа мирового рабочего движения» (стр. 29). И больше ни слова. Спрашивается, где же ленинизм, как новая и высшая ступень в развитии марксизма?

Программа должна показать ленинизм, как марксизм эпохи империализма в диалектике общественного развития, диалектике природы (анализ современного естествознания и развития идей Маркса—Энгельса о дальнейших путях естествознания), диалектике как науке (закон единства противоположностей, роль практики в теории познания, соотношение между логикой, теорией познания и диалектикой, теория отражения и т. д.). Нужно показать партийность философии, революционно-действенный характер ленинизма (на примерах борьбы с народничеством, струвизмом, меньшевизмом и т. д.); подвергнуть критике философскую ревизию марксизма-ленинизма как со стороны механистов (Бухарин, Сарабьянов), так и со стороны меньшевиствующих идеалистов (Деборин, Рязанов и др.).

Программа не отражает борьбы против меньшевиствующего идеализма. Тему «Задачи борьбы на два фронта в философии марксизма-ленинизма» (стр. 38) лучше было бы назвать «Задачи борьбы на один фронт в философии марксизма-ленинизма», ибо в ней не дана классовая база тонкой ревизии материалистической диалектики со стороны меньшевиствующего идеализма. Нет в программе указания и на то, что меньшевиствующий идеализм является теоретической основой, главным образом троцкизма и «левых» загибов.

В программе ничего не говорится о новых формах труда на теоретическом фронте, о плановости, коллективности, соцсоревновании. Ни слова нет и о большевистской самокритике как основном методе работы на теоретическом фронте. Не дается политическая квалификация деборинской группе. Несколько раз эта группа именуется «формалистическим направлением» (стр. 33, 34, 38), что совершенно недостаточно (академично), а потому и неправильно (нет политической заостренности в характеристике и определении сути уклона).

Роль ЦК партии как теоретического штаба совершенно опущена. Работы т. Сталина, его выступление на конференции аграрников-марксистов, определившее поворот на теоретическом фронте, почти совершенно обойдены. Не нашла себе места в программе и последняя речь т. Сталина на совещании хозяйственников — этот блестящий образец применения материалистической диалектики к новым условиям жизни.

В первой теме «Материализм и идеализм» авторы «позабыли» рассказать о плехановских ошибках. Плехановское абстрактное понимание человека и практики, его фейербахианские заскоки и ошибки Деборина в этом же направлении совершенно игнорируются.

О практике (стр. 36) авторы говорят следующее: «Единство теории и практики в диалектическом материализме». Такая формулировка совершенно недостаточна. Вспомним, что ведь и Луппол определял диамат как «единство методологии на основе действия и действия на основе методологии». Известно, что классики марксизма не просто признавали единство теории и практики, но признавали единство теории и практики на основе практики. Ведь Ленин ясно говорит: «Практика выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» (Лен. сб. IX, стр. 243).

В теме «Исторический материализм как наука» совершенно не указываются ошибки деборинской группы. Ошибки Бухарина хоть вскользь, но упоминаются, ошибки же Карева в понимании истмата оставлены совершенно без внимания.

В теме «Классы и классовая борьба» отсутствуют такие вопросы, как: 1) ленинский этап в развитии теории классов и классовой борьбы; 2) критика плехановской теории сотрудничества противоположных классов в развитии общества (так, напр., Плеханов пишет: «Ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т.-е., во первых, их взаимной борьбой там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, их более или менее дружным сотрудничеством там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений» (Плеханов. соб. соч., т. XX, стр. 13). По вопросу о классах в СССР в программе прямо не говорится о наличии третьего, капиталистического (не основного) класса СССР — кулачества и нэпманской буржуазии. Авторы программы ограничиваются простым указанием — «основные классы» (стр. 45). Несмотря на отсутствие специального раздела «Классовая борьба в реконструктивный период», они нигде не говорят о вредительстве как новой форме классовой борьбы. Не отражена в программе и классовая борьба в национальных областях. Между тем в предисловии, ссылаясь на решение II пленума крайкома, авторы говорят о конкретизации программы. Непонятно, что же они подразумевают под словом «конкретизация», если они считают возможным выбросить из программы классовую борьбу в национальных областях. Пути уничтожения классов в СССР также не нашли места в теме «Классы и классовая борьба». Подобные примеры можно было бы умножить.

Вывод: данная программа является примером беспартийного, абстрактного подхода к выполнению возложенной задачи. Ни учиться, ни бороться, руководствуясь такой программой, в наше время нельзя. Между тем она принята во многих вузах Северного Кавказа. Мы считаем такое положение нетерпимым. На Северном Кавказе есть такие учреждения, как подготовительное отделение ИКП, Институт марксизма-ленинизма, отделение Комакадемии. Разве они не могли помочь товарищам составить более выдержанную программу? На Северном Кавказе есть и ОВМД. Но судя по некоторым сведениям, оно в 1931 г. ничего по части программы не сделало.

Мы ждем от крайкома из'ятия этой программы и составления новой на основе привлечения к работе широкого коллектива партийцев-философов и бригад научно-исследовательских и учебных заведений Северного Кавказа.

П. БЕРДНИК.

КАК НЕ СЛЕДУЕТ ПИСАТЬ О РОДБЕРТУСЕ.

(По поводу книги М. Никитина «Экономическое учение Карла Родбертуса и его критика». Украинский институт марксизма-ленинизма. Киевское отделение. Гос. изд. «Пролетарий», Харьков, 1931 год, стр. 100, цена 1 руб.).

В свое время большое распространение имел грязный пасквиль о том, что экономическая теория Маркса построена на плагиате у Родбертуса, что Маркс «списал» свое учение о стоимости и прибавочной стоимости у Родбертуса, что

[...]ьно, Родбертус, а не Маркс, является основателем научного социализма. В распространении этого пасквиля принимал значительное участие сам «кумир современных карьеристов» (Энгельс)—Родбертус. Так, в письме к Целлеру Родбертус писал: «Вы увидите, что это (т.-е. мысли, развитые в работе Родбертуса «К познанию нашего хозяйственного строя», о которой шла речь в письме.—Е. Б.) уже очень ведурно использовано... Марксом, который на меня, конечно, не делает ссылок». В других местах Родбертус развивает эту теорию своего «ограбления» Марксом еще более определенно. «Откуда происходит прибавочная стоимость капиталиста,—пишет он,—это я показал в моем третьем «Социальном письме» по-существу совершенно так же, как Маркс, только короче и яснее... Ныне я вижу, как меня обворовали Шефле и Маркс».

Это обвинение сразу было подхвачено . юологетами капитализма, гелертерами типа Р. Майера. Ф. Козака, А. Вагнера, Г. Адлера, проф. Диля, Скворцова, Тугана, которые не переставали, захлебываясь от восторга, повторять его до конца своей жизни. Так, А. Вагнер называет Родбертуса «Рикардо экономического социализма», а Туган-Барановский говорит: «Если сравнить Родбертуса с Марксом, то нельзя не признать, что теория нетрудового дохода нашла у Родбертуса более точное и логически стройное выражение, чем у Маркса. Родбертусу требуется несколько страниц для выражения того, что Маркс излагает на десятках и сотнях страниц. Несмотря на свою сжатость и краткость, на свой лапидарный стиль, теория ренты автора «Социальных писем» глубже и богаче содержанием всего того, что написал по тому же вопросу Маркс. Вообще в области отвлеченной экономической теории Родбертус оригинальнее и выше Маркса» (Туган-Барановский, «Очерки из новейшей истории политэкономии и социализма», изд. 1917 г., стр. 207).

Чем же так понравился всем этим «политико-экономам» Родбертус и его учение? По этому вопросу можно согласиться с Р. Люксембург (отнюдь, конечно, не забывая о необходимости критики ее антимарксистских, льющих воду на мельницу оппортунизма и прежде всего контрреволюционного троцкизма, концепций). Она говорит: «Тот факт, что монархический, националистический и по-прусски настроенный «социалист» Родбертус — этот коммунист для будущего, которое последует через 500 лет, и сторонник твердой нормы эксплоатации в 200% для настоящего— должен был в глазах германских ученых политико-экономов раз навсегда отвоевать пальму первенства у международного «разрушителя» Маркса, — этот факт вполне понятен, и никакие убедительные доказательства не в состоянии его поколебать» (Р. Люксембург, «Накопление капитала», стр. 223). Действительно, почему же буржуазии и ее дипломированным лакеям, занимающимся писанием конспектов политэкономии, не согласиться с «социализмом» Родбертуса? Тем более, что, легко опрокинув «теорию эксплоатации» Родбертуса и отождествив ее с совершенно ничего общего с ней не имеющей теорией прибавочной стоимости Маркса, можно во всеуслышание заявлять, что Марксова теория прибавочной стоимости потерпела полнейшее фиаско (как это делает Бем-Баверк в «Капитале и прибыли»).

Совершенно очевидно, что основоположники революционного марксизма не могли не дать решительного отпора этим попыткам опрокинуть (под флагом Родбертуса) марксизм и его экономическую теорию. Этот отпор был действительно дан в целом ряде работ Маркса и Энгельса, а вслед за ними и Лениным. Особенно интересны в этом отношении предисловия Энгельса к «Нищете философии» и ко II тому «Капитала» Маркса. В предисловии к «Нищете философии» Энгельс блестяще критикует убогую и бессодержательную теорию стоимости Родбертуса, который «принимает ходячее определение экономических понятий как раз в той форме, в какой они достались ему от экономистов. Он не делает ни малейшей попытки к исследованию этих понятий» (Маркс, «Нищета философии», изд. 1930 г., стр. 12). Там же Энгельс устанавливает и социальный эквивалент этой теории, говоря: «Чтобы решиться выступить перед рабочими с такими бессодержательными предложениями (из которых состоит «социалистическая» теория Род-

бертуса.—Е. Б.), надо не иметь понятия об иных пролетариях, кроме фактически еще и теперь полукрепостных поденщиков дворянских поместий в Померании, где процветает еще кнут и палка, и все красивые женщины деревни составляют принадлежность барского гарема» (Маркс, «Нищета философии», стр. 19).

В предисловии ко II тому «Капитала» Энгельс, сравнивая экономическую теорию Родбертуса с теорией Маркса, устанавливает, какая глубокая пропасть их разделяет: «Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, какой труд, почему и как образует стоимость. Установив, что вообще стоимость есть не что иное, как кристаллизованный труд этого рода,—пункт, которого до конца дней не понимал Родбертус, Маркс исследовал затем отношение товара и денег и показал, как и почему товар и товарный обмен должны порождать противоположность товара и денег. Он (Маркс.—Е. Б.) установил различие в самом капитале, различие, с которым решительно не в состоянии были справиться ни Родбертус, ни буржуазные экономисты, но которое дает ключ для решения самых запутанных экономических проблем... А Родбертус?.. Его (Родбертуса—Е. Б.) об'яснение торговых кризисов недостаточным потреблением рабочего класса имеется уже у Сисмонди. Только Сисмонди при этом постоянно имел в виду мировой рынок, между тем как горизонт Родбертуса не простирается дальше прусской границы. Его умозрительные рассуждения о том, происходит ли заработная плата из капитала или же из дохода, схоластичны и окончательно устранены третьим отделом этой второй книги «Капитала». Его теория ренты осталась его исключительным достоянием и может безмятежно почивать, пока не появится в печати рукопись Маркса, содержащая ее критику» (стр. XVIII—XIX, разрядка везде моя.—Е. Б.).

Аналогичную оценку Родбертуса мы имеем и в работах Маркса (1-я часть II тома «Теорий прибавочной стоимости» и др.).

О Родбертусе писал и В. И. Ленин, критикуя его теорию «распределения дохода» (в «Развитии капитализма в России»), квалифицируя его теорию кризисов («К характеристике экономического романтизма»), как теорию недопотребления, позаимствованную Родбертусом у Сисмонди, и устанавливая (в «Аграрной программе Русской социал-демократии 1905—07 годов»), что сравнение Родбертуса с Марксом в вопросе о ренте является полнейшим невежеством, «поскольку в теории Родбертуса нет ни грана историзма, ни грана исторической реальности».

Таким образом в целом ряде высказываний наши учителя (Маркс, Энгельс, Ленин) вполне установили действительное место и значение Родбертуса в политической экономии.

Означает ли это, что о Родбертусе не стоит больше говорить, не стоит писать? Нет. Несмотря на решительную, определенную и совершенно недвусмысленную оценку, которую получил Родбертус и его учение со стороны Маркса-Энгельса и Ленина, теоретики буржуазии продолжают распространять родбертусовскую клевету на марксизм.

Не говоря уже о заграничных писаках, у нас в СССР даже после Октябрьской революции целый ряд представителей буржуазной профессуры продолжает пропагандировать родбертусианство. Так, проф. Первушин в своей работе «Родбертус и Бюхер» пытается уверить читателя (как это ни смешно после написанного о Родбертусе Энгельсом), что Родбертуса еще вообще никто не оценил. Другой буржуазный профессор П. Лященко в своей книге «История экономических учений» продолжает настаивать на том, что Родбертус является одним из выдающихся теоретиков научного социализма.

Почти все авторы, пытавшиеся в своих работах дать не апологетическую оценку Родбертуса, благодаря тому, что рассматривали его учение сквозь призму

буржуазного об'ективизма, а не с точки зрения последовательной пролетарской партийности, наделали серьезнейшие ошибки и скатились на позиции буржуазных экономистов. Совершенно неудовлетворительной является с этой стороны работа Н. Зибера (1881 г.) «Карл Родбертус-Ягецов и его экономические исследования». Также неудовлетворительна и полуученическая (в значительной мере позаимствованная у Зибера) работа Плеханова «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягецова», написанная им в то время (1882/83 год), когда он был на перепутьи от народничества к марксизму. Мы не останавливаемся тут на критике этих работ (хотя, кстати сказать, в нашей литературе этим еще никто не занимался. Вопрос этот должен быть предметом особого рассмотрения). Отметим лишь, что Плеханов в своей статье (не говоря уже о Зибере) делает целый ряд подобных выводов: «Изложенная уже выше часть теории Родбертуса содержит в себе вполне выработанное учение о прибавочной стоимости, этом фокусе всех «проклятых вопросов» XIX века» (Плеханов, Сочинения, том I, стр. 283). Совершенно без всяких оснований Родбертусу приписывается здесь то, что сделал лишь Маркс.

В нашей литературе пением дифирамбов Родбертусу занимается и Л. Любимов, считающий себя ортодоксальным марксистом. В «Учении о ренте» Л. Любимов называет Родбертуса «первоклассным экономистом» (стр. 334). Впрочем, такие эпитеты Любимов разбрасывает направо и налево, награждая ими не только Родбертуса, но и любого буржуазного экономиста. Так, например, А. Скворцов является для Любимова «столь авторитетным в экономике сельского хозяйства писателем» (там же, стр. 374), «крупным экономистом» (там же, стр. 451) и т. д. Любимов не устает твердить о крупнейших заслугах Родбертуса в теории земельной ренты, о том, что в этом вопросе Родбертусу принадлежит «великая историческая заслуга» (см. новую книгу Любимова «Очерки теории земельной ренты», стр. 45), что «Родбертус первый дал теорию абсолютной ренты» (Любимов, «Учение о ренте», стр. 378) и т. д.

К Родбертусу приложили руки и неокантианствующие идеалисты из лагеря II интернационала. Выступая внешне против Родбертуса, они, на самом деле, освещали его так, что смазывалась та громадная дистанция, которая отделяет революционную теорию Маркса от реакционной, насквозь консервативной, совершенно ненаучной теории Родбертуса. Если откровенный ревизионист Шиппель открыто отождествляет Родбертуса с Марксом, заявляя о «теории Родбертуса—Маркса», то матерой волк ревизионизма К. Каутский делает это исподтишка. Разражаясь громкими филиппиками против Родбертуса, Каутский одновременно спешит уверить читателя, что Родбертус является «защитником рабочих», что он «с горячим сочувствием относился к рабочим» (Каутский, Соч., т. II, стр. 211). В своем предисловии ко II тому «Теорий прибавочной стоимости» Маркса Каутский «скромно» заявляет, что Родбертус «впервые перед Марксом выставил цельную теорию абсолютной ренты» (Маркс, «Теории прибавочной стоимости», изд. 1931 г., т. II, часть 1-я, стр. 9. Разрядка моя. — Е. Б). По Каутскому, таким образом, получается, что Родбертус, а не Маркс, является творцом теории абсолютной ренты [1]).

Социал-фашист меньшевик И. Рубин, ведя борьбу с марксизмом, немало «труда» положил на то, чтобы вбить шиппеле-каутскианскую трактовку Родбертуса в головы наших экономистов, в головы нашей учащейся молодежи. Об этом свидетельствует целый ряд мест в его работе «История экономической мысли» (мы цитируем ее по изданию 1929 г.—Е. Б.). Рубин пишет: «Дальнейшим своим прогрессом (после меркантилистов—Е. Б.) теория трудовой стоимости была обязана классической школе и научному социализму. Преемниками Петти явились Смит, Рикардо, Родбертус и Маркс» (стр. 69). Говоря о теории стоимости

[1]) Мы считаем между прочим совершенно недопустимым и не могущим быть оправданным никакими обстоятельствами тот факт, что СОЦЭКГИЗ позволяет себе в 1931 г., издавая «Теории прибавочной стоимости», кормить читателя каутскианством, не подвергнув эту клевету Каутского на марксизм острой критике в предисловии или хотя бы в примечании.

Смита, Рубин доказывает, что: «И в данном вопросе, как и в других, основное ценное ядро мысли Смита получило дальнейшее развитие у Рикардо, Родбертуса и Маркса, побочные же ответвления его мысли были использованы так называемыми «вульгарными экономистами» (стр. 185). Он утверждает, что: «Разработка теории абсолютной ренты принадлежит Родбертусу и Марксу» (стр. 258). Говоря о теории распределения Рикардо, Рубин «авторитетно» заявляет: «Такая постановка проблемы, впервые введенная в науку Рикардо, была впоследствии развита Родбертусом и Марксом в его так называемой «теории обнищания» (стр. 266). Он эпически констатирует, что Смит и Рикардо «могут поэтому считаться родоначальниками «теории прибавочной стоимости» (или так называемой «теории эксплоатации»), которую в позднейшее время с большей последовательностью развили Родбертус и Маркс» (стр. 298, разрядка везде моя.—Е. Б.).

Таким образом с легкой руки Рубина реставрируется шиппелевская «теория Родбертуса—Маркса» Родбертус провозглашается основателем и теории трудовой стоимости, и теории обнищания, и теории эксплоатации, и теории абсолютной ренты. На долю же Маркса остается лишь соучастие во всем этом «творчестве» Родбертуса.

Такую же наглость позволил себе Рубин и в статье о Родбертусе, напечатанной в VII томе Малой советской энциклопедии. Он утверждает, что «наибольший интерес представляет его (Родбертуса) теория прибавочной стоимости, называемая им «рентой», которая весьма близко подходит к теории Маркса», что Родбертус «построил также оригинальную теорию кризисов» (разрядка моя.—Е. Б.). Об «оригинальности» теории кризисов Родбертуса достаточно ярко говорит приведенная выше, совершенно уничтожающая цитата из Энгельса. Дело читателя, кому верить—Энгельсу или Рубину.

В этом «полезном» (для международного меньшевизма) деле причесывания Маркса под Родбертуса помогали Рубину и другие меньшевики. Так, например, П. Берлин в своей книжке «Очерки истории экономических учений в XIX и XX веке» заявляет: «Представители научного социализма взяли на себя дальнейшее развитие идей классической школы. Первое место среди них занимают два исследователя: Родбертус-Ягецов и Карл Маркс» (изд. 3-е, стр. 48, разрядка моя.—Е. Б.). В другом месте этой же книжки П. Берлин сетует вслед за проф. Первушиным о том, что Родбертусу не воздали должного за его «очень большие научные заслуги».

Такой же точки зрения придерживается и рубинец И. Г. Блюмин в своей книжке «Очерки современной буржуазной теоретической экономии». «Родбертус,—пишет он,—построил очень стройную теорию эксплоатации». «Родбертус не делает ни малейшей попытки замазать классовые противоречия между рабочими и капиталистами». «Таким образом в экономической системе Родбертуса мы имеем целый ряд очень сильных моментов, которые сближают его с Марксом» (стр. 55, разрядка везде моя.—Е. Б.). Комментарии к этим утверждениям Блюмина мы считаем совершенно излишними.

Меньшевистскую оценку Родбертуса можно найти также в целом ряде официальных изданий Института К. Маркса и Ф. Энгельса тех времен, когда там заправлял пособник социал-интервентов, двурушник Рязанов. Так, в примечаниях (составленных Е. Гурвич) к изданной в 1929 году ИМЭ работе Каутского «Экономическое учение К. Маркса» черным по белому написано, что Родбертус является «видным немецким экономистом», что «исходя из теории трудовой стоимости, Родбертус развил далее теорию прибавочной стоимости. Благодаря этому Родбертус может быть признан предшественником научного социализма» (стр. 240—241). В примечаниях к «Нищете философии» Маркса (изд. ИМЭ, 1930 г.), составленных Е. Гурвич и Н. Палатниковым, мы также находим утверждение, что «Родбертус дал глубокий анализ капиталистического хозяйства» (см. стр. 176) и т. д.

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что родбертусианство и сейчас является реальной опасностью, что буржуазные экономисты и социал-фашисты и с е й ч а с пытаются использовать учение Родбертуса для ниспровержения революционной теории Маркса, получившей дальнейшее развитие у Ленина. В силу этого вопрос о значении теоретической системы Родбертуса снова становится а к т у а л ь н ы м вопросом. Задача марксистско-ленинской теоретической мысли заключается в том, чтобы на основе материалистической диалектики и большевистской партийности дать р е ш и т е л ь н ы й отпор этим попыткам пересмотреть уже решенный Марксом, Энгельсом и Лениным вопрос о Родбертусе и оценке его учения. Вот почему нужно приветствовать всякую работу, автор которой собрал бы воедино высказывания основоположников марксизма-ленинизма о Родбертусе, заострил бы на них внимание в свете той борьбы, которая разгорается в наше время вокруг оценки теории Родбертуса, и дал бы решительную критику новейших измышлений современного родбертусианства. К сожалению, выпущенная в этом году на украинском языке под маркой Киевского отд. укр. Ин-та марксизма-ленинизма книжка М. Никитина «Экономическая теория Родбертуса и ее критика» не является такой работой. Больше того, из разбора ее мы увидим, что, это — в р е д н а я, п о л и т и ч е с к и о ш и б о ч н а я к н и ж к а, с о в е р ш е н н о н е п р а в и л ь н о о р и е н т и р у ю щ а я ч и т а т е л я.

Работа т. Никитина носит, в основном, компилятивный характер и возникла, очевидно, в результате долгого «штудирования» всевозможных авторов, писавших где-либо и что-либо о Родбертусе. Методология автора и его теоретическая концепция, развитая в этой книжке, свидетельствуют о том, что он не усвоил основ материалистической диалектики, что он находится в плену у буржуазных экономистов и историков. В результате этого т. Никитин (несмотря на его суб'ективное желание дать марксистское освещение вопросов) дает такую оценку и критику учения Родбертуса, которая представляет из себя р е к о р д в у л ь г а р и з а ц и и м а р к с и з м а, которая является образчиком того, к а к н е с л е д у е т п и с а т ь о Р о д б е р т у с е.

Приведем некоторые факты. В библиографическом показателе т. Никитин «нетоже сумняшеся» относит к марксистам таких «марксистов», как Богданов, Дашковский, Лассаль, Лященко, Маслов, Скворцов и т. д. (стр. 89—90). С неменьшим почтением относится т. Никитин и к откровенно буржуазным экономистам — Р. Майеру, А. Вагнеру, Г. Адлеру, Козаку, Дилю, Туган-Барановскому, Скворцову. На стр. 19 он расшаркивается перед Туган-Барановским, Филипповичем и Миклашевским, перед этими от'явленными апологетами капитализма, как перед «авторитетными учеными».

На стр. 6 т. Никитин пытается намекнуть, что он, мол, не согласен с плехановской оценкой Родбертуса, но серьезной критике эту оценку не подвергает. Наоборот, на протяжении всей книжки он лишь повторяет суждения Плеханова о Родбертусе, высказанные 50 лет тому назад, не считая нужным подвергнуть их хотя бы малейшему сомнению.

Общая оценка Родбертуса со стороны Никитина н и ч е м не отличается от того, что писали на эту тему Первушин, Рубин, Берлин, Блюмин и т. д. Так, на первой же странице своей работы т. Никитин об'являет Родбертуса «к р у п н ы м в с е с т о р о н н и м ученым, я в л я ю щ и м с я о р и г и н а л ь н ы м и б л е с т я щ и м п и с а т е л е м» (разрядка моя.—Е. Б.). Начав с этого, т. Никитин упорно продолжает восхвалять Родбертуса на протяжении всей книжки (см. стр. 83, 84 и т. д.). Увлекшись панегириками в честь Родбертуса, автор докатился даже до того, что на стр. 17 соглашается с характеристикой Туган-Барановского, гласящей, что Родбертус стоял «выше всяких классовых симпатий», что он ратовал за «об'ективную истину». Дальше, кажется, итти уже некуда.

Отявленный реакционер Родбертус превращается у Никитина чуть ли не в теоретика пролетариата. Во всяком случае, он старается убедить читателя, что Родбертус понимал роль немецкого пролетариата как могильщика капитализма (стр. 20), соглашается с Бернадским (стр. 19), что в груди Родбертуса жили две души, из коих одна—душа социалиста и т. д. Нечего удивляться поэтому, когда наш автор утверждает, что «оппортунист» (по определению Ленина) Лассаль является «революционным представителем пролетариата» (см. стр. 3 и аналогичное этому на стр. 20). Такова общая оценка, даваемая т. Никитиным Родбертусу.

Переходим теперь к некоторым отдельным вопросам. В противоположность общепринятому среди марксистов мнению (которого и мы, грешные, придерживаемся), что именно Маркс установил правильный об'ект изучения экономической науки, т. Никитин безапелляционно заявляет (стр. 36), что приоритет этого установления принадлежит... Родбертусу.

Стопроцентным рубинским идеализмом отдают рассуждения т. Никитина о логических и исторических категориях. Вместо того, чтобы сказать, что логическое есть то же историческое, только очищенное от случайностей, т. Никитин вслед за Родбертусом и Рубиным идеалистически противопоставляет логическое историческому. Стрелы Маркса, направленные против Родбертуса, когда Маркс говорит, что: «Весь плоский характер Родбертуса выступает в этой противоположности «логических» и «исторических» понятий» («Архив» К. Маркса и Ф. Энгельса, том V, стр. 400) и в другом месте: «Логическая» противоположность имеется здесь только у Родбертуса и родственных ему немецких школьных профессоров, которые исходят из «понятия», а не из «социальной вещи», «товара», и само это понятие потом раздваивают и спорят на тему о том, которое из этих фантастических представлений является истинным Яковом» («Архив» К. Маркса и Ф. Энгельса, том V, стр. 399), эти стрелы прямо попадают и в рубинца Никитина.

На стр. 38—39 своей книжки т. Никитин делает еще одно «открытие». Оказывается, что об'ектом исследования политической экономии является не производственные отношения людей, а отношение людей к вещам, «честь» этого открытия вполне можно признать за т. Никитиным. Вероятно, никто из марксистов претендовать на него не будет.

Тов. Никитин считает, что Родбертус являлся последовательным сторонником теории трудовой стоимости (стр. 66). Так ли это в действительности? Конечно, не так. В теории стоимости Родбертуса есть много путаницы, она носит идеалистический характер и имеет большой уклон в сторону теории полезности.

Совершенно напрасно также приписывает т. Никитин Родбертусу четкое размежевание капитала и зарплаты (стр. 66), разделение совокупной стоимости продуктов на постоянный капитал и переменный капитал (стр. 69). Всего этого у Родбертуса нет.

Нужно категорически протестовать, когда т. Никитин пытается умалить величайшие заслуги Маркса в теории земельной ренты, превращая его в ученика Родбертуса. Тов. Никитин пишет: «Нужно указать, как на заслугу Родбертуса, его параллельное с Марксом открытие закона абсолютной ренты» (стр. 81). «Родбертус сумел еще до Маркса развить теорию земельной ренты и раньше Маркса пришел к понятию абсолютной земельной ренты» (стр. 85, разрядка моя.— Е. Б.). Даже и Каутский не решался выступать с ревизией Маркса в такой форме, как это делает т. Никитин.

В целом ряде важнейших вопросов т. Никитин скатывается в своей работе на позиции контрреволюционной рубинщины, на позиции меньшевиствующего идеализма. Однако, можно привести примеры, свидетельствующие о том, что в концепции т. Никитина нередко идеализм эклектически уживается с механистическими установками (этот удел постигает не одного только т. Никитина). Такова его пропаганда (стр. 51, 55, 80) механистической «теории равновесия», являющейся методологической и теоретической базой правого оппортунизма; таково его понимание

...как «закона равновесия» товарного хозяйства и трактовка ее роли ...как «регулятора».

На стр. 32 автор развивает теорию кризисов. В противовес Марксу, Энгельсу, Ленину и Сталину, считающим основной причиной кризисов противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, т. Никитин выводит кризисы как результат диспропорциональности в развитии отдельных отраслей производства.

На этом мы заканчиваем краткий анализ работы т. Никитина. Мы, конечно, не исчерпали всех ошибок, искривлений и искажений революционной марксистской теории, имеющихся в книге тов. Никитина (уж слишком их много). Каковы же наши выводы?

Мы вынуждены констатировать, что под маркой Киевского отделения украинского Института марксизма-ленинизма на рынок выбрасывается совершенно недоброкачественная продукция, с совершенно неприемлемым для нас теоретическим и политическим содержанием. Выпуск книги тов. Никитина является не единственным случаем продукции такого рода. Тем же Киевским отделением УИМЛ в этом же 1931 году были выпущены ...вредная политически книжка рубинца С. Саниса — «Диалектика категорий ...номической системе Маркса» (см. ее критику в статье т. Сахалтуева «За ленинский путь исследования диалектики «Капитала» Маркса», напечатанной в журнале «Под знаменем марксизма» № 6 за 1931 год) и родственная ей по установкам ... того же С. Саниса совместно с В. Шведовым — «Понятие хозяйства и техники в теориях буржуазных экономистов Запада».

Оживление родбертусианства должно встретить крепкий отпор со стороны марксистско-ленинской теоретико-экономической мысли. Мы нуждаемся в серьезной теоретически выдержанной, политически заостренной партийной работе о Родбертусе, работе, которая бы обобщила и развила анализ и критику экономического учения Родбертуса, данные Марксом, Энгельсом и Лениным. С этой задачей не справился т. Никитин, но за нее должны взяться и ее должны выполнить ... экономисты-марксисты.

В. БЫК

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

О 2-М ГЕГЕЛЕВСКОМ КОНГРЕССЕ.

2-й гегелевский конгресс, собравшийся в обстановке величайшего кризиса капитализма, имел совершенно конкретное социальное задание. Философия должна воодушевить дрогнувшие ряды капиталистов и их слуг, она должна стать приводным ремнем от науки к религии. Для этого во что бы то ни стало нужно использовать Гегеля.

Во вступительной речи председателя Гегелевского союза профессора Кронера ясно прозвучало отчаяние. «В этот критический момент, когда ни один камень не лежит прочно на другом,—сказал он,—нам нужно повернуться лицом к Гегелю».

В том же духе пишет он и в юбилейном номере журнала «Логос», посвященном столетию со дня смерти Гегеля. «Перед всякой современностью встает вопрос, что она может взять от прошлого и что она должна отбросить. С невероятной силой ощущаем мы эту истину именно сейчас, когда в водовороте времен, в мировых переворотах (Weltewende) все твердое становится текучим, всякая форма колеблется, всякая традиция подвергается сомнению» («Логос», стр. [illegible], ст. «Система и история у Гегеля»).

Исход из идеологического кризиса, связанного с общим кризисом капитализма, философы капитала хотят найти в метафизических высотах немецкой классической философии. Отсюда выпады Кронера против философского пути, проделанного второй половиной XIX столетия, против позитивизма, психологизма, антропологизма и т. д. В той же статье («Логос», стр. 252) он разражается воплем по случаю смерти метафизики во второй половине XIX столетия:

«Не был ли прав Гегель в своем убеждении, что его система представляет собой мысленное завершение одного периода развития мира? История истекшего со времени смерти его и Гете столетия подтвердила это убеждение в таком размере и с такой ясностью, которая не оставляет желать ничего лучшего. Подтвердилось это к тому же не только в истории философского мышления, внезапно упавшей с высот, достигнутых Гегелем, и скатившейся в низины (Flachland) позитивизма, антропологизма и материализма, но и в истории всей остальной культуры, создавшей новый мир духа».

О том же самом говорил Кронер и в своей вступительной речи на 1-м гегелевском конгрессе в Гааге:

«Страсть немецкого духа к умозрительным вещам, способность двигаться в абстрактных высях, до которых добирались гиганты и титаны классического периода (подразумевается период немецкого классического идеализма.—А. Ч.), оказалась иссякшей со времени смерти Гегеля» (Труды 1-го гегелевского конгресса от 22—25 апреля 1930 г., Тюбинген).

В действительности, конечно, не этот умозрительный, спекулятивный тур является той неведомой силой, которая влечет Кронера, а за ним и весь конгресс, в заоблачные выси метафизики. Сквозь эту дымовую завесу легко различить конкретное социальное задание господствующего класса, находящегося на краю пропасти.

На том же конгрессе в Гааге Кронер говорил о целях основания Гегелевского союза следующее:

«Если неверно то понимание гегелевской системы, которое упрекает его в плоском оптимизме и в дешевом принципе гармонизации, если, напротив, правильно то понимание, которое усматривает в этой системе грандиозное мыслительное оформление глубокого религиозного миро-жизнеощущения и ощущения Я, то мы сделаем хорошее дело, если в полном душевном согласии (Innigkeit), верные этому чувству, тихо обоснуем наше сотрудничество (Gemeinschaft) и будем вести свою работу».

Итак, ясно, что дело не в полетах умозрительной мысли, что метафизика здесь нужна, как трамплин, при помощи которого можно сделать прыжок в сферу позитивной религии. Эти метафизические фалды нужны для того, чтобы, уцепившись за них, легче было притащить рабу божию, идеалистическую философию, пред ясные очи теологии.

Самой красноречивой иллюстрацией этой целеустремленности 2-го гегелевского конгресса явился доклад пастора Георга Лассона, издателя Гегеля, на тему «Философия религии Гегеля», а также комментарий председателя Гегелевского союза Кровера к его докладу.

Доклад Лассона, зачитанный в приподнятом тоне обычной заутренней проповеди, представлял собой подчас дословное воспроизведение основных «мыслей» его «Введения в философию религии Гегеля». Из-за отсутствия стенограмм (доклады конгресса не стенографировались) и во избежание обвинения в голословности придется его цитировать по этому произведению.

Доклад свой Лассон начал длинной цитатой из «Понятия религии Гегеля», после чего, вдохновившись, в религиозном экстазе он воскликнул: «И после этого находятся на свете люди, написавшие на своем знамени—«Религия—опиум для народа» и смеющие вместе с тем претендовать на Гегеля, как на своего героя» (как увидим дальше, не один только пастор Лассон тыкал на конгрессе указательным пальцем в сторону Советского союза).

Дух отчаяния и беспомощности сквозил в его докладе так же, как и в книге. Сделав выпад по адресу революционного марксизма, он тут же стал «углублять» философию Гегеля, приспосабливая ее к текущим потребностям лютеранской церкви. На стр. 11 своей книги Лассон говорит, что немецкий идеализм в свое время явился надежной плотиной от хлынувших с Запада разрушительных идей великой французской революции, плотиной, выдержавшей напор. Сегодня еще шире развевается знамя тех, которые грозят смести вместе со старым миром и его идеологический оплот — церковь. Но плотина, призванная спасти старый мир от этого напора, не в полной исправности. В буржуазной науке и философии чувствуется разброд и растерянность.

«Сегодня же нужно признать, — пишет Лассон там же, — что дух устремился в пропасти в сфере мысли раньше, чем в сфере действительности: Гибель современности обусловлена непосредственным отрывом немецкого духа от своего источника, при чем отрыв этот так велик, что не уцелело даже самого ничтожного [illegible], которое в том или ином виде не подверглось бы влиянию натурализма, проникшего во все разветвления нашей культуры».

«Положение о том, что религия является частным делом, — с сокрушением [illegible] он на стр. 15,—считается грамотой (Freibrief), дающей право сбросить с себя заботы о религии, больше того, — подрывать по возможности ее влияние в жизни народа, отвлекать от нее души и сделать невозможным какое бы то ни было религиозное влияние на подрастающее поколение» (разрядка моя. — А. Ч.).

Далее следуют душераздирающие призывы Лассона к ученым не только теоретически, в области науки и философии, укреплять религию, но быть активными борцами за церковь, активными членами и вербовщиками церковного прихода.

Об отношении религии к философии и науке, о том, что нужно понимать под религией, Лассон на стр. 131 своей книги говорит следующее:

«Абсолютная религия (христианство.—А. Ч.) располагает абсолютной истиной; каждый верующий имеет в своем сознании совершенное откровение... В эту целостность религиозной жизни философия не должна вмешиваться ни единым словом... До спекулятивных определений мысли, в которых выражаются религиозные истины, дела нет верующему приходу. Он обладает этими истинами окончательно в наивной, счастливой форме представления и он должен при ней остаться» (разрядка моя.—А. Ч.).

«В этой совместной борьбе против общего врага философия совсем не думает вмешиваться в область религии. В особенности не намерена она ни в малейшей степени оспаривать религиозные догмы, критиковать или изменять — в чем ее часто упрекают — и вместо религии создавать новые философские религии» (разрядка моя.—А. Ч.).

Итак, философия только должна помочь религии в сокрушении пытливого, [illegible] духа. Лассон презрительно называет его «конечным рассудком». Задачи философии определены тут очень четко и ясно. На стр. 24 Лассон сам подчеркивает: «С этой точки зрения философии остается задача постигнуть существующую религию в ее необходимости и истинности» (разрядка моя.—А. Ч.).

Предвосхищая возможные возражения на такое узкое ограничение задач философии, Лассон говорит:

«Той философии, которая удовлетворяется пониманием разумности, необходимости и истинности религии, вместо того, чтобы предложить новую религию [illegible] недостаточной (mangelhaft), делается упрек, что она унижается до положения служанки теологии и что она схоластична. В этом случае

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА».

Уважаемые товарищи!

На-днях, к своему крайнему удивлению и возмущению, я получил авторские экземпляры изданного Белорусским Госиздатом моего «Очерка философии диалектического материализма». На обложке значится 1931 г., на заглавном листе—1930 г. Это издание представляет собой перевод на белорусский язык одноименной книги, изданной Госиздатом РСФСР в 1929 году. Рукопись этого издания была мною сдана в Белгиз г о д о м р а н ь ш е, чем в ГИЗ РСФСР, а именно—т р и г о д а тому назад. О предстоящем выходе ее в свет в н а с т о я щ е е в р е м я я никем не был предупрежден и не сомневался в том, что она давным-давно сдана в архив.

Я решительно осуждаю это издание. «Очерк» никоим образом не отвечает требованиям, которые должны быть в настоящее время пред'явлены к подобному изданию и не выражает настоящих взглядов автора. «Очерк» не находится на уровне ленинского этапа в развитии марксистской философии. Написанный задолго до того, как нашей партией была до корней разоблачена меньшевиствующе-идеалистическая сущность «деборинской школы», «Очерк» не ведет борьбы на д в а ф р о н т а в философии. Теоретические вопросы не увязаны с актуальными задачами социалистического строительства и с защитой генеральной линии нашей партии. Хотя я никогда не был учеником или приверженцем А. Деборина и в организационной связи с его «школой» не находился, тем не менее «Очерк» дает меньшевиствующе-идеалистическое решение важнейших вопросов философии. Я надеюсь, что активной борьбой против механистов и меньшевиствующих идеалистов в своей научной, литературной и педагогической работе последних лет на деле доказал, что сумел преодолеть свои ошибки и подняться на уровень партийной марксистско-ленинской философии.

Белгосиздат, выпустив в свет «Очерк» п о с л е исторического постановления ЦК ВКП(б) от 25/I 1931 г., несомненно обнаружил отсутствие партийной бдительности и снабдил белорусских читателей ошибочной, негодной книгой, не дающей правильной ориентировки в вопросах марксистско-ленинской философии и не мобилизующей на борьбу за генеральную линию партии.

С коммунистическим приветом

Б. Быховский

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Уважаемые товарищи!

В связи с появившейся в № 6 «ПЗМ» критической статьей на мою книжку «Диалектика категорий в Марксовой экономической системе», прошу поместить в ближайшем номере журнала следующее письмо.

По поводу этой книжки (написанной на украинском языке) в начале текущего года в журнале «Більшовик України» № 5 была напечатана статья, усмотревшая в ней рецидив контрреволюционной рубинщины. С основными положениями указанной статьи я в свое время солидаризировался, о чем печатно заявил в киевской газете «Пролетарська правда» (№№ 122 и 126), в многотиражках двух вузов, в которых тогда работал, а также в самокритическом докладе, прочитанном мною на собрании Общества воинствующих материалистов одного из этих вузов.

Привожу заключительную часть доклада и статьи в многотиражках:

«Общая оценка, какую я могу дать моей книжке, следующая. На идеологическом участке общего фронта классовой борьбы пролетариата за революционное низвержение капитализма мою книжку следует рассматривать как вредную, ибо она вносит в учение марксизма-ленинизма принципы и дух контрреволюционной рубинщины».

В настоящее время, в связи со статьей в журнале «Под знаменем марксизма», мне остается подтвердить сказанное мною в письме в газету, в статьях и докладе, подчеркнув еще раз, что от этой книжки в силу оценки ее, приведенной выше, я отказался.

С. О. [illegible]

Основные положения ЗКО ИКПЕ.

Заочно-консультационное отделение Института красной профессуры естествознания (ЗКО ИКПЕ) развертывает свою работу в следующих направлениях:

1. Учебно-методическая и консултационная работа с товарищами, заочно проходящими курс ИКПЕ.

ЗКО имеет два сектора: а) сектор медико-биологический (медицина, агробиология) и б) сектор неорганических наук (физика, химия, математика, геология, минералогия).

Срок прохождения курса Заочного отделения определяется в 4 года. Для выполнения заданий и проверочной конференции дается сверх того срок до 6 месяцев.

Примечание. Заочники, положительно проявившие себя с академической и партийной стороны, могут быть переведены в действительные слушатели ИКПЕ мандатной комиссией ЦК ВКП(б) по ходатайству директора ИКПЕ и с согласия направляющей организации.

2. Учебно-методическая и консультационная помощь готовящимся в ИКПЕ (на основное и заочное отделения) по программе для поступления в ИКПЕ.

Примечание. Прием на основное отделение ИКПЕ в 1932/33 г. будет производиться преимущественно через ЗКО ИКПЕ. На проверочные конференции будут допускаться товарищи, выполнившие предварительно задания ЗКО по программе этих конференций.

3. Консультация по определенным циклам или отдельным методологическим проблемам для преподавателей вузов, втузов и комвузов, руководящих кадров научно-исследовательских институтов в области естествознания и медицины, а также для руководящих кадров органов Наркомздрава, Наркомзема и ВСНХ, при условии наличия достаточной подготовки для самостоятельной работы над первоисточниками — по истории философии и естествознанию, диамату и методологии естествознания.

4. Эпизодическая консультация для тех же кадров по вопросам методологии естествознания.

Порядок поступления.

1. Заявления о поступлении на заочное прохождение курса ИКПЕ и для подготовки к этому курсу подаются директору ИКПЕ. Заочники этих двух категорий проходят мандатную комиссию ЦК ВКП(б).

Принимаются только члены партии с партстажем не менее 8 лет, рабочие — 6 лет, имеющие специальную естественно-научную, а также марксистско-ленинскую подготовку в об'еме комвуза и опыт партийной и общественной работы.

К заявлению необходимо приложить следующие документы:

а) Рекомендация ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, крайкомов или обкомов ВКП(б).

б) Заявление с указанием сектора и отделения, на который товарищ хочет поступить.

в) Заверенная автобиография по установленной анкете.

г) Засвидетельствованная справка о партстаже и социальном положении и происхождении.

д) Подробная характеристика, утвержденная райкомом ВКП(б).

е) Копия воинского документа для поступающих на основное отделение.

ж) Печатные работы, если они есть.

з) Копия документа об окончании вуза в случае окончания такового.

и) Справка о состоянии здоровья.

к) Свой адрес.

л) Отношение от организации, желающей вступить в договорные отношения с ЗКО ИКПЕ по поводу заочника и принимающей на себя материальные обязательства перед ЗКО (этот пункт не обязателен для поступающих самостоятельно, без направления какой-либо советской организации).

Кроме того поступающие должны представить справки о своей работе по специальности от соответствующего научного института и о своей общественной работе в научных обществах и организациях.

2. В случае утвердительного ответа заочник должен выполнить в установленный срок письменные задания в виде тезисов по вопросам проверочной конференции, после чего он проходит таковую.

Примечание. Комплектование заочников происходит непрерывно в течение всего года. Проверка знаний на проверочных конференциях — два раза в год.

3. Для получения систематической консультации (разд. 1, § 3) требуется:

а) Рекомендация парторганизации не ниже райкома, для беспартийных — профорганизации не ниже районной и заверенная анкета установленного образца.

б) Систематическая работа по разрабатываемой проблеме согласно представленному и утвержденному ЗКО ИКПЕ плану работы.

в) Окончательное оформление консультируемого производится дирекцией ИКПЕ по представлению первой работы.

4. Для получения эпизодической консультации требуется рекомендация соответствующей парторганизации, а для беспартийных — профорганизации.

Работа заочников.

1. Заочники, готовящиеся к поступлению на основное или заочное отделение, должны проработать требуемую для поступления литературу и представить по программе проверочной конференции краткие тезисы по каждому предмету, а по специальности — развернутые тезисы, связанные со своей научной и научно-общественной работой. После этого заочники проходят проверочную конференцию в течение 1½ месяцев.

2. Проходящие программу ИКПЕ должны ежегодно представлять один доклад по специальности, развернутые тезисы по другой дисциплине и 2 кратких тезиса по каждой дисциплине.

В конце года заочники проходят итоговую проверочную конференцию в течение 1½ месяцев.

От каждого заочника требуется активное участие в борьбе партии на два фронта в области естествознания: против механицизма как главной опасности и против меньшевиствующего идеализма, также против всякой контрабанды вредебных нам теорий и примиренчества к ним. Это должно найти свое конкретное отражение не только в общей теоретической работе заочника, но и в его научно-производственной работе, в активной организации марксистской научной общественности, участии в соответствующих научных обществах и партийных бригадах.

Отзывы институтов, фракций обществ или других партийных организаций о научно-общественной, а также о педагогической работе заочника представляются в ЗКО к концу каждого учебного года и при оформлении его поступления в ЗКО и на основное ИКПЕ.

3. Все заочники должны представлять планы своих работ в ЗКО на утверждение.

4. Заочники пользуются дополнительными свободными днями согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 16/X 1930 г.

Уполномоченный Главлита № В—17875. Тираж [illegible]

Сдан в набор 10/II 1932 г. Издат. № [illegible]

Подписан к печати 8/III. Заказ № 3228. 8 бум. листов 128.[illegible] печ. зн.

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.